

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Караванич И., Вукосавлевич Н.** Поздний средний и ранний верхний палеолит Восточной Адриатики и проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в регионе 3
- Исерлис М.** Новый взгляд на гончарные технологии обитателей поселения майкопской культуры Усть-Джегута в Карачаево-Черкесии 13

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Кореневский С.Н.** Комплексы с золотыми украшениями IV–III тыс. до н.э. из района Кавказских Минеральных Вод 24
- Рассадников А.Ю.** Результаты археозоологических исследований на поселении бронзового века Коноплянка в Южном Зауралье 33
- Табарев А.В., Патрушева А.Е., Кузвас Н.** Погребения в антропоморфных сосудах на территории Филиппин 40
- Рогожинский А.Е., Черемисин Д.В.** Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) 48
- Зеленцова О.В.** Наборные пояса редикарского типа в средневековых могильниках поволжских финнов 60
- Гусев А.В., Плеханов А.В., Подосенова Ю.А.** Вещевой комплекс из средневекового погребения вблизи озера Парисенто на Гыданском полуострове (арктическая зона Западной Сибири) 69
- Пачкалов А.В.** Нумизматические находки из Эски-Юрта (Крым) 77
- Чёрная М.П., Татауров С.Ф.** Игры детей и игрушки в социокультурном пространстве сибирского города: историко-археологический контекст 84
- Зоткина Л.В.** К вопросу о методике изучения палимпсестов (на примере композиции Шалаболинской писаницы, Красноярский край) 93
- Журбин И.В., Борисов А.В., Назмутдинова А.И., Милич В.Н., Петров Р.П., Иванова М.Г., Модин Р.Н., Князева Л.Ф., Воробьева Н.Г., Зинчук С.В.** Комплексное использование методов дистанционного зондирования, геофизики и почвоведения при изучении археологических памятников, разрушенных распашкой 103

ЭТНОГРАФИЯ

- Туторский А.В., Говор Е.В., Баллард К.** Изучение наследия Н.Н. Миклухо-Маклая русско- и англоязычными исследователями в 1992–2017 годах 112
- Бурнаков В.А., Бурнаков А.А.** Реликты культа змеи у хакасов в конце XIX – середине XX века 122
- Мальцева О.В.** «Тажный» и «речной» компоненты в социально-родовой организации нанайцев озера Болонь (Нижнее Приамурье) 131
- Васильков Я.В.** Армянский эпос о неистовых сасунцах и индийская «Махабхарата»: сходство этнографического субстрата 140

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

- Тур С.С.** Прижизненные травмы черепа у скотоводов Горного Алтая скифского и гунно-сарматского времени (V в. до н.э. – V в. н.э.) 148

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

- I. Karavanić and N. Vukosavljević.** Late Middle and Early Upper Paleolithic of the Eastern Adriatic and the Problem of the Regional Middle/Upper Paleolithic Interface 3
- M. Iserlis.** Insight into Ceramic Technologies at the Maikop Site of Ust-Dzheguta, Karachay-Cherkessia 13

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

- S.N. Korenevskiy.** Chalcolithic and Bronze Age (4th to 3rd Millennia BC) Burials with Gold Ornaments in the Caucasian Mineral Waters Area 24
- A.Y. Rassadnikov.** Archaeozoological Studies at Konoplyanka, the Southern Trans-Urals 33
- A.V. Tabarev, A.E. Patrusheva, and N. Cuevas.** Burials in Anthropomorphic Jars in the Philippines 40
- A.E. Rogozhinsky and D.V. Cheremisin.** The Tamga Signs of the Turkic Nomads in the Altai and Semirechye: Comparisons and Identifications 48
- O.V. Zelentsova.** Belt Sets of the “Redikar Type” in Medieval Cemeteries of the Volga Finns 60
- A.V. Gusev, A.V. Plekhanov, and Y.A. Podosenova.** An Assemblage from a Medieval Burial at Lake Parisento, Gydan Peninsula, the Arctic Zone of Western Siberia 69
- A.V. Pachkalov.** Finds of Medieval Coins from Eski-Yurt, Crimea 77
- M.P. Chernaya and S.F. Tataurov.** Children’s Games in the Sociocultural Space of a Siberian Town: Historical and Archaeological Context 84
- L.V. Zotkina.** On the Methodology of Studying Palimpsests in Rock Art: The Case of the Shalabolino Rock Art Site, Krasnoyarsk Territory 93
- I.V. Zhurbin, A.V. Borisov, A.I. Nazmutdinova, V.N. Milich, R.P. Petrov, M.G. Ivanova, R.N. Modin, L.F. Knyazeva, N.G. Vorobieva, and S.V. Zinchuk.** The Use of Remote Sensing, Geophysical Methods and Soil Analysis in the Study of Sites Disturbed by Agricultural Activity 103

ETHNOLOGY

- A.V. Tutorsky, E.V. Govor, and C. Ballard.** Miklouho-Maclay’s Legacy in Russian- and English-Language Academic Research, 1992–2017 112
- V.A. Burnakov and A.A. Burnakov.** Remnants of the Snake Cult Among the Khakas (Late 19th to Mid 20th Century) 122
- O.V. Maltseva.** “Taiga” and “River” Components in the Nanai Socio-Tribal Organization at Lake Bolon, the Lower Amur 131
- Y.V. Vassilkov.** The Armenian Epic “Daredevils of Sassoun” and the Mahābhārata: Similarity of the Ethnographic Substratum 140

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

- S.S. Tur.** Antemortem Cranial Injuries in the Altai Mountains Pastoralists of the Scythian and Xiongnu-Sarmatian Periods (5th Century BC to 5th Century AD) 148

ABBREVIATIONS 158

CONTRIBUTORS 159

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.003-012
УДК 902/904

И. Караванич^{1, 2}, Н. Вукосавлевич¹

¹Загребский университет, Хорватия
University of Zagreb,

Ivana Lučića 3, Zagreb, 10000, Croatia

E-mail: ikaravan@ffzg.hr; nvukosav@ffzg.hr

²Вайомингский университет, США

University of Wyoming,

12th and Lewis Streets, Laramie, WY 82071, USA

Поздний средний и ранний верхний палеолит Восточной Адриатики и проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в регионе

Поздний средний палеолит восточной части Адриатики хорошо изучен, однако памятники раннего верхнего палеолита в этом регионе встречаются редко, а памятники эпохи раннего ориньяка полностью отсутствуют. Не найдены стоянки, в стратиграфии отложений которых были бы представлены материалы позднего среднего и раннего верхнего палеолита. В статье приводится обзор археологических данных (определения возраста и стратиграфия стоянок, анализ каменных технокомплексов) о позднем среднем и раннем верхнем палеолите Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Албании. Дается информация об исследованных объектах позднего среднего палеолита в разных районах Восточной Адриатики – пещерных стоянках Муйина Печина и Велика Печина в Кличевице в Далмации, местонахождениях открытого типа Кампанож и Ромуальдова Печина в Истрии, Биоче и Црвена Стена в Черногории и др. Публикуются АМС- и ЭСР-даты, надежно определяющие хронологические рамки позднего среднего палеолита региона. Отмечается, что радиоуглеродные даты для раннего верхнего палеолита малочисленны и получены очень давно. Это ставит под сомнение их надежность в хронологии ориньяка. Только одна недавно полученная АМС-дата для местонахождения Шандалья II может соответствовать реальному ориньякскому возрасту. По последним данным, хронологическая последовательность памятников в восточной части адриатического побережья свидетельствует о перерыве между поздним средним и ранним верхним палеолитом. Предлагается несколько объяснений отсутствия перехода от среднего к верхнему палеолиту в этом регионе.

Ключевые слова: Восточная Адриатика, поздний средний палеолит, ранний верхний палеолит, поздний мустье, ориньяк, переход от среднего к верхнему палеолиту.

I. Karavanić^{1, 2} and N. Vukosavljević¹

¹University of Zagreb,

Ivana Lučića 3, Zagreb, 10000, Croatia

E-mail: ikaravan@ffzg.hr; nvukosav@ffzg.hr

²University of Wyoming,

12th and Lewis Streets, Laramie, WY 82071, USA

Late Middle and Early Upper Paleolithic of the Eastern Adriatic and the Problem of the Regional Middle/Upper Paleolithic Interface

Eastern Adriatic Late Middle Paleolithic is relatively well known. On the other hand, Early Upper Paleolithic sites in the same region are scarce, and in particular the sites from Early Aurignacian, which are completely lacking. Sites with stratigraphy encompassing Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic that would significantly contribute to better understanding of the Middle to Upper Paleolithic transition have not yet been found. In this paper, we give an overview of the archaeological record of the regional Late Middle and Early Upper Paleolithic from Croatia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro and Albania. The information on research of Late Middle Paleolithic sites conducted in different regions of the eastern Adriatic (e.g., Mujina pećina and Velika pećina in Kličevica in Dalmatia, open-air site Campanož and Romualdova pećina in Istria, Bioče and Crvena

stijena in Montenegro) is given. AMS and ESR dates give good temporal frame for Late Middle Paleolithic. Contrary to this, radiocarbon dates for Early Upper Paleolithic are scarce, and were made long time ago, hence bringing into question their reliability as is supported by their very late age for Aurignacian. Only one recent AMS date from Šandalja II could represent real Aurignacian age. According to current data, there is a hiatus of several thousand years between Late Middle and Early Upper Paleolithic in the eastern Adriatic. Here we suggest several potential reasons for such fragmentary record of the Middle to Upper Paleolithic transition in the eastern Adriatic.

Keywords: Eastern Adriatic, Late Middle Paleolithic, Early Upper Paleolithic, Late Mousterian, Aurignacian, Middle to Upper Paleolithic transition.

Введение

Далекое прошлое адриатического побережья нашло отражение в богатых археологических материалах. В последние годы благодаря активным исследованиям мустьерских памятников в этом регионе была увеличена база данных о времени обитания, адаптации и поведении мустьерского человека. Однако о раннем верхнем палеолите удалось получить лишь очень ограниченную информацию. В настоящей статье кратко описываются памятники среднего и раннего верхнего палеолита Адриатического региона (рис. 1) и обсуждается проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту. Адриатический регион, включающий оба побережья современного Адриатического моря и территории, прилегающие к Дунаю, играл

важную роль в расселении человека по Европе [Chu, 2018]. В статье представлены памятники на территории от Хорватии на севере до Албании на юге.

Стоянки среднего и раннего верхнего палеолита в Восточной Адриатике

Северо-Восточная Адриатика

Прибрежные районы. Несколько лет назад среднепалеолитические индустрии были обнаружены в двух местах – Ромуальдова Печина и Кампанож – в хорватской части п-ова Истрия [Komšo, 2008, 2011]. Пещера Ромуальдова Печина расположена на южных склонах восточной оконечности Лимского канала к северо-востоку от г. Ровинь [Malez, 1979; Komšo, 2008]. По определению М. Малеза, индустрия стоянки в этой пещере принадлежит позднему ориньяку и раннему граветту [Malez, 1979, p. 252]. С учетом наличия в материалах пещеры наконечника с боковой выемкой находки можно отнести скорее к раннему эпиграветту, чем к граветту [Montet-White, 1996], или даже к позднему эпиграветту [Vukosavljević, Karavanić, 2017]. Определение части индустрии памятника как ориньякской вызывает сомнение. Д. Комшо [Komšo, 2008] провел раскопки на этой стоянке в 2007 г. и обнаружил мустьерские артефакты. Недавно для мустьерской индустрии в Истрии были получены первые радиоуглеродные даты – > 48 и 50 тыс. л.н. [Janković et al., 2017].

Другой мустьерский памятник на территории Истрии – стоянка открытого типа Кампанож – находится недалеко от г. Медулин, в районе г. Пула. В ходе спасательных раскопок на площади 99 м² в слое на глубине ок. 50 см от поверхности были зафиксированы каменные материалы [Komšo, 2011]. Крупная коллекция каменных артефактов (более 30 тыс. экз.) с большим количеством продуктов первичного расщепления убедительно свидетельствует о том, что здесь была мастерская. Фаунистические остатки не обнаружены.

Ранний верхний палеолит в этом регионе представлен материалами одной пещерной стоянки и, возможно, стоянки открытого типа. Слои пещеры Шандалья II, находящейся недалеко от г. Пула, содержат каменные изделия эпохи верхнего палеолита (ори-

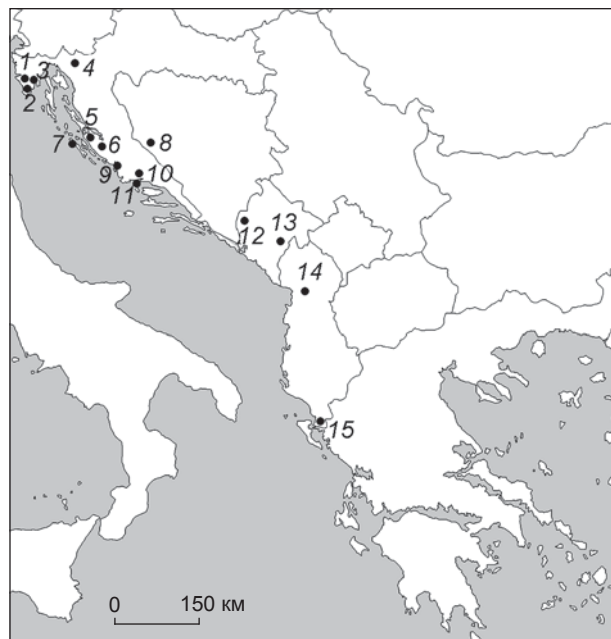

Рис. 1. Памятники среднего и раннего верхнего палеолита на адриатическом побережье, упоминаемые в статье (картасхема составлена с помощью d-maps.com).

1 – Ромуальдова Печина; 2 – Шандалья II и Кампанож; 3 – Ившишче; 4 – Буковац Печина; 5 – стоянки между Любачским заливом и Поседарье; 6 – Велика Печина в Кличевице; 7 – Вели Рат (о-в Дуги Оток); 8 – Гигича Печина; 9 – Стипанац; 10 – Муйина Печина и Каранушичи; 11 – Каштел Штафилич–Ресник; 12 – Црвена Стена; 13 – Биоче; 14 – Блази; 15 – Шен Митри.

ньяк – комплексы Е, F, G и H, эпиграветт – комплексы С и В), фаунистические остатки и человеческие останки (эпоха эпиграветта) [Karavanić, 2003; Janković et al., 2011; Karavanić et al., 2013]. Для слоев G, F и E получены ^{14}C -даты ок. 32–27 тыс. кал. л.н., однако результаты анализа по образцам из слоя H хронологически не вписываются в датированную стратиграфическую последовательность указанной карстовой стоянки (см.: [Malez, Vogel, 1969; Srdoč et al., 1979]). Новая дата, определенная по образцу кости из слоя F, указывает на то, что все установленные прежде даты были «омоложены» [Richards et al., 2015]. В слое H были обнаружены небольшой костяной наконечник с расщепленным основанием и каменное изделие; последнее находилось на границе слоев H/G, поэтому может рассматриваться как орудие ориньякского типа. При этом слои G, F и E, включая границу слоев E/F, содержали каменные изделия ориньяка и костяные орудия [Karavanić, 2003; Čuijkević-Plečko, Karavanić, 2018]. Наиболее многочисленными каменными изделиями в данных отложениях являются отщепы, имеются также пластины и пластинки. Очень невысокий процент орудий можно объяснить тем, что эти изделия изготавливались в другом месте, либо тем, что люди уносили их с территории стоянки. Скребки с рыльцем и скребки высокой формы встречаются достаточно часто, ориньякских пластин нет. Широко представлены скребла и выемчатые орудия. Пластинки дюфур в коллекции отсутствуют, это можно объяснить тем, что отложения не просеивали. Наиболее распространенными костяными инструментами в перечисленных слоях были шилья. Четыре зуба животных с отверстиями, найденные в ориньякских слоях, являются декоративными изделиями и могут быть связаны с символическим поведением.

Памятник открытого типа Ившишче с находками поверхностного залегания располагается на окраине д. Поље Чепич в юго-восточной части Истрии. По технико-типологическим характеристикам артефакты можно отнести к раннему верхнему палеолиту и неолиту [Komšo, Balbo, Miracle, 2007]. Несмотря на то, что культурные слои не сохранились, памятник можно считать первой стоянкой раннего верхнего палеолита (возможно, ориньякской), обнаруженной в Истрии после открытия Шандальи II, и первой открытой стоянкой раннего верхнего палеолита в этой части Хорватии.

Внутренние районы. Еще один интересный памятник раннего верхнего палеолита – пещера Буковац Печина – расположен в районе Горский Котар в Хорватии к юго-востоку от г. Локве [Malez, 1979]. Костяной наконечник, обнаруженный в пещере более 100 л.н., вероятно, имел массивное основание (наконечник типа Младеч) и мог относиться к ориньяку [Ibid.]. Данное предположение подтверждается радиоуглеродными

датоками, установленными по кости животного из того же слоя, в котором находился артефакт. Предполагаемый возраст костяного наконечника из Буковац Печина соответствует дате ок. 34 тыс. кал. л.н. Это изделие, найденное внутри пещеры, и каменный нуклеус на отщепе, залегающий в отложениях перед входом в пещеру, являются единственными свидетельствами деятельности человека на указанной стоянке и представляют хронологически и пространственно дискретные эпизоды его присутствия. Нуклеус находился в слое, датированном ок. 44–42 тыс. кал. л.н. Это позволяет отнести этот артефакт к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту. По морфологическим признакам нуклеус принадлежит верхнему палеолиту, хотя может быть связан со средним палеолитом [Janković et al., 2018]. При отсутствии другого диагностического материала необходимо принимать во внимание обе атрибуции.

Центральная часть Восточной Адриатики

Прибрежные районы. Важные с научной точки зрения среднепалеолитические стоянки имеются в Далмации. Стоянка Велика Печина расположена в каньоне ручья Кличевица около г. Бенковац в Северной Далмации (рис. 2, а, б). По одной кости животного из слоя D методом радиоуглеродной ускорительной масс-спектрометрии определена дата ок. 43 тыс. кал. л.н. [Karavanić, Čondić, Vukosavljević, 2007]. По другой кости животного, которая была разрезана на две части и подвергнута ультрафильтрации, из того же слоя получены две даты: ок. 39,7 тыс. кал. л.н. (Beta-372935) и 36,5 тыс. кал. л.н. (Beta-372934) [Karavanić et al., 2014]. Для стратиграфического блока 20 (раскоп у входа) установлена дата > 48 тыс. л.н. (OxA-33732), а для слоя С (раскоп внутри пещеры 2006 г.) – ок. 40,8 тыс. л.н. (OxA-33654) (другие даты см.: [Karavanić et al., 2018]). Дата образца кости (OxA-33732) согласуется с результатом ураноториевого датирования натечного камня и, скорее всего, отражает реальный возраст датированного стратиграфического блока* (рис. 3). Согласно полученным датам, носители мустьерской культуры впервые пришли в пещеру до или ок. 50 тыс. л.н. и жили там в период перехода от среднего к верхнему палеолиту. Их небольшие по размеру орудия («микромустьерские») изготовлены из местной кремнистой породы. Среди них имеются разнообразные скребла, в т.ч. микролитические поперечные (рис. 4). В слоях среднего палеолита кости и зубы животных встречаются реже, чем артефакты. Некоторые изделия (гли-

*Мнение Дж. Хеллстрема и П. Бахо, высказанное в личной беседе.

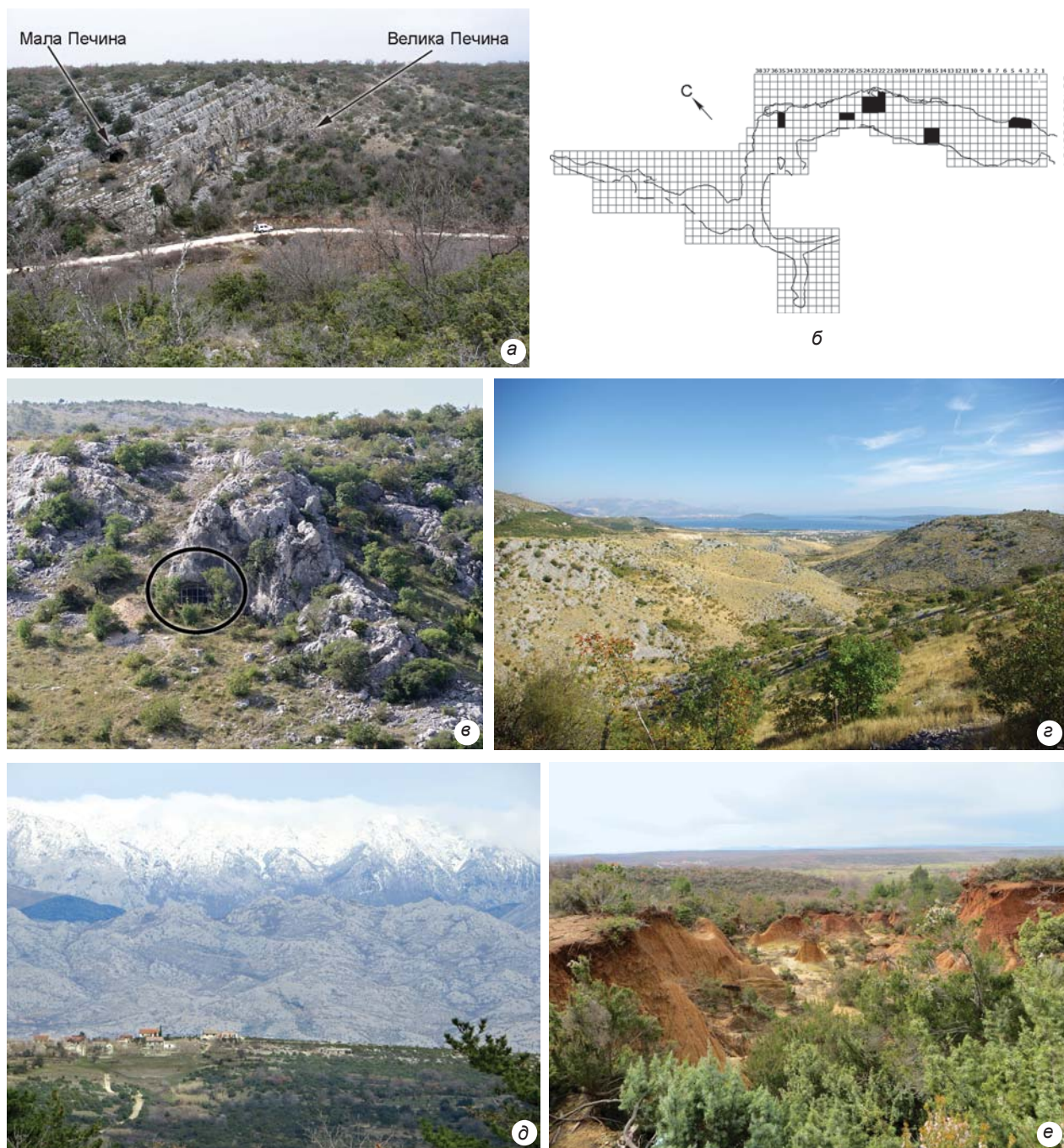

Рис. 2. Памятники среднего палеолита в Далмации. Фото Н. Вукославлевича (а) и И. Караванича (в-е), рисунок М. Вуковича. а – Велика Печина в Кличевце, общий вид с ЮВ; б – план стоянки Велика Печина (схема выполнена И. Чондичем, с поправками по: [Karavanić et al., 2016]); в – Мушина Печина, общий вид; г – вид на залив Каштела с Мушина Печина; д – вид на гору Велебит со стороны района Равни-Котари; е – стоянка открытого типа Радовин.

няная посуда) принадлежат более поздним периодам, однако нет ни одной находки, которая могла бы относиться к верхнему палеолиту. Велика Печина – пещерная стоянка; географически она наиболее близка ко многим стоянкам открытого типа, расположенным в районе Равни-Котари и на островах, что делает ее очень ценным объектом для сравнения.

Ш. Батович обнаружил мустьерские артефакты на о-вах Дуги Оток и Молат [Batović, 1973, 1988, 1993]. Большое количество каменных артефактов и обломков было собрано около маяка у д. Вели Рат в северной части о-ва Дуги Оток [Malez, 1979; Batović, 1988]. М. Малез определил каменные находки как мустьерские (средний палеолит) и ориньякские (ран-

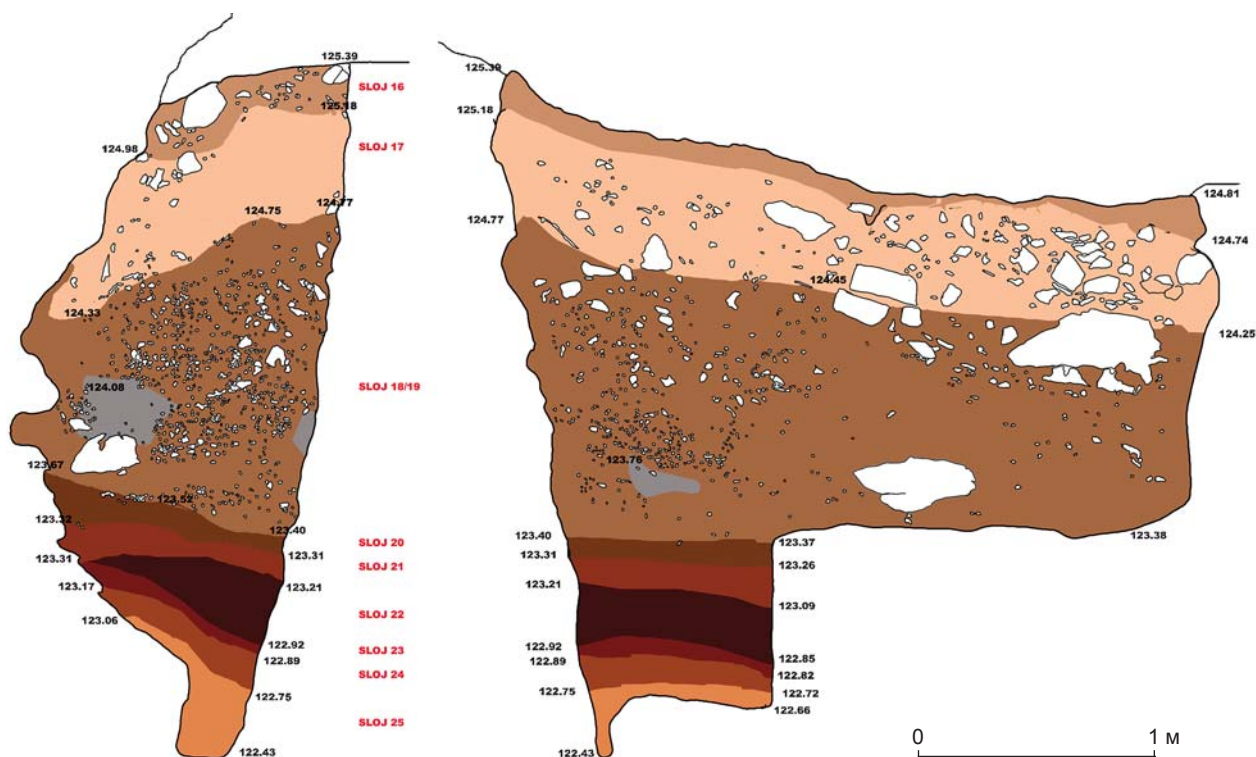

Рис. 3. Восточный (линия F 2/3; слева) и южный (линия E/F 3-5; справа) разрезы раскопа около входа в пещеру Велика Печина. Между слоями 17 и 18/19 видны остатки датированного каменного натека. Рисунок Р. Маршича.

ний верхний палеолит) [Malez, 1979], однако проведенный позднее анализ материалов, собранных им, не выявил орудий ориньякского типа [Hinić, 2000]. Таким образом, памятник, безусловно, следует считать среднепалеолитическим, его атрибуция ранним верхним палеолитом сомнительна. Недавние полевые исследования в Вели Рат подтвердили справедливость ранней даты каменных находок, определенной по результатам технико-типологического анализа. Кроме того, здесь были обнаружены каменные артефакты, находившиеся в поверхностном залегании. Коллекция стоянки Вели Рат включает подъемные материалы, большая часть которых относится к среднему палеолиту, а также артефакты верхнепалеолитической – мезолитической типологии [Krile, Vujević, 2017].

На территории между Любачским заливом и г. Поседарье, которые расположены к северу от г. Задар, открыто большое количество палеолитических стоянок открытого типа (см. рис. 2, д, е) [Vujević, Perhoč, Ivančić, 2017]. Ш. Батович [Batović, 1965] собрал много артефактов и присвоил им имена, соответствующие названию местности, в которой они были обнаружены (например, Радовин, Слив-

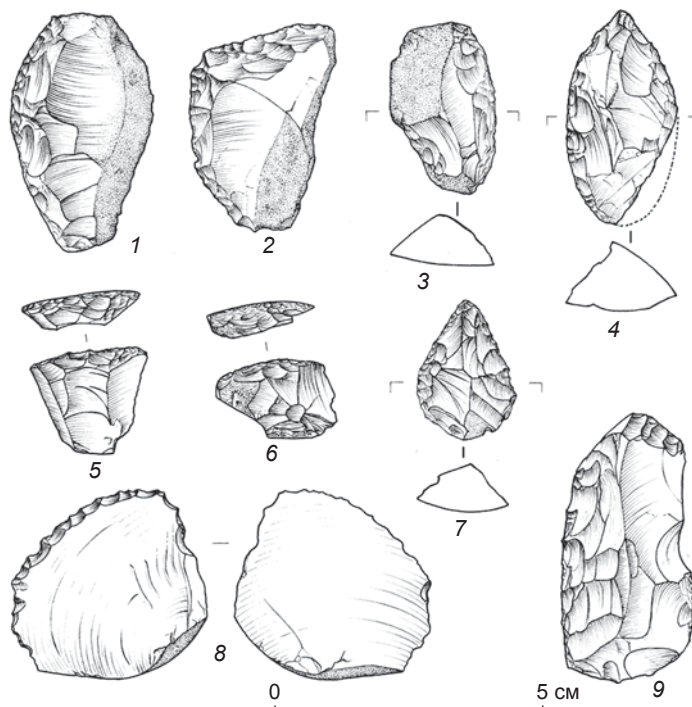

Рис. 4. Каменные орудия со стоянки Велика Печина в Кличевице, раскоп у входа в пещеру. Рисунки М. Рончевич. 1, 2, 3, 5, 6, 9 – скребла; 4 – лямас; 7 – конвергентное скребло/острие; 8 – скреблышко на отщепе с двумя ударными бугорками. 1 – слой 20; 2 – слой 23; 3, 4, 6, 7, 9 – слой 22; 5, 8 – слой 21.

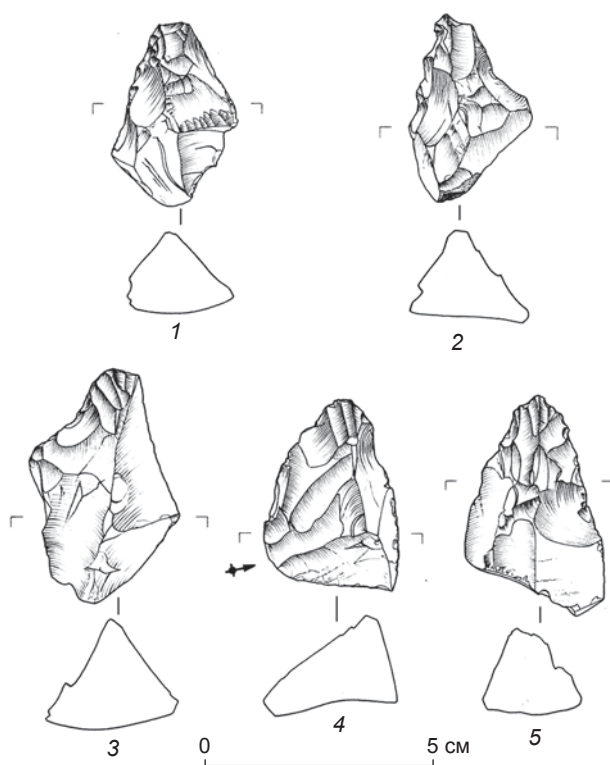

Рис. 5. Скребки с рыльцем и скребки высокой формы со стоянки открытого типа Радовин-Драчице (поверхностное залегание). Рисунки М. Рончевич.

ница, Йовичи). Большая часть находок принадлежит среднему палеолиту, но имеются артефакты и более позднего времени. По типологии некоторые комплексы могут относиться к мустье шарантской традиции [Vujević, 2007]. Артефакты с памятников указанной территории похожи на изделия с других мустьерских стоянок в восточной части Адриатики. Орудия, как правило, небольшого размера, подобные «микромустьерским»; часто встречаются зубчатые и выемчатые изделия. Особое место занимают скребки с рыльцем и скребки высокой формы, собранные Ш. Батовичем на стоянке Радовин-Драчице. Артефакты того же типа были найдены Д. Мустачем недалеко от часовни св. Петра*. Они относятся к ориньяку и очень редко встречаются в этом районе (рис. 5).

З. Брусич обнаружил несколько каменных артефактов на глубине 3 м в Проклянском озере около о-ва Стипанац недалеко от Скрадина (Северная Далмация) и определил их как мустьерские [Brusić, 1977]. Имеющийся среди находок нуклеус с центростремительными сколами (вероятно, леваллуазский) подтверждает эту атрибуцию, однако, вполне возможно, некоторая часть каменного материала относится к более поздним периодам. Стипанац – пер-

вый подводный памятник среднего палеолита, обнаруженный в Далмации.

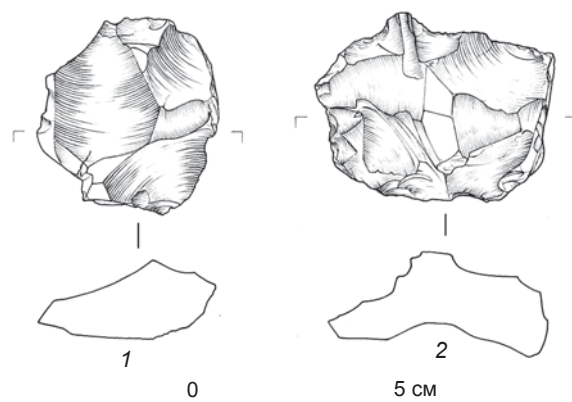
Другие мустьерские стоянки находятся в Центральной Далмации. Муйина Печина расположена к северу от Каштела, недалеко от г. Сплит (см. рис. 2, в, з). Радиоуглеродным методом и методом электронного спинного резонанса была установлена мустьерская последовательность стоянки Муйина Печина в интервале ок. 49–39 тыс. кал. л.н. [Boschian et al., 2017; Rink et al., 2002]. К этому периоду относятся материалы, отражающие все этапы изготовления орудий, сырьем для которых служила, как правило, местная кремнистая порода. Представлены нуклеусы с центростремительными сколами. В верхних слоях наиболее многочисленны такие орудия, как отщепы с ретушью и зубчатые/выемчатые изделия [Karavanić et al., 2008]. В нижних слоях скребки встречаются гораздо чаще, чем в верхних [Šprem, 2016]. Орудия чаще всего небольшого размера и сильно напоминают «микромустьерские». В Муйина Печина найдены также многочисленные фаунистические остатки. В верхних слоях П.Т. Миракл обнаружил кости серны, горного козла, благородного оленя и крупных рогатых копытных – зубра и степного бизона – со следами человеческой деятельности (повреждения, вызванные разламыванием, надрезы, следы воздействия огня) [Miracle, 2005]. Было установлено, что кости благородного оленя, серны и горного козла принадлежат преимущественно взрослым животным и на них есть следы разделки туш. Следовательно, в жизни неандертальцев Муйина Печина охота занимала важное место [Ibid.; Karavanić et al., 2008]. Самые ранние слои (E3, E2, E1) Муйина Печина наиболее богаты артефактами, что предполагает очень высокую активность людей. В верхних слоях (B, D1 и D2) было меньше артефактов; вероятно, во время формирования этих отложений стоянка являлась эпизодически посещаемым охотничьим лагерем [Nizek, Karavanić, 2012]. Компоненты верхнего палеолита в стратиграфии памятника не обнаружены.

И. Шута собрал каменные изделия с поверхности стоянки открытого типа, обнаруженной М. Катичем недалеко от Муйина Печина (приблизительно 1 км к югу), около д. Каранушичи [Karavanić et al., 2018]. Комплекс каменных изделий стоянки соответствует характеристикам среднего палеолита, а также более поздних периодов. Пробные археологические раскопки были проведены в Каранушичах в 2014 г. [Karavanić et al., 2016]. Раскоп площадью 2 м² (2 × 1 м) расположен в месте, где в ходе предыдущей полевой разведки на поверхности было обнаружено наиболее плотное скопление каменных артефактов. В раскопе найдены фрагмент керамического предмета и каменные изделия, однако ни один из каменных предметов нельзя однозначно отнести к среднему

*Информация получена в личной беседе.

Рис. 6. Среднепалеолитические нуклеусы с центростремительными сколами. Рисунки М. Рончевич.

1 – подводная стоянка Каштел Штафилич–Ресник; 2 – стоянка открытого типа Каранушичи.

палеолиту, хотя именно этим периодом были датированы материалы, собранные ранее с поверхности (рис. 6, 2).

Артефакты с явными мустьерскими типологическими чертами обнаружены также на стоянке Каштел Штафилич–Ресник, которая находится под водой на глубине ок. 4 м [Karavanić et al., 2009]. В каменном инвентаре памятника преобладают скребла [Barbir, 2015]. Встречаются также нуклеусы с центростремительными сколами (рис. 6, 1) [Karavanić, 2015]. Было найдено несколько верхнепалеолитических нуклеусов. Артефакты, которые можно было бы связать с ранним верхним палеолитом (ориньяк), отсутствуют.

Внутренние районы. На территории к северу от указанных выше стоянок Центральной Далмации находится один памятник среднего палеолита, содержащий мустьерские каменные изделия, – Гигича Печина. Он расположен в Боснии и Герцеговине, недалеко от г. Босанско-Грахово [Kujundžić, 1989]. З. Куянджич отнес орудия из верхней части слоя IV к верхнему ориньяку [Ibid., p. 12]. Однако, по нашему мнению, коллекция вряд ли содержит типичные ориньякские артефакты, указанные орудия принадлежат, скорее всего, к эпиграветту, а не к ориньяку [Karavanić, 2009]. Другие стоянки расположены дальше по направлению на ЮВ.

Южная часть Восточной Адриатики

Внутренние районы. Исследования участков под скальными навесами Црвена Стена и Биоче в Черногории помогли получить информацию о переходе от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Адриатике [Derevianko et al., 2016; Деревянко и др., 2017; Dogandžić, Đuričić, 2017; Mihailović D., Whallon, 2017]. Слои XVIII–XII в Црвена Стена относятся к позднему среднему палеолиту [Dogandžić, Đuričić, 2017; Mihailović D., Whallon 2017; Mihailović D., Mihailović B., Whallon, 2017]. Серии радиоуглеродных дат и дат, полученных ЭСР- и АСЛ-методами, позволяют связывать слои XIII–XII с периодом ок. 49–42 тыс. кал. л.н. [Mercier et al., 2017]. Финальный этап мустье в Црвена Стена характеризуется наличием в коллекции элементов культуры улуццио (проявление пластинчатой и микропластинчатой технологий, разнообразных стратегий редукиции, которые применялись при скалывании отщепов и осколков, а также изделий с обушком, включая сегменты и изогнутые острия).

Считается, что возраст верхних слоев на площадке под скальным навесом Биоче соответствует МИС 3; это подтверждается радиоуглеродными датами, согласно которым накопление слоев 1.2 и 1.4 происходило между 40 и 32 тыс. л.н. [Derevianko et al., 2016; Деревянко и др., 2017; Mihailović D., Whallon, 2017]. Учитывая небольшие размеры орудий из слоя 1, А.П. Деревянко с соавторами [Деревянко и др., 2017] называют комплекс этого слоя «микромустьерским». Материалы, обнаруженные в верхних слоях, отвечают технико-типологическим характеристикам как среднего, так и верхнего палеолита [Dogandžić, Đuričić, 2017; Mihailović D., Whallon, 2017]. Наличие признаков среднего и верхнего палеолита в коллекциях Црвена Стена может объясняться преемственностью в эволюции каменных индустрий, если принимать во внимание их позднемустьерские и улуццианские элементы [Mihailović D., Whallon, 2017]. Стоянки, относящиеся к раннему верхнему палеолиту, во внутренних районах Юго-Восточной Адриатики до сих пор, к сожалению, не найдены, ввиду этого нет полного понимания перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Прибрежные районы. До публикации Т. Хауком и его соавторами данных о слое 4 в пещере Блази, дата которого ок. 45–43 тыс. кал. л.н. [Hauck et al., 2016], в албанской археологической летописи не было ни одного местонахождения, датированного поздним средним и ранним верхним палеолитом. Каменные артефакты из слоя 4 пещеры Блази очень малочисленны и не имеют четких диагностических характеристик. Т. Хаук и его соавторы сообщают также о вероятной принадлежности к ориньяку нескольких нуклеусов высокой формы и массивных скребков, обнаруженных на открытой стоянке Шен Митри в Южной Албании [Ibid.].

Дискуссия и выводы

В последние 20 лет исследования позднего среднего палеолита в разных регионах Восточной Адриатики

проводились с различной интенсивностью. Поздний средний палеолит этой части Адриатики достаточно хорошо изучен. Памятники раннего верхнего палеолита в регионе встречаются редко, а памятники эпохи раннего ориньяка полностью отсутствуют. Определить хронологические рамки позднего среднего палеолита позволяют АМС-даты. Радиоуглеродные даты для памятников раннего верхнего палеолита немногочисленны и получены очень давно. Это ставит под сомнение их надежность, тем более что они занижают возраст объектов ориньяка. Лишь одна недавно полученная АМС-дата для местонахождения Шандалья II может соответствовать реальному ориньякскому возрасту. В изучаемом регионе перерыв между поздним средним и ранним верхним палеолитом составлял несколько тысяч лет и ни в одной индустрии, кроме Црвена Стена, не проявились черты переходного характера. Более того, до сих пор не найдены объекты, стратиграфия отложений которых охватывала бы как поздний средний палеолит, так и ранний верхний.

Временной разрыв в последовательности от среднего к верхнему палеолиту может объясняться несколькими причинами – непродолжительностью и несистематичностью археологических исследований в регионе; изменением палеоэкологической среды (в результате повышения уровня моря памятники могли разрушаться); низкой плотностью населения в период раннего верхнего палеолита; отсутствием материалов, свидетельствующих о замещении поздних неандертальцев ранними людьми современного типа; отсутствием стратифицированных стоянок, содержащих остатки позднего среднего и раннего верхнего палеолита.

Наиболее приемлемое объяснение предложено Д. Пападжианни: неандертальцы могли покинуть Восточную Адриатику до появления в ней людей современного типа [Papagianni, 2009, p. 133; Papagianni, Morse, 2013]. Перерыв в пребывании здесь двух указанных человеческих групп, вероятно, был обусловлен разными причинами, сделавшими жизнь на этой территории трудной для человека в течение некоторого времени. Одна из возможных причин – Кампанское игнимбритовое извержение. После отложения Кампанской игнимбритовой тефры, например на стоянке Црвена Стена, следов человеческого присутствия становится существенно меньше [Morley, Woodward, 2011; Mihailović D., Whallon, 2017]. При рассмотрении причин этого перерыва М.У. Морли и Дж. Вудвард [Morley, Woodward, 2011, p. 690] предлагают учитывать возможность экологического катаклизма, вызванного извержением и, вероятно, усугубленного ухудшением климата в результате 4-го события Хайнриха. К сожалению, недавние поиски остатков тефры и криптотефры в стратиграфии Ромуальдовой Печи, Муйины Печи и Велики Печи-

ны в Кличевице не дали положительных результатов [Davies et al., 2015, tab. 5, a].

Некоторые исследователи связывают гибель неандертальцев с Кампанским игнимбритовым извержением. Б. Блэк и его соавторы не считают указанное вулканическое событие единственной причиной вымирания неандертальцев, но не исключают его воздействия на их повседневную жизнь [Black, Neely, Manga, 2015]. На возможность влияния этого извержения на человеческую популяцию и ее жизнеобеспечение указывают также К. Фитцсиммонс и ее коллеги [Fitzsimmons et al., 2013].

Будущие исследования в этом регионе должны сосредоточиться прежде всего на поиске новых памятников, материалы которых прольют свет на некоторые из вышеуказанных проблем. Очень важно найти хорошо стратифицированные стоянки со слоями позднего среднего и раннего верхнего палеолита. Наличие на стоянках Северной Далмации скребков с рыльцем и скребков высокой формы, которые по типологическим признакам могут быть отнесены к ориньяку, должно стимулировать поиск стоянок раннего верхнего палеолита в этом районе.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Наталии Чондич из Археологического музея Задара за долгое и плодотворное сотрудничество в полевых исследованиях памятника Велика Печина в Кличевице, Археологическому музею Задара за разрешение опубликовать артефакты из Радовина-Драчице, которые являются частью музейной коллекции. Авторы признательны Мартине Рончевич, Роберту Маршичу, Ивану Чондичу и Мирославу Вуковичу за подготовку иллюстраций для настоящей статьи. Полевые исследования на стоянке Велика Печина в Кличевице были выполнены при поддержке Научного фонда Хорватии (проект № HRZZ-09.01/232) и Министерства культуры Республики Хорватии, а также Задарского округа и Археологического музея Задара. Авторы благодарят оргкомитет конференции «Истоки верхнего палеолита в Евразии и эволюция рода Homo», которая проводилась в Денисовой пещере на Алтае (Россия) 2–8 июля 2018 г., за приглашение принять в ней участие. Данная статья является расширенной версией доклада на конференции. Мы благодарим Бугу Новак за перевод статьи на английский язык.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Павленок К.К., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Кандыба А.В. Новые данные по среднему палеолиту Восточной Адриатики: древнейший эпизод заселения стоянки Биоче в Черногории // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 3–14.

- Barbir A.** Litički materijal s podvodnog srednjopaleolitičkog nalazišta Kaštel Štafilić – Resnik: Graduate thesis / University of Zagreb. – Zagreb, 2015. – 73 p.
- Batović Š.** Prvi paleolitski nalazi u srednjoj Dalmaciji // *Diadora*. – 1965. – Vol. 3. – P. 205–209.
- Batović Š.** Prapovijesni ostaci na zadarskom otočju // *Diadora*. – 1973. – Vol. 6. – P. 5–139.
- Batović Š.** Paleolitički i mezolitički ostaci s Dugog otoka // Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji. – 1988. – Vol. 16. – P. 7–54.
- Batović Š.** O prapovijesti Dugog otoka // *Zadarska smotra*. – 1993. – Vol. 42 (1/2). – P. 99–125.
- Black B.A., Neely R.R., Manga M.** Campanian Ignimbrite volcanism, climate, and the final decline of the Neanderthals // *Geology*. – 2015. – Vol. 43 (5). – P. 411–414.
- Boschian G., Gerometta K., Ellwood B.B., Karavanić I.** Late Neandertals in Dalmatia: climate change, human activity and site formation processes at Mujina Pećina, Croatia // *Quaternary Intern.* – 2017. – Vol. 450. – P. 12–35.
- Brusić Z.** Prehistorijski podzemski nalazi na području južne Liburnije // *Radovi Centra Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru*. – 1977. – Vol. 24. – P. 53–60.
- Chu W.** The Danube Corridor Hypothesis and the Carpathian Basin: Geological, Environmental and Archaeological Approaches to Characterizing Aurignacian Dynamics // *J. of World Prehistory*. – 2018. – Vol. 31. – P. 117–178.
- Čujkević-Plečko M., Karavanić I.** Carved finds from Šandalja II // *Histria archaeologica*. – 2018. – Vol. 48, N 48. – P. 5–20.
- Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V.** Recent data on the eastern Adriatic Middle Paleolithic: Bioče rockshelter in Montenegro // *Hugo Obermaier Society 58th Annual Meeting in Budapest*. – Erlangen: Hugo Obermaier-Gesellschaft, 2016. – P. 26–29.
- Davies W., White D., Lewis M., Stringer C.** Evaluating the transitional mosaic: frameworks of change from Neanderthals to *Homo sapiens* in eastern Europe // *Quaternary Sci. Rev.* – 2015. – Vol. 118. – P. 211–242.
- Dogandžić T., Đuričić Lj.** Lithic production strategies in the Middle Paleolithic of the southern Balkans // *Quaternary Intern.* – 2017. – Vol. 450. – P. 68–102.
- Fitzsimmons K.E., Hambach U., Veres D., Iovita. R.** The Campanian Ignimbrite Eruption: New Data on Volcanic Ash Dispersal and Its Potential Impact on Human Evolution // *PLoS ONE*. – 2013. – URL: 8(6): e65839. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0065839>
- Hauck T.C., Ruka R., Gjipali I., Richter J., Vogels O.** Recent discoveries of Aurignacian and Epigravettian sites in Albania // *J. of Field Archaeol.* – 2016. – Vol. 41 (2). – P. 148–161.
- Hinić M.** Površinski nalazi Panderovice i Ražanca: Graduate thesis/University of Zagreb. – Zagreb, 2000. – 87 p.
- Janković I., Ahern J.C.M., Karavanić I., Smith F.H.** Biokulturalni aspekti epigravetijanske okupacije sloja B/S nalazišta Šandalja II // *Radovi Zavoda za znanstveni rad HAZU Varaždin*. – 2011. – Vol. 22. – P. 185–200.
- Janković I., Komšo D., Ahern J.C.M., Becker R., Barbir A., Gerometta K., Cvitkušić B., Mihelić S.** Archaeological excavations in the Lim Channel in 2016. Sites: Romuald's cave, Abri Kontija 002, Lim 001, Cave near Rovinjsko selo // *Histria archaeologica: časopis Arheološkog muzeja Istre*. – 2017. – Vol. 47. – P. 5–19.
- Janković I., Vukosavljević N., Ahern J.C.M., Karavanić I., Mihelić S., Smith F.H.** Bukovac Cave Revisited: Recent Excavations of an Early Upper Paleolithic Site // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. – 2018. – Vol. 48 (3). – S. 297–306.
- Karavanić I.** L'industrie aurignacienne de la grotte de Šandalja II (Istrie, Croatie) dans le contexte de la région de l'est de l'Adriatique // *L'Anthropologie*. – 2003. – Vol. 107. – P. 577–602.
- Karavanić I.** Adriatic coast of Croatia and its hinterland from 50 000 to 25 000 BP // *The Mediterranean from 50 000 to 25 000 BP: Turning points and new directions*. – Oxford: Oxbow Books, 2009. – Ch. 10. – P. 163–178.
- Karavanić I.** Research on underwater Mousterian: The site of Resnik – Kaštel Štafilić, Dalmatia, Croatia // *Forgotten Times and Spaces: New perspectives in Paleoanthropological, Paleontological and Archaeological studies*. – Brno: Inst. of Archaeol. of the CAS, Masaryk Univ., 2015. – P. 73–79.
- Karavanić I., Čondić N., Vukosavljević N.** Velika Pećina u Kličevici // *Hrvatski arheološki godišnjak*. – 2007. – Vol. 3. – P. 345–347.
- Karavanić I., Miracle P.T., Culiberg M., Kurtanek D., Zupanić J., Golubić V., Paunović M., Mauch Lenardić J., Malez V., Šošić R., Janković I., Smith F.H.** The Middle Paleolithic from Mujina Pećina, Dalmatia, Croatia // *J. of Field Archaeol.* – 2008. – Vol. 33. – P. 259–277.
- Karavanić I., Vukosavljević N., Čondić N., Miko S., Razum I., Ilijanić N., Zubčić K., Šošić Klindžić R., Ahern J.C.M., Barbir A.** Project Late Mousterian in the eastern Adriatic – towards understanding of late Neanderthals' identity and their demise: summary of the 2nd and 3rd years of research // *Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu*. – 2016. – Vol. 33. – P. 135–149.
- Karavanić I., Vukosavljević N., Janković I., Ahern J.C.M., Smith F.H.** Paleolithic hominins and settlement in Croatia from MIS 6 to MIS 3: research history and current interpretations // *Quaternary Intern.* – 2018. – Vol. 494. – P. 152–166.
- Karavanić I., Vukosavljević N., Šošić Klindžić R., Ahern J.C.M., Čondić N., Becker R., Zubčić K., Šuta I., Gerometta K., Boschian G.** The Late Mousterian in the eastern Adriatic – towards understanding of late Neanderthals' identity and their demise Project: a summary of the 1st year of research // *Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu*. – 2014. – Vol. 31. – P. 139–157.
- Karavanić I., Vukosavljević N., Šošić Klindžić R., Kurtanek D., Zupanić J.** The lithic and bone industries of the Epigravettian layers from Šandalja II near Pula // *Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku*. – 2013. – Vol. 106. – P. 7–73.
- Karavanić I., Zupčić K., Pešić M., Parica M., Šošić Klindžić R.** Kaštel Štafilić – podvodno paleolitičko nalazište // *Hrvatski arheološki godišnjak*. – 2009. – Vol. 5. – P. 549–551.
- Komšo D.** Limski kanal // *Hrvatski arheološki godišnjak*. – 2008. – Vol. 4. – P. 264–267.
- Komšo D.** Middle Paleolithic in Istria: Romualdova pećina and Campano // *The Neandertal Trail*. – Zagreb: Arheološki muzej, 2011. – P. 192–205.
- Komšo D., Balbo A.I., Miracle P.T.** Čepičko polje // *Hrvatski arheološki godišnjak*. – 2007. – Vol. 3. – P. 225–228.

- Krile I., Vujević D.** A contribution to the study of early prehistory of Veli rat on the island of Dugi otok // *Diadora*. – 2017. – Vol. 31. – P. 7–26.
- Kujundžić Z.** Gigaća pećina – paleolitska stanica kod Resanovaca (Bosansko Grahovo) // *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. Arheologija. N. S.* – 1989. – Vol. 42/43. – P. 9–16.
- Malez M.** Nalazišta paleolitskog i mezolitskog doba u Hrvatskoj // *Praistorija jugoslavenskih zemalja I.* – Sarajevo: Svjetlost, 1979. – P. 195–295.
- Malez M., Vogel J.C.** Rezultati određivanja apsolutne starosti pleistocenskih naslaga Šandalje II kod Pule u Istri // *Geološki vjesnik*. – 1969. – Vol. 22. – P. 121–133.
- Mercier N., Rink W.J., Rodrigues K., Morley M.W., Vander Linden M., Whallon R.** Radiometric Dating of the Crvena Stijena Sequence // *Crvena Stijena in Cultural and Ecological Context. Multidisciplinary Archaeological Research in Montenegro*. – Podgorica: Montenegrin Academy of Sciences and Arts, National Museum of Montenegro, 2017. – Ch. 9. – P. 140–149.
- Mihailović D., Mihailović B., Whallon R.** Excavations of Middle Paleolithic–Mesolithic Layers // *Crvena Stijena in Cultural and Ecological Context. Multidisciplinary Archaeological Research in Montenegro*. – Podgorica: Montenegrin Academy of Sciences and Arts, National Museum of Montenegro, 2017. – Ch. 10. – P. 150–204.
- Mihailović D., Whallon R.** Crvena Stijena revisited: The Late Mousterian assemblages // *Quaternary Intern.* – 2017. – Vol. 450. – P. 36–49.
- Miracle P.T.** Late Mousterian subsistence and cave-use in Dalmatia: the zooarchaeology of Mujina Pećina, Croatia // *Intern. J. of Osteoarchaeol.* – 2005. – Vol. 15. – P. 84–105.
- Montet-White A.** Le paléolithique en ancienne Yougoslavie. – Grenoble: Jérôme Million, 1996. – 268 p.
- Morley M.W., Woodward J.** The Campanian Ignimbrite (Y5) tephra at Crvena Stijena Rockshelter, Montenegro // *Quaternary Research*. – 2011. – Vol. 75 (3). – P. 683–696.
- Nizek R., Karavanić I.** The spatial analysis of finds from Mousterian levels D2, E1, E2, and E3 of Mujina pećina // *Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu*. – 2012. – Vol. 29. – P. 25–56.
- Papagianni D.** Mediterranean southeast Europe in the Late Middle and Early Upper Paleolithic: modern human route to Europe or Neanderthal refugium? // *The Mediterranean from 50 000 to 25 000 BP: Turning points and new directions*. – Oxford: Oxbow Books, 2009. – Ch. 8. – P. 115–136.
- Papagianni D., Morse M.A.** The Neanderthals rediscovered: how modern science is rewriting their story. – N.Y.: Thames and Hudson, 2013. – 208 p.
- Richards M.P., Karavanić I., Pettitt P., Miracle P.** Isotope and faunal evidence for high levels of freshwater fish consumption by Late Glacial humans at the Late Upper Paleolithic site of Šandalja II, Istria, Croatia // *J. of Archaeol. Sci.* – 2015. – Vol. 61. – P. 204–212.
- Rink W.J., Karavanić I., Pettitt P.B., van der Plicht J., Smith F.H., Bartoll J.** ESR and AMS based ¹⁴C dating of Mousterian levels at Mujina Pećina, Dalmatia, Croatia // *J. of Archaeol. Sci.* – 2002. – Vol. 29. – P. 943–952.
- Srdoč D., Sliepčević A., Obelić B., Horvatinčić N.** Rudjer Bošković Institute Radiocarbon Measurements V // *Radiocarbon*. – 1979. – Vol. 21 (1). – P. 131–137.
- Šprem K.** Litički materijal iz Mujine pećine. Graduate Thesis / University of Zagreb. – Zagreb, 2016. – 53 p.
- Vujević D.** Srednji paleolitik na području južno od Ražanca. Master Thesis / University of Zadar. – Zagreb, 2007. – 181 p.
- Vujević D., Perhoč Z., Ivančić T.** Micro-Mousterian in Northern Dalmatia // *Quaternary Intern.* – 2017. – Vol. 450. – P. 50–67.
- Vukosavljević N., Karavanić I.** Epigravettian shouldered points in the eastern Adriatic and its hinterland: Reconsidering their chronological position // *Acta Archaeologica Carpathica*. – 2017. – Vol. LII. – P. 5–21.

Материал поступил в редколлегию 09.01.2019 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.013-023
УДК 903.02

М. Исерлис

Германский археологический институт, Германия
German Archaeological Institute, Berlin
Im Dol 2-6, Haus II, 14195 Berlin, Germany
E-mail: mark.iserlis@dainst.de

Новый взгляд на гончарные технологии обитателей поселения майкопской культуры Усть-Джегута в Карачаево-Черкесии

Майкопская культура IV тыс. до н.э. – один из феноменов в археологии и истории Евразии. Керамическая коллекция поселения Усть-Джегута, расположенного в предгорьях Северо-Западного Кавказа, может служить источником важной информации о гончарных технологиях и гончарах. В статье приводится информация о географическом положении и геологии территории в районе памятника. Раскрывается методика исследования керамической коллекции. По результатам петрографического анализа выделены рецепты формовочных масс. На основе оптико-минералогического исследования определены источники сырья. Исследованная коллекция отличается разнообразием технических и технологических приемов (специфические отбор сырья, приемы конструирования сосудов и обработки поверхности). Проведена корреляция типов сосудов и теста. Основное внимание уделяется рассмотрению гончарных техник. Прослежена связь между типами изделий и рецептами формовочных масс. Выделены три майкопские индустрии посуды. Установлено, что сосуды были изготовлены гончарами, различающимися по степени квалификации. Массивные изделия – пифосы, крупные чаши – созданы высококвалифицированными мастерами. Основная часть сосудов сделана гончарами среднего уровня. Сосуды для варки пищи изготавливались в рамках домашнего производства. Сформулирован вывод о сложившейся специализации в гончарном производстве и сохранении домашнего производства.

Ключевые слова: майкопский феномен, Северный Кавказ, Усть-Джегута, гончарные технологии.

M. Iserlis

German Archaeological Institute, Eurasia Department,
Im Dol 2-6, Haus II, 14195 Berlin, Germany
E-mail: mark.iserlis@dainst.de

Insight into Ceramic Technologies at the Maikop Site of Ust-Dzheguta, Karachay-Cherkessia

The Maikop culture of the 4th millennium BC has long been recognized as one of the most intriguing phenomena in the archaeology and history of Eurasia. A pottery assemblage of Ust-Dzheguta, located on the northern slope of the Greater Caucasus, should provide an insight into Maikop society and its technological and social choices. The article provides information on geographical location and geological settings of the Maikop site. Based on optical mineralogy analysis, potential raw materials and geological maps, fabrics and their possible geological sources were defined. The pottery assemblage exhibits technical and technological heterogeneity, including the use of a variety of raw materials and techniques. Correlation between types of vessels and fabrics is traced. Three Maikop pottery industries have been identified. Most of massive and sophisticated basins and pithoi were produced by highly skilled and specialized potters. The majority of vessels were manufactured by part-time potters. Cooking vessels were made as part of household production. The conclusion is provided about the established specialization in the pottery manufacture and preservation of household production.

Keywords: Maikop phenomenon, Northern Caucasus, Ust-Dzheguta, ceramic technologies.

Введение

Исследователи связывают феномен майкопской культуры IV тыс. до н.э. с культурами Южного Кавказа, Месопотамии, Анатолии, Сирии, Северного Ирана и Европы [Андреева, 1977; Von Majkop..., 2010; Lyonnet, 2007; Нариманов, Ахундов, Алиев, 2007; Нечитайло, 1991; Rezerkin, 2000]. Высказывалось предположение о том, что некоторые майкопские сосуды изготавливались на основе технологии, привнесенной с южных территорий, с использованием гончарного круга [Мунчаев, 1975, с. 324–332, 1994, с. 197–201; Корневский, 2004, с. 36–39, 49–62]. За последние 20 лет появились новые данные по майкопским поселениям, в т.ч. значительное количество калиброванных радиоуглеродных дат [Черных, Орловская, 2007; Kohl, 2007; Корневский, 2004; Lyonnet, 2000, 2007; Трифонов, 2001], результаты генетических исследований [Allentoft et al., 2015; Sokolov et al., 2016] и анализа керамики [Lyonnet, 2007; Корневский, Кизилов, 2015; Резепкин, 2012; Резепкин, Поплевко, 2009; Резепкин, Кулькова, 2018; Поплевко, 2018; Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2013].

При интерпретации археологических материалов высказывались различные гипотезы, однако они не учитывали в полном объеме результаты анализа керамики – наиболее часто встречающегося и основного компонента материальной культуры. Поэтому для дальнейшего обсуждения майкопского феномена необходимо располагать описанием и определениями технологии изготовления керамики.

Данное исследование выполнено в рамках проекта по определению технико-технологических особенностей производства керамики из разных памятников майкопской культуры. Методика исследования

основана на анализе операционных цепей (*chaîne-opératoire*) [Lemonnier, 1986; Leroi-Gourhan, 1943], результаты которого позволяют реконструировать гончарные производства [Бобринский, 1978].

Географическое положение и геология района памятника

Поселение Усть-Джегута расположено севернее одноименного города, в 12 км к югу от г. Черкесска, на восточной террасе р. Кубань, на высоте 870 м над ур. м. (рис. 1). Геоморфологически это район слабо всхолмленного низогорья (500–1 000 м над ур. м.) между субмеридиональными отрогами Главного Кавказского хребта (Большого Кавказа) на его северном склоне (истоки р. Кубань – северо-западный склон г. Эльбрус). Сеть речек – притоков Кубани – на этом участке ограничена с юга Пастбищным хребтом, который является одной из орографических структур, осложняющих северный склон Главного Кавказского хребта.

Геология и само возникновение горной системы Кавказа обусловлены палеоцен-кайнозойской альпийской складчатостью. В сформированных наиболее ранними ее фазами хребтах – Главном Кавказском и закавказских – присутствуют кислые и средние интрузивные породы палеозойского фундамента (граниты-диориты), а в складчатость вовлечены морские отложения мезозоя – юрские и меловые песчаники, алевролиты, сланцы, биогенные известняки с криноидеями, фораминиферами, радиоляриями [Геология Большого Кавказа..., 1976; Khain, Milanovsky, 1963; Philip et al., 1989]. Тектонические разломы, осложнявшие складчатость, сопровождалась вулканизмом с образованием эффузивов – базальтов, андезитов, дацитов, а также туфобрекчий [Государственная геологическая карта СССР, 1987].

На северном склоне Большого Кавказа проявлены более поздние фазы альпийской складчатости – в них, помимо юрских и меловых, участвуют отложения палеогена и неогена. Памятник Усть-Джегута находится в полосе стабильного развития (мощность до 400 м) морских глин майкопской серии олигоцен-нижнемиоценового возраста, протянувшейся вдоль всего Северного Кавказа и имеющей продолжение на Крымском п-ове и в Западном Причерноморье. Майкопская серия, как правило, перекрыта глинами, алевролитами и песками четвертичных террас. Однако эрозия, усилившаяся после поздних фаз альпийской активности, нередко приводила к обнажению дочетвертичных пород – палеогеновых глин, песчаников, мергелей и известняков. Так, в 5–7 км севернее памятника

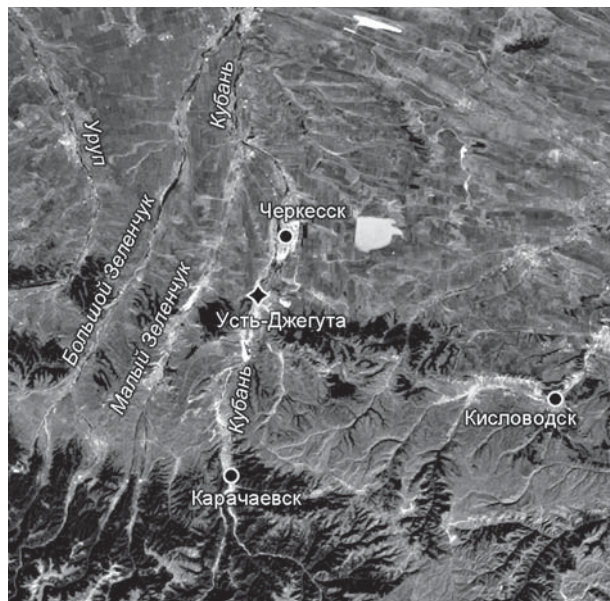

Рис 1. Расположение поселения Усть-Джегута.

встречаются выходы палеоценовых и эоценовых глин, мергелей и алевролитов [Государственная геологическая карта СССР, 1957]. Примечателен набор пород в отложениях майкопской серии: в пределах Карачаево-Черкесии в бассейне Кубани и ее притоков они представляют собой чередование слоев (мощность по 100–150 м) известковистых глин и мергелей и известковистых глин, часто с включениями доломитовых и известняковых конкреций и локально развитыми прослоями песчаников [Белуженко, Филиппова, Письменная, 2014].

Характеристика керамической коллекции памятника

Курганы и поселение Усть-Джегуты впервые были исследованы в 1964 г. Т.М. Минаевой и А.Л. Нечитайло [Нечитайло, 1978; Nechitajlo, 2007]. Материалы исследования, хранящиеся в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, вызывают большой интерес у археологов, однако до сих пор опубликованы не полностью.

Согласно полевым наблюдениям и сборам А.Л. Нечитайло, археологические находки, относящиеся к памятнику, распространены на площади 50 га [Nechitajlo, 2007]. Раскопки поселения не проводились. Находки были обнаружены на поверхности или в отвалах земли. Эти материалы включают фрагменты обмазки с отпечатками плетней, нуклеусы, каменные орудия, кости животных и большое количество керамики.

Керамическая коллекция Усть-Джегуты состоит в основном из банок, мисок, чаш/чанов и пифосов. В нее входят также сферические горшки, кубок и посуда для приготовления пищи (горшки и жаровни). В коллекции имеются глиняные подставки.

На основе визуального анализа коллекцию Усть-Джегуты можно разделить на три группы:

1-я – посуда из мелкозернистой глиняной массы, различная по цвету – от бежевого до розового или красного, с небольшими органическими включениями или без таковых. Покрыта преимущественно ангобом, с заглаженной или лощенной поверхностью. Включает разнообразные сосуды для подачи и хранения пищи: миски, банки, сферические горшки и кубок;

2-я – посуда из глины с обильными растительными включениями сероватого, бежево-розового, красного или желтоватого цвета. Покрыта ангобом, с заглаженной или тщательно залощенной поверхностью. Включает пифосы, чаши/чаны диаметром до 80 см и банки;

3-я – посуда из формовочной массы с добавками крупнозернистого песка и иногда с растительными включениями, а также без них, от темно-серого до ко-

ричневого цвета. Предназначена для приготовления пищи (жаровни и горшки).

По определению С.Н. Корневского, керамические изделия из Усть-Джегуты типологически соответствуют галюгаевско-серегинскому варианту майкопской керамики (3 900–3 600/3 300 лет до н.э.) [2004, с. 50].

Методы исследования

Были обследованы 179 фрагментов и сосудов, в т.ч. 168 с поселения и 11 из курганов. Для минералогического анализа отобран 51 сосуд, в т.ч. 44 с поселения и 7 из кург. № 13, 32, 40 и 45. Отбор проб произведен качественным методом для обеспечения широкого разнообразия типов посуды и формовочных масс. Хотя дошедшая до нас керамика малочисленна, обследованная выборка включала сосуды всех типов, характерных для майкопских поселений.

Выборка составлена из репрезентативного количества сосудов ($n = 51$). Она включает горшки для приготовления пищи, жаровни и глиняную подставку. Методы формовки, обработка поверхности и состав сырья исследовались визуально и анализировались методами оптической минералогии [Iserlis et al., 2015; Whitbread, 1995]. Цвет и ориентация основного компонента теста определялись и описывались в соответствии со справочным руководством по описанию почвенных шлифов [Handbook..., 1985]. Были проанализированы минералы, встречающиеся в тонкозернистой фракции и среди отошителей. Частота встречаемости, классификационная принадлежность, морфология и степень окатанности минералов описывались с помощью визуальных карт [Ibid.]. В данной статье добавками считаются природные или введенные гончаром частицы. Образцы были разделены на группы по петрографическому составу глины и добавок. Петрография шлифов сопоставлялась с геологическими картами и образцами сырья [Геология Большого Кавказа..., 1976; Государственная геологическая карта СССР, 1957, 1987; Государственная геологическая карта России, 2000].

С учетом площади водосбора р. Кубань около памятника [Vita-Finzi, 1978] из окрестностей Усть-Джегуты для определения возможных источников глины было отобрано пять образцов потенциального сырья. Для каждого из них в естественном и обожженном гончарным способом виде были изучены шлифы. Для проверки пластичности, усадки и условий обжига изделий были подготовлены специальные тестовые брикеты [Iserlis et al., 2015].

В данном исследовании термин «класс посуды» описывает сосуды, сходные по макроскопическому составу глины, методам работы с материалом, приемам обработки поверхности и способам обжига.

Термин «формовочная масса» или «тесто» отражает сочетание различных компонентов и характеристик керамического изделия, включая глинистую часть, добавки и способы подготовки формовочной массы глины, определяемые методом исследования под микроскопом. Основу каждой формовочной массы составляет глина одного сорта из определенного месторождения. Посуда одного класса могла изготавливаться из различных формовочных масс и глина из одного источника могла использоваться производителями разных изделий, однако тесто определенного состава могло относиться только к одной мастерской или индустрии (несколько тесно связанных между собой мастерских).

Результаты исследования

Гончарные техники. Большая часть сосудов изготавливалась методом жгутового налепа. Следы от жгутов и горизонтальных соединений между ними видны на поверхности и в разрезе изделий. Не имеется свидетельств использования гончарного круга или турнетки. Выравнивание поверхности с помощью инструментов характерно для тех сосудов, которые не предназначались для приготовления пищи [Lyonnet, 2007; Nechitajlo, 2007].

Некоторые чаши/чаны и пифосы имеют следы применения техники жгутового налепа с использованием глиняных лоскутов. Наличие отпечатков рогожи и соломы на внешней поверхности закругленного основания пифоса позволяет предполагать, что нижняя часть сосуда изготавливалась в ямке-форме, покрытой тканью и/или соломой. Согласно отпечаткам веревок на внешней поверхности и глубоких следов от пальцев в нижней части пифоса, после создания стенок их закрепили веревкой; сосуд был еще сырой, когда его извлекли из ямки. Затем гончар обстрогал внешнюю нижнюю поверхность и соскреб излишки глины с наружных стенок, поддерживаемых веревками, с помощью жесткого орудия (кремневого ножа?). Лишнюю глину между жгутами он срезал или соскреб с целью выравнивания внешней поверхности чаш и удаления швов.

С точки зрения техники изготовления, за исключением методов обработки поверхности, сосуды для приготовления пищи (посуда 3-го класса) сходны с сосудами, предназначенными для других целей (посуда 1-го и 2-го класса). После завершения конструирования основного объема жаровни гончар намазывал внешнюю поверхность толстым, а внутреннюю – тонким слоем глины, после чего стенки изнутри тщательно заглаживал или шлифовал. Поверхность горшков подвергалась также лощению или заглаживанию, но при этом мастер прилагал гораздо меньше усилий

к выравниванию и устранению складок или стыков между жгутами.

Толстый дополнительный слой ангоба обычно наносился на чаши/чаны и некоторые пифосы. По завершении формирования основного объема изделия сосуд покрывали дополнительным слоем глины толщиной до 2,5–2,9 мм, а после сухую или слегка увлажненную поверхность лощили твердым или полутвердым инструментом с рабочим краем шириной 2,0–3,3 см.

Характер и цвет изломов поверхности некоторых чаш/чанов и пифосов свидетельствуют о кратковременном обжиге в окислительной среде. На сосудах, определяемых как горшки для приготовления пищи, имеются признаки длительного воздействия огня – следы сажи и обширного поверхностного растрескивания.

С учетом особенностей техники изготовления керамика делится на три основные группы:

1-я – миски, сферические горшки, кубок и банки. Для создания тулова использовались глиняные жгуты. Для придания изделию формы применялась техника «наковальня и молоточек». Поверхность покрывали ангобом, выравнивали, заглаживали и изредка лощили;

2-я – чаши/чаны и пифосы. Создавались из жгутов и дополнительных глиняных лоскутов. Для поддержки толстых стенок во время формовки и сушки использовались веревки. После формовки и сскабливания глины со стенок для достижения нужной толщины происходил длительный процесс обработки поверхности. Для сосудов данной группы характерна лощеная или тщательно заглаженная внешняя поверхность;

3-я – сосуды для приготовления пищи. Для них характерны не очень тщательная обработка поверхности (главным образом выравнивание) и покрытие густым ангобом.

Минеральный состав формовочных масс. По относительному количеству минералов и следам предварительной обработки сырья было определено 17 видов формовочной массы. Основные группы глин (А, Б, ББ, В, Г и Е) обозначаются прописными буквами, к которым могут добавляться цифры с указанием различных типов включений (см. таблицу).

Группа А. Формовочная масса А2 (рис. 2, а).

Основа этой формовочной массы известковая. Иловый компонент массы включает известняк, оксид железа, полевой шпат, слюду, амфибол и некоторое количество фораминифер (< 7 %). Добавки состоят из округлых или угловатых частиц полевого шпата размером до 250 мкм (иногда до 370 мкм, 10 %), а также растительного материала (1 300–3 200 мкм, 5 %), вторичных известковых пород (до 2 000 мкм, > 3 %), известняка (иногда распавшегося и преимущественно содержащего фораминиферы (до 540 мкм,

Распределение сосудов выборки в соответствии с составом формовочной массы, экз.

Сосуд	A2	B2	B3	B2-17	B3-17	B52-6	B52-6-16	B52-6-7-16	B2-17	B17	BВ17	BВ2-17	Г2	Г4	E2	E2-17	EE	Не опре- делено	Итого, экз.
Миска	1	1	1	1	1	3	1	1	1	1	1	1	4	1	2	1	1	1	10
Сферический горшок	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	3
Кубок	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Банка	1	2	1	1	1	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	13
Банка/горшок для при- готовления пищи	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2
Пифос	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	6
Чаша/чан	1	1	1	1	1	1	6	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	7
Миниатюрный сосуд	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Жаровня	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2
Горшок	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	5
Подставка	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Итого	1	5	1	2	1	6	13	2	2	1	1	2	6	1	3	1	2	1	51

Примечание. Добавки: 2 – растительный материал, 3 – шамот, 4 – вулканическая порода, 6 – известняковый песок, 7 – полевошпатовый кварц, возможно измельченный, 16 – песчаник/алеволит/аргиллит, 17 – гранитный песок.

> 7 %), окатанных зерен риолита (40 %) и базальта (до 600 мкм, > 3 %), пластинок слюды (450–1 000 мкм, > 3 %), включений аргиллита и песчаника (до 300 мкм, > 1 %), а также амфибола (до 400 мкм, > 1 %).

Группа Б. Формовочные массы Б3, Б2, Б2-17 и Б3-17 (рис. 2, б). Основа формовочной массы у сосудов этой группы глинистая, с оптической ориентацией от очень слабой до сильно выраженной, содержит концентрации оксидов железа. Иловый компонент массы включает полевошпат, слюду, оксид железа, амфибол и известковые породы (3 %). Непластичные ингредиенты – частицы полевого шпата (угловатые и окатанные (до 180–270 мкм, < 3–7 %)), известняк (до 150 мкм, < 1–1 %), чешуйки слюды (до 90 и 120, редко до 200 мкм, > 1 – > 3 %), амфибол (до 130 мкм, > 1 %) и зерна риолита (до 380 мкм (очень редко), до 1 %). Иногда в шлифах наблюдался также доломит.

Формовочная масса Б3. В глину одного сферического горшка был добавлен шамот (> 3 %). Угловатые частицы шамота (450–1 000 мкм) относятся к той же самой группе глины.

Формовочная масса Б2. Гончары Усть-Джегуты использовали также глину группы Б с добавками растительного материала. Наблюдались два типа частиц: игольчатые размерами 20–30 × 1 300–2 000 мкм и короткие прямые размерами 50–130 × 500–800 мкм (> 1 %). Оба вида частиц иногда содержали следы тканей и фитолитов.

Формовочная масса Б2-17. Были определены два образца с типичной глиной группы Б, с природными и искусственно введенными растительными (2,3–6,0 и 70–130 × 1 300 мм, > 1 – < 3 %) добавками. Основа формовочной массы илистая (до < 7 %). Добавки включают остроугольные и окатанные зерна полевого шпата и кварца (до 2 000–2 300 мкм, < 30 %), пластинок слюды (до 550–900 мкм, < 3 %), амфибол (до 200–400 мкм, 1 – > 1 %) и округлые зерна риолита (до 600 мкм, < 1 %). Наблюдалось присутствие доломита (1 – < 3 %) и известковых пород.

Формовочная масса Б3-17. Добавки включали частицы шамота, форма которых варьировала от остроугольной до слабоокатанной (250–2 800 мкм, 15 %), обломки гранита от угловатой до округлой фор-

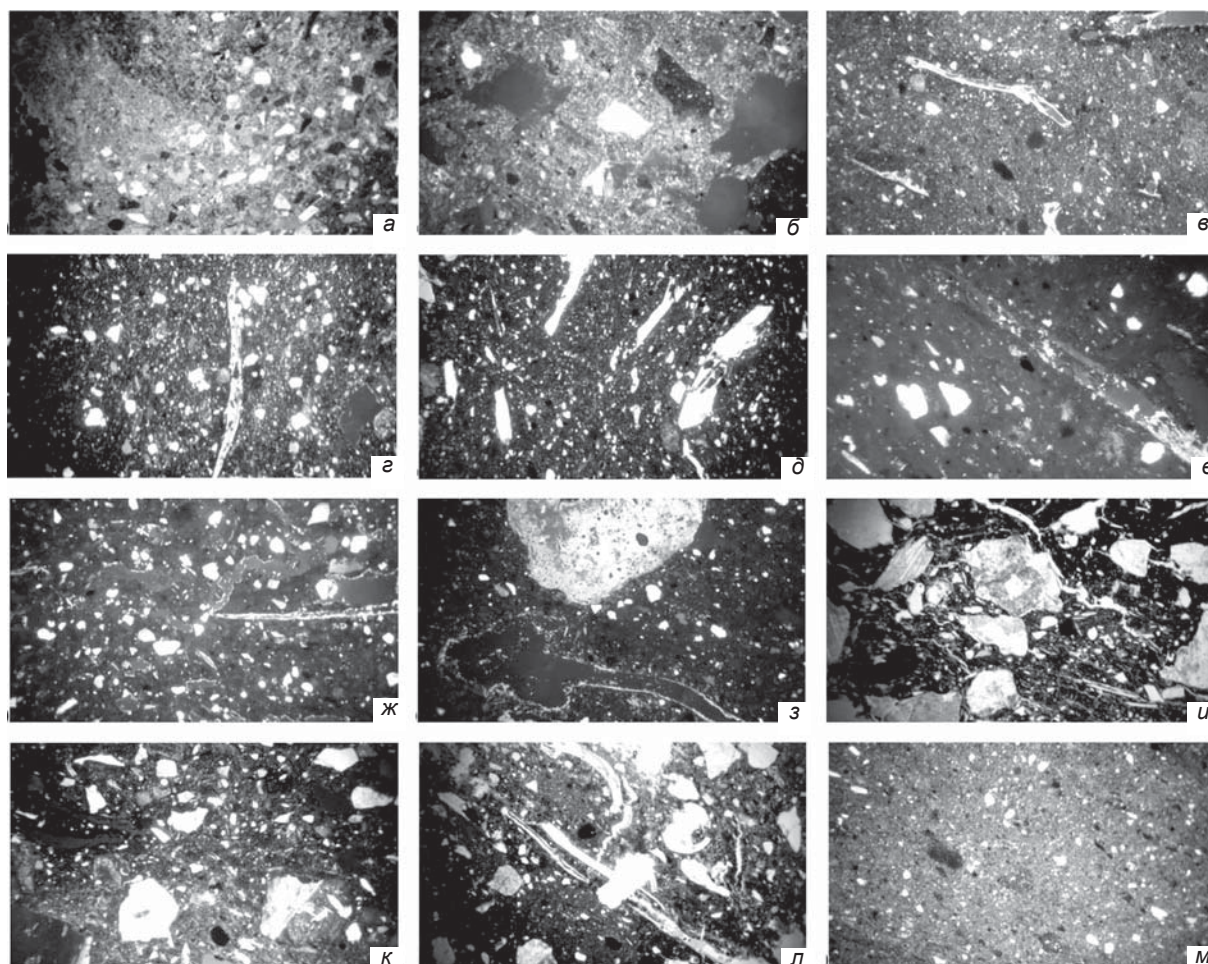

Рис. 2. Микрофотографии шлифов.

а – подставка, образец 23 (XPL, ширина поля 4,3 мм), формовочная масса А2; *б* – миниатюрный сосуд, образец 24 (XPL, ширина поля 4,3 мм), формовочная масса Б3-17; *в* – банка, образец 37 (XPL, ширина поля 3,9 мм), формовочная масса ББ2-6; *г* – банка, образец 26 (XPL, ширина поля 4,1 мм), формовочная масса Е2; *д* – пифос, образец 30 (XPL, ширина поля 4,1 мм), формовочная масса ББ2-6-16; *е* – чаша/чан, образец 47 (XPL, ширина поля 3,2 мм), формовочная масса ББ2-6-7-16; *ж* – чаша/чан, образец 40 (XPL, ширина поля 3,6 мм), формовочная масса ББ2-6; *з* – чаша/чан, образец 40 (XPL, ширина поля 3,4 мм), формовочная масса ББ2-6; *и* – горшок для приготовления пищи, образец 22 (PL, ширина поля 3,9 мм), формовочная масса В 17; *к* – горшок для приготовления пищи, образец 20 (XPL, ширина поля 4 мм), формовочная масса Б2-17; *л* – жаровня, образец 16 (PL, ширина поля 4 мм), формовочная масса Е2-17; *м* – миска, образец 11 (XPL, ширина поля 4,2 мм), формовочная масса Г2.

мы, частицы полевого шпата и кварца (до 900 мкм, 5 %), известняка (до 180 мкм, 1 %), пластинки слюды (до 550–900 мкм, < 3 %), зерна амфибола (до 200 мкм, > 1 %) и полуокатанные частицы базальта и риолита (до 600 мкм, < 1 %).

Группа ББ. Формовочные массы ББ2-6, ББ2-6-16 и ББ2-6-7-16 (рис. 2, в, д-з).

Формовочная масса ББ2-6. Глина этой группы почти соответствует глине группы Б, но она более пористая и карбонатная. Зерна известняка преимущественно распались с образованием тонкодисперсного белесоватого агрегата: высокие температуры обжига, которым подвергались сосуды данной группы, вызывали микровзрывы известняковых зерен. Основа массы пористая (3 %), глинистая, имеет слабо выра-

женную оптическую ориентировку глинистых частиц. Илистый компонент состоит из известняка, полевого шпата, слюды, оксида железа и амфибола (< 5 %). Добавки содержат большее количество зерен известняка и более мелких частиц полевого шпата, чем тесто группы Б. Непластичный компонент массы включает угловатые или округлые частицы полевого шпата (до 170 мкм, редко до 330 мкм, > 1 – < 3 %), известняк и вторичную известковую породу (до 230–660 мкм, 3 – < 7 %), чешуйки слюды (до 90 и 120 мкм, > 1 – < 3 %), амфибол (до 130 мкм, > 1 %), растительный материал (50–130 × 500–800 мкм, > 1 %), аргиллит (< 1 %) и очень редкие зерна риолита и песчаника. Судя по более высокому содержанию известкового материала в основе массы или/и в добавках, вероятно

дробленный, известняк был добавлен и измельчен вместе с глиной группы Б.

Формовочная масса ББ2-6-16. Представлена 13 образцами с типичной глиной группы ББ2-6, включениями и добавками соломы и мякны ($180\text{--}400 \times 1700\text{--}7000$ и $11\ 000$ мкм, $> 7\%$), более крупными зернами известняка с фораминиферами (до $2\ 000$ или $2\ 300$ мкм, $< 1\text{--}3\%$) и мела, а также зернами аргиллита (до $2\ 300$ мкм, $> 1\text{--}5\%$). Удлиненные ($7\ 500\text{--}11\ 000$ мкм) частицы растительного происхождения, фитолиты и растительные ткани наблюдались в шлифе образца, взятого из чаши/чана (образец 40).

Формовочная масса ББ2-6-7-16. Иногда гончары Уст-Джегуты добавляли в глиняную массу полевой шпат и кварцевый песок. Крупные сосуды (банка и чаша/чан) изготовлены из типичной глины группы ББ с добавлением полевого шпата и кварцевого песка (до 760 мкм, $< 15\%$), соломы и мякны ($180\text{--}400 \times 1\ 700\text{--}7\ 000$ до $10\ 500$ мкм, $> 7\%$). Масса также содержит зерна известняка и мела с фораминиферами (до $2\ 000$ или $2\ 300$ мкм, $< 1\text{--}3\%$), также аргиллита (до $2\ 300$ мкм, $1\text{--}3\%$).

Группа В. Формовочные массы В17, В2-17, ВВ17 и ВВ2-17 (рис. 2, и, к).

Формовочная масса В17. Основа массы глинистая некарбонатная, частицы которой имеют сильно выраженную ориентировку. Илистый компонент содержит полевой шпат, кварц, слюду, амфибол и оксид железа ($5\text{--}7\%$). Добавки включают обломки гранита и полевого шпата от угловатой до округлой формы, а также зерна кварца (до $2\ 000\text{--}2\ 300$ мкм, $25\text{--}30\%$), пластинки слюды (до $550\text{--}1\ 300$ мкм, $< 3\text{--}5\%$), амфибол (до $200\text{--}400$ мкм, $1\text{--}1\%$) и окатанные обломки риолита (до 600 мкм, $< 1\%$).

Формовочная масса В2-17. Два образца изготовлены из глины группы В17, в которую был добавлен растительный материал размерами $70\text{--}130 \times 1\ 300$ мкм ($1\text{--}3\%$).

Формовочная масса ВВ17. Типичная глина с добавлением массы В17, растительного материала ($> 1\%$) и зерен известняка (до 220 мкм, $< 1\%$).

Формовочная масса ВВ2-17. Типичная глина с добавлением массы В17, растительного материала ($1\text{--}3\%$) и зерен известняка (до 230 мкм, $< 1\%$).

Группа Г. Формовочные массы Г4 и Г2 (рис. 2, м). Основа массы мергелистая, содержит следы доломита и фораминиферы. Иловый компонент включает известняк, полевой шпат, слюду, оксид железа и амфибол ($< 5\%$). В непластичный компонент массы входят угловатые и округлые частицы полевого шпата (до $120\text{--}170$ мкм, $< 3\text{--}5\%$), микрозернистые известняки с фораминиферами (до 600 или 760 мкм, $> 3\text{--}7\%$), зерна аргиллита и песчаника (до 500 мкм, $< 3\text{--}7\%$), чешуйки слюды (до 90 мкм, $> 1\text{--}3\%$) и амфибол (до 100 мкм, 1%).

Формовочная масса Г4. К глине одной банки были добавлены угловатые зерна риолита (до $1\ 750$ мкм, $< 3\%$).

Формовочная масса Г2. Гончары Усть-Джегуты использовали также глину группы Г с добавлением растительного материала ($50\text{--}130 \times 400\text{--}500$ мкм, $< 1\%$). Из этой массы были сделаны четыре миски, кубок и банка.

Группа Е*. Формовочные массы Е2, Е2-17 и ЕЕ (рис. 2, з, л). Основа глиняных масс этой группы мергелистая либо известковая с умеренным или богатым содержанием фораминифера, а также илистая. Иловый компонент состоит в основном из кальцита и известняка, содержит также зерна полевого шпата, кварца, оксидов и менее 5% слюды и амфибола. Непластичный компонент массы включает зерна полевого шпата и кварца от угловатой до округлой формы (до 370 мкм, $5\text{--}7\%$), известняк (до 400 мкм, $> 1\text{--}3\%$), кальцит (до 120 мкм, $> 1\%$), пластинки слюды (до 270 мкм, $< 1\text{--}3\%$) и аргиллит (до $1\ 300$ или $9\ 000$ мкм, $< 3\text{--}7\%$).

Формовочная масса Е2. Обнаружены три образца с типичной глиной группы Е, включениями и добавленным растительным материалом в виде частиц ткани и фитолитов ($70\text{--}200 \times 1\ 400\text{--}4\ 000$ или $120\text{--}700\text{--}1\ 400 \times 10\ 000$ мкм, $1\text{--}5\%$).

Формовочная масса Е2-17. Добавки включают остроугольные и угловатые частицы измельченного гранита ($500\text{--}2\ 700$ мкм, $< 20\%$), угловатые и округлые зерна полевого шпата, частицы кварца (до $150\text{--}580$ мкм, $5\text{--}7\%$), следы растительного материала ($60\text{--}170 \times 900\text{--}2\ 600$ мкм, 5%), слюду ($80\text{--}540$ мкм, $> 1\%$) и оксиды (до 90 мкм, 1%).

Формовочная масса ЕЕ. Представляет собой более тонкозернистый вариант смесей группы Е (масса Е2 и Е2-17) с известняком и фораминиферовым мелом (до 360 мкм, 3%), аргиллитом (до $1\ 200$ мкм, $> 1\%$), зернами полевого шпата от угловатой до округлой формы и частицами кварца (до 170 мкм, $> 1\%$), а также небольшим количеством слюды и амфиболовых зерен.

Источники глинистого сырья исследованных сосудов

Результаты микроскопического исследования и анализа образцов сырья из поселения Усть-Джегуты, а также данные из геологической литературы позволяют сделать вывод о соответствии формовочной

*Группа Д не указывается, поскольку была объединена с группой Б по результатам минералогических наблюдений. Мы сохранили первоначальные обозначения групп, чтобы избежать путаницы и ошибок.

массы А2 глине с территории памятника. Из этой глины была изготовлена подставка.

Формовочная масса образцов группы Б по составу сходна с таковой образцов группы ББ (21 горшок) и с глинами, выходы которых имеются в окрестностях памятника, но глины группы ББ отличаются более высоким содержанием крупных известковых зерен и более низким содержанием полевого шпата. Из этого следует, что сырьем могли быть как четвертичные глины террасы, так и палеогеновые глины ближайших выходов. Хотя известняк и полевой шпат в виде добавки к тесту характерны для обеих групп и представлены в осадочных породах всего региона, содержание и частота этих компонентов различны, что можно объяснить разницей в методах работы гончаров. Таким образом, формовочную массу группы ББ можно определить как состоящую из просеянной и отмученной глины группы Б с добавлением известняка или глины группы Б, размятой гончарами после добавления известнякового песка.

Формовочная масса группы Г и ее непластичный компонент соответствуют отложениям в окрестностях памятника и обнаруживают сходство с таковыми групп Б и ББ, за исключением ее мергельной основы. Глину образцов этой группы можно определить как мергель, добытый на некотором расстоянии от мест выхода глины Б и ББ. Автор данного исследования зафиксировал выходы меловых и палеоцен-эоценовых мергелей, покрытых известковыми глинами, на расстоянии 2 и 8 км к югу от памятника и отобрал пробы для анализа [Государственная геологическая карта СССР, 1987; Государственная геологическая карта России, 2000]. Характерная основа и включения в глинах групп Б, ББ и Г могут быть связаны с образованиями, находящимися к югу от поселения Усть-Джегута, на Пастбищном хребте.

Масса группы В и ее непластичный компонент, за исключением невыветренного гранита и его производных, соответствуют отложениям в окрестностях памятника. Таким образом, эту массу можно определить как местную глину с добавлением измельченного гранита из р. Кубань, русло которой покрыто булыжниками и валунами из гранита, а также других магматических и метаморфических пород.

Образцы группы Е в керамической коллекции Усть-Джегуты выделяются ярко выраженной местной спецификой. Масса этой группы определена как местный мергель. Сопутствующие основе включения указывают на отложения в пределах территории памятника.

На основании анализа образцов потенциального сырья и геологических карт сделан вывод о том, что глины групп Б, В, Г и Е могли быть добыты в окрестностях (до 2–5 км) памятника.

Дискуссия

Оптико-минералогическое исследование образцов позволило определить сырье для создания различных функциональных групп керамики:

1. Все сосуды для приготовления пищи (3-й класс) изготовлены из глины с добавлением гранита или гранита и растительного материала; шесть из семи изделий сделаны из глин группы В.

2. Сосуды, не предназначенные для приготовления пищи (миски, сферические горшки, кубок, банки и пифосы; 1-й класс), созданы из глины групп Б, ББ или Г с добавлением растительного материала, шамота, известняка, аргиллита, гранита и полевого шпата или глины группы Е с добавками растительного происхождения.

3. Чаши/чаны и пифосы (2-й класс) почти всегда делали из глин группы ББ с добавками растительного происхождения, известняка, аргиллита и полевого шпата.

В формовочной массе всех сосудов, не предназначенных для приготовления пищи, зафиксированы глины групп Б, ББ. Крупные чаши/чаны и пифосы изготавливались в основном (в 11 из 13 случаев) из глины группы ББ с богатым содержанием растительного материала и с добавками в виде известняка или аргиллитового песка (формовочные массы ББ2-6-16 и ББ2-6-7-16). Небольшие сосуды делали, как правило, из формовочных масс с добавлением измельченной соломы, гранита, известняка или шамота. Растительный материал, известняк и аргиллит включали в тесто для толстостенных пифосов и чаш/чанов с целью уменьшения пластичности и обеспечения прочности тулова. Гончары Усть-Джегуты постоянно вводили добавки в глиняную массу, но в окончательном виде эта смесь (формовочная масса) всегда соответствовала задачам изготовления конкретных изделий. Из тонкозернистых смесей делали сосуды с тонкими стенками (банки, сферические горшки и миски), предназначенные для транспортировки или повседневного использования.

Подставка отличается от остальной керамической посуды по составу формовочной массы: предмет изготовлен из местной глины, которая никогда не применялась производителями горшков.

Заключение

Керамика майкопской культуры с поселения Усть-Джегута демонстрирует относительно высокую вариативность по соотношению основы и добавок, а также по сочетанию различных крупных частиц отощителей. Для группы из 41 сосуда, которые не предназна-

чались для приготовления пищи, выделено 10 рецептов формовочных масс (см. *таблицу*). Прослежена связь между классом изделий, таких как чаны, пифосы и некоторые банки и миски, и рецептом формовочной массы, однако 12 исследованным банкам соответствуют не менее 9 рецептов, 10 мисок, отобранных для анализа, сделаны из 4 различных смесей. Основываясь на визуальных наблюдениях и оптико-минералогическом анализе, можно выделить три основные индустрии Усть-Джегуты:

1 – чаши/чаны и пифосы почти всегда создавались высококвалифицированными гончарами с использованием высокоспециализированных формовочных масс (ББ2-6-16, ББ2-6-7-16);

2 – большая часть сосудов, не предназначенных для приготовления пищи, сделана менее квалифицированными мастерами, чем вышеуказанная посуда, из формовочных масс по меньшей мере 8 рецептов, основанных на 4 типах глины (Б, ББ, Г, Е);

3 – сосуды для приготовления пищи, которые отличаются от вышеуказанных типов сосудов, не предназначенных для приготовления пищи, по типу глины, рецепту, методам обработки поверхности и высокой вариативностью по морфологии, делали в рамках домашнего производства.

Керамика из Усть-Джегуты не однородна, она изготовлена, вероятно, разными мастерами, отражает различные традиции и, главное, низкий уровень специализации для индустрий 2 и 3. Такие массивные и сложные сосуды, как чаши, большая часть пифосов и некоторые банки созданы высококвалифицированными гончарами, которые специализировались на изготовлении крупных изделий. Основная часть керамики из Усть-Джегуты, особенно миски, сферические горшки и большинство банок (индустрия 2), сделаны менее квалифицированными мастерами, не имевшими навыков производства крупных сосудов. Посуда для приготовления пищи изготавливалась в рамках домашнего производства или не очень квалифицированными мастерами [Rice, 2015, p. 358–362].

Представленный анализ показывает технологический уровень майкопской гончарной традиции мастеров Усть-Джегуты. Гончары, делавшие сосуды, не предназначенные для приготовления пищи (индустрия 2), использовали один из четырех местных типов глины (Б, ББ, Г и Е) и создавали изделия из аналогичных, но не одинаковых формовочных масс. Мастерам, изготавливавшим чаны и пифосы, приходилось прилагать больше усилий для поиска подходящей глины (ББ), смешивания специального теста и создания шлифованной или лощеной поверхности. Это может быть связано со стремлением угодить потребителям, которые ожидали получать горшки с предсказуемыми физическими качествами (объем, долговечность и устойчивость к механическим воздействиям).

Рис. 3. Миниатюрный сосуд (образец 24).

Добавление шамота и гранитного песка в глину миниатюрного сосуда (высота 7,3 см) невозможно объяснить стремлением к увеличению прочности или ударостойкости. Гончар сделал этот сосуд (рис. 3), следуя методам создания «обычных» сосудов, в т.ч. последовательное наложение глиняных жгутов и лощение наружной поверхности. Использование этих методов, как и введение редко добавляемых шамота и гранита в глину группы Б (имеющей свои природные включения), вероятно, определялось традицией, морфологией, функцией изделия, а также знаниями, которые передавались из поколения в поколение. Горшок являлся мнемоническим объектом – носителем информации о сырье и производстве и использовался при взаимодействии гончаров сообщества [Blackmore, 2010]. Воспроизведение традиции с использованием основных технологических приемов, предполагающих знание «стандартного» типа глины, системы наложения глиняных жгутов и лощения, свидетельствует о сложившейся специализации в гончарном производстве.

Технологический анализ керамики из Усть-Джегуты позволяет по-новому взглянуть на майкопский феномен и его гончарное производство, более точно определить характеристики утвари и способствует пониманию связи между производителями, их продукцией и потребителями этой продукции.

Благодарность

Данное исследование было выполнено в отделе Евразии Германского археологического института (Бер-

лин, Германия) при поддержке Фонда Фрица Тиссена. Автор выражает благодарность сотрудникам Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве Н.А. Охонько и С.Л. Кравцовой за предоставленную возможность работать с материалами Усть-Джегуты, а также сотруднику Государственного музея искусства народов Востока (Москва) О.А. Брилевой за помощь в исследовании и ценные замечания.

Список литературы

- Андреева М.В.** К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. – 1977. – № 1. – С. 39–56.
- Белуженко Е.В., Филиппова Н.Ю., Письменная Н.С.** Маркирующие горизонты олигоцен-нижнемиоценовых (майкопских) отложений Северного Кавказа и Предкавказья // Бюл. Моск. об-ва исследователей природы. Отд. геол. – 2014. – Т. 89, вып. 1. – С. 21–35.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы. – М.: Наука, 1978. – 275 с.
- Геология Большого Кавказа.** Новые данные по стратиграфии, магматизму и тектонике на древних и Альпийском этапах развития складчатой области Большого Кавказа / Г.Д. Ажигирей, Г.И. Баранов, С.М. Кропачев, Д.И. Панов, С.М. Седенко. – М.: Недра, 1976. – 263 с.
- Государственная геологическая карта России.** Л. L(37) (38) / ред. Л.Ф. Волчегурский. – 1:1 000 000. – 1 изд. – СПб.: ВСЕГЕИ, 2000.
- Государственная геологическая карта СССР** / сост. Н.И. Лупарев, Н.М. Прохоренко; ред. Н.С. Волкова. – 1:200 000. – М., 1957.
- Государственная геологическая карта СССР.** Л. K(37) (38) / ред. Ю.С. Маймин. – 1:1 000 000. – Л.: ВСЕГЕИ, 1987.
- Корневский С.Н.** Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 243 с.
- Корневский С.Н., Кизилов А.С.** К вопросу об изучении технологии изготовления керамики майкопско-новосвободненской общности по методике А.А. Бобринского и новые эксперименты // Самар. науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 59–71.
- Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука, 1975. – 475 с.
- Мунчаев Р.М.** Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С. 158–225. – (Археология СССР).
- Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г.** Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. – Баку: N-Print, 2007. – 128 с.
- Нечитайло А.Л.** Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – Киев: Наук. думка, 1978. – 148 с.
- Нечитайло А.Л.** Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. – Киев: Наук. думка, 1991. – 115 с.
- Поплевко Г.Н.** Некоторые технологические приемы формовки и последующей обработки керамики по данным экспериментально-трассологических и этнографических исследований // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье: XXX Крупновские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. Карачаевск, 22–29 апр. 2018 г. – Карачаевск, 2018. – С. 125–128.
- Резепкин А.Д.** Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации: XXVII Крупновские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апр. 2012 г. – Махачкала, 2012. – С. 125–128.
- Резепкин А.Д., Кулькова М.А.** Сравнительный петрографический анализ керамики из поселений майкопской культуры // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье: XXX Крупновские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. Карачаевск, 22–29 апр. 2018 г. – Карачаевск, 2018. – С. 131–134.
- Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н.** Классификация мисок поселений майкопской культуры // Зап. ИИМК РАН. – 2009. – № 4. – С. 81–88.
- Трифонов В.А.** Поправки абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: мат-лы Междунар. науч. конф. «К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» (23–28 апреля 2001 г., Самара). – Самара, 2001. – С. 71–82.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.** Радиоуглеродная хронология майкопской общности // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: мат-лы Междунар. науч. конф. 1–5 октября 2007 г. Махачкала. – Махачкала, 2007. – С. 10–29.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.** Керамический комплекс поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // Историко-археологический альманах. – 2013. – № 12. – С. 13–27.
- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina S.A., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Křiška A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E.** Population Genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. – 2015. – N 522. – P. 167–172.
- Blackmore C.** Social Learning Systems and Communities of Practice. – L.: Springer, 2010. – 218 с.
- Handbook for Soil Thin Section Description** / P. Bullock, N. Fedoroff, A. Jongerius, G. Stoops, T. Tursina, U. Babel. – Albrington: Waine Research Publ., 1985. – 152 с.
- Iserlis M., Goren Y., Hovsepian I., Greenberg R.** Early Kura-Araxes Ceramic Technology in the 4th Millennium BC

Site of Tsaghkasar, Armenia // *Paléorient*. – 2015. – N 41 (1). – P. 9–24.

Khain V.E., Milanovsky E.E. Structure tectonique du Caucase d'après les données modernes // *Livre à la Mémoire du Professeur Paul Fallot: L'évolution paléogéographique et structurale des domaines méditerranéen et Alpains d'Europe: Mémoires de la Société géologique de France*. – 1963. – T. 2. – P. 663–702.

Kohl P.L. The Making of Bronze Age Eurasia. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. – 296 p.

Lemonnier P. The Study of Material Culture Today: Towards an Anthropology of Technical Systems // *J. of Anthropological Archaeology*. – 1986. – N 5. – P. 147–186.

Leroi-Gourhan A. L'homme et la matière: Évolution et Techniques. – P.: Albin Michel, 1943. – 352 c.

Lyonnet B. La Mésopotamie et le Caucase du Nord au IVe et au début du IIIe millénaires av. n.è. : leurs rapports et les problèmes chronologiques de la culture de Majkop. Etat de la question et nouvelles propositions // *Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe – IIIe millénaires*. – P.: De Boccard, 2000. – P. 299–320.

Lyonnet B. La culture de Maïkop, la Transcaucasie, l'Anolie Orientale et le Proche-Orient: relations et chronologie // *Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère)*. – P.: CNRS Editions, 2007. – P. 133–162.

Nechitajlo A. Le céramique de Ust'-Dzheguta, établissement du début de la culture de Maïkop en Karachevo-Tcherkessie // *Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère)*. – P.: CNRS Editions, 2007. – P. 163–178.

Philip H., Cisternas A., Gvishiani A., Gorshkov A. The Caucasus: An Actual Example of the Initial Stages of Continental Collision // *Tectonophysics*. – 1989. – N 161 (1/2). – P. 1–21.

Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräbelfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. – Rahden/Westf.: Mari Leidorf, 2000. – 74 s. + 85 fig.

Rice P.M. Pottery Analysis: A Sourcebook. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2015. – 592 c.

Sokolov A.S., Sharko F.S., Skryabin K.G., Prokhortchuk E.B., Nedoluzhko A.V., Boulygina E.S., Tsygankova S.V., Gruzdeva N.M., Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Rezepkin A.D. Six Complete Mitochondrial Genomes from Early Bronze Age Humans in the North Caucasus // *J. of Archaeological Sci.* – 2016. – N 73. – P. 138–144.

Vita-Finzi C. Archaeological Sites in Their Setting. – L.: Thames and Hudson, 1978. – 176 p.

Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr. / Hrsg. S. Hansen, A. Hauptmann, I. Motzenbäcker, E. Pernicka. – Bonn: Habelt, 2010. – 323 s.

Whitbread I.K. Greek Transport Amphorae: A Petrological and Archaeological Study. – Athens: British School at Athens, 1995. – 453 p.

*Материал поступил в редколлегию 05.09.18 г.,
в окончательном варианте – 04.10.18 г.*

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.024-032
УДК 902.01

С.Н. Кореневский

Институт археологии РАН

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

E-mail: skorennevskiy@yandex.ru

Комплексы с золотыми украшениями IV–III тыс. до н.э. из района Кавказских Минеральных Вод

В статье представлены краткий обзор комплексов с украшениями из золота майкопско-новосвободненской общности и особенности их символики. Приводится информация о четырех захоронениях с золотыми подвесками-кольцами Кавминводской группы среднего бронзового века Предкавказья. Одно из них (погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника) уникальное. Оно совершено под курганом высотой 7 м и содержит набор оружия и орудий, разложенных на деревянных подносах. На каменном завале над этим погребением обнаружена жертва в виде двух черепов быков. Рассматривается проблема воинских захоронений с бронзовыми и каменными топорами на Центральном Кавказе. Одним из основных выводов публикации является заключение о типах ранжирования погребений у элиты майкопско-новосвободненской общности в IV тыс. до н.э. и носителей северокавказской культуры Центрального Предкавказья в III тыс. до н.э. Отмечается, что эти племена относились к преполютарной фазе раннего догосударственного периода, но к разным моделям. Так, для племен майкопско-новосвободненской общности была характерна военно-производственная (плотницкая) символика, суперэлитарное ранжирование с обилием золота. В среднем бронзовом веке военно-производственная (плотницкая) символика сохраняется, но только в наборах с бронзовыми топорами южно-кавказского типа Начеркезеви. С каменными топорами представлена иная военно-производственная (кузнечная) символика. Высшая степень ранжирования военной элиты этой эпохи определяется комплексами с оружием ударного действия и золотыми подвесками головного убора.

Ключевые слова: золото, серебро, медно-бронзовый век, могильник, курган.

S.N. Korenevskiy

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,

Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia

E-mail: skorennevskiy@yandex.ru

Chalcolithic and Bronze Age (4th to 3rd Millennia BC) Burials with Gold Ornaments in the Caucasian Mineral Waters Area

This article presents a brief overview of Maikop-Novosvobodnaya assemblages with gold ornaments. Special attention is paid to symbolism. Gold ring pendants were found in four Middle Bronze Age burials near Meneralnye Vody, central north Caucasus. One of them (burial 4 under kurgan 3 at Lysogorsky-6) is very unusual. It was arranged under a seven-meter-high mound and contained a set of weapons and implements placed on wooden dishes. Among the stones heaped on the burial, an offering was found — two crania of bulls. Burials of warriors with bronze and stone axes, excavated in central Caucasus, are discussed. The Maikop-Novosvobodnaya people (4th millennium BC) and those of the North Caucasian culture (3rd millennium BC) differed with regard to social structure mirrored by the burials. While both those societies were on the early pre-state stage, the social models were different. The Chalcolithic society was marked by the military and production symbolism, specifically that related to carpentry, and the ranking was super-elitary, with abundant gold placed in burials. In the Middle Bronze Age society, symbols related to carpentry were still used, but along with bronze axes of the Transcaucasian (Nacherkezevi) type. Stone axes were associated with smithcraft. The higher degree of military elite stratification at that stage is revealed by assemblages with impact weapons and golden pendants attached to the headgear.

Keywords: Gold, silver, Chalcolithic, Bronze Age, cemetery, kurgan.

Введение

Золото и серебро сыграли выдающуюся роль в становлении экономики цивилизации и государства. Вместе с тем они являлись показателями высокого общественного престижа их владельцев еще в догосударственный период, будучи тесно связанными с магией и культовыми представлениями. Как конкретно это отражалось в погребальных обрядах разных культур медно-бронзового века – вопрос, требующий специального изучения. В данной статье мы рассматриваем комплексы с предметами из золота по материалам памятников III тыс. до н.э. в районе Кавказских Минеральных Вод на фоне его широкого распространения в Предкавказье в предшествующее время.

Описание комплексов

Как известно, золото активно использовалось в погребальных обрядах племенами майкопско-новосвободненской общности (МНО) в IV тыс. до н.э. Встречаются уникальные и массовые украшения из него: диадемы, цветы, кольца, височные подвески, бусы, игловидные стержни. Отмечено высокохудожественное литье и штамповка пластин в виде фигур быков и львов. Известны сосуды из золота и серебра, золотые накладки на оружие. В целом находки из золота были учтены в более чем 40 захоронениях [Корневский, 2011, с. 94–100].

Анализ взаимовстречаемости золотых предметов с оружием и орудиями труда в майкопских погребениях показал, что чаще всего они присутствуют в комплексах с набором из бронзовых топора, тесла, долота, кинжала, металлической посуды (100 или 80 %, 10 случаев из 10 или 14, в зависимости от учета комплексов относительно хорошей сохранности) и с оружием и инструментами деревообработки, но без металлической посуды (62%, 11 из 16 случаев), реже в захоронениях с наборами только оружия (38 %, 23 случая из 59). В погребениях без оружия, которые составляют большинство (более 130 учтенных случаев по данным на 2011 г.), находки из золота крайне редки (ок. 2–3 %). При этом такие захоронения можно интерпретировать как женские (например, Кудакхурт, кург.1, погр.1) [Корневский, 2017, с. 82–85].

На основании встречаемости золотых изделий в комплексах МНО была предложена градация погребальной символики. Так, комплексы, в которых более двух находок из золота, рассматривались как показатели суперэлитарного* ранжирования, с од-

ним-двумя золотыми колечками-подвесками – начально-элитарного, а без предметов из драгоценных металлов – как показатели эгалитарной погребальной практики.

Рассматриваемый феномен представляется как общество земледельцев и скотоводов, в котором военная родоплеменная знать регулярно подчеркивала в погребальных обрядах свой престиж, согласно мифологии смерти, золотыми украшениями, устойчиво игнорируя бронзовые и очень редко используя серебряные. Обилие золота в отдельных могилах позволяет оценивать такую маркировку как суперэлитарную и начально-элитарную. Наиболее значимые захоронения МНО (с наборами оружия и орудий труда) связаны именно с суперэлитарной символикой.

МНО можно рассматривать как военно-элитарную модель преполитарного общества (термин, предложенный Ю.И. Семеновым) с военно-производственной (плотницкой) символикой погребальных наборов. Особенность преполитарной стадии раннего периода догосударственного развития [Семенов, 1993, с. 586] состояла в том, что высшая знать была заинтересована в воинском престиже и престиже труда. Поэтому она использовала символы орудий как показатели своего неординарного положения, согласно представлениям об устройстве загробной страны предков [Корневский, 2004, с. 78–82; 2011, с. 125–136; 2017, с. 82–85].

В начале III тыс. до н.э. на Кавказе племена МНО исчезли. В Предкавказье появились совсем иные археологические культуры. Сильные культурные трансформации прослеживаются также на Южном Кавказе. В погребальных комплексах этого времени в Предкавказье находки из золота нечасто встречаются. В основном они представлены головными украшениями в виде небольших колечек. Встречаются также колечки или спиральки из серебра. Чаще всего украшения головного убора изготавливались из бронзы.

мости от принятых критериев элитарности. Суперэлитарное ранжирование является редкостью для V–IV тыс. до н.э. Сведения о нем связаны главным образом с культурами Варна в Дунайском регионе, Гхассульской в Израиле, МНО в Предкавказье и лейлатепинской на Южном Кавказе.

Ординарно-элитарное или начально-элитарное ранжирование в V тыс. до н.э. встречается у тех же культурных образований. В Восточной Европе единичные золотые украшения в виде спиралек найдены в энеолитических погребальных памятниках Северного Причерноморья (Джурджулешты, погр. 4). В дальнейшем такая маркировка комплексов подвесками из серебра (реже золота) известна во многих регионах Северной Евразии вплоть до позднего бронзового века [Корневский, 2017, с. 124, 125]. Эгалитарные традиции погребальной практики не связаны с эгалитарными отношениями в обществе, являются только иллюстрацией культов и верований.

*Мы используем кажущиеся на первый взгляд усложненными термины потому, что само по себе понятие элитарного погребения можно трактовать очень широко в зависи-

Ниже рассмотрим наиболее яркие комплексы с изделиями из золота в Кавминводской группе памятников северокавказской культуры (рис. 1). В погребениях этой группы встречено много украшений из бронзы. Установлено, что костяные и бронзовые булавы, бронзовые бляхи связаны с женскими захоронениями, так же как и в комплексах раннекатакомбных культур Предкавказья, а каменные булавы и топоры – с мужскими [Корневский, 1990 с. 71–81; 2018]. Последние найдены более чем в 25 случаях. Бронзовый топор в комплексах Кавминводской группы представлен единственным экземпляром. Он обнаружен в погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника в Георгиевском р-не Ставропольского края. Это погребение было раскопано в ходе охранных работ Т.А. Габуевым и Я.Б. Березиным в 2015 г. [Габуев, 2015; Корневский, Березин, Габуев, 2018].

Курган 3 Лысогорского-6 был самым крупным не только на данном могильнике, но и в округе на нескольких десятках километров. Его высота 7,2 м, размер по линии восток – запад 63 м, по линии север – юг 50 м. Курган содержал четыре захоронения. Погребение 4 было основным. Оно относится к среднему периоду эпохи бронзы, остальные – к раннему железу веку.

Погребальное сооружение имело сложную конструкцию. Сначала в надматериковом слое была вырыта неглубокая, но обширная яма с заплечиками. Ее размеры по верхнему краю 6,70 × 6,06 м, по дну 4,44 × 3,83 м. Выкид грунта из ямы был аккуратным, разложен вокруг наподобие кольца. Затем в яму поставили деревянный короб размером 2,6 × 1,6 м.

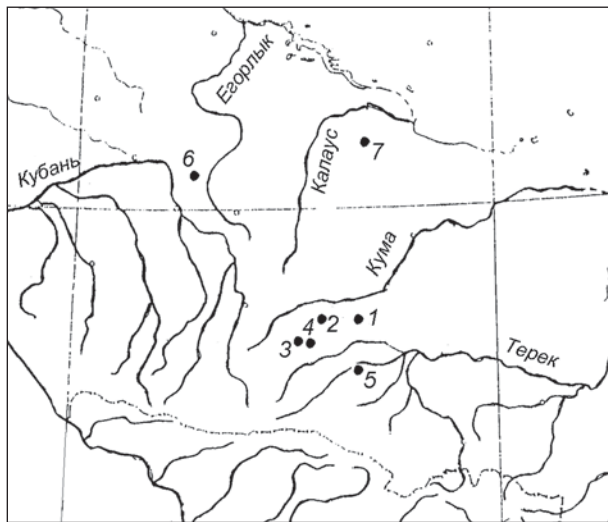

Рис. 1. Расположение упоминаемых в тексте погребений с золотыми подвесками.

1 – могильник Лысогорский-6; 2 – курган у винсовхоза «Машук»; 3, 4 – курганы у пос. Нежинского; 5 – могильник Чегем II; 6 – могильник Расшеватский-1; 7 – могильник Шарахалсун-3.

В него был уложен покойник в вытянутом положении на спине, головой на запад. Короб имел деревянное перекрытие. Над ним была каменная кладка с заложённым в нее рогом оленя. Поверх кладки в двух местах лежали два черепа быков. В завершение была сооружена земляная насыпь. Так над мог. 4 образовался огромный курган, не уступающий по своим габаритам курганам над погребениями знати МНО.

Погребальный инвентарь рассматриваемого комплекса неординарный. Украшение головного убора представлено колечком-подвеской из золота диаметром 1,5 см (рис. 2, 1). Набор бронзовых украшений-подвесок (браслет?) и бусин (рис. 2, 3) находился на нижней части плечевой кости правой руки. Точная форма и размеры предметов не восстанавливаются. Другой бронзовый браслет зафиксирован на костях запястья левой руки. Составляющие его элементы сильно коррозированы и распались при расчистке. Еще один наборный браслет находился на лодыжке правой ноги. Он представлен бронзовыми литыми подвесками (4 шт.), состоящими из стержня с отверстием для подвешивания в верхней части и шариками в нижней (рис. 2, 2). Длина сохранившейся подвески 3,6 см.

Возле крыла левой подвздошной кости погребенного находилась группа предметов, лежавших на деревянном блюде или подносе № 1 (рис. 2, 9, 10). Сам поднос (блюдо?) сохранился плохо, представлен отдельными фрагментами. Точно определить его форму невозможно. Поднос имел бортик по краю. Диаметр остатков изделия ок. 35 см. В набор бронзовых предметов на подносе входили боевой арочный топор типа Начеркезеви [Корневский, 1981, с. 25] (рис. 2, 4), небольшой (длина 7,2 см) кинжал листовидной формы (рис. 2, 6), тесло длиной 11,5 см (рис. 2, 7), жезл длиной 38 см (рис. 3, 1) и кубок. Последний представлен тремя обломками. Реконструкция кубка позволяет считать, что он был плоскодонным, имел высоту 110 мм, диаметр дна 66, устья – ок. 70 мм и по емкости близок к стакану, рассчитанному на 200 мл жидкости (рис. 3, 2).

Деревянное блюдо № 2 располагалось между коленными суставами погребенного. Сохранился только тлен диаметром 17 см. На нем лежал бронзовый предмет, который полностью коррозирован и распался. Поднос из дерева № 3 находился в 0,20–0,25 м к югу от правой бедренной кости погребенного, у южной стенки деревянной конструкции. Он располагался длинной осью по линии восток – запад. Длина предмета до 40 см, ширина ок. 15 см; форма не восстанавливается. С этим подносом соотносятся три каменных абразива (рис. 3, 6–8) и сильно коррозированный бронзовый кинжал, сохранившийся в обломках, его длина до 12 см. Под костяком были собраны фрагменты ткани (см. рис. 2, 5). Радиоуглеродная дата погребения 2861–2581 гг. до н.э. (4122 ± 23 л.н.,

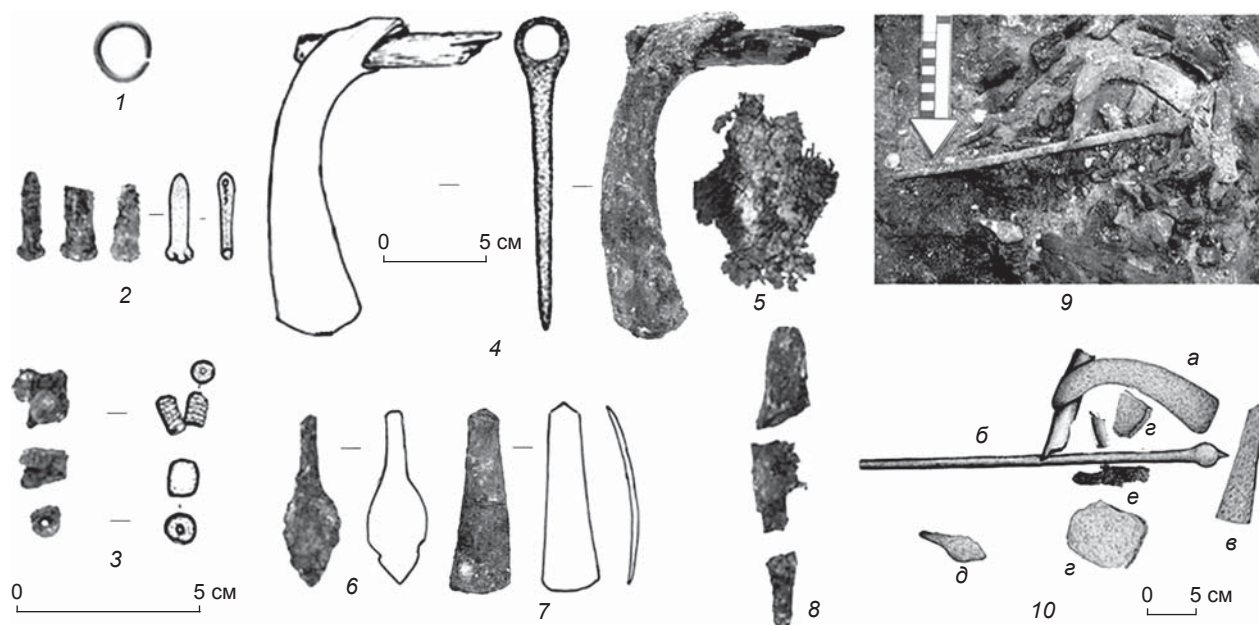

Рис. 2. Инвентарь погр. 4 кург. 3 могильника Лысого-6.

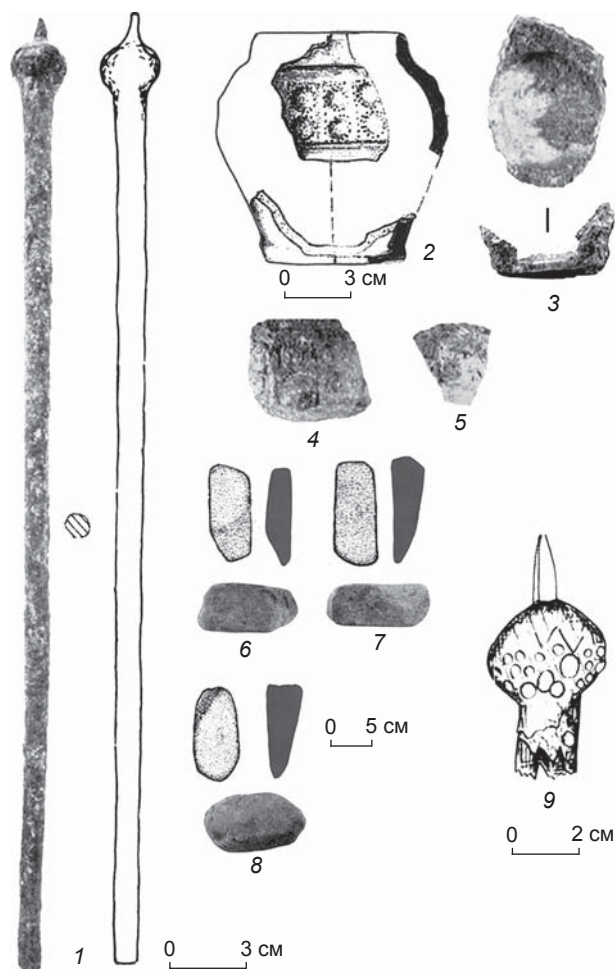
1 – золотая подвеска; 2 – сегменты наборного браслета на лодыжку; 3 – детали наборного браслета на руку; 4 – бронзовый топор с деревянной рукояткой; 5 – ткань; 6, 8 – бронзовые кинжалы; 7 – тесло из бронзы; 9, 10 – вещи на подносе № 1, фото и рисунок: а – топор, б – жезл, в – тесло, г – кубок, д – кинжал, е – ткань (по: [Корневский, Березин, Габуев, 2018]).

MAMS-29825) [The genetic prehistory..., 2018], что соответствует раннединастическому периоду в Месопотамии.

Второй пример комплексов с золотыми подвесками в Кавминводской группе – погр. 5 кург. 1 у винсовхоза «Машук» в округе г. Пятигорска [Афанасьев, 1975]. Погребение было основным. Сооружено на поверхности земли. Погребальная площадка $3,55 \times 2,00$ м была выложена ровным слоем рваного камня и оконтурена по периметру каменным бортиком высотой 20 см, сложенным из двух рядов плиток. Она ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Вся площадка была засыпана древесным углем. На ней находился скелет взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на запад. Над могилой был возведен каменный курган высотой 3 м и диаметром 19 м. Затем его перекрыли насыпью из чернозема. В целом высота кургана достигла 4,5 м. В нем были еще три захоронения Кавминводской группы, расположенные по кольцевой системе за пределами каменного навала, и одно погребение, видимо, более позднего времени.

Рис. 3. Находки из погр. 4 кург. 3 Лысого-6 могильника (1–8) и погр. 1 кург. 5 II Нежинской группы (9).

1 – бронзовый жезл; 2 – реконструкция бронзового сосуда; 3–5 – обломки этого сосуда; 6–8 – каменные абразивы; 9 – фрагмент деревянного посоха с бронзовыми гвоздиками и бронзовым шилом. 1–8 – по: [Корневский, Березин, Габуев, 2018]; 9 – по: [Корневский, 2018].

Возле черепа погребенного находились две подвески – колечки в один оборот, золотая диаметром 1 см (рис. 4, 1) и, вероятно, серебряная (плохо сохранилась). В области шеи найдены две бронзовые бочковидные бусины длиной 1 см и диаметром 0,6–0,7 см (рис. 4, 7). У костей правой руки лежал каменный гладкий топор кабардино-пятигорского типа (рис. 4, 9). В отверстии для насада сохранился бронзовый гвоздь со шляпкой (рис. 4, 8). Его длина 3,4 см, диаметр шляпки 1,7, стержня – 0,4 см. Рядом с топором находился согнутый кинжал с черенковой рукояткой (рис. 4, 10). Его длина 16 см. В районе пояса зафиксировано 16 бронзовых заклепок в виде стерженьков длиной 0,8 см с полусферической шляпкой (рис. 4, 5). Видимо, это были накладки на ремень. Здесь же найдено 12 сегментовидных пронизок (рис. 4, 6) из низкопробного серебра (по данным отчета). Длина пронизки 1,4 см, средняя ширина 0,5 см. В но-

гах погребенного стоял небольшой сосуд высотой 6 см с плоским дном диаметром 4 см. Он украшен шнуровым орнаментом, состоящим из шести горизонтальных линий, между которыми две полосы заполнены вертикальными линиями, а одна – косыми. Тип сосуда характерен для погребений Кавминводской группы [Корневский, 1990, с. 152, рис. 30; 2018]. Рядом с сосудом находился курант из змеивика темно-серого цвета с зеленоватым отливом (рис. 4, 11). Его диаметр с одной стороны 6,7 см, с другой – 8,4, толщина 4,3 см. Комплекс относится к периоду XXIX–XXV вв. до н.э. на основании даты аналогичного гладкого топора кабардино-пятигорского типа из погр. 10 кург. 32 Усть-Джегутинского могильника – 2834–2475 гг. до н.э. (4160 ± 60 л.н.) [Нечитайло, 1978, с. 58]. Она хорошо согласуется с датой погр. 4 кург. 3 Лысогогорского-6 могильника.

Третий пример – погр. 1 кург. 1 I Нежинской группы. Захоронение было совершено в центральной части кургана. Могильная яма размером $3,0 \times 2,1$ м вырыта до уровня материкового грунта. Она прорезала насыпь основного захоронения. В яме находился соборный из плит каменный ящик размером по внутреннему контуру $2,0 \times 0,9$ м. Он был перекрыт большими плитами и поверх них каменным навалом. В ящике находился плохо сохранившийся скелет человека, погребенного в скорченном положении на спине, головой на юг.

У черепа и в области груди найдены две золотые подвески в полтора и в два оборота диаметром 10 и 8 мм с раскованными уплощенными концами (рис. 4, 2, 3), две кованые трапециевидные бляхи (высота 38 мм, основание 30 мм) с отверстием в центре и пунсонным орнаментом в виде креста, три сердоликовые дисковидные бусины диаметром 10 мм, серебряные трубочки-пронизы длиной 15 мм и диаметром 3 мм, три цилиндрические пастовые бусины и одна круглая, две кости животного [Корневский, 1988, с. 9, 10; Гей, Корневский, 1989, с. 270]. Захоронение можно интерпретировать по набору инвентаря как женское, поскольку в мужских погребениях Кавминводской группы кованые бляхи не встречаются. В других комплексах в Прикубанье (Большой Петропавловский могильник, кург. 5, погр. 3) и степном Ставрополье (Расшеватский-1, кург. 14, погр. 2) с такими трапециевидными бляхами были обнаружены молоточковидные булавки – характерные украшения женского погребального костюма [Гей, Корневский, 1989; Корневский, 1990, с. 81, 82; Гак, Калмыков, 2013, с. 128, рис. 8, 6].

Четвертый пример – погр. 5 кург. 4 II Нежинской группы. Обширная могильная яма (длина 3,2 м, ширина ок. 2,2 м) с заплечиками была впущена в насыпь прямо по центру кургана и разрушила древнее основное захоронение. Погребение 5 может рассматривать-

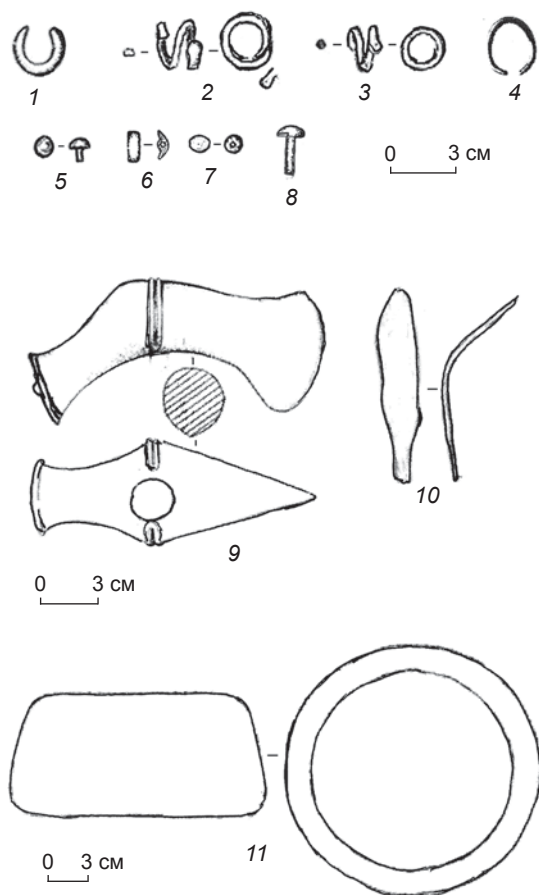

Рис. 4. Находки из погребений Кавминводской группы. 1–4 – золотые колечки; 5 – бронзовые заклепки; 6 – серебряная (?) пронизь; 7 – бронзовая бусина; 8 – бронзовый гвоздь из втулки топора; 9 – каменный топор; 10 – бронзовый кинжал; 11 – каменный курант.

1, 5–11 – погр. 5 кург. 1 у винсовхоза «Машук» (по: [Афанасьев, 1975]); 2, 3 – погр. 1 кург. 1 I Нежинской группы; 4 – погр. 5 кург. 4 II Нежинской группы (по: [Корневский, 1988]).

ся как вторичное основное среднего бронзового века. Скелет в яме принадлежал мужчине 25–30 лет (определение антрополога Г.П. Романовой), погребенному в вытянутом положении на спине, головой на восток. В области стоп отмечена охра. Под черепом обнаружена золотая подвеска-колечко с несомкнутыми концами диаметром 8 мм (рис. 4, 4). В ногах стояла курильница на ножках, орнаментированная концентрическими окружностями [Корневский, 1988, с. 124, рис. 74, 75, 3; 1990, с. 148, рис. 26, 3]. Среди камней заполнения ямы найден сосуд высотой 14,7 см, украшенный рядами прорезного (ногтевого) «елочного» орнамента [Корневский, 1988, с. 125].

Обсуждение материалов

Рассмотренные выше комплексы с золотыми подвесками позволяют говорить, что такие украшения принадлежали лицам, захоронение которых совершалось по особым правилам. В двух случаях они были деталями головного убора людей, погребенных с высочайшими почестями, с оружием и инструментами. Один раз золотые подвески входили в набор украшений женщины, захороненной в весьма масштабном погребальном сооружении в центре кургана. Данное обстоятельство указывает на особую значимость захоронений с золотыми украшениями по отношению к другим погребениям Кавминводской группы, расположенным по кольцевой системе вокруг центра памятника. Еще одна золотая подвеска была деталью головного убора мужчины, которого похоронили с почестями, в большой яме с заплечиками, впущенной в центр курганный насыпи, что позволяет рассматривать это погребение как «новое» основное или «доминантное» в кургане.

Особое место занимают два захоронения с золотыми подвесками и оружием – погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника и погр. 5 кург. 1 у винсовхоза «Машук». Поэтому рассмотрим их более подробно. Круг аналогий для находок из погр. 4 кург. 3 весьма своеобразен. Кроме отмеченных случаев в Кавминводской группе, золотое колечко вместе с каменным топором найдено в погр. 1 кург. 15 могильника Чегем II [Бетров, Нагоев, 1984, с. 26]. На Южном Кавказе золотые спиральки присутствуют в наборе с бронзовыми топорами типа Гатын-Кале [Корневский, 1981, с. 27, рис. 5, 1, 2], желобчатым долотом, кинжалом, шилом в кург. 3 у с. Марткопи [Джапаридзе, 1998, с. 42, рис. 25].

Бронзовый жезл в виде стержня с булавовидным навершием является уникальным изделием. Аналогичный, только деревянный, имеется среди находок из погр. 1 кург. 5 II Нежинской группы (см. рис. 3, 9). Это погребение было впускным и самым молодым сре-

ди захоронений Кавминводской группы в кургане [Корневский, 1986; Корневский, Березин, Габуев, 2018].

Бронзовый кубок является второй уникальной вещью в погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника, т.к. это первый металлический сосуд, найденный в захоронениях северокавказской культуры. Ближайшие параллели ему могут составить кубки из Триалетского кургана V [Куфтин, 1941, с. 417, табл. ХСІ; Джапаридзе, 1994, с. 87, рис. 26, 18] и Карашамбского кургана [Кушнарева, 1994, с. 100], но только как предметы, относящиеся к одной категории сосудов.

Украшения погребального костюма в виде наборных браслетов характерны для носителей северокавказской культуры. Особенно показателен в этом плане ножной браслет из подвесок-стерженьков. Такие украшения (возможно, нашивки на длинные штаны типа лосин) были и у носителей позднеямной культуры Предкавказья [Корневский, 1990, с. 59, 60].

Три абразива несут следы использования в быту. Аналогичные находки представлены в комплексе из захоронения литейщика-кузнеца и оружейника – погр. 10 кург. 3 могильника Лебеди [Гей, 1986, с. 23, рис. 9]. Наличие этих предметов позволяет предполагать, что человек, захороненный в лысогорском погребении, занимался металлообработкой, в т.ч. кузнечным делом.

Традиция постановки в могилы деревянных подносов с невысокими бортиками отмечена В.Л. Державиным на материалах захоронений томузловской группы катакомбной культуры в Центральном Ставрополье. Подносы известны в погребениях манычского типа в Нижнем Подонье [Державин, 1991, с. 97]. Один был зафиксирован в погр. 32 Ипатовского кургана, датируемого XXIII–XXII вв. до н.э., на севере степного Ставрополья [Корневский, Белинский, Калмыков, 2007, с. 95; 166, рис. 26, 7]. В.Л. Державин предполагает, что подносы выполняли особую ритуальную роль, т.к. на них клали бронзовые кинжалы и пищу [Державин, 1991, с. 97]. Судя по лысогорскому погребению, на подносах размещали разные орудия, оружие, вещи высокого социального престижа. Данная традиция не характерна для погребальных обрядов северокавказской культуры Центрального Предкавказья. Деревянные подносы не встречаются в других захоронениях Кавминводской группы. Их присутствие в этом погребении подчеркивает его необычность.

Особого внимания заслуживает сочетание в погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника топора как символа оружия и тесла как символа орудия деревообработки – т.н. военно-производственный (плотницкий) набор. В Предкавказье он был хорошо представлен в комплексах МНО. В III тыс. до н.э., после исчезновения племен этой общности на Северном Кавказе, такие наборы стали характерными для погребений раннекурганной группы Марткопи – Бедени в Грузии

(кург. 3–5, 9 в Марткопи; кург. 2 Тетри-Цкаро; курган на плато Бедени [Джапаридзе, 1998, рис. 13, 14, 28, 52; Кушнарева, 1993, с. 101–103; Гобеджишвили, 1980, табл. X]), один отмечен на северо-западе Азербайджана (погребение в холме Гасансу) [Мусебли, Ахундова, Агаларзаде, 2011]. Некоторые из указанных курганов разрушены в древности. Это несколько затрудняет определение символики погребальных наборов как суперэлитарной или начально-элитарной. Но самые выдающиеся комплексы включают украшения из золота и серебра, являющиеся показателем суперэлитарной погребальной практики. Отмечено, что эти погребения иногда сооружались с использованием деревянных срубов. Раннекурганная группа Южного Кавказа относится к середине III тыс. до н.э. (XXVIII–XXIV вв. до н.э. [Джапаридзе, 1998, с. 200], XXVI–XXIV вв. до н.э. [Sagona, 2017, p. 302, fig. 7, 2]). В этих комплексах представлены бронзовые топоры типов Гатын-Кале и Марткопи – Гатын-Кале*.

В Предкавказье наборы из бронзовых топора типа Начеркезеви и тесла известны в нескольких захоронениях: погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника (северокавказская культура), погр. 24 могильника Загли-Барзонд (куро-араксская культура), погр. 30 кург. 1 Орджоникидзовского могильника у пос. Бамут (поздняя ямная культура), разрушенном погребении в Андреевской Долине у г. Грозного [Бурков, Ростунов, 2004, рис. 5]. Культурная принадлежность этих комплексов неодинакова. Но их локализация указывает на поликультурную символику подобных погребальных наборов, сложившихся под влиянием южнокавказских форм оружия и орудий и закрепленных в традициях предгорного населения Центрального Предкавказья. Это приводит к выводу, что военно-производственная (плотницкая) символика в модернизированном виде сохранялась в постмайкопское время (III тыс. до н.э.) в кругу разных племен, включая носителей раннекурганной культуры Марткопи – Бедени и синхронные с ней группы центрально-предкавказского населения, поддерживавшие связь с южными соседями и заимствовавшие у них формы боевых бронзовых топоров с арочным клином (типа Начеркезеви).

Важно также отметить, что в многочисленных комплексах с каменными топорами кабардино-пятигорского типа, один из которых был найден в погр. 5 кург. 1 у винсовхоза «Машук», ни разу вместе с этим оружием не встречено бронзовое тесло. Зато есть несколько примеров нахождения каменных топоров совместно с каменными курантами-наковаленками:

*Первый выделен по материалам Кавказа [Кореневский, 1981], второй отличается от него более длинным и арочным клином. Оба типа характерны именно для комплексов раннекурганной группы Марткопи – Бедени.

погр. 9 кург. 2 на горе Ракитной, погр. 8 кург. IV могильника Три Камня, погр. 14 кург. 2 на Константиновском плато, кург. 2 у с. Заюкова (Кабардино-Балкария) [Кореневский, 2018]. Такие комплексы отражали иную военно-производственную (кузнечную) модель погребальной символики. Подобная традиция захоронения кузнецов-литейщиков в ее разных вариантах имела место у широкого круга восточно-европейских племен. Ранее всего она проявилась у носителей ямной культуры Нижнего Поднепровья, уже в IV тыс. до н.э. Далее эта традиция прослеживается как надкультурное явление по материалам памятников III тыс. до н.э. и более позднего времени медно-бронзового века в Восточной Европе, Северном Причерноморье, Предкавказье [Там же].

Особого внимания заслуживает присутствие рогов оленя и двух черепов быков в каменном навале над погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6. Культ быка был очень широко распространен в первобытных религиях. Сейчас нас интересует его отражение в погребальных ритуалах культур IV–III тыс. до н.э. Перечень аналогий открывает комплекс с двумя черепами быков в погр. 25 кург. 1 могильника Марьинская-5, относящегося к долинскому варианту МНО периода позднего Урука, дата погребения 3334–3097 гг. до н.э. [Канторович, Маслов, Петренко, 2013, с. 89, рис. 42; с. 92]. Головы быков были принесены в жертву в захоронениях знати могильника Аладжа-Гуюк (гробницы E, F, K, L) середины III тыс. до н.э. (РДIII) [Kosay, 1951, p. 164–168, pl. CLVIII, CLXVIII, CLXXXIX]. Упомянутые примеры соотносятся с обществами, в которых была военная элита и существовал суперэлитарный обряд захоронения военных лидеров, связанных также с культовыми функциями. В этом перечне аналогий нельзя не отметить очевидный синхронизм традиции приносить жертвы в виде голов быков и даже хронологический приоритет Предкавказья по сравнению с более южными районами, где совершались захоронения высших лидеров, наделенных к тому же символикой общественной и культовой власти.

Наличие в рассматриваемых комплексах оружия и инструментов позволяет относить племена, оставившие погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника и погр. 5 кург. 1 могильника у винсовхоза «Машук», к той же преполитарной фазе раннего периода догосударственного развития, что и МНО, но к иной модели. Они придерживались лишь начально-элитарной символики с использованием украшений из благородных металлов. Для других захоронений с оружием (каменными топорами, булавами) Кавминводской группы характерна военно-эгалитарная символика: согласно принятой погребальной практике и мифологии устройства загробного мира, оружие вообще не сопровождалось изделиями из золота или серебра.

Украшение головного убора золотыми или серебряными колечками было распространенной чертой социального ранжирования, выделения знати во многих культурных образованиях среднего бронзового века в Предкавказье. Так, подвески из золота в III тыс. до н.э. встречаются в погребениях раннекатакомбной и позднеямной культур в степном Ставрополье и Калмыкии (памятники Егорлык-Калаусского междуречья) [Гак, Калмыков, 2013]. Эти находки в комплексах не связаны с оружием. В то же время в воинских захоронениях с бронзовыми топорами в Предкавказье и на Южном Кавказе можно встретить колечки-подвески, но не из золота, а из серебра (например, погр. 6 кург. 2 могильника Бичкин-Булак, погр. 30 кург. 1 Орджоникидзовского могильника, погр. 2 Начеркезеви). Такая особенность ритуального костюма, вероятно, была обусловлена канонами погребальной практики, направленной на подчеркивание личного престижа (ранга, рода или статуса) человека, а не на демонстрацию его имущественного достатка, т.к. в остальном утварь в этих погребениях ничем особо не отличалась от инвентаря захоронений без изделий из благородных металлов.

Заключение

Приведенные наблюдения позволяют полагать, что золотые колечки головного убора в кавминводских комплексах маркируют захоронения родовой знати, как мужчин, так и женщин, статус которых был достаточно высок, чтобы рассматривать их как представителей локальной группы. Их погребения могли быть связаны с сооружением нового кургана или были впускными с признаками особого захоронения. В таком отношении к погребениям местной элиты можно видеть особенность традиций ранжирования родоплеменной знати Кавминводской группы, в которой лидирующее положение приобретала воинская прослойка.

Специфическими чертами погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника и погр. 5 кург. 1 у винсовхоза «Машук» с золотыми подвесками и каменными топорами было их расположение практически в плодородном слое почвы, не в глубокой материковой яме. Возможно, это предполагало связь ритуалов с культом плодородия. Необычна и западная ориентировка покойных в данных погребениях, поскольку нередко в основных захоронениях среднего бронзового века в курганах Кавминводской группы погребенные ориентированы головой на восток (погр. 14 кург. 1, погр. 2 кург. 4 и погр. 6 кург. 3 I Нежинской группы) [Корневский, 1988, с. 22–26]. Видимо, эти два человека высокого ранга, возможно, вожди, были похоронены так, будто их дорога в страну предков и место

в ней были иными, чем у других почитаемых соплеменников. Подобные мифологические представления о разных местах пребывания душ умерших были у многих племен медно-бронзового века и иных эпох на различных континентах. Например, ацтеки считали, что души героев отправляются на солнце, а остальные (не воинов) – в подземный мир. Согласно верованиям карибов, храбрые люди после смерти будут жить на островах счастья, а другие соплеменники – в пустынных землях за горами [Дейви, 2009, с. 143; Корневский, 2017, с. 122–124]. Можно думать, что в рассматриваемых представлениях о разных местах пребывания в загробном мире сородичей согласно их земному статусу и рангу нашла отражение эпоха, в рамках которой нарастала военная напряженность, создавалось эффективное оружие из камня и металла, шло развитие иерархических структур в обществах. Особое место среди соплеменников занимали вожди, умельцы-оружейники, и золото рассматривалось как более престижный металл, чем серебро и медь.

Список литературы

- Афанасьев Г.Е.** Отчет о работе объединенной археологической экспедиции Пятигорского музея и СОНИИ в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5445.
- Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х.** Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – Т. 1. – С. 7–87.
- Бурков С.Б., Ростунов В.Л.** Погребение эпохи бронзы из кургана № 1 у сел. Арчхой-Мартан // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир: Армавир. гос. пед. ун-т, 2004. – Вып. 3. – С. 137–150.
- Габуев Т.А.** Отчет о раскопках курганного могильника Лысогорского-6 на территории Георгиевского района Ставропольского края в 2015 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 50188–50190.
- Гак Е.И., Калмыков А.А.** Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного-раннекатакомбного времени Егорлык-Калауского междуречья // Материалы по изучению исторического наследия Северного Кавказа. – М.: Памятники истор. мысли, 2013. – Вып. XI. – С. 117–158.
- Гей А.Н.** Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. – М.: Наука, 1986. – Вып. 1. – С. 13–32.
- Гей А.Н., Корневский С.Н.** Два погребения с трапезничными бронзовыми бляхами из Ставрополя и Прикубанья // Труды Ставропольской экспедиции. – М.: Наука, 1989. – С. 270–278.
- Гобеджишвили Г.Ф.** Бедени – культура курганных погребений. – Тбилиси: Мицниереба, 1980. – 145 с. (на груз. яз.).
- Дейви М.** Эволюция войн. – М.: Центрполиграф, 2009. – 382 с.
- Державин В.Л.** Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. – М.: Эвтектика, 1991. – 186 с.

Джапаридзе О.М. Триалетская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С. 75–92. – (Археология).

Джапаридзе О.М. К этнокультурной истории грузинских племен III тыс. до н.э. – Тбилиси: Тбилис. гос. ун-т, 1998. – 252 с. (на груз. яз.).

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Погребения майкопской культуры кургана I могильника Марьинский-5 // Материалы по изучению исторического наследия Северного Кавказа. – М.: Памятники истор. мысли, 2013. – Вып. XI. – С. 71–108.

Корневский С.Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и в средние века / ред. Б.А. Литвинский. – М.: Наука, 1981. – С. 20–41.

Корневский С.Н. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 00117.

Корневский С.Н. Нежинские курганы эпохи бронзы Кавказских Минеральных Вод: Археологические источники / ИА РАН. – М., 1988. – 257 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 10.08.1988, № 36109.

Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. – М.: ИА РАН, 1990. – 174 с.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 246 с.

Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья: Типология. Историко-культурный аспект. – М.: Таус, 2011. – 385 с.

Корневский С.Н. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н.э.): Очерки военизации древних обществ по данным археологии (Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток). – М.: ИА РАН, 2017. – 283 с.

Корневский С.Н. О символике погребений с оружием ударного действия у племен Кавминводской группы и погребения с каменным топором у ст. Галюгаевской (эпоха средней и начала поздней бронзы) // КСИА. – 2018. – № 251. – С. 43–63.

Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган. – М.: Наука, 2007. – 230 с.

Корневский С.Н., Березин Я.Б., Габуев Т.А. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах // КСИА. – 2018. – № 252. – С. 67–86.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941. – Т. I: Опыт периодизации памятников. – 491 с.

Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1993. – 311 с.

Кушнарева К.Х. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С. 93–117. – (Археология).

Мусебли Н.А., Ахундова Г.К., Агаларзаде А.М. Погребальные памятники эпохи бронзы Акстафинского района // Археологические исследования в Азербайджане. – Баку: Ун-т Хазар, 2011. – С. 97–108.

Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – Киев: Наук. думка, 1978. – 147 с.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 710 с.

Kosay H. Les Feuilles D'Alaca Höyük. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1951. – 202 p. + CCVI pl.

Sagona A. Archaeology of the Caucasus. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. – 341 p.

The genetic prehistory of the Greater Caucasus / Ch.-Ch. Wang, S. Reinhold, A. Kalmykov, A. Wissgott, G. Brandt, Ch. Jeong, O. Cheronet, M. Ferry, E. Harney, D. Keating, S. Mallick, N. Rohland, K. Stewardson, A.R. Kantorovich, V.E. Maslov, V.G. Petrenko, V.R. Erlikh, B.Ch. Atabiev, R.G. Magomedov, Ph.L. Kohl, K.W. Alt, S.L. Pichler, C. Gerling, H. Meller, B. Vardanyan, L. Yeganyan, A.D. Rezepkin, D. Mariaschk, N. Berezina, J. Gresky, K. Fuchs, C. Knipper, S. Schiffels, E. Balanovska, O. Balanovsky, I. Mathieson, T. Higham, Y.B. Berezin, A. Buzhilova, V. Trifonov, R. Pinhasi, A.B. Belinskij, D. Reich, S. Hansen, J. Krause, W. Haak // bioRxiv preprint first posted online May. 16, 2018. – URL: <https://anthrogenica.com/forum.php>

*Материал поступил в редколлегию 08.08.18 г.,
в окончательном варианте – 19.10.18 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.033-039
УДК 903.43+599.6/73

А.Ю. Рассадников

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия
E-mail: ralu87@mail.ru

Результаты археозоологических исследований на поселении бронзового века Коноплянка в Южном Зауралье

Памятник относится к синташтинской культуре и датируется 1920–1745 гг. до н.э. При исследовании материалов использовались как стандартные археозоологические методики, так и относительно новый для российских работ патологический анализ. Такой подход позволяет получить данные не только о составе древнего поголовья скота, возрасте забитых животных, но и о состоянии их здоровья. Изучение патологий дает возможность реконструировать уровень животноводческих навыков обитателей поселения и условия содержания домашних копытных. В работе широко привлекаются этнозоологические данные – результаты наблюдения за современной системой выпаса и опроса пастухов в той же местности, в которой находится памятник. Это позволяет получить сведения о вмещающих возможностях ландшафта и сделать реконструкцию формы животноводства более корректной. В статье также рассматривается остеофагия среди домашних копытных и предпринята попытка интерпретировать это явление в контексте поселенческой археологии. Исследование показало, что продукция животноводства играла доминирующую роль в системе жизнеобеспечения обитателей поселения. Результаты патологического анализа дают основания говорить о высоком уровне животноводческих навыков населения и использовании крупного рогатого скота для физической работы. Свидетельства остеофагии среди домашних копытных позволяют определить место содержания животных. Форма животноводства реконструируется как придомная с вероятным круглогодичным содержанием всего или части поголовья на поселении.

Ключевые слова: бронзовый век, синташтинская культура, археозоология, палеопатология, остеофагия копытных, рабочий скот.

A.Y. Rassadnikov

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Kovalevskoi 16, Yekaterinburg, 620990, Russia
E-mail: ralu87@mail.ru

Archaeozoological Studies at Konoplyanka, the Southern Trans-Urals

Konoplyanka is a fortified settlement associated with the Sintashta culture and dating to 1920–1745 cal BC. The faunal sample was studied with regard to standard traits and markers of pathology, rather recently adopted in Russian archaeozoological studies. The results are relevant not only to herd composition and age at slaughter but also to the animals' state of health. The analysis of pathologies provides information about the herders' skills and the housing of domestic ungulates. Ethnographic data relating to the modern grazing management system in the same area and information received from herdsmen were widely used. This makes it possible to assess the carrying capacity of the land and to arrive at a more accurate reconstruction of the pastoral economy. Markers of osteophagy among the domestic ungulates are analyzed and the phenomenon is discussed in the context of settlement archaeology. The study showed that animal husbandry was the predominant subsistence strategy. Markers of animal pathology indicate a high level of herding skills. The cattle were used as draught animals. Osteophagy attests to places where animals were kept. The predominant system was homestead herding, all or most animals being likely kept within the settlement throughout the year.

Keywords: Bronze Age, Sintashta culture, archaeozoology, animal pathology, ungulate osteophagy, draft cattle.

Введение

Коноплянка является одним из 22 открытых в Южном Зауралье поселений синташтинской культуры [Солдаткин, 2018, с. 210]. На сегодняшний день сформированы относительно четкие представления о многих аспектах животноводства носителей этой культуры [Косинцев, 2000; Косинцев, Гасилин, 2009; Косинцев, Бачура, 2013; Rassadnikov, Kosintsev, Koryakova, 2013]. Однако ряд вопросов до сих пор не рассмотрен в археозоологических работах. Прежде всего это касается патологического анализа, реконструкции формы животноводства и радиуса экономической (животноводческой) зоны поселений.

Цель настоящей работы – реконструкция животноводства по археозоологическим материалам поселения Коноплянка (раскопки 2012–2013 гг.). Исследование этого поселения является частью российско-германского междисциплинарного проекта по изучению памятников бронзового века в долине р. Карагайлы-Аят [Koryakova, Krause, 2013, р. 1]. Одна из приоритетных его задач – реконструкция системы жизнеобеспечения и форм взаимодействия древнего населения с окружающей средой. Методы археозоологии наряду с привлечением этнозоологических данных являются эффективными инструментами для решения подобных вопросов.

Материал и методы

Укрепленное поселение Коноплянка находится в Карталинском р-не Челябинской обл., в верховьях р. Карагайлы-Аят, приблизительно в 2 км к северо-западу от одноименной деревни [Шарапова и др., 2014, с. 102]. Памятник однослойный, содержит материалы преимущественно синташтинско-петровского времени и предварительно датирован 1920–1745 гг. до н.э. [Там же, с. 107–108]. Раскопом площадью 96 м² вскрыт фрагмент фортификации в виде вала, рва и внутренней стены и часть примыкающей к ним постройки [Там же, с. 104].

Остеологическая коллекция насчитывает 779 костей*. Материал обрабатывался по методике, принятой в лаборатории палеоэкологии Института растений и животных УрО РАН. Возраст забоя крупного и мелкого рогатого скота устанавливался по системе прорезания щечных зубов и состоянию эпифизов [Silver, 1969]. Промеры костей производились по методике А. Дриш [Driesch, 1976]. При определении размеров домашних копытных применялись коэффициенты для

вычисления роста в холке по метаподиям и таранной кости [Цалкин, 1960, с. 119; 1970, с. 162]. Для реконструкции системы мясного питания использована методика лаборатории естественно-научных методов ИА РАН [Антипина, 2013, с. 139].

Тафономические особенности и таксономический состав коллекции

Больше половины остеологического материала имеет отличную сохранность (стадия 0 по: [Behrensmeyer, 1978]). Все такие кости происходят из заполнения рва. Остальная часть материала имеет следы выветривания (стадия 1–2 по: [Ibid.]) и найдена в пределах постройки 1. Практически все целые кости или крупные фрагменты происходят только из заполнения рва.

Значительную часть выборки составляют определимые до видового уровня кости (80 %). Большинство из них принадлежит домашним копытным (табл. 1). Из домашних животных представлены крупный (*Bos taurus*) и мелкий (*Ovis/Capra*) рогатый скот, лошадь (*Equus caballus*), свинья (*Sus scrofa domesticus*) и собака (*Canis familiaris*). В заполнении рва также обнаружено порядка десяти копролитов собаки, которые состоят преимущественно из костной щепы. Среди костных остатков мелкого рогатого скота до вида удалось определить только кости овцы (*Ovis aries*), коза не идентифицирована. Скорее всего, это обусловлено малочисленностью остеологической выборки. Дикие виды представлены единичными костями косули (*Capreolus pygargus*), лисицы (*Vulpes vulpes*) и бобра (*Castor fiber*). В комплексе неопределимых до видового уровня костей (*Mammalia indet.*) доминируют фрагменты, принадлежащие крупным копытным.

Таблица 1. Таксономический состав археозоологической коллекции

Вид животных	Кол-во	%
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	392	50,3
Мелкий рогатый скот – <i>Ovis/Capra</i>	137	17,6
Овца – <i>Ovis aries</i>	20	2,6
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	46	5,9
Свинья – <i>Sus scrofa domesticus</i>	5	0,6
Собака – <i>Canis familiaris</i>	20	2,6
Косуля – <i>Capreolus pygargus</i>	1	0,1
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	1	0,1
Бобр – <i>Castor fiber</i>	1	0,1
Неопределимые – <i>Mammalia indet.</i>	156	20,1
<i>Всего, NISP</i>	779	100

*Коллекция находится в хранилище лаборатории палеоэкологии Института растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург).

Возрастной состав забитых домашних копытных

Количество фрагментов нижних и верхних челюстей крупного и мелкого рогатого скота небольшое – 17 и 16 экз. соответственно. Данные по лошади не могут использоваться для анализа: найдено несколько изолированных зубов молодых (3 экз.), полувзрослых (1 экз.) и взрослых (4 экз.) особей. Судя по состоянию зубной системы, среди крупного рогатого скота более половины забитых животных – взрослые (табл. 2). В коллекции присутствуют фрагменты челюстей, принадлежавших старым особям, на что указывают сильно стертые коронки зубов. Возрастной спектр для мелкого рогатого скота показывает равные доли забитых взрослых и молодых животных (табл. 2).

Данных по прирастанию эпифизов мало. Наиболее представительные серии костей крупного рогатого скота получены только для нижнего конца лучевой (6 экз.), обоих концов берцовой (5 и 7 экз. соответственно), для пяточной (5 экз.) кости и метаподий (11 экз.). Анализ показывает, что если эпифиз прирастает в возрасте 2–2,5 года, то наблюдается существенное преобладание забитых особей с приросшими эпифизами; если же в 3,5–4 года, то с неприросшими. Такое соотношение говорит о том, что большая часть скота забивалась в возрасте от 2 до 4 лет. Данные по мелкому рогатому скоту и лошади не анализируются по причине малочисленности.

Соотношение отделов скелета домашних копытных и модификационные изменения костей

Относительно представительной является только выборка костей крупного рогатого скота. В ней равное соотношение между костями головы, туловища, верхнего и нижнего отделов конечностей. Для мелкого рогатого скота отмечается преобладание костей головы и верхнего отдела конечностей, для лошади – задних.

В коллекции выявлены 172 кости с различными модификационными изменениями. Самым распространенным видом модификации являются погрызы и воздействие желудочных ферментов собаки – 51,1 %. Второе место занимают порезы и следы рубки – 15,1 %, третье – следы термического воздействия – 12,7 %. Выявлены единичные кости с погрызами и следами воздействия желудочных ферментов крупного и мелкого рогатого скота. При обработке археозоологической коллекции обнаружено несколько костяных изделий и заготовок для них. Все артефакты являются ложилами из таранных костей крупного рогатого скота (1 экз.) и овцы (3 экз.).

Таблица 2. Возрастной состав
забитых домашних копытных

Состояние зубной системы	Возраст, мес.	Крупный рогатый скот, %	Мелкий рогатый скот, %
Есть М3	>30	58	43
Есть М2, нет М3	18–30	30	44
Есть М1, нет М2	6–18	0	13
Нет М1	< 6	12	0

Морфологические особенности домашних копытных

Для промеров пригодно небольшое количество костей крупного рогатого скота и овец (табл. 3 и 4). В выборке крупного рогатого скота оказались кости и коров, и быков. Как минимум две пястные кости, несколько

Таблица 3. Размеры костей
крупного рогатого скота, мм

Признак	n	Lim	M ± m
P ₂ –M ₃	4	144,0–156,0	147,7
P ₂ –P ₄	5	51,0–57,1	53,1
M ₁ –M ₃	5	86,5–98,8	91,6
M ₃	8	32,4–41,8	37,7
Humerus, BT	9	74,3–94,1	84,2
Tibia, Bd	5	58,5–69,7	64,8
Metacarpal, GL	3	205,0–215,0	210
Bp	3	67,4–71,6	68,9
SD	3	30,5–42,1	38,0
Bd	3	70,1–77,1	74,5
Metatarsal, GL	3	218,0–245,0	228,0
Bp	4	47,3–58,1	52,6
Bd	3	52,7–70,7	59,6
Phalanx I, Glpe	14	55,3–68,4	62,0
Phalanx II, Glpe	10	33,4–47,2	41,6

Таблица 4. Размеры костей овец, мм

Признак	n	Lim	M ± m
M ₃	6	22,3–27,9	24,9
Tibia, Bd	3	30,1–31,9	30,7
Astragalus, GLI	4	29,0–35,9	32,6
Metatarsal, GL	1	169,5	169,5
Metatarsal, Bp	2	23,0–24,0	23,5
Phalanx I, Glpe	4	41,0–45,2	43,4
Высота в холке	4	65,5–81,3	73,9

ко нижних концов плечевых костей и первых фаланг принадлежат быкам по причине своей массивности. Половая принадлежность пястных костей определена визуально, т.к. на них хорошо проявляется половой диморфизм [Telldahl et al., 2012].

Высота в холке коров, реконструируемая по одной таранной кости, составляет 115,8 см, а по двум плюсневым – 118,5–121,2 см. Выявлены три пястные кости, предположительно принадлежащие волам (узкий диафиз и массивные концы), высота в холке которых варьирует от 125,6 до 132,4 см. У быка этот показатель, определенный по плюсневой кости, имеет значение 134,4 см. Высота в холке овец, реконструируемая по четырём таранным костям, варьирует от 65,5 до 81,3 см.

Среди костных остатков крупного рогатого скота обнаружено два фрагмента роговых стержней и череп комолой особи, а среди костей овцы фрагменты рогов. Скорее всего, в стаде были как рогатые, так и комолые особи крупного и мелкого рогатого скота. Малочисленность материала не позволяет делать более глубокие реконструкции.

Результаты патологического анализа

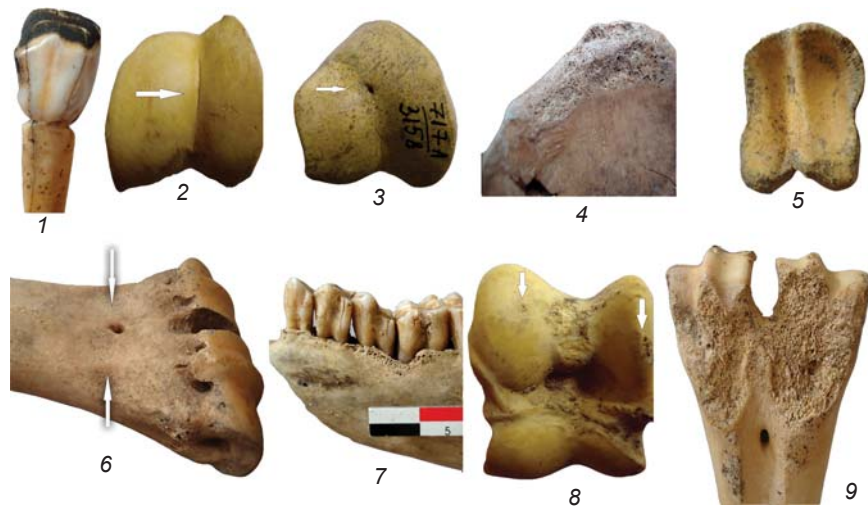
Небольшое количество отклонений зафиксировано только на костях взрослых особей крупного рогатого скота (18 экз.) и овцы (4 экз.).

Крупный рогатый скот. Из патологий зубной системы обнаружен один случай клиновидного дефекта резца. Он представляет собой V-образный надпил между корнем и коронкой зуба (см. рисунок, 1). Самой многочисленной патологией посткраниального скелета оказались депрессии суставной поверхности (11 экз.). Они являются очаговым нарушением минерализации субхондральной кости [Thomas, Johannsen, 2011, p. 52]; выявлены на фалангах, метаподиях и карпальных костях быков и коров. Наиболее распростра-

ненным видом данной артропатии является тип 2 (по: [Ibid. p. 44]) – расщелины в суставной поверхности шириной до 1 мм и длиной от 5,0 до 10,5 мм (см. рисунок, 2). Также зафиксирована депрессия 4-го типа (по: [Ibid. p. 46]) – впадина округлой формы диаметром 1,0–1,5 мм и глубиной до 1 мм (см. рисунок, 3). На центральной кости заплюсны и фрагменте тазовой кости выявлена эбурнеация. Во втором случае также наблюдается пролиферация околосуставной поверхности (см. рисунок, 4). На одной первой фаланге быка зафиксировано выраженное расширение и деформация проксимальной суставной поверхности (см. рисунок, 5). Отдельного внимания заслуживают две пясти волов, на которых обнаружено сразу несколько видов отклонений. На обеих костях зафиксированы незначительные деформации и расширения суставных поверхностей нижнего блока, а на одной, помимо этого, наблюдаются значительная депрессия (впадина) на волярной стороне около дистального конца (см. рисунок, 6) и артропатия на гребне латерального суставного блока. Эта же пасть демонстрирует выраженную асимметрию между 3-й и 4-й пястными костями.

Мелкий рогатый скот. На челюсти овцы зафиксированы следы воспалительного процесса альвеолы в районе P_4 и M_1 и преждевременный износ этих зубов (см. рисунок, 7). На костях посткраниального скелета овцы обнаружено два вида артропатии. На дистальной суставной поверхности второй фаланги зафиксирована депрессия 2-го типа, аналогичная описанной у крупного рогатого скота. На медиальной поверхности обоих гребней таранной кости овцы выявлена артропатия *Laesio circumscripta tali* во второй стадии (по: [Zimmermann et al., 2018, p. 20]). Патология представляет собой микроскопический очаг остеонекроза по причине недостаточного кровоснабжения (см. рисунок, 8).

Интерпретация зафиксированных зубных патологий крупного и мелкого рогатого скота не представляет сложности. Считается, что клиновидный дефект может

Патологии, зафиксированные на костях и зубах крупного (1–6) и мелкого (7, 8) рогатого скота, и пример погрыза костей домашними копытными (9).

1 – клиновидный дефект резца; 2 – депрессия 2-го типа на дистальной суставной поверхности первой фаланги; 3 – депрессия 4-го типа на дистальной суставной поверхности второй фаланги; 4 – эбурнеация и пролиферация тазовой кости; 5 – деформация и расширение проксимальной суставной поверхности первой фаланги; 6 – депрессия на волярной стороне пясти; 7 – преждевременный износ P_4 и M_1 и воспаление альвеолы нижней челюсти; 8 – артропатии на таранной кости овцы; 9 – плюсна, погрызенная крупным рогатым скотом.

быть связан с врожденной слабостью строения цемента шейки зуба у отдельных особей, пародонтозом, действием кислотного состава слюны или грубыми кормами [Лукияновский, 1984, с. 150]. Зубная патология овцы, скорее всего, является следствием остеофагии, обнаруженной на поселении [Caceres et al., 2013, p. 3113].

Хотя точная причина депрессий суставных поверхностей на сегодняшний день неизвестна, установлено, что разные их виды имеют различную этиологию. Впадины и расщелины на костях крупного и мелкого рогатого скота – проявления расщепляющего остеохондрита (*osteocondritis dissecans*) или остеохондроза (*osteocondrosis dissecans*) [Stevanovic et al., 2015, p. 7]. Однако некоторые исследователи считают, что депрессия 2-го типа наименьшим образом связана с остеохондрозом. Вероятно, она отражает некоторые состояния развития и может не приводить к нарушению функции сустава [Thomas, Johannsen, 2011, p. 53].

Зафиксированные на костях крупного рогатого скота эбурнеация и деформации суставных поверхностей, скорее всего, являются результатом возрастных изменений и случайных травм и не связаны с использованием животных как тягловых. Точно такие же отклонения обнаружены на костях современного нерабочего скота в долине р. Карагайлы-Аят. У современного скота также выявлены выраженные асимметрии пястных костей. Однако значительная депрессия на волярной стороне одной пясти вола в совокупности с ее общей асимметрией может быть свидетельством использования животного в качестве тягловой силы. Такие изменения метаподий крупного рогатого скота принято считать признаками тяжелых физических нагрузок [Bartosiewicz, 2008, p. 158–159]. Наиболее вероятной причиной артропатий таранной кости овцы можно считать стойловое содержание, приводящее к биомеханическому стрессу сустава [Zimmermann et al., 2018, p. 22].

Остеофагия домашних копытных

В ходе обработки археозоологического материала были зафиксированы костные фрагменты с погрызами домашними копытными: три – крупным рогатым скотом (см. рисунок, 9), две – мелким. Причину модификации костей удалось установить благодаря осмотру современных коровьих и овечьих загонов в долине р. Карагайлы-Аят, где были обнаружены точно такие же костные фрагменты. Формы и стадии модификационных изменений костей вследствие остеофагии подробно описаны в специальной статье [Рассадников, 2017].

Остеофагию можно рассматривать как врожденное и обычное непитание поведение всех копытных и как маркер минерального дефицита в организме животных. Это связано с тем, что растительная пища не может удовлетворять потребности организма во всех

минеральных веществах [Caceres et al., 2013, p. 3115; Hutson, Burke, Haynes, 2013, p. 4139]. В контексте долины р. Карагайлы-Аят важно упомянуть работу А.А. Кабыша, посвященную массовой остеоодистрофии крупного рогатого скота в 1950-х гг. в Брединском р-не Челябинской обл. Поселение Коноплянка находится на северной периферии этого района. Комиссии по устранению остеоодистрофии удалось установить, что Брединский р-н является особой биогеохимической провинцией, где из-за минерального состава почв у копытных нарушено усвоение фосфора и кальция [Кабыш, 1967, с. 334]. В долине р. Карагайлы-Аят в наши дни остеоодистрофия у крупного рогатого скота отсутствует, но факты поедания костей и земли крупным и мелким рогатым скотом имеют место даже в условиях минеральной подкормки животных. Возможной причиной остеофагии среди крупного и мелкого рогатого скота на поселении Коноплянка может быть сочетание таких факторов, как особенности почв микрорайона, общая специфика всех копытных и сезонный стресс у отдельных особей. Из этиологии данного явления можно исключить интенсивную молочную эксплуатацию скота, т.к. остеофагия массово распространена среди современного мясного крупного рогатого скота в этом же районе.

Обследование современных коровьих и овечьих загонов вблизи памятника показало, что вне зависимости от количества найденных маркеров остеофагии такие кости свидетельствуют о двух важных моментах. Они указывают на бесспорное содержание домашних копытных на территории поселения. При осмотре действующих загонов эта категория костей была найдена только в границах ограды или по ее ближайшему периметру. Если рассматривать остеофагию как одно из проявлений общего физиологического стресса, то у большинства копытных он наблюдается в конце зимы – начале весны и в жаркие летние месяцы [Niven, Egeland, Todd, 2004, p. 1789]. Интерес копытных к поеданию костей в сухую и жаркую погоду был доказан, в частности, на примере жирафов [Langman, 1978]. Более того, система действующих загонов для скота, на которых было обнаружено относительно большое количество маркеров остеофагии, используется только в бесснежный период года. О летнем пике поедания костей домашними копытными также говорят опрошенные пастухи. Таким образом, свидетельства остеофагии могут косвенно указывать на сезон их появления. Однако данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Структура мясного питания

Для расчета соотношения объемов потребления мяса взяты только показатели остеологического спектра крупного рогатого скота, овцы и лошади. Свинья

Таблица 5. Соотношение объемов потребления мяса

Показатель	Говядина	Баранина	Конина	Всего
Остеологический спектр, %	65,9	26,4	7,7	100 (595 костей)
Кратность веса туш крупных копытных относительно одной туши овцы	6	1	5,5	–
Объем мясных продуктов в условных единицах	394,8	26,3	42,3	463,4
Соотношение объемов мясных продуктов, %	85,2	5,7	9,1	100

не учитывается, т.к. на сегодняшний день недостаточно оснований полагать, что это домашнее копытное на поселениях бронзового века Южного Зауралья разводилось для получения мясной продукции [Косинцев, 2000, с. 41]. Соотношения объемов потребления мяса демонстрирует существенное преобладание говядины в мясном рационе жителей поселения Коноплянка (табл. 5). Использовалось мясо как молодых животных, так и старше 4–5 лет (по данным прорезания зубов и прирастания эпифизов). Второе место в мясном рационе занимала конина, третье – баранина. Примерно в равной доле потреблялось мясо молодых и взрослых овец.

Вероятная форма скотоводства

Реконструкция наиболее вероятной формы животноводства у обитателей поселения Коноплянка является одной из самых сложных проблем. Во-первых, отсутствуют данные о изотопном составе коллагена костей домашних копытных, позволяющие выявить особенности их содержания и кормления. Во-вторых, на юге Челябинской обл. нет современного прямого аналога придомного, отгонного или придомно-отгонного скотоводства, которые традиционно реконструируются для ряда поселений синташтинской культуры [Косинцев, 2000, с. 44; Vachura, 2013, р. 287]. Для решения проблемы использовались данные о возрастном составе крупного рогатого скота, маркеры остеофагии домашних копытных и пример современной системы выпаса крупного и мелкого рогатого скота в долине р. Карагайлы-Аят. Возрастной спектр забитых животных свидетельствует о молочно-мясной направленности разведения скота. Это позволяет предположить, что хотя бы часть стада находилась вблизи поселения для возможности доения. Маркеры остеофагии могут косвенно свидетельствовать о нахождении всего или части стада возле поселения в теплое время года. Наблюдения за современной системой выпаса вблизи памятника показали, что даже небольшой участок речной долины способен десятилетиями выдерживать ежедневный выпас нескольких небольших стад (100–150 голов) домашних копытных в бесснежный период. Кроме этого, степная растительность устой-

чива к выпасу смешанных стад, состоящих из коров, овец, коз и лошадей. Следов перевыпаса не зафиксировано. Сено для зимнего стойлового содержания заготавливается на прилегающей к реке территории, которая не используется под пастбище. Данный факт позволяет предполагать, что участок речной долины в радиусе 2–3 км от поселения мог удовлетворять потребности жителей как в выпасе скота, так и в заготовке кормов на протяжении многих лет.

Заключение

К сожалению, формат статьи не позволяет подробно обсудить все полученные результаты. Рассмотрим только основные итоги исследования. Данные археозоологического анализа на примере поселения Коноплянка позволяют говорить о развитом оседлом животноводстве носителей синташтинских традиций. Разведение домашних копытных было основным источником получения продуктов питания. Данный вывод также подтверждается результатами палеоботанических исследований, которые не выявили макроостатки сельскохозяйственных растений в культурном слое памятника [Stobbe et al., 2016]. Рыболовство, скорее всего, не играло существенной роли в жизнеобеспечении обитателей поселения, т.к. ни во рву (хорошие условия для сохранности мелких костей), ни в копролитах собак не обнаружены кости рыб.

Оседлый характер животноводства подтверждается результатами наблюдения за современной системой выпаса в долине р. Карагайлы-Аят и палеоботаническими данными, согласно которым условия окружающей среды подходили для придомной формы скотоводства [Ibid.]. Эти же данные позволяют предположить, что для выпаса использовались участки речной долины в радиусе 5–15 км от поселения. О высоком уровне животноводческих навыков обитателей поселка свидетельствуют удовлетворительные условия содержания скота, которые не приводили к патологиям костной системы, кастрация быков и использование физической силы крупного рогатого скота (волы). Зафиксированное явление остеофагии среди домашних копытных указывает на нахождение скота вблизи поселения в холодное и, скорее всего, даже теплое время года (коровы).

О стойловом содержании животных также может косвенно свидетельствовать ряд выявленных патологий (артропатии суставной поверхности – признак ограничения движений сустава). Состав мясной диеты жителей поселка и факт использования физической силы волов говорят о том, что крупный рогатый скот являлся главным видом домашних копытных.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10332).

Список литературы

- Антипина Е.Е.** Модели древнего скотоводства на Кавказе: археозоологические исследования на поселении Кабардинка 2 // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. – М.: ИА РАН, 2013. – Вып. 3. – С. 126–141.
- Кабыш А.А.** Эндемическая остеодистрофия крупного рогатого скота на почве недостатка микроэлементов. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. – 371 с.
- Косинцев П.А.** Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. – С. 17–44.
- Косинцев П.А., Бачура О.П.** Костные остатки животных из поселения Устье // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск: Абрис, 2013. – С. 363–387.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В.** Костные комплексы поселения Синташта // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2009. – С. 34–38.
- Лукьяновский В.А.** Болезни костной системы животных. – М.: Колос, 1984. – 254 с.
- Рассадников А.Ю.** Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 2 (37). – С. 163–168.
- Солдаткин Н.В.** Жилая архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа: обзор источников // Научный диалог. – 2018. – № 1. – С. 209–220.
- Цалкин В.И.** Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота в древности // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. биол. – 1960. – Т. LXV, вып. 1. – С. 109–126.
- Цалкин В.И.** Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М.: Наука, 1970. – 279 с.
- Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В.** Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: предварительные результаты // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3. – С. 101–109.
- Bachura O.P.** Season and age of the slaughter of cattle (*Bos taurus*) and sheep (*Ovis aries*) // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 285–291.
- Bartosiewicz L.** Bone structure and function in draft cattle // Limping together through the ages: Joint afflictions and bone infections. – Rahden: Verl. Marie Leidorf GmbH, 2008. – P. 153–164.
- Behrensmeyer A.** Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. – 1978. – Vol. 4, iss. 2. – P. 150–162.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Monfort D., Pesquero M.D., Fernandez-Jalvo Y.** Osteophagia and dental wear in herbivores: actualistic data and archaeological evidence // J. of Archaeol. Sci. – 2013. – Vol. 40. – P. 3105–3116.
- Driesch A.** A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. – Cambridge, Mass.: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. – 1976. – 137 p. – (Peabody Mus. Bull.; vol. 1).
- Hutson J., Burke C., Haynes G.** Osteophagia and bone modifications by giraffe and other large ungulates // J. of Archaeol. Sci. – 2013. – Vol. 40. – P. 4139–4149.
- Koryakova L., Krause R.** General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 1–21.
- Langman V.** Giraffe pica behavior and pathology as indicators of nutritional stress // J. of Wildlife Management. – 1978. – Vol. 42, iss. 1. – P. 141–147.
- Niven L.B., Egeland C.P., Todd L.C.** An inter-site comparison of enamel hypoplasia occurrence in Bison: implications for paleoecology and modeling Late Plains Archaic subsistence // J. of Archaeol. Sci. – 2004. – Vol. 31. – P. 1783–1794.
- Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L.** The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 239–285.
- Silver I.** The ageing of domestic animals // Science in Archaeology: a survey of progress and research. – L.: Thames and Hudson, 1969. – P. 283–302.
- Stevanovic O., Janeczek M., Chroszcz A., Markovic N.** Joint diseases in animal paleopathology: veterinary approach // Mac. Vet. Rev. – 2015. – Vol. 38, iss. 1. – P. 5–12.
- Stobbe A., Gumnior M., Ruhl L., Schneider H.** Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia – Evidence from high-resolution palaeobotanical studies // The Holocene. – 2016. – Vol. 26, iss. 10. – P. 1692–1710.
- Telldahl Y., Svensson E., Gothnerstrom A., Stora J.** Osteometric and molecular sexing of cattle metapodia // J. of Archaeol. Sci. – 2012. – Vol. 39. – P. 121–127.
- Thomas R., Johannsen N.** Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // Intern. J. of Paleopathology. – 2011. – Vol. 1. – P. 43–54.
- Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J.** Joint health in free-ranging and confined small bovids – Implications for early stage caprine management // J. of Archaeol. Sci. – 2018. – Vol. 92. – P. 13–27.

Материал поступил в редколлегию 04.05.17 г.,
в окончательном варианте – 05.05.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.040-047
УДК 903.54

А.В. Табаров¹, А.Е. Патрушева², Н. Куэвас³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: annaraft@yandex.ru

³Национальный музей Филиппин, Филиппины
National Museum of the Philippines
Padre Burgos Avenue, Rizal Park, Manila, 1000, Philippines
E-mail: cuevas@yahoo.com

Погребения в антропоморфных сосудах на территории Филиппин

В первой совместной статье российских и филиппинских археологов рассматривается один из уникальных локальных вариантов погребальной традиции на территории островной части Юго-Восточной Азии – погребения в антропоморфных сосудах в пещере Аюб (южная часть о-ва Минданао, Филиппины), которая исследовалась специалистами из Национального музея Филиппин в 1991–1992 гг. и предварительно датируется 500 г. до н.э. – 500 г. н.э. Особый интерес представляют крышки погребальных сосудов, выполненные в форме человеческих голов с портретной детализацией лиц, мимикой и раскраской. Материалы из пещеры Аюб позволяют интерпретировать памятник как некрополь местной племенной элиты, а сами керамические изделия связывать с развитыми «престижными технологиями» и специальной группой ремесленников-гончаров. Комплекс находит разнообразные аналогии в антропоморфной символике погребального инвентаря (керамические скульптуры, орнаментика и раскраска сосудов) позднего неолита – эпохи палеометалла на территории Филиппин (острова Лусон, Палаван, Негрос) и Индонезии (острова Сумба, Флорес, Бали), а также и в более широком круге древних культур тихоокеанского бассейна от Японского архипелага (дзёмон), Корейского полуострова (погребения раннего железного века) до островов Вануату (культура лапита). Эти аналогии позволяют усматривать истоки антропоморфной символики в австронезийской миграции, один из маршрутов которой моделируется специалистами из районов Южного Китая через Тайвань, северную часть Филиппин, Марианские острова и далее в Меланезию и Полинезию.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Филиппины, пещера Аюб, палеометалл, погребения, антропоморфные сосуды, ритуал.

A.V. Tabarev¹, A.E. Patrusheva², and N. Cuevas³

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: olmec@yandex.ru

²Novosibirsk State University,
Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: annaraft@yandex.ru

³National Museum of the Philippines,
Padre Burgos Avenue, Rizal Park, Manila, 1000, Philippines
E-mail: cuevas@yahoo.com

Burials in Anthropomorphic Jars in the Philippines

The first joint study by Russian and Philippine archaeologists addresses an unusual variant of a burial tradition distributed in Island Southeast Asia – burials in anthropomorphic clay jars, found in Ayub Cave (southern Mindanao Island, Philippines), excavated by specialists from the National Museum of the Philippines in 1991–1992, and tentatively dated to 500 BC to 500 AD. Of special

interest are lids of jars shaped as painted human heads with individualized facial features and expressions. The finds suggest that Ayub Cave was a necropolis of the tribe elite, and that vessels were produced by a special group of potters using elaborate “prestige technologies”. The Ayub ceramic collection has various parallels relating to clay figurines and decoration including painting, among Late Neolithic and Early Metal Age assemblages from the Philippines (Luzon, Palawan, and Negros Islands), Indonesia (Sumba, Flores, and Bali Islands), and other regions of the Pacific Basin from Japan (Jomon) and Korea (Early Iron Age burials) to Vanuatu Islands (Lapita culture). These parallels suggest that the source of the anthropomorphic symbolism was the Austronesian migration with one of its routes passing from southern China via Taiwan, the northern Philippines, Mariana Islands, and further south to Melanesia and Polynesia.

Keywords: Southeast Asia, Philippines, Ayub Cave, Early Metal Age, burials, anthropomorphic jars, ritual.

Введение

Филиппины, наряду с Индонезией, Восточной Малайзией, Сингапуром, Брунеем и Восточным Тимором, входят в состав островной части Юго-Восточной Азии. Особенности динамики древних культур на островах Филиппинского архипелага определяются его географическим положением в пределах тропического пояса, а также разнонаправленными миграционными и технологическими импульсами с континентальных территорий Восточной и Юго-Восточной Азии.

В российских публикациях археология Филиппин до недавнего времени была лишь пунктирно отмечена в обобщающих работах «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии» П.И. Борисковского [1971, с. 161–162] и «История Филиппин: краткий очерк» Ю.О. Левтоновой [1979, гл. I]; результаты археологического поиска и открытия последних 25–30 лет отечественным специалистам практически неизвестны. Ситуация начала существенно меняться в последние годы: наряду с общим взаимным интересом российской и филиппинской науки к сотрудничеству на уровне специальных соглашений и опций к реализации совместных проектов по линии национальных научных фондов* постепенно формируется и отдельная («филиппинская») тематика в публикациях российских археологов, включая авторов настоящей работы (напр.: [Табарев, Патрушева, 2018; Табарев, Иванова, Патрушева, 2017; и др.]).

Особый интерес вызывает разнообразие погребальных практик на островах Филиппинского архипелага. Среди них выделяется традиция погребений в сосудах. Первые версии об истоках этой традиции появились еще в середине XX в. Так, например, О. Бейер связывал ее появление на Филиппинских островах с миграциями из южных районов Китая через Батанские и Бабуянские острова на север о-ва Лусон на рубеже эр, а У. Сольхейм – с культурной диффузией с терри-

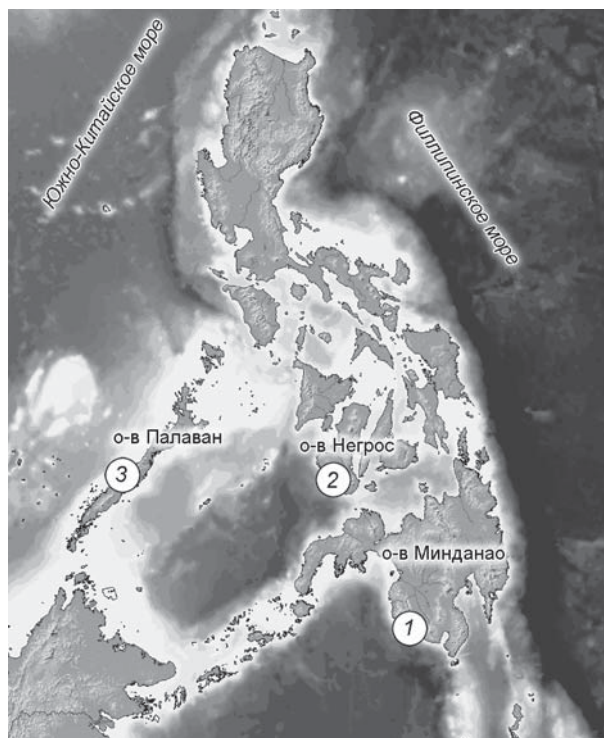

Рис. 1. Карта Филиппинского архипелага с обозначением местоположения основных памятников, упоминаемых в тексте.

1 – Пещера Аюб; 2 – Магсухот; 3 – Табон.

торий Индокитая, Таиланда и Малайского полуострова [Beyer, 1947; Solheim, 1970, 1973]. На сегодняшний день самые ранние проявления традиции погребений в сосудах зафиксированы в комплексах позднего неолита (ок. 3 тыс. л.н.), а отдельные элементы сохраняются вплоть до современности. С одной стороны, они вписываются в общую для всей Юго-Восточной Азии систему погребальных ритуалов неолита – эпохи палеометалла [Табарев, 2017; Bellwood, 1997, p. 202; 2017, p. 327; Bulbeck, 2017], а с другой – филиппинские комплексы демонстрируют ряд уникальных практик. В первую очередь, это касается погребений в антропоморфных сосудах в пещере Аюб на о-ве Минданао (рис. 1), которые датируются 500 г. до н.э. – 500 г. н.э.

Настоящая статья является фактически первым опытом совместной работы российских и филиппин-

*Например, в августе 2018 г. подписано первое в истории российско-филиппинских научных контактов соглашение о намерениях в области научно-технического сотрудничества между Российским фондом фундаментальных исследований и Министерством науки и технологий Республики Филиппины.

ских археологов. В ней погребения в сосудах из пещеры Аюб рассматриваются в рамках «антропоморфной» тематики в погребальных практиках островной части Юго-Восточной Азии, а также в более широком, тихоокеанском контексте.

Антропоморфные сосуды в погребальных комплексах острова Минданао, Филиппины

Остров Минданао (площадь чуть менее 100 тыс. км²) археологически изучен лишь на предварительном уровне. К числу наиболее ранних проектов относятся работы 1963–1964 и 1967 гг. под руководством М. Маседа на плато Куламан (пров. Султан-Кударат), во время которых проведены раскопки в нескольких пещерах и обнаружены серия погребальных керамических сосудов и урн из мягкого камня с останками погребенных, изделия из камня, раковин и несколько артефактов из металла [Maceda, 1964, 1967]. Особый интерес вызывают каменные урны с антропо- и зооморфными сюжетами (фигуры людей, ящеров, змей) (рис. 2).

В 1965–1966 гг. аспирант Университета Силиман С. Брионес посетил плато Куламан и отметил присутствие погребальных каменных урн и керамических сосудов в пещерах и гротах Салансанг [Briones, 1985–1986]. Вскоре после этого в 1967–1968 гг. американские специалисты Э. Курджак (Университет Майами) и К. Шелдон (Университет штата Орегон) провели дополнительные исследования в тех же районах и датировали фрагмент кости из погребения в сосуде (585 ± 85 лет н.э.) [Dizon, 1996, p. 195; Dizon, Santiago, 1996, p. 10; Kurjack, Sheldon, Keller, 1971, p. 127–128]. В конце 1970-х гг. У. Сольхейм, А. Легаспи и Д. Нери

опубликовали обзорную работу по археологии юго-восточной части Минданао [Solheim, Legaspi, Neri, 1979], после чего полевые исследования на острове прервались до начала 1990-х гг.

В середине 1991 г. появляются первые сведения о погребальных сосудах антропоморфной формы, найденных в большом количестве во время поисков «сокровищ»* в одной из некрупных пещер в пров. Южное Котобато. По словам Э. Дизона, ему удалось увидеть часть этих материалов, которые насчитывали 25 керамических изделий (крышек сосудов) в форме человеческих голов высотой от 7 до 14 см, диаметром от 6 до 12 см и толщиной 0,2–0,5 см [Dizon, 1996, p. 191]. Детали (уши, носы, губы) были выполнены в разной технике – в виде отдельных аппликаций или в единой скульптурной форме; часть изделий была раскрашена в красный и черный цвета; красный ангоб присутствовал также и на большинстве фрагментов самих сосудов.

Археологические раскопки в пещере, получившей название Аюб**, производились командой Национального музея Филиппин в 1991–1992 гг. Предвходовая часть пещеры имеет высоту ок. 3 м при ширине 5 м, внутренняя полость понижается от входа под углом 30° примерно на 8 м. «Искатели сокровищ» разрушили с помощью тяжелой техники предвходовую часть и выкопали шурфы во внутренней полости пещеры. Тем не менее археологам удалось обнаружить несколько квадратных метров непо потревоженного культурного слоя (рис. 3), где в ходе раскопок были найдены 29 практически полных сосудов с крышками в форме человеческих голов, а также ок. 20 крышек, восстанавливаемых из крупных частей, и более 100 различных фрагментов. По мнению филиппинских специалистов, в целом речь идет примерно о 200 антропоморфных крышках погребальных сосудов [Cuevas, Leon, 2008; Dizon, 1996, p. 191; Dizon, Santiago, 1996].

Примечательно, что лица керамических голов показывают различные эмоции – улыбки, печаль, скорбь, у некоторых детально проработаны приоткрытые рты, обозначены зубы, растянутые мочки ушей, четко просматривается раскраска на лбу и щеках (рис. 4). Характерные половые признаки, обозначенные на самих сосудах, позволяют

Рис. 2. Погребальные урны с антропоморфной символикой, плато Куламан (фото из архива авторов).

*Речь идет о поиске золотых слитков, спрятанных японскими военными во время Второй мировой войны.

**По имени одного из лидеров Фронта национального освобождения Моро (Moro National Liberation Front, MNLF), контролировавшего данную территорию.

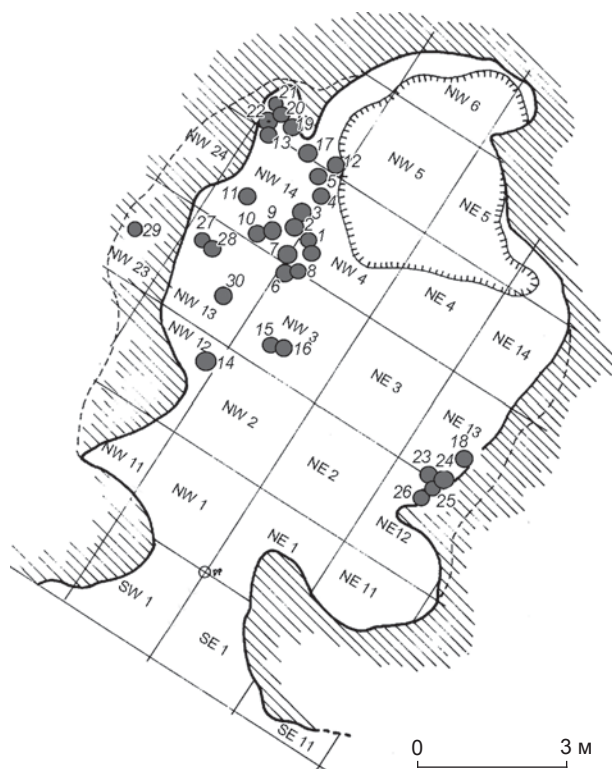
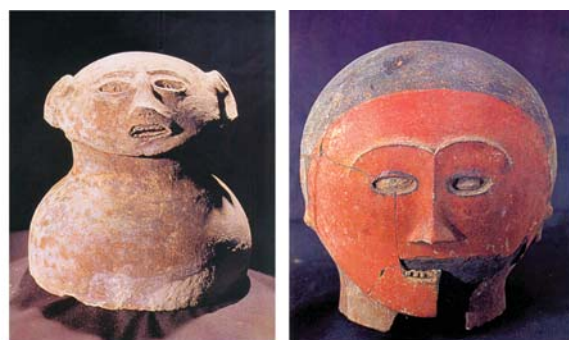

Рис. 3. Расположение погребальных урн, найденных при раскопках 1991–1992 гг. в пещере Аюб (адаптировано по: [Dizon, Santiago, 1996]).

выделять мужские и женские изображения (рис. 5). Таким образом, керамический сосуд не только служит погребальным контейнером, но и предоставляет определенную информацию о погребенном/погребенных.

Погребальные урны сопровождалась небольшими сосудами, раскрашенными в красный и черный цвета и декорированными отпечатками лопаточки, шнура, а также прочерченными геометрическими фигурами. В погребальном инвентаре присутствуют стеклянные и керамические бусинки, фрагменты керамических браслетов, украшений из раковин и несколько мелких железных пластинок.

Две радиоуглеродные даты – $1\,840 \pm 60$ л.н. (Beta-83315) и $1\,900 \pm 50$ л.н. (Beta-83316) [Dizon, Santiago, 1996, p. 109] – позволяют отнести функционирование некрополя в пещере Аюб к рубежу эр, времени, которое в археологической литературе по Юго-Восточной Азии определяется как эпоха палеометалла, а применительно к островной части – «период металла», поскольку бронза, железо и золото здесь появились практически одновременно. Количество памятников этого периода пока недостаточно для выделения на территории Филиппин полноценных «археологических культур», на данном этапе специалисты оперируют понятиями «комплекс» и «традиция» [Handbook..., 2017, p. 6–7].

1

2

3

4

5

6

Рис. 4. Антропоморфные крышки погребальных сосудов из пещеры Аюб (по: [Dizon, Santiago, 1996]).

1

2

Рис. 5. Погребальные сосуды из пещеры Аюб (по: [Dizon, Santiago, 1996]).

Антропоморфные сосуды из пещеры Аюб и ближайшие аналоги

В связи с частичной сохранностью комплекса в пещере Аюб, отсутствием данных по ДНК и детальным антропологическим определениям его интерпретация и этнокультурное соотношение с нынешним аборигенным населением Минданао носят предварительный характер. Примечательно также, что в соседней пещере Сагель, относящейся к тому же времени, антропоморфных погребальных сосудов нет. Кроме того, если в Аюб преобладают групповые погребения, то в Сагель – исключительно одиночные [Cuevas, Leon, 2008]. Все это указывает на вариативность дета-

лей погребального обряда в рамках единой традиции.

В то же время находки в пещере Аюб при всей своей яркой специфике, уникальности и локальном характере отражают и общие для островной части Юго-Восточной Азии антропоморфные сюжеты в погребальном инвентаре. Отметим наиболее яркие примеры в пределах Филиппин и Индонезии. Так, одно из наиболее древних проявлений антропоморфного сюжета было обнаружено в пещерном комплексе Табон (о-в Палаван, Филиппины), в «Зале А» [Fox, 1970, p. 109]. Речь идет о знаменитом погребальном сосуде «Манунгул». Его высота 66,5 см, максимальная ширина 51 см. Крышка сосуда увенчана скульптурной композицией, изображающей двух умерших, которые на ритуальной лодке перемещаются в мир мертвых (рис. 6). Погребальную урну сопровождали изделия из нефрита, агата и раковин, а также несколько мелких керамических сосудов. Для этого комплекса имеются даты 891 ± 80 (USLA-992A) и 711 ± 80 (USLA-992) лет до н.э., что для Филиппинского архипелага соответствует времени позднего неолита или перехода к палеометаллу [Табарев, Иванова, Патрушева, 2017].

Для периода палеометалла (металла) исключительно интересные материалы получены в 1974–1975 гг. при исследовании памятника Магсухот (южная часть о-ва Негрос, Филиппины) [Tenazas, 1974], где обнаружены обычные (одиночные) и два «сложных» погребальных комплекса. В одном из них на площадке 2×1 м, вымощенной плоскими фрагментами керамики, были установлены три крупных пустых погребальных сосуда, которые сопровождался набором из более чем 80 мелких керамических сосудов, антропоморфных и зооморфных скульптурок, погребением женщины и двух детей, а также одиночным каменным блоком массой ок. 500 кг. Особо следует отметить сосуд, изображающий беременную женщину (рис. 7, 1), а также сосуды с крышками

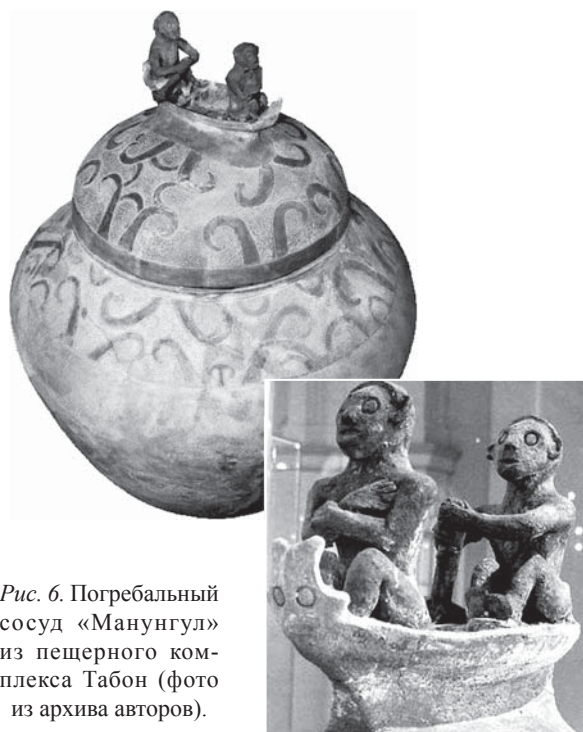

Рис. 6. Погребальный сосуд «Манунгул» из пещерного комплекса Табон (фото из архива авторов).

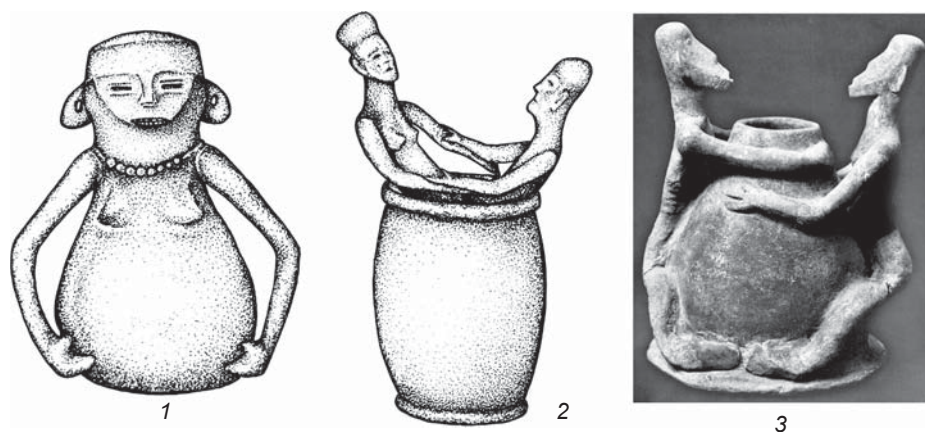

Рис. 7. Погребальные сосуды с памятника Магсухот (прорисовка Ю.В. Табаревой, фото из архива авторов).

в виде парной композиции из сидящих или стоящих фигурок (рис. 7, 2).

Отдельные керамические изделия с антропоморфной символикой известны и по другим филиппинским памятникам периода палеометалла (Лета-Лета, Баха, Каламаниуган, Калатаган и др.) (рис. 8, 1, 2). Не менее интересные аналогии прослеживаются на островах Индонезии. Так, например, внимания заслуживает памятник Пэйн Хака (восточная часть о-ва Флорес), где обнаружены 13 одиночных погребений (по большей части без черепа) в сосудах. Все, за исключением одного, сосуды представлены сферическими формами с красным ангобом, некоторые из них имеют прочерченный орнамент, в одном случае зафиксировано украшение верхней части тулова аппликациями в виде человеческих лиц (рис. 8, 3), в другом – изображением ящериц. Сопроводительный материал включает подпрямоугольные тесловидные орудия из камня и раковин, браслеты, бусины и подвески из раковин, шип морского ската. Изделия из металла в комплексе отсутствуют, радиоуглеродные даты определяют возраст некрополя в пределах 3 000 – 2 100 л.н. [Galipaud et al., 2016].

Не меньший интерес представляет и известная по целому ряду погребальных комплексов на островах Сумба, Ява и Флорес серия сосудов типа «кенди» в форме фляжек или чайников с рельефными или прочерченными контурами человеческих лиц [Heekeren, 1958, pl. 34] (рис. 9).

Заключение

Таким образом, комплекс в пещере Аюб (южная часть о-ва Минданао) является яркой иллюстрацией одной из локальных погребальных традиций как Филиппинского архипелага, так и всей островной части Юго-Восточной Азии. Анализ его материалов выводит исследователей на целую серию интересных сюжетов.

Во-первых, погребения в антропоморфных сосудах можно интерпретировать как статусные, а весь комплекс – как некрополь племенной элиты. В пользу «элитности» говорят погребальный инвентарь, «портретность» персонажей, сложность самого обряда и отсутствие данных об иных погребальных комплексах такой сложности в этой части о-ва Минданао [Barretto-Tesoro, 2003]. Изготовление сосудов подразумевает специальные навыки и группу специалистов-гончаров, работавших в формате «престижных технологий» [Табарев, 2008; Hayden, 1995].

Во-вторых, возникает вопрос, связана ли антропоморфная погребальная атрибутика исключительно с изделиями из керамики и, соответственно, со временем переноса неолитических технологий гончарства из континентальных частей Восточной и Юго-Восточ-

Рис. 8. Антропоморфные изображения из погребальных комплексов островной части Юго-Восточной Азии. 1 – Лета-Лета, о-в Палаван, Филиппины (по: [Dizon, Santiago, 1996]); 2 – Баха, о-в Лусон, Филиппины (прорисовка Ю.В. Табаревой); 3 – Пэйн Хака, о-в Флорес, Индонезия (по: [Galipaud et al., 2016]).

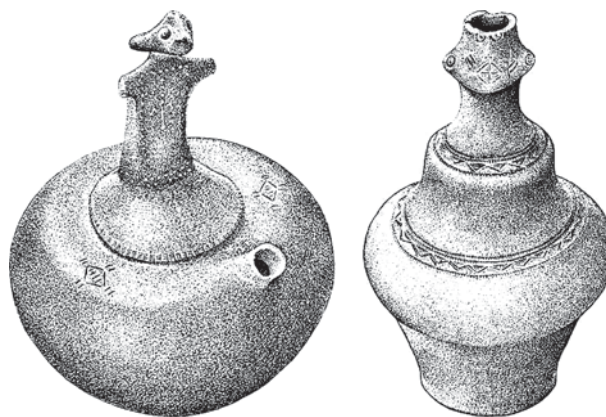

Рис. 9. Керамические сосуды типа «кенди», о-в Сумба, Индонезия (по: [Heekeren, 1958]).

ной Азии на островную ок. 4 тыс. л.н., или же ей могла предшествовать местная (донеолитическая) традиция изготовления фигурок, масок и амулетов из органических материалов. Для решения этой проблемы необходимы поиск и специальное изучение ранних погребальных комплексов (10–5 тыс. л.н.) на территории Малайзии, Филиппин и Индонезии.

В-третьих, актуальным является привлечение максимально широкого круга археологических и этнографических аналогий антропоморфной символике в пределах тихоокеанского бассейна. Наиболее ранние обнаруживаются в раннем и среднем периодах эпохи дзёмон (антропоморфные изображения «ша-

Рис. 10. Сосуд с изображением человеческого лица, высота 70,2 см. Культура яёй. Префектура Ибараки. Экспозиция Токійского национального музея (фото из архива авторов).

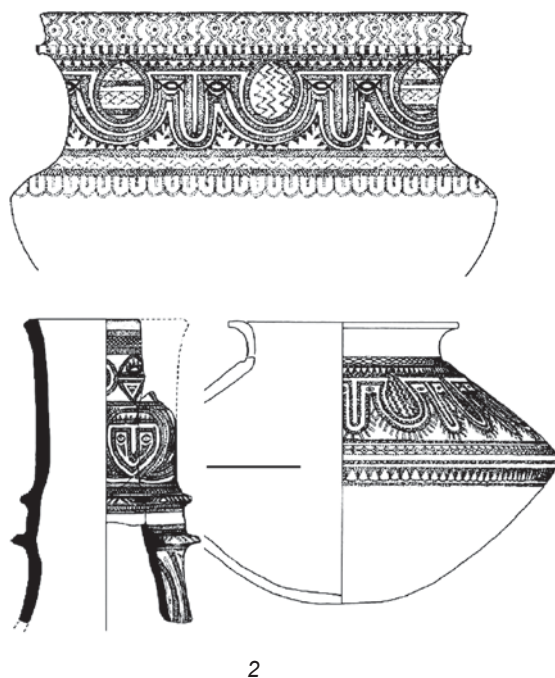
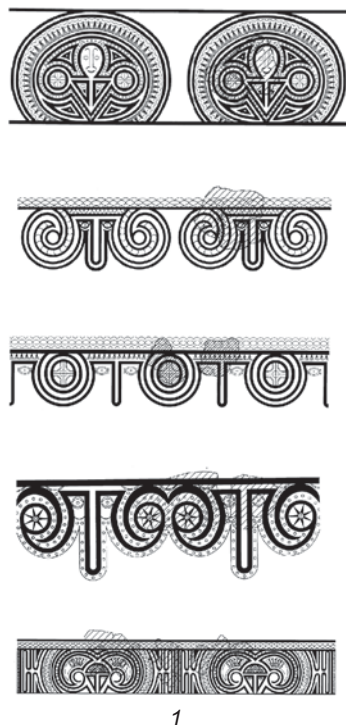

Рис. 11. Антропоморфная символика культуры лапита.
1 – варианты орнаментов на сосудах (по: [Spriggs, 1990]); 2 – сосуда из некрополя Теума, о-в Эфате, Вануату (по: [Ravn et al., 2016; Valentin et al., 2010]).

манов») и культуре яёй (стилизиция верхней части сосудов в виде человеческой головы) (рис. 10) на Японском архипелаге [Соловьева, Табарев, 2013; Tabarev, 2017], а также в комплексах раннего железного века на Корейском полуострове, где парные погребальные сосуды интерпретируются как «тело человека» или «яйцо» [Riotto, 1995].

И наконец, важным событием культурогенеза для всего тихоокеанского бассейна является распространение носителей австронезийских языков из прибрежных районов Южного Китая через о-в Тайвань, северную часть Филиппинского архипелага, Марианские острова и далее в Океанию [Carson et al., 2013]. Одним из маркеров этой миграции служит красноокрашенная керамика со сложным прочерченным орнаментом, она становится и определяющим признаком археологических комплексов, зафиксированных на островах Полинезии, Меланезии и Микронезии и объединяемых в культуру (традицию) лапита (3,0–2,5 тыс. л.н.). Примечательно, что антропоморфная тематика (символическое изображение лиц) фиксируется уже на самой ранней керамике этой культуры, например, в погребениях некрополя Теума на о-ве Эфате, Вануату (3,0–2,8 тыс. л.н.) [Bedford, Spriggs, 2007; Ravn et al., 2016; Valentin et al., 2010], и сохраняется в различных модификациях на протя-

жении всего периода существования традиции лапита [Spriggs, 1990] (рис. 11), а также и в последующем полинезийском культурном пласте.

Благодарности

Авторы искренне признательны д-ру Э. Дизону (Национальный музей Филиппин, г. Манила) за помощь с литературой и информацией по раскопкам пещеры Аюб, а также графику Ю.В. Табаревой за подготовку иллюстративного материала к статье.

Список литературы

- Борисковский П.И.** Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. – Л.: Наука, 1971. – 174 с.
- Левтонова Ю.О.** История Филиппин: краткий очерк. – М.: Наука, 1979. – 296 с.
- Соловьева Е.А., Табарев А.В.** Керамическая посуда с антропоморфными сюжетами в древних культурах тихоокеанского бассейна: дзёмон (Япония) и илама (Колумбия) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 133–141.
- Табарев А.В.** Престижные технологии, промысловые ритуалы и комплексные общества эпохи камня, Дальний

Восток России // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: Человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2008. – С. 218–224.

Табарев А.В. Традиция погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии: происхождение и ареальное подразделение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXII. – С. 409–412.

Табарев А.В., Иванова Д.А., Патрушева А.Е. Древние культуры Филиппинского архипелага: ключевые сюжеты и проблематика исследований // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – № 2. – С. 54–57.

Табарев А.В., Патрушева А.Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 165–179.

Barretto-Tesoro G. Burial Good in the Philippines: An Attempt to Quantify Prestige Values // Southeast Asian Studies. – 2003. – Vol. 41, N 3. – P. 299–315.

Bedford S., Spriggs M. Birds on the Rim: A Unique Lapita Carinated Vessel in Its Wider Context // Archaeology in Oceania. – 2007. – Vol. 42, N 1. – P. 12–21.

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1997. – 384 p.

Bellwood P. First Islanders: Prehistory and Human Migration in Island Southeast Asia. – Victoria: Wiley-Blackwell, 2017. – 384 p.

Beyer H.O. Outline Review of Philippines Archaeology by Islands and Provinces // Philipp. J. of Sci. – 1947. – Vol. 77. – P. 205–374.

Briones S.M. The Late Neolithic – Early Iron Age Limestone Secondary Jar Burial Complex in the Caves of Salangang, Lebak, Sultan Kudarat, Philippines and Its Implications in the Chronology of Southeast Asia // Ancient Nepal: J. of the Department of Archaeology. – 1985–1986. – N 91. – P. 16–20.

Bulbeck D. Traditions of Jars as Mortuary Containers in the Indo-Malaysian Archipelago // Terra Australis. – 2017. – Vol. 45. – P. 141–164.

Carson M.T., Hung H., Summerhayes G., Bellwood P. The Pottery Trail from Southeast Asia to Remote Oceania // J. of Island and Coastal Archaeology. – 2013. – N 1. – P. 17–36.

Cuevas N., Leon A., de. Archaeological Investigation of Sagel Cave at Maitum, Sarangani Province, Southern Mindanao, Philippines // Hukay. – 2008. – Vol. 13. – P. 1–24.

Dizon E.Z. The Anthropomorphic Pottery from Ayub Cave, Pinol, Maitum, South Cotabato, Mindanao, Philippines // Indo-Pacific Prehistory Association. – 1996. – Bull. 14. – P. 186–196.

Dizon E.Z., Santiago R.A. Faces from Maitum. The Archaeological Excavation of Ayub Cave. – Manila: The National Museum of the Philippines, 1996. – 121 p.

Fox R. The Tabon Caves // Monographs of the National Museum. – Manila: National Museum. – 1970. – Vol. 1. – 197 p.

Galipaud J.-C., Kinaston R., Halcrow S., Foster A., Harris N., Simanjuntak T., Javelle J., Buckley H. The Pain Haka Burial Ground on Flores: Indonesian evidence for a shared Neolithic belief system in Southeast Asia // Antiquity. – 2016. – Vol. 90. – P. 1505–1521.

Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. – N. Y.: Springer-Verlag, 2017. – 771 p.

Hayden D. The Emergence of Prestige Technologies and Pottery // The Emergence of Pottery. – Wash.: Smithsonian Institution Press, 1995. – P. 257–266.

Heekeren H.R., Van. The Bronze-Iron Age of Indonesia. – 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1958. – 108 p. – (Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde; vol. 22).

Kurjack E.B., Sheldon C.T., Keller M.E. The Urn Burial Caves of Southern Cotabato, Mindanao, Philippines // Siliman J. – 1971. – Vol. 18, N 2. – P. 127–153.

Maceda M.N. Preliminary Report on Ethnographic and Archaeological Field Work in the Kulaman Plateau (Cotabato), Island of Mindanao, Philippines // Anthropos. – 1964. – Vol. 59. – P. 75–82.

Maceda M.N. Preliminary Studies of the Figures and Ornamentation of Some Selected Jar Covers from Kulaman Plateau (Southwestern Cotabato), Island of Mindanao, Philippines // Anthropos. – 1967. – N 3/4. – P. 509–532.

Ravn M., Bedford S., Spriggs M., Hawkins S., Philip I., Valentine F. Pottery Spatial Patterns at the Lapita Site of Teuma, Central Vanuatu: Some Preliminary Refitting Results // Les Séances de la Société Préhistorique française. – 2016. – N 7. – P. 163–176.

Riotto M. Jar-Burials in Korea and Their Implications // Korea J. – 1995. – Vol. 35, N 3. – P. 40–53.

Solheim W.G., II. Prehistoric Archaeology in Eastern Mainland Southeast Asia and the Philippines // Asian Perspectives. – 1970. – Vol. XIII. – P. 47–58.

Solheim W.G., II. Remarks on the Prehistory of Sabah and Southeast Asian Archaeology // Borneo Res. Bull. – 1973. – Vol. 5, N 1. – P. 3–6.

Solheim W.G., II., Legaspi A.M., Neri J.S. Archaeological Survey in Southeastern Mindanao. – Manila: National Museum of the Philippines; [Manoa]: University of Hawaii, 1979. – 161 p. – (Monograph / National Museum of the Philippines; N 8).

Spriggs M. The changing face of Lapita: transformation of a design // Lapita Design, Form and Composition: Proceedings of the Lapita Design Workshop, Canberra, Australia, December, 1988. – Canberra: The Australian National University, 1990. – P. 83–122.

Tabarev A.V. Dancing Shamans, Snakes and Drugs: On the Similar Motives in the Art of Ancient Cultures of the Far East and Northern Andes // Intern. J. of South American Archaeology. – 2017. – N 10. – P. 35–39.

Tenazas R.C.P. A Progress Report on the Mugsuhot Excavations in Bacong, Negros Oriental, Summer 1974 // Philippine Quarterly of Culture and Society. – 1974. – Vol. 2, N 3. – P. 133–155.

Valentin F., Bedford S., Buckley H., Spriggs M. Lapita Burial Practices: Evidence for Complex Body and Bone Treatment at the Teouma Cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific // J. of Island and Coastal Archaeology. – 2010. – N 5. – P. 212–235.

Материал поступил в редколлегию 10.12.18 г.,
в окончательном варианте – 07.02.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.048-059
УДК 902.26+904

А.Е. Рогожинский¹, Д.В. Черемисин²

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан
Қазақстан Республикасы білім және ғылым министрлігі
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Достық данғылы, 44, Алматы, 500010, Қазақстан
E-mail: alexeyro@hotmail.com

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: topsya@bk.ru

Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации)

В статье представлена классификация памятников тамгопользования – портативных и недвижимых объектов (петроглифов, монументов), отмеченных тамгами – знаками групповой идентичности народов, которые расселялись в тюркскую эпоху на юге Сибири, территориях Монголии и Казахстана. Исследуются восемь групп однотипных знаков, выявленных на территории Алтая и Семиречья; привлекаются материалы из других областей региона. Картирование знаков показало их основные ареалы и зоны дисперсии; анализ данных археологии, нумизматики, письменных источников и исторической географии позволил установить дату, вероятную этнополитическую принадлежность знаков, векторы пространственного перемещения их обладателей. Сопоставление групп знаков на территориях Алтая и Семиречья обнаружило тесную связь населения историко-культурных областей. Выделены группы знаков, обладающих признаками тамг крупных племенных объединений (сочетание многих разновидностей), а также знаков надплеменной идентичности (сословные, привилегированных кланов, союзных объединений) и эмблем правящей элиты (династийные). Династийными тамгами клана ягалакар являются знаки, известные по памятникам Сырнах-Гозы и Курай I на Алтае; по монетам и тамгам-петроглифам из Семиречья выявлены знаки правителей карлуков VIII–IX вв. на территории Алтая (Чаган, Талдура и др.) и Центральной Монголии (Шивэт улан). Две группы знаков (тамги № 1 и 3) имеют много производных форм и фиксируют присутствие в близкое время на Алтае и в Семиречье подразделений карлукской федерации. Статусом знака надплеменной идентичности обладает тамга № 2, которую отличает единообразие формы, сохраняющееся в разных контекстах на удаленных территориях.

Ключевые слова: Алтай, Семиречье, тюркская эпоха, тамга, уйгуры, карлуки.

A.E. Rogozhinsky¹ and D.V. Cheremisin²

¹Margulan Institute of Archaeology,
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan,
Dostyk 44, Almaty, 500010, Kazakhstan
E-mail: alexeyro@hotmail.com

²Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: topsya@bk.ru

The Tamga Signs of the Turkic Nomads in the Altai and Semirechye: Comparisons and Identifications

This article presents a classification of tamgas on petroglyphs and portable items. Tamgas are signs of group identity used by medieval Turkic nomads inhabiting Southern Siberia, Mongolia, and Kazakhstan. We describe eight groups of tamgas found in the Altai and in Semirechye, and compare them with similar signs from other parts of the region. The mapping of tamgas,

including petroglyphic, sphragistic, and others allowed us to assess their date, ethno-political attribution, and migration routes of groups with which they were associated. The comparison of tamgas in the Altai and Semirechye evidences close links between those regions. Whereas certain groups of tamgas (combinations of many varieties) were emblems of major tribal unions, others were supratribal markers of social status, privileged clans, and alliances. Certain emblems were dynastic signs of the ruling elite. Dynastic tamgas of the Yaglakar clan are known from sites such as Syrnakh-Gozy and Kuray I in the Altai. Certain tamgas on coins and petroglyphs in Semirechye are emblems of the 8th and 9th century Karluk rulers of the Altai (Chagyn, Taldura, etc.) and central Mongolia (Shivet ulan). Two groups of tamgas (No. 1 and 3) have many derivatives, marking certain divisions of the Karluk federation. An example of a supratribal emblem is tamga No. 2, which shows little variation despite being found in various contexts across a vast territory.

Keywords: Altai, Semirechye, Turkic epoch, tamgas, Uyghurs, Karluks.

Введение

Древние и средневековые тамги, известные от Прибайкалья до Прикаспия, от Кузнецкого Алатау и Хангая до Тянь-Шаня и Памиро-Алая, представлены на памятниках тамгопользования двух категорий: на *портативных предметах* и *недвижимых памятниках* археологии и архитектуры (рис. 1). Тамги встречаются на сооружениях мемориально-культового назначения (стелы, поминальные оградки, балбалы, надгробия, храмовые постройки), а также в виде наскальных рисунков: а) в составе скоплений петроглифов («святостища»); б) вблизи стационарных стоянок; в) как обособленные собрания тамговых знаков («энциклопедии»), которые являются самостоятельным видом памятников истории и культуры, традиционно именуемым в тюркоязычной части Центральной Азии *тамгалытас*. Знаки изображены на следующих портативных объектах: а) на монетах античных

государств Трансоксианы (Кушанское царство, Хорезм), вассальных владений тюрков в Средней Азии и городских центров в Чуйской и Таласской долинах; б) на предметах культовой и бытовой утвари, престижных изделиях (дорогая посуда, печати), предметах воинского и конского снаряжения [Рогожинский, 2014, с. 82]. Наибольшей информативностью для изучения землепользования, расселения и передвижений кочевых племен обладают тамги на недвижимых объектах: они отмечают места длительного обитания и ареалы разных групп номадов того или иного периода.

На территории Алтая, в пределах России, Монголии и Казахстана, средневековые тамги зафиксированы на памятниках всех указанных категорий. К настоящему времени учтено ок. 50 местонахождений, но эта цифра отражает лишь сравнительно слабую изученность горного края. Типологически выделяются ок. 20 основных форм знаков, часть которых имеет от двух до семи разновидностей. В пределах

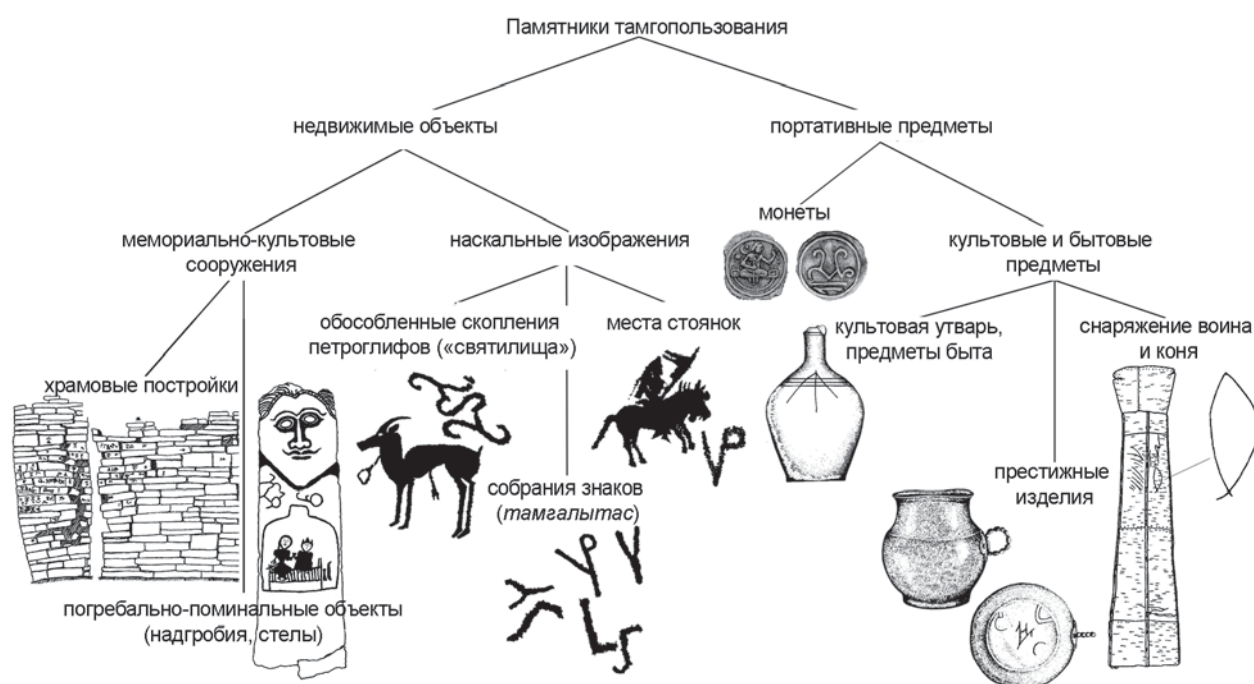

Рис. 1. Классификация памятников тамгопользования. Составитель А.Е. Рогожинский.

Семиречья известны более 150 пунктов с тамгами на скалах и мемориалах, выделены ок. 30 типов знаков, многие из которых представлены тремя – шестью разновидностями.

Группы знаков: характеристика и идентификация

Частота встречаемости некоторых знаков на многих местонахождениях Алтая позволяет предполагать длительное пребывание здесь их обладателей. К таким знакам относится тамга в виде двух соединенных окружностей; известно несколько ее разновидностей, образованных путем добавления к основной фигуре диакритических элементов (рис. 2). Тамги этого типа часто фиксируются на Российском и Монгольском Алтае [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, прил. I, рис. 937, 1050, 1248, 1345; Кубарев В.Д., 2009, прил. I, рис. 399, 440, 562; Васильев, 2013, с. 117–121], но за пределами этой территории знак-«эндемик» встречается редко.

Другую группу образуют знаки, ареал которых включает помимо Алтая многие области Центральной Азии. Так, тамга в виде пары соединенных треугольников (имеет до шести вариантов) широко представлена на Алтае и в Семиречье, менее распространена на юге Казахстана, в Северном Тянь-Шане, центре Монголии, Минусинской котловине. На Алтае тамга многократно зафиксирована на мемориалах, в Семиречье – только в петроглифах. Тамга могла принадлежать крупному объединению кочевников Алтая, подразделения кото-

рого в определенные периоды занимали территории центрально-азиатских владений тюрков.

Редко встречающиеся знаки, ареал которых находится за пределами Алтая, можно рассматривать как результат проникновения в местную среду отдельных групп пришлого населения или их представителей. К ним относится знак на скале Сырнах-Гозы и на сосуде из памятника Курай I [Кубарев Г.В., 2012, с. 199, рис. 2], который идентифицируется по билингве Кары Чортегина (775–795) в Сиане как династийная тамга каганского рода уйгуров – *яглакар* [Alyılmaz, 2013, s. 52–53; LuoXin, 2013, s. 76–78]. Такие знаки встречаются очень редко; они примечательны ввиду высокого политического статуса эмблемы, которая зафиксирована лишь на четырех мемориалах в Монголии и Китае (Бугут, Могойн Шине усу, Шивэт улан, эпитафия Кары Чортегина), на двух серебряных сосудах из Курай I и с о-ва Муруйский, а также как петроглиф в пунктах Сырнах-Гозы, Тепсей, Зурийн овоо, Хурийн узур (рис. 3, 1, 6–8). Важнейшие из этих памятников связаны местом нахождения с «доменом» (*куруг*) правителей Уйгурского каганата на северных склонах Хангая [Кляшторный, 2012, с. 95], а наскальные изображения каганской эмблемы на Енисее (Тепсей) и в долине Чуи (Сырпах-Гозы) могут маркировать дальние рубежи территорий, оказавшихся в определенный момент под влиянием уйгуров.

Единичной находкой представлена в Монгольском Алтае тамга, ассоциируемая с племенным объединением уйгуров [Есин, 2017, табл. 2]. Знак-петроглиф в Цагаан-Салаа IV соответствует основной форме тамги, которая известна в не менее чем пяти услож-

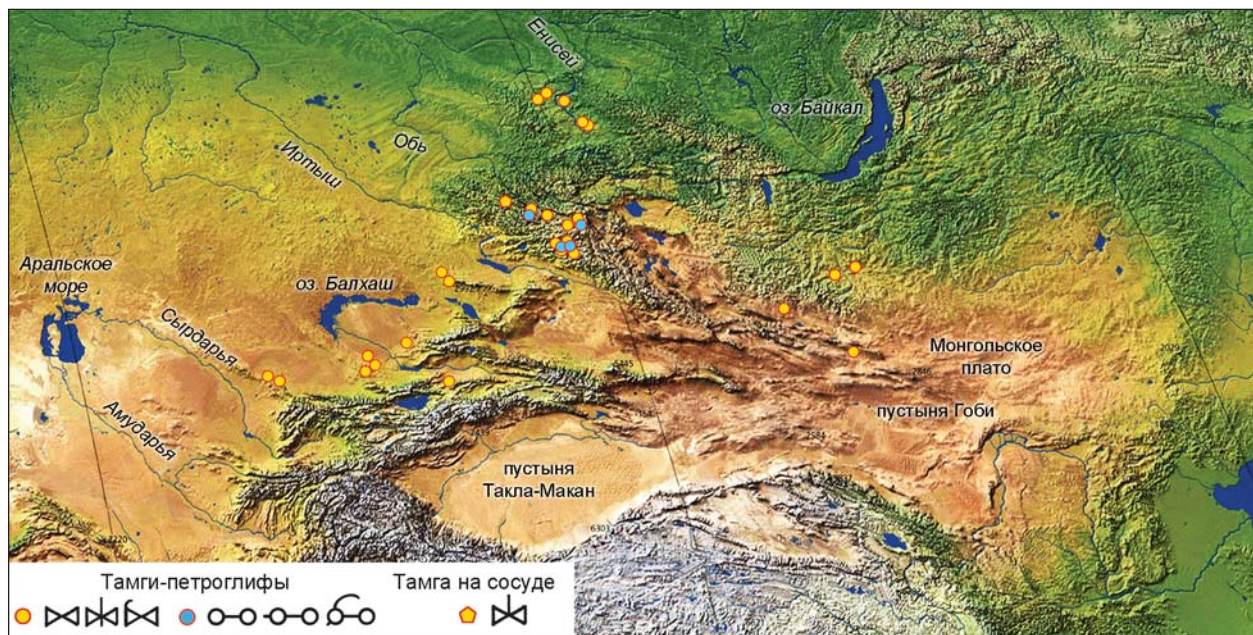

Рис. 2. Местонахождения знаков.

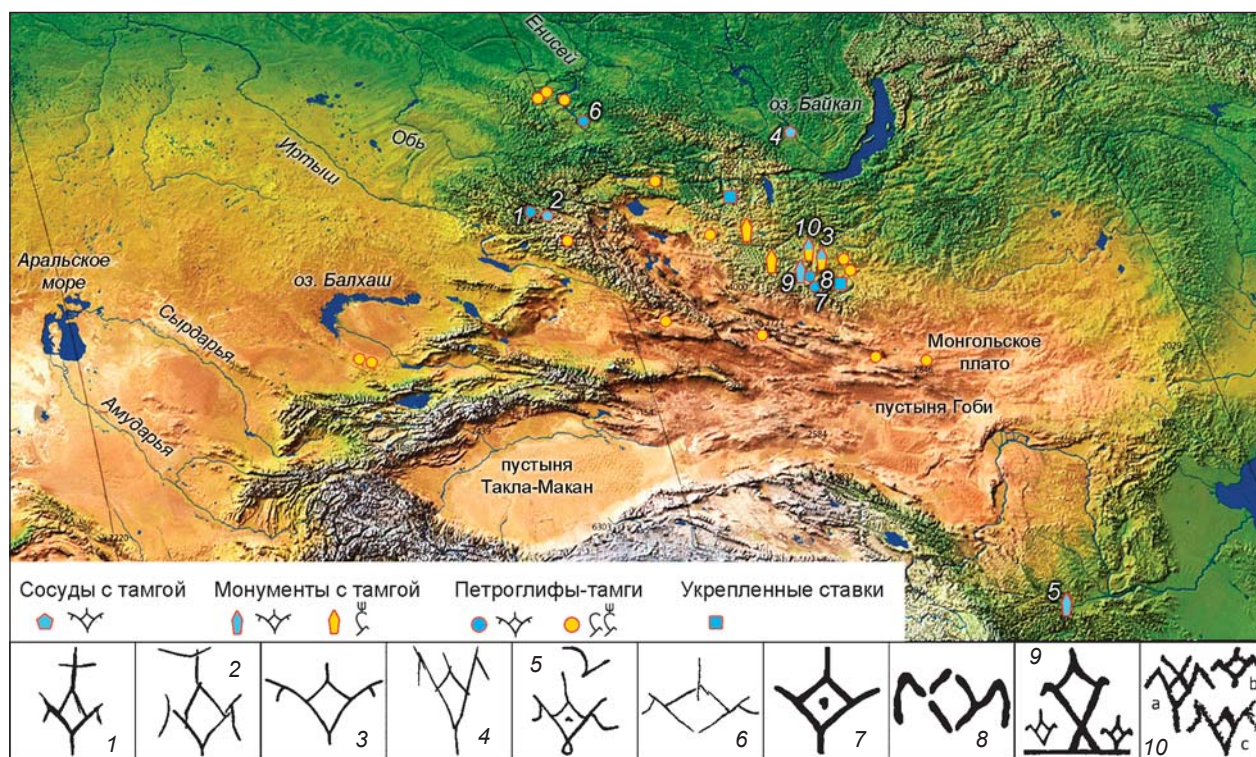

Рис. 3. Местонахождения знаков.

1 – Сырнах-Гозы; 2 – Курай I; 3 – Могойн Шинэ усу; 4 – о-в Муруйский, сосуд 1; 5 – Сиань (Кары Чортегин); 6 – Тепсей (Е 116); 7 – Зурийн овоо; 8 – Хуругийн узур; 9 – Бугут; 10 – Шивэт улан. 2, 4, 5, 10 – прорисовки знаков А.Е. Рогожинского.

ненных вариантах. Ареал основной тамги и ее вариаций включает по меньшей мере 16 ее местонахождений на скалах и мемориалах Монголии – от границ Гоби до северных отрогов Хангая (рис. 3). Вне этого ареала тамга зафиксирована по отдельным находкам в Центральной Туве [Беликова, 2014, с. 101, рис. 23], Семиречье, она имеется также на сосудах о-ва Муруйский на Ангаре. Можно предположить, что удаленные пункты нахождения тамги маркируют направления экспансии уйгуров в период их возвышения (подчинение чиков Тувы в 750–753 гг., енисейских кыргызов в 758 г.) [Кызласов Л.Р., 1969, с. 57–58; Камалов, 2001, с. 89–90], а затем перемещения отдельных групп уйгурского населения на запад и юго-запад после разгрома их государства кыргызами [Малявкин, 1974, с. 7].

Выделяется группа знаков, которые имеют широкое распространение и нередко выступают в сочетании с тамгами других типов. К ним относятся три знака: № 1 – подобный греческой «омега»; № 2 – в форме извивающейся змеи; № 3 – в виде угла с окружностью между лучами или короткими линиями на одном из них. Ареалы знаков в основном совпадают, хотя единого пространства не образуют, что можно объяснить неравномерной изученностью территорий. Общий ареал трех знаков образуют две удаленные области: а) Российский и Монгольский Алтай; б) Се-

миречье с численным преобладанием местонахождений в Чу-Илийском междуречье. Единичные знаки и их серии обнаруживаются за пределами области совместной встречаемости, и в таком измерении территория их распространения дополнительно включает южные и центральные районы Монголии, Прииссыкулье и Восточную Фергану.

Тамга № 1 представлена не менее чем пятью разновидностями, образованными с помощью добавления линий к неизменяемой форме знака (рис. 4). Наибольшая концентрация основной тамги и ее вариантов наблюдается в Прииссыкулье, Чу-Илийском междуречье и горах Кетмень, т.е. в пределах левобережья Или и правобережья Чу до Иссык-Куля. Западнее и южнее этой области тамга зафиксирована единично и производные знаки встречаются редко.

К северо-востоку от Семиречья, на предполагаемой исходной территории расселения обладателей тамги № 1, омегаобразные знаки-петроглифы неоднократно фиксировались на Алтае (Чаган, Уле, Цагаан-Салаа и Койбастау) [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, прил. I, рис. 379; Guneri, 2010, fig. 2, 1]. Производные ее формы [Кубарев В.Д., 1987, рис. 3, табл. LXVII] здесь встречаются редко. Тамга № 1 имеется в составе двух собраний знаков: на донце сосуда из кург. 3 могильника Туях-

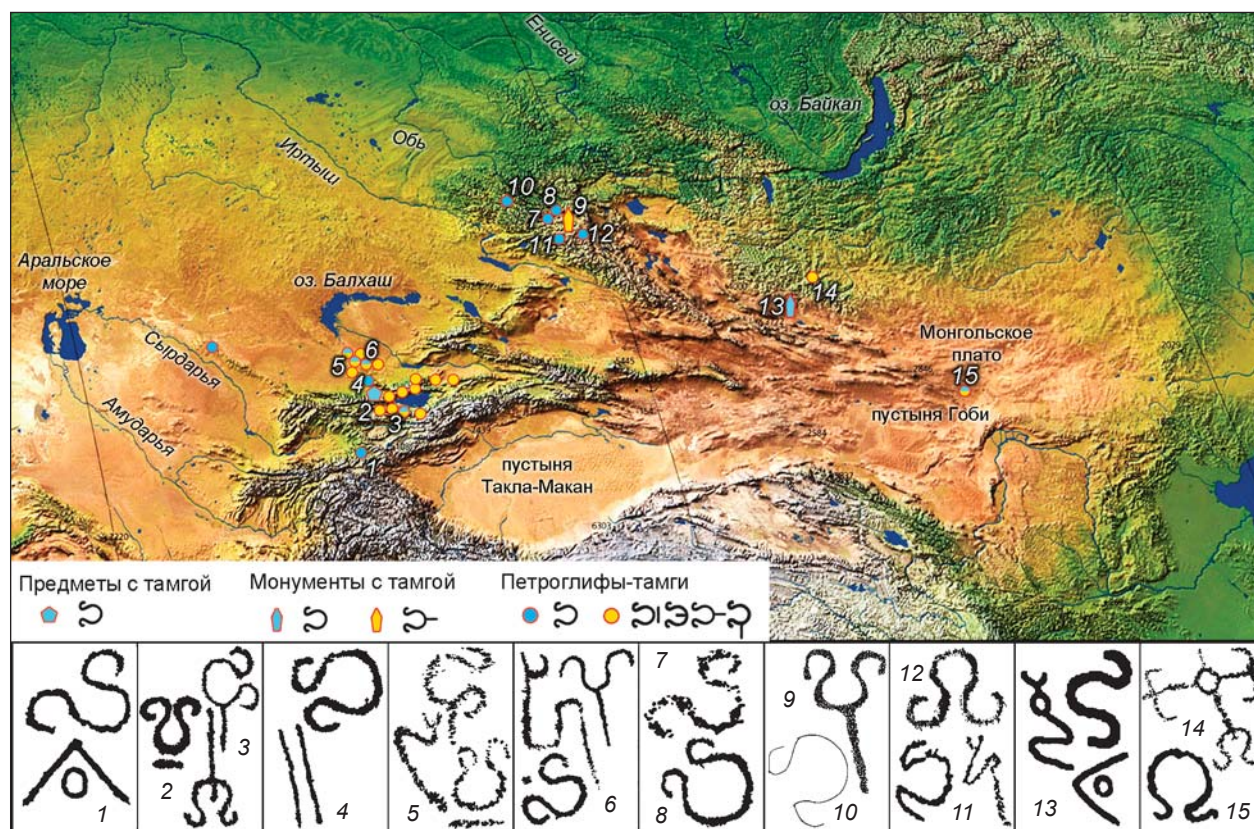

Рис. 4. Местонахождения тамги № 1.

1 – Бололу; 2 – Кочкор; 3 – Аколени; 4 – Актерек; 5 – Аккайнар; 6 – Тамгалы; 7 – Чаган; 8 – Уле; 9 – Уландрык IV; 10 – Туяхта; 11 – Цагаан-Салаа; 12 – Койбастау; 13 – Бомбогор; 14 – Хуругийн узур; 15 – Байшинт.

та и на мемориальной стеле в Бомбогоре [Киселёв, 1951, с. 540–541, табл. ЛII, 7; Базылхан, 2011, рис. 3]. Несмотря на неполноту данных, на карте региона отчетливо вырисовываются две области концентрации местонахождений тамги № 1 (высокогорный Алтай и Чу-Илийское междуречье с Прииссыккульем) и зоны дисперсного распространения знака. Обращает на себя внимание отсутствие данной тамги на промежуточной территории, отделяющей две области концентрации, – в Тарбагатае и Жетысуйском Алатау. На территории Центрального Казахстана такой знак тоже не обнаружен, возможно, путь обладателей тамги № 1 от Алтая в западную часть Семиречья и Иссык-Кульскую котловину проходил с востока – через Илийскую долину или юго-востока – из Внутреннего Тянь-Шаня.

Тамга № 2 не имеет производных форм (рис. 5). Она представлена вариантами змеевидной фигуры, повернутой на 180°, и тремя вариантами изображения «головы» – изгибом, развилкой или окружностью (овалом). Разные иконографические варианты встречаются в Монголии и Семиречье, иногда вместе на одном местонахождении, как в Тамгалы или на Бичигт улаан хад, обследованном Г.И. Боров-

кой в 1925 г. [Монголия..., 2017, с. 67, фото П, 25188, 25189] (рис. 5, 3, 8, 12). Яркий пример – скальное панно в Уркоше III, на котором поверх древних петроглифов нанесены не менее пяти изображений тамги-змеи и несколько других знаков. Значение этого культового комплекса и, вероятно, важного военно-политического центра на Алтае позволяют оценить расположенные вблизи средневековые надписи, в которых упоминаются титулы тюркских и уйгурских правителей [Тугушева, Кляшторный, Кубарев Г.В., 2014]. Тамга № 2 в виде наскального рисунка не обнаружена в Туве и Минусинской котловине, поэтому серебряный сосуд с двумя подобными знаками из Уйбатского чаатаса следует рассматривать как дар или трофей. Дорогие сосуды подобного типа более характерны для памятников тюркской культуры на Алтае и в Туве [Савинов, 1984, с. 124–125; Николаев, Кубарев Г.В., Кустов, 2008, с. 176–179].

Тамга-змея и омегообразный знак (их ареалы в целом совпадают) нередко соседствуют в известных собраниях тамг: дважды в Чу-Илийских горах, в Цагаан-Салаа IV и на стеле в Бомбогоре в Монголии (ср. рис. 4 и 5). Тамги-змеи нет в Прииссыккулье, и лишь одно изображение найдено на востоке Семиречья.

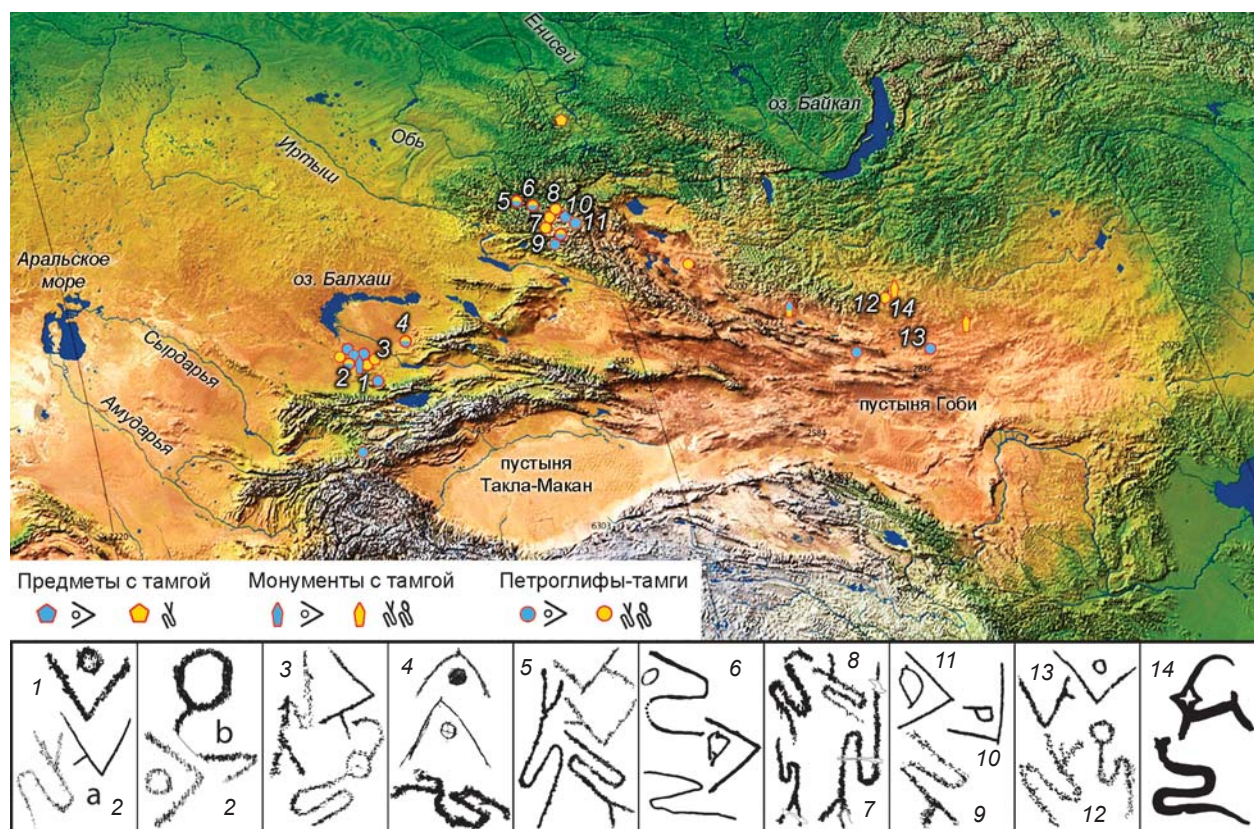

Рис. 5. Местонахождения тамги № 2 и 3.

1, 2 – Кулжабасы; 3 – Тамгалы; 4 – Ешкюльмес; 5 – Уркош III; 6 – Калбак-Таш I; 7 – Чаган; 8 – Уле; 9 – Укок; 10 – Барбургазы II; 11 – Уландрык I; 12 – Бичигт улаан хад; 13 – Дэл-ула; 14 – Мухар.

Единообразие данной тамги и особое место, которое она занимает среди других знаков тюркской эпохи, позволяют рассматривать тамгу № 2 как эмблему надплеменной (клановой, сословной) или общеплеменной идентичности. В этой связи уместно вспомнить об особенностях тамгопользования казахов в XVIII–XIX вв. Так, тамга племени *сарыуысын* имела значение надплеменного символа у нескольких подразделений Старшего жуза (*дулат*, *албан*, *суан*), составлявших ядро этого объединения [Рогожинский, 2016, с. 226–229, рис. 1]. Не исключено, что тамга-змея имела сходное значение в некоем этнополитическом образовании средневековых кочевников региона. С учетом своеобразия формы и особого статуса тамги № 2 на памятниках тамгопользования, включая мемориалы правящей элиты восточных тюрков (Чойрен, Мухар), ее можно связать с клановой символикой *ашидэ*, которая реконструирована в трудах С.Г. Кляшторного и Ю.А. Зуева [Кляшторный, 1980, с. 92–95, рис. 2, 3; Зуев, 2002, с. 85–86], или же признать надплеменным символом крупной группировки кочевников, подобной *телэ* или *токуз-огуз* (об этих этнополитонимах см.: [Тишин, 2014]).

Инвариантной основой тамги № 3 является фигура V; на ней образовано много производных форм, в т.ч. угол с окружностью между лучами, которую можно рассматривать как главную тамгу большого племенного образования. В ряде случаев эта тамга занимает особое, «почетное», положение при сочетании с другими знаками того же типа или в собраниях разных тамг. Датированы тамги на находках с Алтая: на пряжке ремня из Барбургазы (катандинский этап) и на застегках для конских пут из Уландрык I [Кубарев Г.В., 2005, с. 97, 137–140, табл. 3, 12, 13; 33, 15; 83, 11, 12, 13, 17]. Ареал основной тамги № 3 с ее разновидностями включает две зоны концентрации – высокогорная область Алтая и Семиречье и область дисперсного распространения вдоль северной границы Гоби, что позволяет констатировать его полное совпадение с ареалом тамги № 2. Отметим, что в Тарбагатае и Прииссыккулье тамги № 1 и 3 не обнаружены, хотя их сочетание зафиксировано в Бололу на юго-востоке Ферганы, но одновременность знаков исследователями не утверждается [Табалдиев и др., 2000, с. 88, рис. 2].

Обилие производных форм обоих знаков (тамги № 1 и 3) при неполном совпадении ареалов пред-

полагает, по-видимому, существование многочисленных родственных подразделений, которые входили в два крупных самостоятельных объединения и занимали в близкое время (одновременно или последовательно) некоторые общие территории – первоначально высокогорья Алтая, затем западную часть Семиречья. В Притяньшанье тамга № 3, когда можно предположить одновременное создание знаков в одном собрании, неоднократно сочетается с тамгой № 2, но ни разу – с тамгой № 1. В свою очередь, омегообразная тамга тоже часто изображена вместе с тамгой-змеей и никогда – с тамгой № 3; исключением является местонахождение в Фергане.

Сочетание трех знаков (№ 1–3) известно только на памятниках Монголии: в петроглифах Цагаан-Салаа IV в Монгольском Алтае [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 235, рис. 379] и на стеле Бомбогор в Центральной Монголии. В этом собрании тамги № 1–3 изображены в нижней части стелы и образуют ряд, отделяющий верхнюю группу однотипных знаков (окружность, соединенная линией с двумя отходящими дугами), не известных за пределами Монголии, от 14 тамг иных форм, из которых 12 входят в число наиболее распространенных в Притяньшанье.

По мнению Х. Ширин, эпитафия на стеле Бомбогор, в которой упоминаются басмылы и карлуки, посвящена «принцессе» (супруге или снохе карлукского ябгу), которая носила титул *il bilge* и, вероятно, происходила из династийного рода тюрков *Ашина* либо из правящего рода уйгуров – *яглакар* [Sirin, 2016, p. 371–372]. Однако на памятнике отсутствуют знаки, соотносимые с династией Яглакар, и тамга в виде стилизованной фигурки козлика, традиционно изображавшейся на каганских мемориалах восточных тюрков. Не известно также, обладали ли родственницы правителей басмылов высоким титулом *il bilge*; вопрос о принадлежности к династии *Ашина* вождя басмылов, возглавлявшего антитюркскую коалицию в 742–744 гг., на основе письменных данных безоговорочно не решается [Малявкин, 1989, с. 171; Камалов, 2001, с. 72–73]. Содержание рунического текста на стеле позволяет соотнести тамги № 1–3 и еще некоторые знаки в нижней части стелы с карлукским объединением или конфедерацией племен, в которую в определенный момент входили карлуки. Можно предположить, что однотипные тамги, изображенные в верхней части стелы, относятся, вероятно, к «сорокоплеменным басмылам». Не менее четырех таких знаков отмечено в Гурван мандал (вблизи мемориала Бомбогор); еще два знака имеется в Дэл ула: поверх тамги выбита китайская надпись, датированная 665 г. [Mert, 2010, fig. 9, 10; Sukhbaatar, 2015, p. 97].

В целом известные на Алтае и в Монголии тамги в форме змеи, омегообразного знака и V-образной

фигуры датируются временем от второй половины VI до середины VIII в. Но зафиксированные в Семиречье и Прииссыккулье знаки № 1 и 3, которые, по нашему мнению, связаны с карлукским объединением, вряд ли можно датировать периодом ранее второй половины VIII в. В пользу такого определения свидетельствует сочетание этих знаков с руническими надписями (дважды в Кулжабасы и многократно в Кочкорской долине), появление которых на данной территории в IX–X вв. тоже связывается с карлуками или иными группами населения Саяно-Алтая [Кызласов И.Л., 2005, с. 61–62]. Кроме того, в ущелье Актерек, которое входит в группу транзитных горных долин Жетыжол («Семь дорог»), соединяющих кочевыми маршрутами западную часть Семиречья с верховьями Чу и Прииссыккульем, зафиксировано сочетание тамги № 1 со знаком типа «кос алеп» (две параллельные наклонные линии), который известен как тамга *кыпчаков* (см. рис. 4, 4). Подобные тамги встречены также в Кулжабасы и других пунктах Чу-Илийского водораздела, но таковых нет в Прииссыккульской котловине. Одновременное пребывание карлуков и кыпчаков на землях Западного Семиречья и предгорий Кыргызского Алатау могло иметь место во второй половине IX – X в. [Гуркин, 2001, с. 31–33; Ермоленко, Курманкулов, 2013, с. 159]. Наконец, концентрация рассматриваемых знаков, как правило, около горных стоянок может отражать усиление «земельной тесноты» и обострение межплеменной борьбы кочевников Чу-Илийского междуречья в период массового переселения карлуков на земли «народа десяти стрел» и последующего расцвета городской культуры в предгорьях Северного Тянь-Шаня. Очевидно, тамги № 1–3 в Семиречье следует датировать не ранее чем второй половиной VIII в., а скорее IX–X вв. и позднее.

Тамга правящего клана карлуков

К историческому этапу смены господствующих групп кочевников в Семиречье во второй половине VIII в. относится знак, напоминающий перевернутую руническую графему *М*(lt), который присутствует в тамговом собрании в долине Ащысу близ Тамгалы (рис. 6, 2). На вертикальной скале высечены семь знаков. Они не одновременны: самыми ранними можно считать четыре тамги, одна из которых определяется как тамга тюргешей. На соседней грани скалы обособленно и, видимо, позже выбиты один над другим два знака: в виде прямого креста, а выше – в форме рунической графемы. Тамгу, подобную последней, можно видеть в собрании знаков тюркского времени в урочище Жайсан на юго-западе Чу-Илийского района [Досымбаева, 2013, фото на с. 238]. Она напоминает перевернутый орхонский рунический знак *М*(lt) или *ᠮ*(nč) (рис. 6, 1).

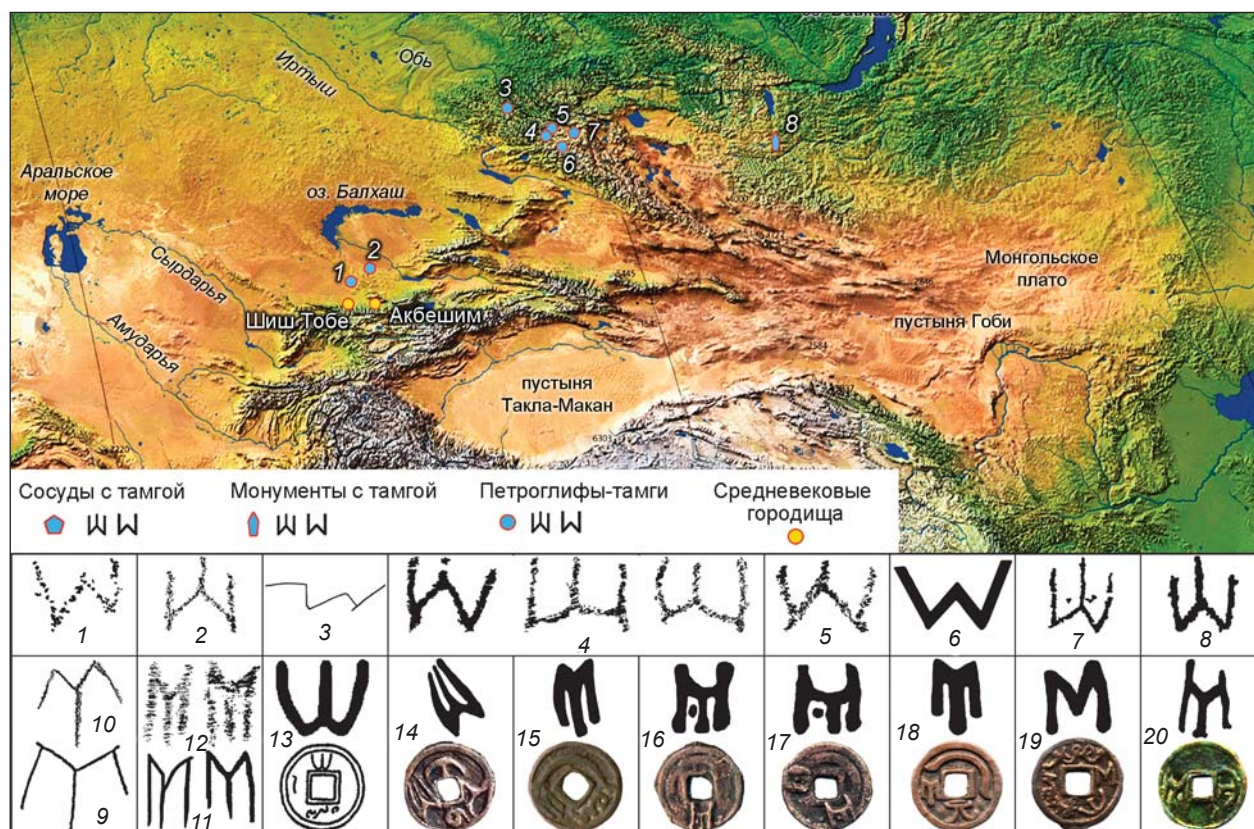

Рис. 6. Местонахождения знаков (1–8), знаки рунической письменности (9, 10) и тамги на монетах (11–20).

1 – Жайсан; 2 – Ащысу; 3 – Туяхта; 4 – Чаган; 5 – Талтура; 6 – Юстыд; 7 – Цагаан-Салаа; 8 – Шивэт улан; 9 – Калбак-Таш I (XXX); 10 – Кулжабасы I; 11 – Ачикташ; 12 – Кулжабасы II; 13 – Минусинский музей, монета (по: [Кызласов И.Л., 1984]); 14–20 – Семиречье, монеты (по: [Бабаяров, Кубатин, 2016]).

В обоих случаях знаки обнаруживают сходство с буквами рунического письма (рис. 6, 11, 12), но их нельзя спутать с встречающимися в Семиречье и на Алтае краткими надписями в виде одиночного знака Ψ (г) (рис. 6, 9, 10).

Идентифицировать оба геральдических знака можно на основе нумизматических материалов из Семиречья. Еще в 1989 г. нумизматом В.Н. Настичем по материалам городища Красная Речка был выделен монетный тип с согдийской легендой «Арслан куль-иркин» и двумя тамгами, «первая из которых в виде лукообразной дуги с отростком внутрь», вторая – по форме идентичная тамге из Ащысу (рис. 6, 20). В.Н. Настич связал эту эмиссию и монеты еще одного типа с «династией (?) Арсланидов – своеобразных “посредников” между тюркешскими правителями и сменившими их в Семиречье в X в. Караханидами» [1989, с. 117]. К настоящему времени на городищах Чуйской и Таласской долин собраны монеты нескольких типов (рис. 6, 14–19), на которых тамга в виде рунического знака М (нумизматы сопоставляют его с графемой *r*) присутствует как дополнительная к династийной эмблеме тюркешей. О датировке

и атрибуции этих монетных выпусков ведется дискуссия [Камышев, 2002, с. 63–64; Кошевар, 2010, с. 20–22, рис. 4, 5; Бабаяров, Кубатин, 2016, с. 89–93, 97]. Большой интерес представляют обнаруженные в 2006 г. на Акбешиме (Суяб) монеты с легендой «фан господина тюркешского кагана» на лицевой стороне и династийной эмблемой на реверсе, *перекрытой дополнительной тамгой* (рис. 6, 16, 17), которую А.М. Камышев именует «родовым знаком карлуков» [2008, с. 18–19, фото 6]. Знак тождественен тамге из Ащысу, но имеет дополнительную точку между левой и центральной линиями. Наконец, по нумизматическим находкам с городища Шиш-тобе (Нузкет) в Чуйской долине недавно выделены монеты собственно карлукского чекана на основании прочтения П.Б. Лурье легенды «монета господина кагана карлуков» [Лурье, 2010, с. 280–282, рис. 1, 1, 2].

На монетах данного типа изображена тамга в форме «лукообразной дуги», как на монетах Арсланидов, и дополнительная – в виде рунического знака (рис. 6, 19), аналогичного петроглифу в Жайсане. Выпуск этих редких монет, по мнению П.Б. Лурье, был недолгим и «может соотноситься с любым време-

нем между 766 г. и серединой X в.», однако «согдийская транскрипция этнонима Кар(ā)лук на монете более ранняя, чем та, которая присутствует на Карабалгасунской надписи» [Там же, с. 282]; предпочтительная дата эмиссии: вторая половина VIII – середина IX в. [Бабаяров, Кубатин, 2016, с. 92–93]. Отметим, что петроглифы-знаки, рассматриваемые нами в качестве династийных эмблем правящего клана карлуков, в Семиречье очень редки по сравнению с другими тамгами, которые атрибутируются как родоплеменные знаки подразделений карлукской конфедерации.

За пределами Семиречья тамги-петроглифы в виде рунических графем **М** или **М** зафиксированы на Цагаан Салаа I в Монголии (рис. 6, 7), а также у истоков р. Чуи в смежных долинах Талдура* [Кубарев Г.В., 2017, с. 344, рис. 1] и Чаган на Российском Алтае (см. рис. 6, 4, 5). Последнее местонахождение особенно важно, поскольку обнаруженные Д.В. Черемисины подобные знаки здесь находились в комплексе с другими объектами: две тамги изображены вместе с выразительными гравировками тюркского времени (всадники-катафракты и др.), еще один знак нанесен на скалу рядом с тамгой-змеей и другими петроглифами, расположенными в районе сосредоточения средневековых стоянок, курганных могильников, ритуальных оград со стелами и рядами балбалов.

Примечательны два изображения на серебряных сосудах, обнаруженных на Алтае: в кург. 3 могильника Туяхта и ритуальной ограде со стелой на могильнике Юстыд XII (см. рис. 6, 3, 6). Центральную часть донца сосуда из Юстыда XII занимает тамгообразная фигурка козла; другая тамга «нанесена на поддоне в виде буквы (W) орхоно-енисейского алфавита» [Кубарев В.Д., 1984, с. 73, рис. 12, 1], причем широким основанием вниз, она напоминает графему **М** с разведенными опорными линиями. Знак мог восприниматься иначе только в перевернутом положении сосуда. В таком виде тамга обнаруживает наибольшее сходство с петроглифами Талдуры, Чагана, Жайсана, а также со знаком на монетах «господина кагана карлуков». В целом, если положение геральдического знака имело существенное значение, то для определения его канонического начертания важны тамги, нанесенные на вертикальные поверхности недвижимых объектов с ограниченным фронтальным доступом, т.е. скалы и монумены.

Подробное описание знаков на сосуде из Туяхты принадлежит И.Л. Кызласову [2000а, с. 83–85, 88–90, рис. 1]. Известна также прорисовка граффити, вы-

полненная С.В. Киселёвым в 1935 г. [Васильев, 2013, с. 33–34]. В настоящее время, когда ознакомиться с материалами памятника позволяют качественные фотоснимки (<http://altay.gasu.ru>), можно дополнить выводы наших предшественников.

Отметим композиционную и смысловую связь гравировок, размещенных на плоском донце и окаймляющем его наклонном бортике поддона из Туяхты. Руническая надпись занимает примерно треть бортика; крупная тамга, захватывая основное пространство донца, развернута к ней основанием. Эту серию граффити можно рассматривать как одновременную. Такая же тамга имеется в Бичигт улан хад, возможно, также в собрании знаков на Калбак-Таш I и на донце сосуда из Копёнского чаатаса [Евтюхова, Киселёв, 1940, табл. III, 6]. Поверх первого знака позже вырезана столь же крупная омегообразная тамга, а на узком бортике – еще два знака меньших размеров: одна из разновидностей битреугольной тамги и тамга № 3 в одном из вариантов. Четвертый знак частично закрывает пятно краски с музейным шифром; под ним, судя по прорисовке С.В. Кисёлева, могут находиться еще два знака. Наконец, между омегообразной тамгой и знаками на поддоне вписан пятый символ, который по форме напоминает знак на сосуде из Юстыда XII. В целом позднюю группу граффити на сосуде можно рассматривать как отдельное собрание удостоверительных знаков представителей разных кланов (?), вероятно, участвовавших в важной коллективной акции (заключение союза, тризна и т.п.). Все различные знаки данной серии относятся к наиболее распространенным в восточной части Центральной Азии, но численно преобладающим на Алтае и в Семиречье. Подчеркнем, что доминирующее положение в этом собрании занимают тамги, размещенные в центре изобразительного поля, – омегообразная тамга и знак некоего привилегированного клана, идентифицированный по нумизматическим материалам из Семиречья как эмблема правителей карлуков второй половины VIII – IX в.

Династийная карлукская тамга, как и тамга № 2 или эмблема клана яглакар, редко встречается и характеризуется устойчивостью формы. На Алтае такая тамга зафиксирована также в Цагаан Салаа I; знак подобен тамгам на монетах Арсланидов, но усложнен двумя точками, а не одной, как дополнительная тамга на монетах с городища Акбешима. Следует упомянуть и хранящуюся в Минусинском краеведческом музее малоизвестную монету с процарапанными на оборотной стороне тремя знаками и тамгообразной фигурой [Кызласов И.Л., 1984, с. 94, 96, рис. 3], сходную с алтайскими петроглифами из Чагана и Талтуры. Наконец, изображение тамги карлуков присутствует на стеле комплекса Шивэт улан на Хангае – в значительном удалении от алтайского субареала знака (см. рис. 6, 8).

*Выражаем признательность Г.В. Кубареву за сотрудничество при подготовке этой статьи, ценные советы и качественные фотоснимки знака в долине Талдура.

Активное изучение мемориального комплекса Шивэт улан, включая стелу с тамгами, недавно возобновилось, но дата и принадлежность памятника окончательно не установлены [Kidirali, Babayar, 2015]. Не вдаваясь в подробности дискуссии о происхождении уникального собрания знаков, ограничимся описанием, на наш взгляд, очевидного контекста*, связанного с изображением карлукской тамги.

В современном виде стела с тамгами как малая архитектурная форма мемориального комплекса не является цельным, законченным сооружением; вероятно, в какой-то момент она подвергалась реконструкции по принципу палимпсеста: 1) абразивная обработка поверхности монолита выполнена избирательно (под тамгами проявляются остатки петроглифов, отдельные знаки намеренно удалены, но не стерты полностью); 2) верхняя часть стелы, самая важная в смысловом значении, будучи тщательно отшлифованной для вторичного (?) нанесения изображений или текста, осталась ничем не занятой. Собрание знаков состоит по меньшей мере из двух групп разновременных символических изображений: тамги различны по величине и технике исполнения; есть наложения поздних знаков на ранние и следы грубого подновления последних; композиционная согласованность группы ранних знаков нарушена добавлением более крупных поздних фигур. Наконец, знаки ранней и поздней групп относятся к разным ареалам преимущественного распространения и, надо полагать, разным объединениям средневековых кочевников Монголии и юга Сибири.

Среди ранних гравюр выделяются два знака основной тамги уйгуров и три знака клана ягалакар (два в канонической форме, как на стеле в Могойн Шине усу, и один – с дополнительным элементом); четыре из пяти этих знаков занимают верхний уровень регистра (рис. 7, 3–5, 8, 10). Ближе к средней части обелиска размещена тамга династийного клана карлуков (рис. 7, 2), похожая на знаки в Цагаан Салаа, Ащысу и на монетах Арсланидов. В числе поздних знаков под карлукской тамгой – крупное изображение в виде серпа с рукоятью и дополнительной фигуры наподобие замкового ключа (рис. 7, 1). Знак этот широко представлен в петроглифах Монголии и, что особенно важно, имеется на мемориалах правящей элиты Уйгурского каганата начального (Могойн Шинэ усу) и финального (Суджи) периодов его истории. Ареал тамги не выходит за пределы Монголии; знак, весьма вероятно, связан с одним из влиятельных подразделений тогуз-огузов, хотя точная атрибуция тамги остается проблематичной.

*Фото стелы доступны на сайте TURK BITIG (<http://bitig.org/>). Выражаем признательность Е.А. Миклашевич за любезно предоставленные качественные фотоснимки памятника.

Рис. 7. Стела комплекса Шивэт улан с тамгами. Фото Н. Базылхана, прорисовка знаков А.Е. Рогожинского.

Центральную ось тамговой композиции составляют семь-восемь знаков, выделяющихся глубиной выбивки и крупным масштабом изображений. Почти все эти тамги (рис. 7, 6, 7, 9) широко представлены в петроглифах Тувы и Минусинской котловины, на мемориалах Элегеста (Е-10, 52, 53, 59 и др.) и Ээрбека (Е-147, 149), на скалах Малого Баянкола, Усть-Тубы и Турана [Repertoire..., 1995, pl. 50, 29a, 2, 30, 2, pl. 52, 36, 2, 36, 3 и др.; Беликова, 2014, рис. 23]. Тамги этой группы в Монголии малочисленны [Mert, 2009, s. 11]. Основной ареал знаков, доминирующих на стеле, ограничен территорией в верхнем и среднем течении Енисея. Особенно показательна выбитая у основания стелы тамга в виде окружности с точкой в центре и соединенными дугами над ней (рис. 7, 11). Форма знака обнаруживает тождество с тамгой, найденной А.В. Адриановым на левом берегу Белого Июса; позже ареал такой тамги был установлен И.Л. Кызласовым – это северная область Хакасии [Кызласов И.Л., 2000б, с. 72–73, рис. 1, 5].

Идентификация некоторой части знаков на стеле позволяет выделить два этапа формирования собрания тамг: ранний, когда в примерно равном по статусу положении находились обладатели знаков названных отделений тогуз-огузов и карлуков, и поздний, когда доминирующее положение заняли тамги пришедших групп населения с территорий Тувы и Хакасии.

Дополнение стелы новыми знаками можно уверенно связать со временем крушения государства уйгуров, т.е. не ранее 840 г. Период существования Уйгурского каганата (744–840), с учетом положения тамги яглакар в общем ряду с эмблемой правящего клана карлуков, нельзя рассматривать как вероятное время создания ранней группы знаков. По-видимому, ранний этап формирования собрания относится к предшествующему периоду, когда лидеры тогуз-огузов и карлуков признавали политическое превосходство восточных тюрков; династийный знак последних мог занимать верхнюю область стелы до ее «реставрации». На особо высокий политический статус неизвестного меморианта косвенно указывает присутствие на памятнике эмблем правящих кланов, стоявших во главе двух крупных объединений кочевников Центральной Азии того периода.

Выводы

Возросший объем материалов – знаков идентичности средневековых номадов Центральной Азии – и их специализированное изучение делают возможным использование данного ресурса в историческом исследовании наряду с другими традиционно привлекаемыми источниками. Сравнительный анализ таких знаков Алтая и Семиречья показал тесную связь населения двух историко-культурных областей региона, позволил установить ареалы наиболее распространенных знаков и векторы перемещений их обладателей. Выявлены группы однотипных знаков (тамги № 1 и 3), которые выделяются многообразием форм и фиксируют присутствие на обеих территориях в близкое время родственных подразделений. Предполагается, что тамга № 2 имела статус знака надплеменной идентичности. Ее единообразная форма сохраняется в разных контекстах. Выделена группа знаков, служивших маркерами этнополитической идентичности правящих кланов уйгуров и карлуков в период формирования государственности тех и других в VIII–IX вв.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта БР 05236565).

Список литературы

Бабаяров Г.Б., Кубатин А.В. Новые чтения легенд на монетах доисламских правителей Семиречья // Согдийский сборник. – 2016. – Вып. 3. – С. 85–100.

Базылхан Н. Древнетюркские каганско-княжеские поминальные комплексы Центральной Азии // Форум «Идель – Алтай». – Казань: Фолиант; Ин-т истории АН РТ, 2011. – Вып. 13. – С. 187–194.

Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. – 570 с.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: ProsperPrint, 2013. – Ч. 1. – 268 с.

Гуркин С.В. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI в. // Донская археология. – 2001. – № 3/4. – С. 24–37.

Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – Алматы: ServicePress, 2013. – 250 с.

Евтюхова Л.А., Киселёв С.В. Чаа-тас у села Копёны // Тр. ГИМ. – 1940. – Вып. XI. – С. 21–54.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Проблема иконографических истоков половецкой скульптуры и особенное кыпчакское изваяние из урочища Кызлы // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2013. – № 3 (289). – С. 155–164.

Есин Ю.Н. К проблеме идентификации тамг кыргызов и чиков по «Тан хуйао» // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2017. – № 1 (17). – С. 57–75.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. – Алматы: Наш Мир, 2001. – 216 с.

Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек: Раритет Инфо, 2002. – 149 с.

Камышев А.М. Новые находки раннесредневековых монет в Чуйской долине // Нумизматика. – 2008. – № 16. – С. 18–20.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 644 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. – 1980. – Вып. 22. – С. 90–102.

Кляшторный С.Г. Касар-куруг: западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Багына // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2 (50). – С. 94–98.

Кошев В. Находки монет на территории Кыргызстана: от древности до средневековья // Вестн. Междунар. ин-та центрально-азиат. исслед. – 2010. – Вып. 12. – С. 11–32.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В. Петроглифы Сырпах-Гозы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 195–200.

Кубарев Г.В. «Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 341–344.

Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (к вопросу о денежном обращении в древне-хакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика. – М.: Наука, 1984. – Т. XIV. – С. 84–99.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. – 2000а. – № 5. – С. 82–112.

Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета. – 2000б. – Вып. IV. – С. 69–75.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2005. – Вып. 1. – С. 61–63.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 212 с.

Лурье П.Б. Карлуки и яглары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии: к 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. – СПб.: Инфо-ол, 2010. – С. 279–284.

Маявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1974. – 210 с.

Маявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. – Новосибирск: Наука, 1989. – 432 с.

Монголия и монголы / сост. М.В. Медведева, С. Чулуун. – Улаанбаатар; СПб.: Адмон принтинг, 2017. – 272 с.

Настич В.Н. Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе: Илим, 1989. – С. 96–120.

Николаев В.С., Кубарев Г.В., Кустов М.С. Серебряные сосуды с острова Муруйский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2008. – С. 175–183.

Рогожинский А.Е. Средневековые тамги-петроглифы Казахстана (опыт типологии и идентификации) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 81–86.

Рогожинский А.Е. Казахские тамги: новые исследования и открытия // Казахи Евразии: история и культура. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та; Павлодар: Изд-во Павлодар. гос. пед. ин-та. – 2016. – С. 223–235.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 174 с.

Табалдиев К., Бозер Р., Москалев М., Солтобаев О. Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: археология, Новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек: Мурас, 2000. – Вып. 4. – С. 87–93.

Тишин В.В. К проблеме соотношения племенных названий *уйгур* и *токузогуз* и их отношения к «девяти фамилиям» китайских источников // Общество и государство в Китае. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. – Т. XLIV, ч. 1. – С. 131–140.

Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Надпись уйгурским письмом и рунические надписи из местности Уркош (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 77–82.

Alyılmaz C. Karı ÇorTiginYazıtı // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim (TEKE) / Inter. J. of Turkish Literature Culture Education. – 2013. – N 2/2. – S. 1–61.

Güneri A.S. “Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (OTAK)” Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // Древние культуры Евразии: К 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. – СПб.: Инфо-ол, 2010. – С. 264–270.

Kidrali D., Babayar G. TÜRK BENGÜ TAŞI: Şiveet-Ulaan Damgalı Anıtı. – Astana: Gılım, 2015. – 78 s.

Luo Xin. Karı Çor Tigin Yazıtının Çincesive Karı Çor Tigin’in Şeceresi // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim. – 2013. – N 2/2. – S. 62–78.

Mert O. Şahar Tepesi ve Bölgede Bulunan Kayaüstü Tasvir Damga, Yazıt ve Kurganlar // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2009. – Sayı. 40. – S. 1–24.

Mert O. Petroglyphs and tamgas in the vicinity of Gurvan Mandal // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / eds. J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. – L.; Dover: Dunkling Books, 2010. – P. 405–414.

Repertoire des petroglyphes d’Asie Central / N. Blednova, H.-P. Francfort, N. Legchilo, L. Martin, D. Sacchi, J. Sher, D. Smirnov, F. Soleilhavoup, P. Vidal. – P.: De Boccard, 1995. – Fasc. 2: Sibirie du Sud 2: Tepsej – Ust’-Tuba (Russie, Kakhassie). – 154 p.

Şirin H.S. Bombogor Inscription: Tombstone of a Turkic *Qunçuy* («Princess») // J. of the Royal Asiatic Soc. – 2016. – Vol. 26 (3). – P. 365–373.

Sukhbaatar D. The Petroglyphs of Mongolia. – Ulaanbaatar: Сэлэнгэпресс, 2015. – 211 p.

*Материал поступил в редколлегию 29.07.18 г.,
в окончательном варианте – 09.11.18 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.060-068
УДК 903.24

О.В. Зеленцова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

Наборные пояса редикарского типа в средневековых могильниках поволжских финнов

В статье рассматриваются поясные наборы, украшенные металлическими накладками с узелковым бордюром, которые по месту первой находки обозначены нами как редикарские. Они считаются маркерами движения венгров в Паннонию. В статье обсуждаются вопросы о том, когда и каким образом такие и близкие к ним пояса попадали в среду поволжских финнов бассейна нижней Оки. Поиск аналогов и их картографирование позволили установить, что основной ареал аналогичных поясов совпадает с территорией Прикамья и Предуралья, которая ассоциируется с уграми. Выявлено стилистическое сходство в оформлении изучаемых поясов, предметов иранской торевтики и культового литья Пермского Предуралья и Зауралья. На основании данных о наличии в Камском Предуралье торгово-ремесленных поселений с ювелирными мастерскими и запасов серебра сделано предположение о том, что серебряные пояса редикарского типа поступали в Поволжье именно из этого региона. Подробно рассматривается хронологическая принадлежность находок. Определено время распространения редикарских поясов – первая половина X в. Установлено, что в Нижнем Поочье, как и в Предуралье и Прикамье, эти пояса присутствуют в богатых воинских захоронениях. К мордве редикарские пояса поступали по Волжско-Камскому торговому пути, который связывал территории от Предуралья до Скандинавии. Появление этих поясов в Цинских могильниках свидетельствует о вовлеченности поволжских финнов в общие процессы формирования раннегосударственных институтов на рубеже тысячелетий.

Ключевые слова: Средневековье, поволжские финны, угорские племена, поясные наборы, могильники, Редикарский клад.

O.V. Zelentsova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

Belt Sets of the “Redikar Type” in Medieval Cemeteries of the Volga Finns

This article describes the belt sets decorated by metal plaques with nodular rims, which we term Redikar sets after the place where they were first found in a hoard. They are believed to mark the Magyar migration to Pannonia. We discuss the question of when and how such and similar belts got to the Volga Finns of the Lower Oka. The mapping of parallels suggests that their principal distribution area is the Kama basin and western Ural, i.e. places formerly inhabited by Ugrians. Stylistically, the decoration of such belts resembles that of Iranian toreutics and of the cast ritual items from the western Ural (Perm) and eastern Ural. Because trade and manufacture centers with jewelers' workshops associated with silver mines existed in the Kama basin, this might have been the area from where silver belts of the Redikar type were brought to the Volga basin. The chronology of the finds is analyzed in detail, and the conclusion is made that they date to the first half of the 10th century. On the Lower Oka, in the western Ural, and in the Kama basin, the Redikar belts are found in burials of the military elite members. They were supplied to the Mordvins along the Volga-Kama trade route, spanning territories from the Ural to Scandinavia. Their presence in cemeteries on the Tsna River suggests that Volga Finns were involved in the formation of early states at the turn of the first and second millennia.

Keywords: Middle Ages, Volga Finns, Ugriic tribes, belt sets, cemeteries, Redikar hoard.

Введение

Одной из особенностей расположенных в бассейне нижней Оки могильников поволжских финнов конца I – начала II тыс. н.э. является многочисленность воинских захоронений, в которых найдены богато украшенные наборные пояса. Этот атрибут мужского костюма традиционно считается маркером принадлежности погребенного к воинскому сословию, а состав поясного набора, количество накладок, наличие подвесных ремешков и пр. – показателями ранга и статуса воина в обществе или в воинской иерархии. Специалисты относят пояса, как правило, к надэтнической категории украшений, но признают, что у оседлого населения они появились под влиянием кочевых племен [Ковалевская, 1979].

В настоящей статье рассматриваются поясные наборы одного из типов, который исследователи связывают с древностями мадьяр периода обретения ими родины. Имеются в виду пояса с металлическими накладками, аналогичными обнаруженным во 2-м Редикарском кладе [Шаблава, 2016, с. 361–362]. В составе этого клада, открытого в начале XX в., было два поясных набора. Интересующий нас набор представлен серебряными с позолотой поясными накладками подтреугольной и арочной формы, украшенными характерным узелковым бордюром и орнаментом в виде лотосовидных бутонов [Там же, илл. 274, 275]. Весьма примечательно место обнаружения данного клада – окрестности д. Редикар Чардынского у. Пермской губ., где располагались средневековое городище и могильник и было обнаружено несколько денежно-вещевых кладов конца I – начала II тыс. н.э. [Белавин, 2007, с. 23–24; Belavin, Krylasova, Podosenova, 2017, p. 2].

Другой пояс с такими же подтреугольными и арочными накладками, а также округлыми с петлей и рельефным кольцом, найден в начале XX в. у с. Ново-Николаевка Екатеринославского у. Екатеринославской губ. (ныне с. Новониколаевка Днепропетровской обл. Украины) [Ханенко Б., Ханенко В., 1902, табл. XIX, 645, 668, 679 и др.]. По мнению Е.А. Шаблавиной, редикарские и новониколаевские бляшки были сделаны по одному шаблону [2016, с. 362]. Данное заключение нуждается, конечно, в проверке, но нельзя не отметить поразительное сходство, однотипность этих накладок.

Одним из первых, кто обратил внимание на поясной набор из 2-го Редикарского клада, был Н. Феттих; он включил этот комплекс в круг мадьярских древностей [Fettich, 1937, fig. XIV]. А.В. Комар отнес редикарский и новониколаевский пояса к памятникам типа Субботцев, к которым причислил также Бабицы, Твердохлебы, Коробчино, Катериновку, Большие Тиганы и другие памятники, ассоциируемые с ареалом древностей эпохи переселения мадьяр в Карпатскую котловину [2011, с. 56, 58–59, 68–69]. Некоторые исследова-

тели считают, что такие пояса маркируют *Magna Hungaria* – область обитания древневенгерских племен до их передвижения на запад. В нее они включают Пермское Предуралье, Южный Урал (территория Башкирии), часть Восточного Урала и левобережье Камы, где после ухода основной группы мадьяр сохранилась часть угорских или родственных им племен [Belavin, Krylasova, Podosenova, 2017, p. 4].

В этой связи интересен вопрос о том, свидетельствами каких явлений или процессов могут быть поясные наборы редикарского типа в могильниках поволжских финнов: присутствия в западной части Среднего Поволжья протовенгерского населения или явлений социального, политического, культурного характера, имевших место на рубеже I–II тыс. н.э. на территории к западу от *Magna Hungaria*?

Характеристика археологического материала

В финских могильниках бассейна нижней Оки найдены три комплекса с поясами, оформленными накладками редикарского типа. Два пояса были обнаружены еще в начале XX в. на средней Цне (правый приток р. Мокша) в Елизавет-Михайловском и Крюковско-Кужновском могильниках мордвы. Третья находка – уздечный набор, украшенный накладками редикарского типа, зафиксирован в 2012 г. в Подболотьевском могильнике муромы на нижней Оке. Анализ содержащих эти артефакты погребений позволяет уточнить дату поясных наборов редикарского типа, определить механизмы и пути их распространения на территории проживания мордвы и муромы.

Самый полный набор поясных накладок редикарского типа найден в погребении «ювелира» (погр. 115) Елизавет-Михайловского могильника [Материальная культура..., 1969, с. 70, табл. 42, 13–17]. Он состоял из десяти подтреугольных, девяти округлых с прорезью и пяти круглых с кольцом накладок (рис. 1, 2–4). На одном конце пояса была шарнирная пряжка с U-образным щитком, оформленным растительным орнаментом (рис. 1, 5), на другом – пятиугольный наконечник с узелковым бордюром, лотосовидными бутонами и изображениями филина и орла (сокола?) в геральдических позах (рис. 1, 1). В погребении обнаружены две сюлгамы, серьга салтовского типа, дровотый браслет и два спиралевидных перстня (рис. 1, 7–10, 12). В ногах погребенного находились набор ювелирных инструментов, лом цветного металла, а также удила и топор-кельт (рис. 1, 6, 11) [Там же, табл. 42, 1–9].

Другой поясной набор, в состав которого входили накладки редикарского типа, обнаружен в воинском захоронении 69 Крюковско-Кужновского могильника

Рис. 1. Находки из погр. 115 Елизавет-Михайловского могильника.
1–5 – детали поясного набора; 6 – кельт; 7, 8 – сюлгамы; 9 – серьга салтовского типа; 10 – браслет; 11 – удила;
12 – спиралевидный перстень.

Рис. 2. Находки из погр. 69 Крюковско-Кужновского могильника.
1–5 – детали поясного набора; 6 – топор; 7 – кельт; 8 – серьга салтовского типа; 9–11 – сюлгамы; 12 – браслет;
13 – широкосрединный перстень; 14 – удила.

[Материалы по истории..., 1952, с. 31]. Воинский характер захоронения определяли боевой топор, топор-кельт, пешня, набор стрел, удила (рис. 2, 6, 7, 14) и две серьги салтовского типа (рис. 2, 8), которые считаются маркерами представителей воинской прослойки [Сташенков, 1998, с. 216–218]. Комплекс украшений включал также три сюлгамы, широкосрединный «усатый» перстень и пластинчатый браслет с отогнутыми концами (рис. 2, 9–13). Пояс представлен шарнирной пряжкой с овальной рамкой и пятиугольным щитком с редикарским орнаментом (рис. 2, 5), 17 овальными накладками редикарского типа и 24 округлыми с подвесным кольцом (рис. 2, 3, 4). Последние накладки, как и редикарские, украшены бордюром в виде цепочки овалов; центральная часть накладок орнаментирована двумя симметрично расположенными розетками с заостренными боковыми листьями. Этот вполне узнаваемый орнамент – пальметта с «растрепанными» лепестками (по Б.И. Маршаку) – имеется на согдийских сосудах VII–VIII вв. [Маршак, 1971, с. 52]. Позднее такой орнамент стал характерным элементом декора венгерской торевтики периода обретения мадьярами родины. В чеканном исполнении он представлен на ножнах сабель и кинжалов, металлических накладках на поясных сумках [The Ancient Hungarians, 1996, pl. 80, 6; pl. 96, 23; pl. 120; pl. 121, 1, 2 и др.]. Описанный орнамент встречается и в поясной гарнитуре, например, на щитке пряжки из могильника Башхолома в Венгрии [Фодор, 2015, с. 94].

В Поочье в конском погр. 60 Подболотьевского могильника была обнаружена узда с накладками редикарского типа [Зеленцова, Яворская, 2014, с. 168]. Конь захоронен в полной упряжи: с уздечкой, боталом, стременами и удилами (рис. 3). Уздечный набор включает U-образный наконечник с прорезным орнаментом, 2 арочных, 11 подтреугольных накладок редикарского типа и 9 круглых накладок с подвесным кольцом (рис. 3, 1–4). На последних имеются бордюры из выпуклин, в центральной части – изображение орла, терзающего животное (лань?). Орел показан в геральдической позе – с распростертыми крыльями; фигура его жертвы ввиду плохой отливки почти не читается (рис. 3, 3).

Аналоги и обсуждение

В Крюковско-Кужновском могильнике обнаружен еще один поясной набор, который, если учитывать пояс из погр. 69, бытовал одновременно с изделиями редикарского типа и, очевидно, был с ними связан традицией изготовления. Этот наборный пояс, украшенный накладками с орнаментом в виде «растрепанной пальметты» и бордюрами из цепочек (рис. 4, 1–4), находился в воинском погр. 55 [Материалы по исто-

Рис. 3. Находки из погр. 60 Подболотьевского могильника.

1–4 – детали узды; 5 – бубенчик; 6 – пряжка; 7 – ботало; 8, 9 – стремена; 10 – удила.

рии..., 1952, с. 27]. Его полным аналогом является пояс из воинского погр. 279 Баяновского могильника в Пермском Предуралье [Белавин, Данич, Иванов, 2015, с. 125; Подосенова, 2017б, рис. 2, 3]. Пояса со средней Цны и из Предуралья идентичны как по оформлению накладок, так и по составу: они собраны из сердцевидных простых и округлых накладок с подвесным кольцом (рис. 4, 2, 3). В древности пояс из Крюковско-Кужновского могильника был покрыт тонким слоем золота, следы которого сохранились в углублениях орнамента. Признаки золочения имеются и на баяновских накладках [Подосенова, 2017б, с. 150; Belavin, Krylasova, Podosenova, 2017, p. 2].

Предположение о том, что такие поясные наборы бытовали одновременно с поясами редикарского типа и их собирали в одном месте, подтверждается наличием на поясе из погр. 69 Крюковско-Кужновского могильника накладок, украшенных пальметтой с «растрепанными» лепестками, накладок редикарского типа (см. рис. 2, 2–4), а также одинаковых нако-

Рис. 4. Находки из погр. 55 Крюковско-Кужновского могильника.
1–4 – детали поясного набора; 5 – серьга салтовского типа; 6, 7 – сюлгамы; 8, 9 – браслеты.

нечников на поясе из Баяновского могильника и поясе из погр. 115 Елизавет-Михайловского могильника (см. рис. 1, 1) (см.: [Подосенова, 2017б, рис. 3, 28]). Эти наконечники оформлены в редикарском стиле: по краю – узелковый бордюр, в сужающейся части – изображения лотосовидных бутонов, в центральной – в ромбах показаны две птицы, верхняя, судя по выраженным ушкам, филин, нижняя – орел или сокол. Обе птицы переданы в геральдической позе (см. рис. 1, 1).

Птица, изображенная в геральдической позе, – один из распространенных сюжетов в культовой пластике пермских и зауральских угров. Плакетки в виде птицы, показанной в фас с распахнутыми крыльями или в профиль со сложенными, считаются этномаркирующим элементом угорской культуры [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 176, рис. 73, 74; с. 217; Искусство Прикамья..., 1988, с. 167, рис. 85–89]. Наиболее близким к описанным является изображение филина на т.н. блюде с филином с р. Войкар в Приобье ([Бауло, Маршак, Федорова, 2004, рис. 2], см. там же другие аналоги). Этот образ был широко распространен в культурах населения Западной Сибири до этнографического времени [Бауло, 2013, с. 566]. Культовые плакетки в виде фигуры филина с человеческой личиной на груди встречаются на всей территории расселения угров [Искусство Прикамья..., 1988, рис. 13, 21].

В Поволжье несколько плакеток в виде хищной птицы с распростертыми крыльями обнаружено в марийских могильниках – Анаткасинском, Веселовском, «Черемисское кладбище» и Дубовском, в материалах которых контакты с Приуральскими

территориями более ощутимы [Никитина, Воробьева, Федулов, 2016, с. 125, рис. 3, 10; Никитина, 2012, рис. 39, 4; 113, 6; 263, 9].

Для прикамского звериного стиля характерен также сюжет терзания животного хищной птицей; он воплощен на накладках с кольцом, украшающих узду, из погр. 60 Подболотьевского могильника (см. рис. 3, 3). Этот сюжет широко распространен в орнаментике средневековых изделий из цветного металла на территории Восточной Европы ([Тотев, Пелевина, 2005, с. 85–87], там же см. историографию). Детали поясных наборов с изображенным в геральдической позе орлом, терзающим животное, встречаются и в салтовских древностях. Наиболее известными среди таких материалов являются находки из Верхне-Салтовского и Подгорновского могильников [Плетнева, 1962, с. 244, рис. 2, 9; 1967, с. 150, рис. 40, 10]. В мордовских могильниках данный сюжет представлен так же на салтовских поясных наборах [Материальная культура..., 1969, табл. 21, 6; Петербургский, Аксенов, 2008, с. 12, рис. 10, 43]. Однако накладки из Подболотьевского могильника выполнены по канонам оформления поясов «венгерского» стиля, известным в Предуралье [Belavin, Krylasova, Podosenova, 2017, p. 3]. Этот сюжет вполне мог сформироваться на Приуральских территориях. Так, сюжет орла, терзающего животное, известен на сасанидских блюдах, найденных в Прикамье [Вошинина, 1953, с. 185, рис. 1; Лещенко, 1966, с. 318, рис. 1; Даркевич, 2010, с. 70, табл. 4, 3]. В Пермском Предуралье и Зауралье этот сюжет получил воплощение в культовом литье [Чернецов, 1957, табл. XVIII, 11, 13], в навершиях ножей [Сокровища

Приобья, 1996, рис. 15, 17], на рукоятках кресал [Крыласова, 2007, с. 166, рис. 74; Искусство Прикамья..., 1988, с. 67, рис. 22].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о зарождении и формировании указанного стиля в угорской среде или шире – в Приуралье. В регионе, где изображение зверей и птиц имело давние традиции, согдийские и иранские мотивы трансформировались и получили новую трактовку, в частности, в орнаментах на металлических деталях поясных наборов [Смирнов, 1964, с. 63–64; Тюрк, 2013, с. 233, 236]. На данной территории имелись запасы серебра в виде серебряных восточных сосудов и монет, часть из которых, вероятно, шла на изготовление местных изделий [Орбели, Тревер, 1935, с. 12; Лещенко, 1976, с. 188]. Сегодня исследователи вновь обсуждают вопрос об использовании восточного серебра и монет в качестве сырья, но уже опираясь на результаты естественно-научных исследований [Подосенова, 2016, с. 15–16]. К.А. Руденко, проанализировавший серебряные изделия Закамья и Зауралья, которые ранее традиционно ассоциировались с волжско-булгарской школой среброделия, пришел к выводам о связи многих изделий с традициями угорского мира и существовании на территории Прикамья и Зауралья высокопрофессионального ювелирного дела [Руденко, 2005/2006, с. 104–105]. В Пермском Предуралье обнаружены крупные торгово-ремесленные поселения с ювелирными мастерскими, деятельность которых была ориентирована на внутренний и внешний рынки [Белавин, Крыласова, 2008, с. 266; Крыласова, Подосенова, 2015, с. 41; Подосенова, 2017а, с. 63]. Можно предположить, что серебряные пояса редикарского типа изготавливались в подобных центрах.

Наконечник пояса с изображениями совы и сокола известен в материалах Бирки в Швеции: в женском погребении 838 он представлен как амулет [Arbman, 1940; 1943, S. 311, Taf. 95, 4, 4, a]. В Бирке найдено несколько десятков поясных накладок, превращенных в подвески. Часть из них, безусловно, мадьярского облика [Ibid., 1940; 1943, Taf. 95, 1, 3, 8, 9; 96, 3, 7, 12]. Исследователи Бирки указывали Волгу как магистраль, по которой «восточные» поясные накладки транспортировались с территорий Хазарии и Волжской Болгарии в Скандинавию. И. Янссон находит аналоги этих изделий в материалах могильника Большие Тиганы на нижней Каме и связывает появление таких изделий на территории Скандинавии с миграцией мадьяр на запад в конце IX в. [Jansson, 1986, s. 84–85, 89]. В качестве аналога орнамента наконечника из погр. 838 он приводит орнамент на редикарском и новониколаевском поясных наборах [Ibid., s. 85]. Ш. Хеденстиерна-Джонсон часть накладок-подвесок из Бирки также считает мадьярскими, но отмечает, что параллели им следует искать за пре-

делами ареала венгров. По мнению исследователя, эти находки маркируют передвижение русов (варягов в российской историографии) на пространствах Восточной Европы. Указанные вещи являются свидетельствами межкультурных контактов, а накладки, превращенные в подвески, – обмена вещами, которые получили новое осмысление в другой реальности [Hedenstierna-Jonson, 2012, S. 31, 41]. Аналогичные идеи были высказаны Т.А. Пушкиной относительно обычая превращения восточных поясных накладок в подвески, зафиксированного в материалах Гнездово. Она считает такие украшения трофеями, которые говорят о причастности их владельцев к каким-то событиям в далеких хазарских землях [2007, с. 328–329]. Примечательно, что в Пермском Предуралье также найдены поясные накладки, превращенные в подвески [Белавин, 2000, с. 109, рис. 50, 1–8; Белавин, Крыласова, 2012, рис. 7, 15; 36, 11]. Таким образом, столь удаленные друг от друга места находок этих поясов и их деталей, на наш взгляд, являются индикаторами международных контактов на территории от Скандинавии до Предуралья.

Датировка

Древности типа Субботцев, к которым отнесены новониколаевский и редикарский поясные наборы, по мнению А.В. Комара, синхронны с поздним этапом салтово-маяцкой культуры и с разгромами городищ северян в Днепровском левобережье. С учетом этого он датировал указанные древности серединой IX – началом X в. [Комар, 2011, с. 68–69]. Даты баяновского пояса и наборов из могильников поволжских финнов несколько отличаются от предложенной даты горизонта с древностями типа Субботцев. Так, погр. 279 Баяновского могильника датируется первой половиной X в. [Belavin, Krylasova, Podosenova, 2017, p. 2; Подосенова, 2017б, с. 149]. Погребения с поясными наборами со средней Цны относятся к 11-й стадии в относительной хронологии мордовских могильников [Вихляев и др., 2008, с. 145–147]. Хронологическая позиция этих погребений определена по украшениям женского комплекса – сюлгамам с завернутыми в трубочку концами, длина которых равна двум диаметрам кольца (см. рис. 1, 7; 2, 9–11; 4, 7), сюлгамам с отогнутыми концами (см. рис. 4, 6), дрововым браслетам с гранеными прямыми концами, пластинчатым браслетам с отогнутыми концами (см. рис. 1, 10; 2, 12; 4, 8) и серьгам салтовского типа (см. рис. 1, 9; 2, 8; 4, 5). Абсолютная дата 11-й стадии обоснована монетами: во 2-м Журавкинском могильнике вместе с пластинчатыми браслетами с отогнутыми концами присутствовал саманидский дирхем Насра б. Ах-меда Аш-Шаша 914–932 гг. [Петербургский, Вихля-

ев, Святкин, 2010, с. 122–123, рис. 47; Гомзин, 2013, с. 144], в погр. 427 Крюковско-Кужновского могильника вместе с таким браслетом и сюлгами – подражания дирхемам X в. [Материалы по истории..., 1952, с. 137; Гомзин, 2013, с. 351]. Наличие в погребениях с этими поясами сюлгам, которые характерны для предыдущей стадии функционирования могильников (см. напр., рис. 1, 8, а также: [Вихляев и др., 2008, с. 144–145]), позволяет датировать комплексы первой половиной X в.

Не противоречит такой дате остальной набор вещей из рассматриваемых погребений. Боевые топоры-молоты (см. рис. 2, 6) типа 1 по А.Н. Кирпичникову на Руси бытуют с X до начала XI в. [Кирпичников, 1973, рис. 6, 33]. У мордвы топоры этого типа были распространены в IX–X вв. [Святкин, 2001, с. 39]. Они известны в аланских погребениях VIII–X вв. на Северном Кавказе и в Подонье [Кочкаров, 2008, с. 63]. В это же время такие топоры бытовали в Прикамье [Данич, 2015, с. 74]. По мнению И. Фодора, они были излюбленным оружием мадьяр [2015, с. 63]. Двусоставные удила с неподвижными округлыми кольцами, в которые продеты небольшие подвижные кольца (см. рис. 1, 11; 2, 14), появляются у мордвы в VII в. и «доживают» до X в. [Седышев, 2017, с. 15, рис. 7, 5]. Аналогичные удила известны в могильниках VIII–X вв. неволинской и ломоватовской культур в Прикамье [Голдина, 2012, с. 338, табл. 193, 1, 2, 4; 1985, с. 238, табл. 31, 21], в курганах этого периода на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 69, рис. 37, 8]. В комплексе с уздой, украшенной накладками редикарского типа, в Подболотьевском могильнике найдены стремяна подтреугольной формы с выгнутой подножкой (см. рис. 3, 8, 9), которые исследователи относят к угорским древностям. Они известны в курганах Южного Урала [Там же, с. 50, рис. 26, 29; с. 81, рис. 43, 8, 15; с. 152, рис. 74, 2, 10], в Больше-Тарханском и Больше-Тиганском могильниках на нижней Каме (территория современной Татарии) [Генинг, Халиков, 1964, табл. X, 10; Chalikova, Chalikov, 1981, p. 121, tab. XXXIII, 20]. В X в. такие стремяна были распространены у венгров [Révész, 2008, tab. 19, 21 и др.]. Стремяна подобного типа венгерские исследователи называют грушевидными. По мнению Э. Галла, происхождением они связаны с той частью территории Прикарпатья, где присутствовали «венгерские завоеватели», и восходят к X в. [Gáll, 2015, p. 371–372].

Кольчатые удила с подвижными крупными кольцами и их аналоги (см. рис. 3, 10) представлены на тех же территориях, что и стремяна [Мажитов, 1981, с. 69, рис. 37, 17; Белавин, Крыласова, 2008, рис. 172; Голдина, 1985, с. 238, табл. XXXI, 7]. А.Н. Кирпичников относит такие удила к типу IV, который был широко распространен в Восточной Европе в X–XIII вв. [1973, с. 26]. В Прикарпатье удила такого типа часто соче-

таются с грушевидными стремянами [Révész, 2008, tab. 11, 21, 24, 25].

Таким образом, на территории Западного Поволжья поясные наборы редикарского типа и близкие им пояса с накладками, украшенными «растрепанной» пальметтой, бытуют в первой половине X в.

Выводы

Движение мадьяр на территорию новой родины, согласно последним исследованиям, датируется IX в. Рассматриваемые поясные наборы редикарского типа и другие пояса «венгерского» облика в могильниках поволжских финнов появляются несколько позднее – в первой половине X в. Таким образом, появление таких поясов у поволжских финнов не может быть связано с присутствием мадьяр, очевидно, оно является следствием иных процессов, которые происходили в это время в западной части Среднего Поволжья.

Картографирование поясов показывает, что эти изделия концентрируются на территории Пермского Предуралья. Там же, вероятнее всего, их изготавливали; для этого в регионе были соответствующая сырьевая база и торгово-ремесленные центры с ювелирными мастерскими. На территории, расположенные далеко на западе от Урала, рассматриваемые предметы попадали, вероятно, вместе с драгоценной пушниной, которая транспортировалась по Волжско-Камскому торговому пути. О дальних контактах свидетельствуют найденные в скандинавских захоронениях накладки-подвески (женщины носили их как подвески-амулеты) и полные пояса, аналогичные представленным в археологических памятниках Пермского Приуралья и Поволжья [Arbman, 1940; 1943, Taf. 88, 1], а также гривны «глазовского» типа, которые служили средством платежа за большие партии товара [Hårdh, 2016].

В данном контексте следует рассматривать и пояса редикарского типа, обнаруженные в могильниках поволжских финнов. Принадлежали эти вещи людям, которые сами посещали далекое Предуралье, или они были приобретены как дань моде и в подтверждение статуса – судить сложно. Но как в Пермском Предуралье (Баяновский, Рождественский могильники), Прикамье (Больше-Тиганский могильник), так и в ареале поволжских финнов такие изделия найдены в воинских погребениях. Вместе с другими предметами пояса из драгоценного металла были призваны подчеркнуть высокий статус таких захоронений.

Выделение подобных погребений помогает понять процессы вовлечения населения на пространствах от Балтики до Уральских гор в международную торговлю, расслоения общества и предпосылки формирования раннегосударственных институтов

на рубеже тысячелетий. Примечательно, что присутствие военизированных мобильных групп отмечается на территориях, население которых играло ключевую роль в социально-политических процессах того времени. Одной из них на рубеже тысячелетий, вероятно, была территория в бассейне средней Цны на северо-восточной границе Хазарского каганата.

Список литературы

- Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В.** Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 107–114.
- Бауло А.В.** Люди Филина // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 566–580.
- Белавин А.М.** Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – 200 с.
- Белавин А.М.** Редикарский археологический комплекс (по материалам 1996 г.) // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – 2007. – Вып. 4. – С. 23–50.
- Белавин А.М., Данич А.В., Иванов В.А.** Древние мадьяры в Предуралье // Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. – Пермь: Зёбра, 2015. – С. 101–128.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.** Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2009. – 284 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.** Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. – 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.** Огурдинский могильник. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2012. – 259 с.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.** Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та, 2008. – 352 с.
- Вошинина А.И.** О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. н.э. // СА. – 1953. – Вып. XVII. – С. 183–196.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.** Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 196 с.
- Голдина Р.Д.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. – 280 с.
- Голдина Р.Д.** Неволинский могильник VII–IX вв. н.э. в Пермском Предуралье. – Ижевск: Сарапул. типография, 2012. – 472 с. – (Мат-лы и исслед. Камско-Вят. археол. экспедиции; т. 21).
- Гомзин А.А.** Восточное монетное серебро в среднем и нижнем Поочье: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 500 с.
- Данич А.В.** Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – 2015. – Вып. X. – С. 71–124.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Либком, 2010. – 186 с.
- Зеленцова О.В., Яворская Л.В.** К вопросу об особенностях ритуальных действий с животными в погребальных обрядах муромы (по археозоологическим материалам Подольевского могильника) // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 160–169.
- Искусство Прикамья.** Чудские древности Рифея. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 183 с.
- Кирпичников А.Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. – М.: Наука, 1973. – 216 с. – (САИ; вып. E1-36).
- Ковалевская В.Б.** Поясные наборы Евразии IV–XI вв. Пряжки. – М.: Наука, 1979. – 114 с. – (САИ; вып. E1-2).
- Комар А.В.** Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. – 2011. – Вып. 7. – С. 21–78.
- Кочкаров У.Ю.** Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.: ТАУС, 2008. – 176 с.
- Крыласова Н.Б.** Археология повседневности. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. – 352 с.
- Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Подосенова Ю.А.** Новый «венгерский» комплекс из раскопок Рождественского могильника // Вестн. Перм. науч. центра УрО РАН. – 2017. – № 4. – С. 91–99.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.** Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестн. Перм. науч. центра УрО РАН. – 2015. – № 4. – С. 27–41.
- Лещенко В.Ю.** Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи // СА. – 1966. – № 2. – С. 317–319.
- Лещенко В.Ю.** Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.Н. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – С. 176–188.
- Мажитов Н.А.** Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 163 с.
- Маршак Б.И.** Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М.: Наука, 1971. – 191 с.
- Материальная культура** Средне-Цининской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / науч. обработка и введ. А.Е. Алиховой. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. – 175 с. – (Тамб. обл. археол. сб.; т. 3)
- Материалы по истории** мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. – Моршанск: Моршан. краевед. музей, 1952. – 232 с.
- Никитина Т.Б.** Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. – Казань: Сельские вести, 2012. – 408 с. – (Сер. Археология евразийских степей; вып. 14).
- Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е., Федулов М.И.** Украшения Анатказинского могильника: к культурной принадлежности памятника // Поволжская археология. – 2016. – № 1. – С. 121–138.
- Орбели И.А., Тревер К.В.** Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. – М.: Л.: Academia, 1935. – 86 с.
- Петербургский И.М., Аксенов В.Н.** Древние памятники на реке Ляча. – Саранск: [б. и.], 2008. – 168 с.
- Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В.** Второй Журавкинский могильник. – Саранск: Красный Октябрь, 2010. – 132 с.

Плетнева С.А. Подгорновский могильник // СА. – 1962. – № 3. – С. 241–251.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 200 с. – (МИА; № 142).

Подосенова Ю.А. Источники серебра для ювелиров Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2016. – № 6. – С. 15–17.

Подосенова Ю.А. Об организации металлообрабатывающего ремесла на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – 2017а. – Вып. XIII. – С. 55–64.

Подосенова Ю.А. «Древненевгенские» поясные наборы из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – 2017б. – Вып. XII. – С. 147–160.

Пушкина Т.А. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности: историко-археол. сб.: мат-лы Междунар. науч. конф. 4–7 окт. 2005 г. – СПб., 2007. – С. 325–331.

Руденко К.А. К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. – 2005/2006. – № 9. – С. 91–107.

Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. – Саранск: Изд-во Морд. гос. пед. ин-та, 2001. – 147 с.

Седышев О.В. Снаряжение верхового коня древней и средневековой мордвы III–XIII вв. – Саранск: Изд-во Морд. гос. пед. ин-та, 2017. – 120 с.

Смирнов А.П. К вопросу о месте производства шаманских привесок // КСИА. – 1964. – Вып. 99. – С. 59–64.

Сокровища Приобья / под ред. Б. Маршака, М. Крамаровского. – СПб.: Формика, 1996. – 228 с.

Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: Самар. обл. историко-краевед. музей им. П.В. Алабина, 1998. – С. 213–231.

Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. – 2005. – Вып. 36. – С. 85–103.

Тюрк А. От Урала до Карпат. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров // II Междунар. мадьяр. симп. 13–17 августа 2013 г. – Челябинск, 2013. – С. 231–237.

Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. – Пермь: Зёбра, 2015. – 132 с.

Ханенко Б., Ханенко В. Древности Приднепровья. – Киев: [б.и.], 1902. – Вып. V. – 114 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Наука, 1957. – С. 136–246. – (МИА; № 58).

Шаблава Е.А. В загадочной стране Вису: население Пермского Предуралья и меховая торговля в раннем средневековье // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. – М.: Изд. дом Марджани, 2016. – С. 348–388.

Arbman H. Birka I: Die Gräber: Text. Tafeln. – Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri-aktiebolag, 1940. – 282 s.; 1943. – XXVIII, 529 s.

Belavin A.M., Krylasova N.B., Podosenova Y.A. Belt Sets of “Hungarian Style” from the Perm Ural // Global Media J. – 2017. – Vol. 15, N 29. – P. 1–5.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und um Ural [Das Gräberfeld von Bolschie Tigani]. – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. – 132 p. – (Régészeti Füzetek. Ser. II; N 21).

Fettich N. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. – Budapest: [s. l.], 1937. – 199 s. – (Archaeologia Hungarica; T. XXI).

Gáll E. An attempt to classify the stirrups dating from the 10th century and the first quarter of the 11th century in the Transylvanian Basin, the Crişana/Partium and the Banat with an outlook to the Carpathian Basin // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin. – Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2015. – P. 355–391.

Hardh B. The Perm/Glazov rings. Contacts and Economy in the Viking Age between Russia and Baltic Region. – Lund: Institutionen för Arkeologi och Antikens Historia, 2016. – 72 p. – (Acta Archaeologica Lundensia. Ser. 8; № 67).

Jansson I. Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka II Systematische Analysen der Gräberfunde / Hrsg. G. Arwidsson. – Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1986. – Bd. 2. – S. 77–108.

Hedenstierna-Jonson C. Traces of contacts: Magyar material culture in the Sweden Viking Age context of Birka // Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. – Mainz: Römisch-Germanisch Zentralmuseums, 2012. – Bd. 17. – S. 29–46.

Révész L. Heves megye 10–11 századi temetői. – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2008. – 498 s.

The Ancient Hungarians. – Budapest: Hungarian national museum, 1996. – 480 p.

*Материал поступил в редколлегию 04.06.18 г.,
в окончательном варианте – 21.01.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.069-076
УДК 903.2: 903.531+543.427.4

А.В. Гусев¹, А.В. Плеханов¹, Ю.А. Подосенова²

¹Научный центр изучения Арктики

ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия

E-mail: gusev_av2004@mail.ru; andrei_plehanov@mail.ru

²Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

ул. Ленина, 13А, Пермь, 614990, Россия

E-mail: podosenka@yandex.ru

Вещевой комплекс из средневекового погребения вблизи озера Парисенто на Гыданском полуострове (арктическая зона Западной Сибири)

В статье вводится в научный оборот вещевой набор из детского погребения, обнаруженного в 2016 г. на территории Гыданского п-ова (Тазовский р-он Ямало-Ненецкого автономного округа). В условиях слабой археологической изученности арктических территорий западно-сибирской части Евразии эти материалы имеют большую ценность для понимания культурно-исторических процессов, протекавших здесь в эпоху Средневековья. Прежде захоронения этого периода были известны лишь на территории соседнего п-ова Ямал. В работе подробно изложены обстоятельства обнаружения погребения. Объект был нарушен вследствие ветровой эрозии, вещи находились в переотложенном состоянии, костяк практически полностью утрачен. Установлена принадлежность костных остатков и части волос из кома, который прилип к металлической чаше, ребенку, умершему в период раннего детства (1–3 года). Приводится описание богатого вещевого набора захоронения, в составе которого – бронзовая импортная чаша, бронзовые рукоять ножа и ножны, серебряная серьга. Чаша из оловянной бронзы относится к художественным изделиям мастеров X–XI вв. Восточного Ирана и Средней Азии. Рукоять ножа и ножны по облику и технологии изготовления принадлежат к группе вещей, известных в Нижнем Приобье, южной части Ямала, а также в Приуралье в конце I – начале II тыс. В статье приводятся результаты рентгенофлуоресцентного анализа, по которым определяется химический состав металла всех найденных изделий. Орнаментированный фрагмент керамического сосуда из погребального инвентаря причислен к тигуейсалинскому типу (IX–XII вв.) нижнеобской культуры. По вещевому комплексу установлена вероятная дата погребения ребенка – X–XI вв. На основе полученных данных сделан вывод о синхронности процессов освоения тундр Ямальского и Гыданского п-овов выходцами из лесотундровой и северо-таежной зон Западной Сибири.

Ключевые слова: п-ов Гыданский, Ямало-Ненецкий автономный округ, эпоха Средневековья, металлическая чаша, бронзовая рукоять ножа и ножны, рентгенофлуоресцентный анализ.

A.V. Gusev¹, A.V. Plekhanov¹, and Y.A. Podosenova²

¹Arctic Research Center,

Respubliki 73, Salekhard, 629008, Russia

E-mail: gusev_av2004@mail.ru; andrei_plehanov@mail.ru

²Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,

Lenina 13A, Perm, 614990, Russia

E-mail: podosenka@yandex.ru

An Assemblage from a Medieval Burial at Lake Parisento, Gydan Peninsula, the Arctic Zone of Western Siberia

The article introduces an assemblage from a child burial discovered in the central Gydan Peninsula, Tazovsky District, Yamal-Nenets Autonomous Okrug. Little is known about the archaeological past of Arctic Western Siberia, and these finds are relevant to the study of the medieval period of that area. Medieval burials were studied only in the adjacent peninsula of Yamal. The discovery

of the burial is described in detail. It was exposed owing to soil eolation. Artifacts were redeposited, and virtually the entire skeleton was missing. In a lump of soil stuck to the metal bowl, a few bone fragments and hair was found. Their analysis suggests that the individual was an infant aged 1–3. The assemblage includes an imported bronze bowl, a bronze haft of a knife, a scabbard, and a silver earring. The bowl, made of tin bronze, was apparently manufactured in eastern Iran or Central Asia in the 10th or 11th century. The haft and the scabbard, judging by the type and technology, belonged to a category of artifacts that were common in the Lower Ob basin, the southern Yamal, and the Ural in the late first and early second millennia. On the basis of the results of X-ray fluorescence analysis, we assess the chemical composition of the metal of which all those artifacts are made. The decorated fragment of a clay vessel is attributed to the Tutey-Sale variant (800–1300 AD) of the Lower Ob culture. The totality of indicators suggests a date between 900 and 1100 AD. We conclude that the tundra areas of the Yamal and Gydan peninsulas were colonized by migrants from the northern taiga zone of Western Siberia.

Keywords: Gydan Peninsula, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Middle Ages, metal bowl, bronze knife haft, scabbard, X-ray fluorescence analysis.

Введение

Арктические территории западно-сибирской части Евразии археологически изучены крайне неравномерно. Так, для относящихся к Ямало-Ненецкому а.о. (ЯНАО) п-ова Ямал за последние 20–30 лет собраны сведения о более чем 100 археологических памятниках (в подавляющем большинстве это временные стоянки эпохи Средневековья), а для п-ова Гыданского эта работа только начинается. Сравнительно недавно появились сведения о первых результатах археологических разведок в Гыданской тундре. В 2015–2016 гг. на северо-западном побережье п-ова Гыданского обнаружены стоянки эпохи Средневековья Халцунейсая-1 и -2 [Скочина, Еньшин, 2017]. В 2016 г. в средней части полуострова найдены остатки детского погребения, а также несколько местонахождений артефактов без культурного слоя [Гусев, Плеханов, 2016]. Наибольший интерес представляет предметный комплекс детского захоронения эпохи Средневековья; его описание и посвящена настоящая статья.

Данные по могильникам эпохи Средневековья Западно-Сибирской Арктики пока очень скудны, поэтому ценность каждого из археологически исследованных объектов крайне велика. В 1929 г. В.Н. Чернецовым на берегу пролива Малыгина и у мыса Хаэн-Сале в северной части Ямала проводились раскопки поселения. В одном из остатков жилищ было обнаружено захоронение человека без датирующего инвентаря. Умерший был погребен на левом боку с подогнутыми ногами, головой на север. Само поселение исследователь датировал XVI в. [Чернецов, 1957, с. 236–237].

В начале 1980-х гг. коллекция Салехардского музея пополнилась предметами (чаши, украшения, рукояти ножей и ножны), переданными собирателем Б.И. Василенко. По словам дарителя, часть находок была обнаружена в разрушенных ветровой эрозией одном-двух погребениях могильника Хэто-сё на юге Ямала. В последующем А.В. Соколовым было проведено повторное обследование могильника: в 1992 г. раскопаны два погребения (в одном умерший захоронен

в скорченном положении на левом боку, в другом – вытянуто (на животе?)). Скелеты находились в неглубоких ямах, близко к поверхности. Погребения датированы IX–XII вв. [Брусницына, 2000, с. 37].

В 2016 г. одним из авторов статьи были проведены раскопки на археологическом памятнике Юр-Яха III в южной части п-ова Ямал, который первоначально определялся как поселение. В ходе раскопок изучены остатки трех погребений, два из которых сохранились наиболее хорошо. Подробно прослежен обряд трупоположения скорченно на левом боку в ямах, углубленных в материковую супесь на 23–28 см. По имеющемуся сопроводительному инвентарю (керамический сосуд, бронзовая рукоять ножа, браслет) памятник был отнесен к XI–XII вв. [Плеханов, 2016].

В том же году частично исследован грунтовый могильник Бухта Находка-2 на юго-востоке Ямала. В результате работ были вскрыты 14 захоронений, в которых обнаружены остатки шести индивидов. В их числе – два женских анатомически целых костяка (умершие погребены скорченно на левом боку). Из сопроводительного инвентаря следует отметить керамический сосуд, аналогичный сосуду из погребений грунтового могильника Юр-Яха III [Кардаш, Гайдакова, 2017, рис. 2]. В другом захоронении, от которого, по мнению авторов, сохранился лишь погребальный инвентарь, находилась иранская бронзовая чаша [Там же, рис. 4]. Могильник датирован исследователями двумя периодами: серединой VI – серединой VII в. и XII – XIII вв. Ассоциируется с жителями гроды Бухта Находка.

Обстоятельства находки

Разведочные археологические работы проводились в 2016 г. сотрудниками государственного казенного учреждения ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» в районе оз. Парисенто – одного из крупнейших в гидросистеме Гыданского п-ова (рис. 1). На небольшом удалении к северу от озера расположено несколько

ко других безымянных, значительно уступающих по площади водоемов. На берегу ближайшего из них в 1980–1990-х гг. функционировал геокриологический стационар «Парисенто». Поверхность на территории бывшего стационара в значительной степени была разрушена вследствие хозяйственной деятельности, что привело к образованию ярцев и участков накопления золотых отложений.

В самом начале разведочных работ в 800 м к северу от оз. Парисенто на поверхности останца, нарушенной ветровой эрозией, был обнаружен оголенный фрагмент бронзовой чаши, лежавший вверх дном. На этом месте был заложен разведочный раскоп площадью 16 м² (рис. 2). В процессе расчистки удалось установить, что под поверхностными слоями и частично сохранившимся дерном залегали еще несколько мелких обломков этой же чаши, бронзовая рукоять ножа с частью железного лезвия, бронзовые ножны и серьга, а также небольшой фрагмент венчика керамического сосуда. Предметы располагались компактно (площадь участка их локализации составляла примерно 1,2 × 0,6 м) и вместе с тем хаотично, что позволило сделать вывод об их переотложенном залегании. Вмещающие слои образованы оподзоленной светло-серой супесью с незначительными включениями остатков полусгнившего дерна, а также желтой материковой супесью, нарушенной ветровой эрозией. Контуров углубления, вмещающего находки, костей и иных остатков, которые могли иметь отношение к погребальной конструкции, в раскопе обнаружить не удалось. Не принесли результатов поиск других археологических артефактов и попытки заложить шурфы на ближайшей территории.

На погребальный характер металлической чаши указывал имевшийся на ее внутренней стороне ком

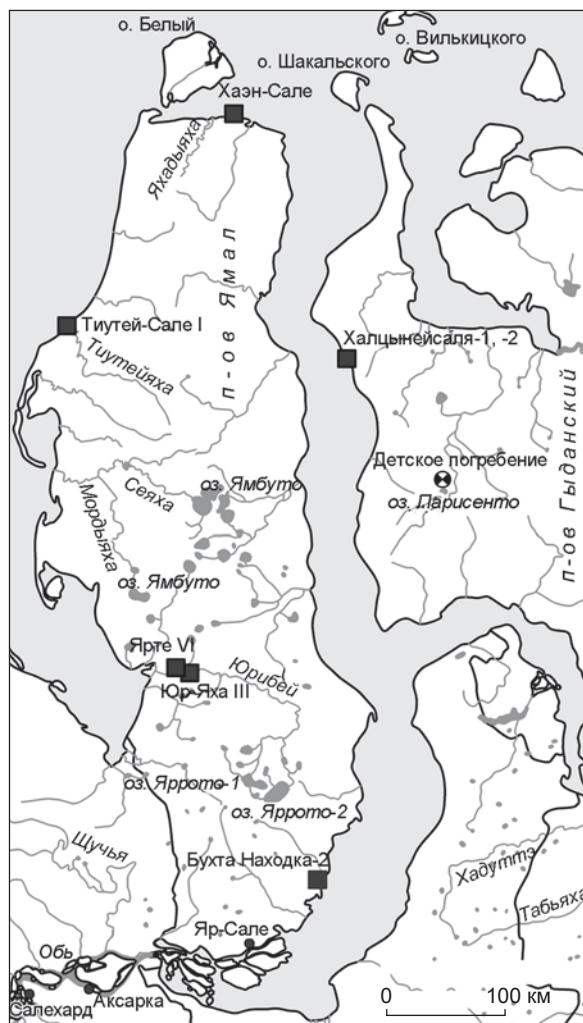

Рис. 1. Археологические памятники на п-овах Ямал и Гыданский.

Рис. 2. Место обнаружения артефактов.

из шерсти животного (оленья?) и волос человека, а также человеческих костей. Он был разобран в камеральных условиях антропологом Е.О. Святовой. Ею выделены фрагменты левой и правой теменной, височной и затылочной костей. Установлено, что остеологические остатки и часть волос принадлежали ребенку, умершему в период раннего детства (1–3 года). Наиболее вероятный возраст смерти был определен в пределах 1 года; для выводов о расовой принадлежности данных оказалось недостаточно.

Описание вещевого набора

Чаша из оловянной бронзы, сферической формы, выполнена в технике горячейковки (рис. 3, 1). Диаметр изделия 13,6 см, высота 5,0 см, толщина стенок 0,05 см. Обстоятельства находки позволяют полагать, что предмет был сломан в древности, сохранилось семь фрагментов. Изделие прошло реставрацию в мастерской Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского

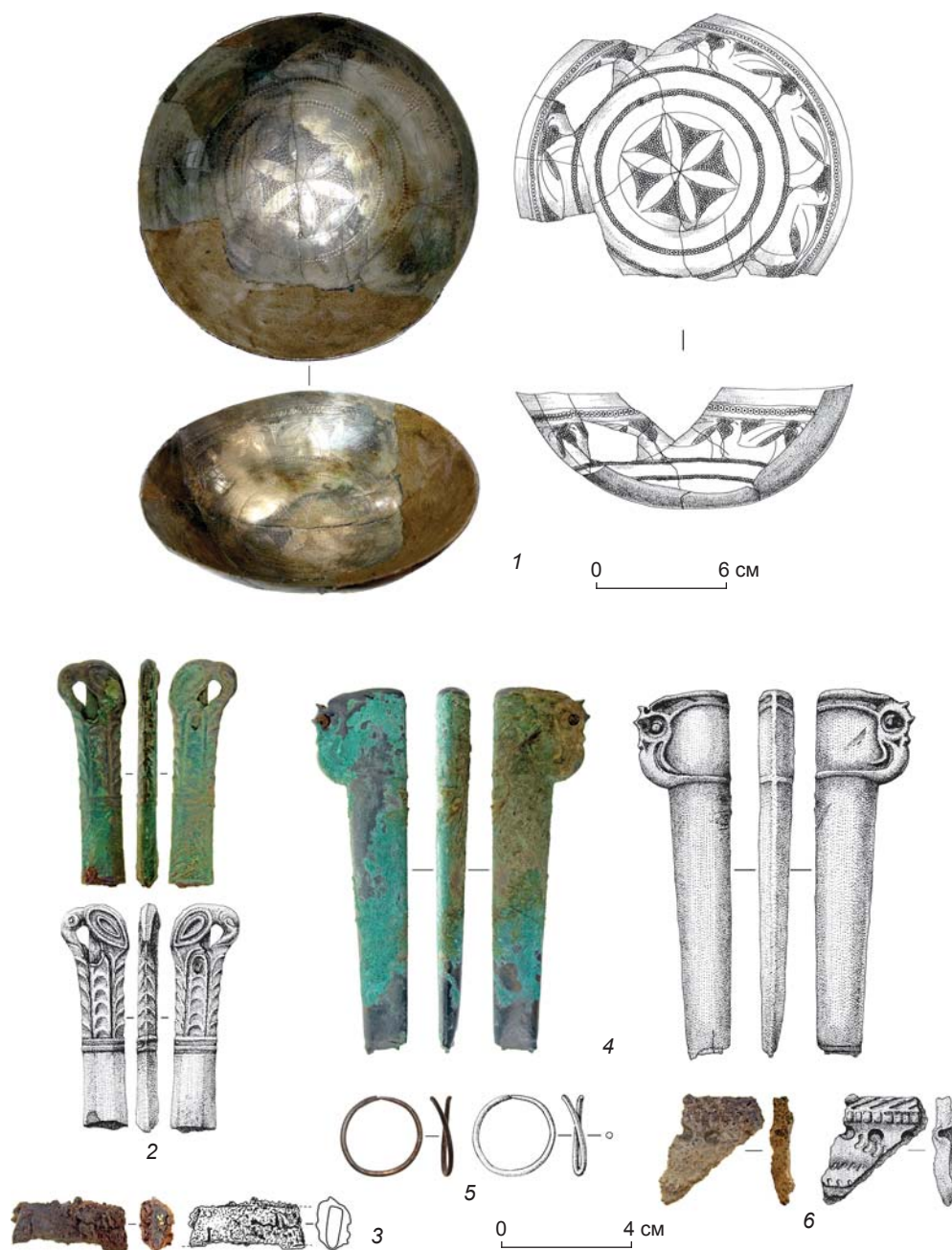

Рис. 3. Находки из детского погребения.

1 – чаша; 2 – рукоять ножа; 3 – фрагмент лезвия ножа; 4 – ножны; 5 – серьга; 6 – фрагмент керамического изделия.

1 – оловянная бронза; 2, 4 – сплав на основе меди; 3 – железо; 5 – сплав на основе серебра; 6 – глина.

(г. Салехард). В настоящее время цвет чаши от темно-зеленого до золотистого, на изделии имеется патина, снаружи и внутри поверхность полирована. Орнамент из дуг и кругов нанесен только на внутреннюю поверхность сосуда с помощью циркульного инструмента. Фоновое пространство дна заполняют маленькие кружки с точкой посередине, выполненные двузубым вращающимся инструментом. На дне изображены шестичастная розетка, вокруг нее – два неорнаментированных пояса, оконтуренных поясками из кружков с точкой в центре. Стенки украшает широкий пояс, состоящий из повторяющихся изображений плывущей птицы; композицию дополняет полоска из кружков более крупных, чем в заполнении фона на дне изделия.

Подобные чаши многочисленны в Иране, Средней Азии и странах Восточной Европы [Melikian-Chirvani, 1974, p. 151, fig. 40, 41]. Территориально ближайшие аналоги гыданской чаше обнаружены на п-ове Ямал. Один фрагмент чаши найден при исследовании «городища» Ярте VI [Плеханов, 2014, с. 68, рис. 241]. Две близкие по типу чаши были извлечены из разрушенных погребений могильника Хэто-сё на юге Ямала [Сокровища..., 1996, с. 123, № 57; с. 124, № 58]. Две похожие чаши обнаружены в 2002 г. при раскопках могильника Зелёный Яр на р. Полуй (Приуральский р-н ЯНАО) [Зелёный Яр..., 2005, с. 141]. Еще одно изделие такого рода имеется среди находок из раскопанного в 2017 г. в ЯНАО грунтового могильника Бухта Находка-2 [Кардаш, Гайдакова, 2017, с. 333, рис. 4]. Аналогичные чаши известны в материалах, полученных в ходе этнографических сборов на территории ЯНАО [Бауло, 2011, с. 249, рис. 382; с. 250, рис. 383]. Подобные чаши распространены по всей территории таежной и тундровой зон Западной Сибири; известно не менее 20 таких изделий, причем как целых, так и фрагментированных (размеры миниатюрных фрагментов 1 см² и менее) [Федорова, 2012, с. 86; Зыков и др., 1994, кат. 302–304]. В Европейской России аналогичные изделия встречаются от западных склонов Урала до бассейна Оки [Руденко, 2000, с. 85–87; Никитина, Руденко, Алибеков, 2017]. Их связь с погребальными объектами во всем ареале проявляется весьма устойчиво: металлические чаши или их фрагменты входят в состав погребального инвентаря либо в поминальные комплексы на территории могильников.

Утвердилось мнение о том, что подобные чаши изготавливались иранскими мастерами с VIII в. н.э., их производство стало массовым в IX–XI вв. [Сокровища..., 1996, с. 122]. По одной из последних версий, местом изготовления таких сосудов, скорее всего, были государства, существовавшие в X–XI вв. на территориях Восточного Ирана и Средней Азии, – Караханидское (Газневидское) и Саманидское [Никитина, Руденко, Алибеков, 2017, с. 77]. Исследователи подчеркивают внешние отличия чаш из Марийского По-

волжья и с севера Западной Сибири от классических изделий Средней Азии: на первых отсутствуют декор на внешней поверхности и надписи арабской вязью [Литвинский, Соловьев, 1985, с. 166, рис. 47, 3]. Впрочем, были и исключения из правил – на чаше, найденной в погр. 20 Барсова городка в Сургутском Приобье, имелась арабская надпись [Арне, 2005, рис. 210]. Знание региональных особенностей рассматриваемых чаш пока, к сожалению, не помогает определить локализацию центров производства такой посуды и механизмы их деятельности.

Появление чаш на севере Западной Сибири связано с функционированием средневековых торговых путей. Наиболее вероятно, такие изделия доставляли из Восточного Ирана и Средней Азии через Волжскую Булгарию (по такому пути шло еще посольство Ибн Фадлана в начале X в.). Этот маршрут, являвшийся частью Великого шелкового пути, который соединял страны Востока и Запада, использовался в IX – середине XI в. [Никитина, Руденко, Алибеков, 2017, с. 77].

Рукоять ножа отлита в объемной двухсторонней форме с сердечником, поверхность покрыта зеленой патиной (рис. 3, 2). Ее высота 6,8 см, ширина 1,7 см. Рукоять представляет собой овальную в сечении трубочку, которая плавно переходит в профильное изображение стоящей хищной птицы с мощным загнутым клювом. Декор собственно рукояти разделен на две зоны. Нижняя, примыкающая к лезвию, оформлена гранями, отделена от лезвия пояском из двойного валика. Верхняя состоит из трех вертикальных кантов в виде длинных лепестков. Клюв, когтистые лапы и хвост птицы опираются на эти лепестки. Внутри рукояти сохранился обломок железного черешка в деревянной втулке.

Аналоги рукояти весьма многочисленны в Урало-Сибирском регионе. Они имеются среди находок из могильников Сургутского Приобья – Сайгатинского I, Барсовского I – Барсов городок (раскопки А.П. Зыкова и Л.М. Тереховой) [Зыков и др., 1994, с. 91, 104]. На территории к юго-западу от Сургута большая серия рукоятей обнаружена в Ликинском могильнике X–XIII вв. [Викторова, 2008]. Рукояти найдены также в Нижнем Приобье [Чернецов, 1957, с. 156, табл. VII, 4] и даже в Верхнем Прикамье (на этой территории они встречаются редко, по-видимому, попали сюда из-за Урала) [Оборин, Чагин, 1988, с. 79, рис. 44]. Территориально наиболее близки к ним находки из бассейна р. Юрибей на Ямале [Сокровища..., 1996, с. 58–65, № 13–17]. Аналогичные рукояти ножей известны и по материалам этнографических экспедиций и сборам А.В. Бауло, Е.А. Пивневой, Е.И. Тыликовой в Шурышкарском р-не ЯНАО [Бауло, 2011, с. 216, рис. 337–338; с. 217, рис. 339–340]. Время бытования подобных рукоятей – от VIII до XI в.

Фрагмент лезвия железного ножа лежал отдельно от рукояти с обломком черешка; ранее находки были, вероятно, составляющими одного орудия. Длина предмета 3,4 см, ширина 1,4 см. Фрагмент сильно корродирован (рис. 3, 3).

Бронзовые ножны отлиты в объемной двухсторонней форме (рис. 3, 4). Поверхность подвергалась полировке, покрыта зеленой патиной. Высота изделия 10,9 см, ширина 3,0 см. Ножны овальные в сечении. Внизу обнаружено отверстие, на внешней кромке которого выполнен полукруглый желобок. Судя по неровному краю, изделие должно было иметь декорированное продолжение в нижней части. В верхней части ножен на одном из ребер размещено изображение головы грифона, шея которого плавно переходит в два параллельных валика на внешней поверхности ножен. Еще один опоясывающий валик отходит от загнутого клюва. В области глаз грифона имеется отверстие для привязывания, в нем сохранился фрагмент кожаного ремешка.

Бронзовые ножны – весьма редкая находка на территории Приобья. Ближайшие аналоги им имеются в коллекции Б.И. Василенко; они найдены предположительно в районе оз. Нанто и р. Юрибей [Сокровища..., 1996, с. 64–65, № 18]. Двое стилистически близких к ним ножен были опубликованы В.Н. Чернецовым в середине XX в. Одни из них обнаружены на юге Ямала, другие – в бассейне р. Печоры [Чернецов, 1957, с. 156, табл. VII, 2; с. 157, табл. VIII, 1]. Еще одни ножны, возможно, происходят из бассейна р. Северная Сосьва [Бауло, 2011, с. 219, кат. 342]. Таким образом, все опубликованные подобные находки известны по случайным сборам. По этой причине их дата может быть определена лишь по стилистике изображений, которая сближает рассматриваемые изделия с бронзовой художественной пластикой VIII–XII вв.

Серебряная серьга, свернутая из пластины, покрыта темно-серой патиной. Толщина находки 0,2 см, диаметр 2,5 см. Изделие изготовлено из тонкой серебряной пластины, свернутой в круглую в поперечном сечении трубочку (рис. 3, 5). Один из концов изделия приострен, другой заканчивается неглубокой выемкой.

Наиболее ранние бронзовые серьги и височные подвески из протянутой проволоки, сходные по форме и размерам, появились на могильниках Верхнего Прикамья в ломоватовское время [Голдина, 1985, табл. III, 1–3]. Позднее, в X–XIII в., их аналоги были погребены, например, на Чиргинском могильнике (Удмуртское Приуралье) [Иванов, 1997, с. 247, рис. 62, 2]. Несколько похожих бронзовых сережек найдено в Южном Зауралье в погребениях Ликинского могильника X–XIII вв. [Викторова, 2008, рис. 149, 161; 160, 271]. Близкая по форме сережка из могильника Ленк-

понк в Приобье была опубликована В.Н. Чернецовым [1957, табл. XXX, 10]. Серьги в виде кольца изготавливались из серебра в большом количестве булгарскими мастерами начиная с VIII–IX вв.; изделия известны благодаря, например, материалам Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964, табл. XIV, 2]. Такие серьги бытовали и в X–XIII вв. [Казаков, 1991, с. 114–116; Полякова, 1996, с. 169]. Не исключено, что в Прикамье находился центр по производству подобных украшений. К.А. Руденко поддерживал мнение А.П. Смирнова о том, что подобные серьги не могут рассматриваться как датирующий элемент [Руденко, 2015, с. 217]. Правда, это заключение касается украшений, выполненных из медной или серебряной проволоки; прямые аналоги рассматриваемого образца, выполненного из пластины, нам неизвестны.

Керамический материал в рассматриваемом комплексе представлен венчиком небольшого размера. Высота предмета 3,9 см, ширина 2,6 см, толщина 0,7 см (рис. 3, 6). Срез венчика орнаментирован отрисками наклоненного влево гребенчатого штампа, верх – пояском отрисков наклоненного вправо такого же штампа. Под венчиком расположен выступающий валик, поверх которого нанесен горизонтальный пояс из отрисков вертикально поставленного мелкозубого гребенчатого штампа. Под валиком имеется ряд ямок диаметром 0,5 см. Под ним на шейке фрагмента располагаются горизонтальные ряды из наклоненных влево полулунных вдавлений.

Такая орнаментация характерна для средневековой керамической посуды Ямала и может быть уверенно отнесена к тиутейсалинскому типу нижнеобской археологической культуры IX–XII вв. Данный тип выделен Л.П. Лашуком по находкам В.Н. Чернецова с поселения Тиутей-Сале I [Чернецов, 1957, с. 194; Лашук, 1968]. Прямые аналоги такой посуды на Ямале имеются в материалах «городища» Ярте IV, грунтового могильника Юр-Яха III [Плеханов, 2017] и могильника Бухта Находка-2 [Кардаш, Гайдакова, 2017, с. 332, рис. 2]. Особенностью сосудов является утолщенное дно на невысоких поддонах.

Совокупность датирующих признаков вещей позволяет считать, что погребение ребенка, обнаруженное вблизи оз. Парисенто, могло быть совершено в IX–XI вв. Впрочем, наиболее вероятной представляется дата X–XI вв.

Результаты анализа методом рентгенофлюоресцентной спектроскопии (РФА)

Исследование изделий из цветного металла проводилось при помощи портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра Bruker S1 Sorter, который

Химический состав металла изделий (метод РФА)

Предмет	Тип сплава	Ag	Cu	Pb	Fe	Se	Sb	As	Sn	Ni	Zn	Co
Чаша	Cu-Sn	0	76,5	0	0	0	0	0,44	22,6	0,27	0	0,19
Ножны	Cu-Sn-Pb-Zn-As	0	49,2	15,1	0,89	0,07	0,49	3,33	27,4	0	3,52	0
Рукоять ножа	Cu-Sn-Pb	0	77	3,87	0,63	0	0	0	18,2	0,26	0	0,04
Серьга	Ag-Cu	91,6	6,98	0,79	0	0	0	0,63	0	0	0	0

предназначен для количественного неразрушающего анализа содержания химических элементов в изделиях из металлов методом рентгенофлюоресцентной спектроскопии. Прибор обнаруживает наличие разных элементов до сотой доли процента. Подобные приборы в последнее время активно используются при изучении археологических материалов; несмотря на некоторые недостатки, они доказали свою эффективность [Тишкин, Серегин, 2011, с. 61–66].

Для выявления изменений в химическом составе металла, которые дает коррозия, на одном изделии отбирали пробы с нескольких уровней (без зачистки поверхности, с минимальной или глубокой зачисткой). При проведении анализов с поверхности без зачистки в составе металла обнаружены отклонения: повышение содержания железа (Fe), мышьяка (As), в отдельных изделиях – олова (Sn) и свинца (Pb). Выводы по химическому составу металла проводились на основе усреднения данных результатов анализов проб с очищенной поверхности. Окончательная обработка проведена в соответствии с принятой классификацией металлов и их сплавов [Енисова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 125–132].

Чаша была изготовлена из сплава Cu-Sn (оловянная бронза). Близкие соотношения меди и олова были зафиксированы и для других морфологически сходных изделий [Никитина, Руденко, Алибеков, 2017, с. 76; Melikian-Chervani, 1974, p. 150]. Анализ рукояти ножа и ножен (Cu-Sn-Pb-Zn-As – многокомпонентный сплав на основе меди) пока мало что может дать, процесс изучения состава бронзовых западно-сибирских вещей только начинается. Анализ серьги (Ag более 91 % – сплав на основе серебра) пока также в большей степени лишь пополняет наши знания о средневековых украшениях (см. *таблицу*).

Заключение

Накопленные к настоящему времени археологические данные по арктической зоне Гыданского п-ова позволяют предположить синхронность процессов освоения этой территории и территории соседнего п-ова Ямал. Освоение ямальской тундры севернее

р. Юрибей, по археологическим данным, началось в V–VI вв., что могло быть связано с наступлением сухого и теплого климата [Ушедшие в холмы..., 1998]. Климатические факторы могли вызвать миграцию на север стад северного оленя, вслед за которыми пришлось двигаться и человеческим коллективам.

К этому времени в северотаежной зоне предки современного угро-самодийского населения уже освоили транспортное оленеводство, о чем свидетельствуют материалы древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй (ок. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) [Гусев, Плеханов, Федорова, 2016]. В глубь открытой тундры проникали номады, которые, вероятно, были представителями западно-сибирских лесотундровых охотников и рыболовов. Находки из раннего слоя поселения Тиутей-Сале I (VI–VII вв.), расположенного далеко на северо-западном побережье Ямала, дают представление об одном из ранних эпизодов этого процесса. Далекие мериональные перекочевки за стадами оленей (летом на север, зимой на юг) стали основой стабильного хозяйства обитателей этих территорий. Происходило постепенное обособление тундрового населения, свидетельством чего является керамика сформировавшегося в IX–XII вв. тиутейсалинского типа. Именно эта керамика была найдена на стоянках Халцынейсая-1 и -2 на северо-западной оконечности Гыданского п-ова. Благодаря контактам обитателей северотаежной зоны с населением территорий, расположенных южнее, жители тайги могли приобретать инокультурные престижные украшения и другие вещи. В этом контексте могут быть интерпретированы остатки захоронения ребенка с богатым инвентарем в центральной части Гыданского п-ова. Иранская чаша из этого погребения маркирует северо-восточную границу ареала изделий этого круга.

Благодарности

Авторы выражают признательность Н.В. Федоровой за консультации при подготовке публикации, а также антропологу Е.О. Святовой за проведенный анализ человеческих останков из погребения и реставратору ЯНО МВК им. И.С. Шемановского С.В. Питухину за работу с артефактами.

Список литературы

- Арне Т.И.** Барсов Городок: Западносибирский могильник железного века / науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой, под ред. А.Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2005. – 184 с.
- Бауло А.В.** Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.
- Брусницына А.Г.** Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Науч. вестн. Ямало-Ненец. а.о. – 2000. – Вып. 3. – С. 32–48.
- Викторова В.Д.** Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: Квадрат, 2008. – 208 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.** Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 201 с.
- Голдина Р.Д.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. – 280 с.
- Гусев А.В., Плеханов А.В., Федорова Н.В.** Оленеводство на севере Западной Сибири: ранний железный век – средневековье // Археология Арктики. – Калининград, 2016. – Вып. 3. – С. 228–239.
- Гусев А.В., Плеханов А.В.** Археологическое обследование в районе оз. Парисенто (п-ов Гыданский) // Науч. вестн. Ямало-Ненец. а.о. – Салехард, 2016. – Вып. 3. – С. 22–24.
- Енисосова А.Н., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.** Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / отв. ред. Н.В. Рындина. – М.: Вост. лит., 2008. – С. 107–162.
- Зелёный Яр:** археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Н.А. Алексахенко, А.Г. Брусницына, М.Н. Литвиненко, П.А. Косинцев, Е.В. Перевалова, Д.И. Ражев, Н.В. Федорова. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – 368 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 158 с.
- Иванов А.Г.** Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. / ред. М.Г. Иванова. – Ижевск: Удм. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 1997. – 309 с.
- Казаков Е.П.** Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
- Кардаш О.В., Гайдакова З.Г.** Бухта Находка-2: первые результаты археологического изучения грунтового могильника VI–XIII веков на полуострове Ямал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 331–335.
- Лашук Л.П.** «Сиртя» – древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 178–193.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С.** Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. – М.: Наука, 1985. – 264 с.
- Никитина Т.Б., Руденко К.А., Алибеков С.Я.** Металлические чаши из Русенихинского могильника эпохи Средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 2. – С. 71–77.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 187 с.
- Полякова Г.Ф.** Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: Ин-т яз., лит. и иск. им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. – 300 с.
- Плеханов А.В.** Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал): каталог коллекции. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – 124 с.
- Плеханов А.В.** Новые исследования археологического памятника Юр-Яха III // Науч. вестн. Ямало-Ненец. а.о. – 2016. – Вып. 3. – С. 18–21.
- Плеханов А.В.** Керамика как маркер процесса формирования населения ямальской тундры (V–XII вв. н.э.) // V (XXI) Всерос. археол. съезд. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – С. 829–830.
- Руденко К.А.** Металлическая посуда Приволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. – Казань: Репер, 2000. – 155 с.
- Руденко К.А.** Булгарское серебро. Древности Биляра. – Казань: Заман, 2015. – Т. II. – 528 с.
- Скочина С.Н., Еньшин Д.Н.** Археологические исследования на северо-западном побережье Гыданского п-ва // Археология Арктики: тез. докл. I Междунар. конф. 19–22 нояб. 2017 г., г. Салехард. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. – С. 40–41.
- Сокровища Приобья** / ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. – СПб.: Формика, 1996. – 228 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н.** Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.
- Ушедшие в холмы.** Культура населения побережий Северо-Западного Ямала. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. – 180 с.
- Федорова Н.В.** Сокровища Севера (средневековый художественный металл в Западной Сибири) // Горный журнал: Спец. вып. – 2012. – № 2. – С. 83–89.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 136–245. – (МИА СССР; № 58).
- Melikian-Chirvani A.S.** The White Bronzes of Early Islamic Iran // The Metropolitan Museum J. – 1974. – Vol. 9. – P. 123–151.

Материал поступил в редколлегию 21.05.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.077-083
УДК 904

А.В. Пачкалов

Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский пр., 49, Москва, 125468, Россия
Email: zolornum@mail.ru

Нумизматические находки из Эски-Юрта (Крым)

Статья посвящена изучению монетного обращения в золотоордынском населенном пункте, располагавшемся на месте Эски-Юрта (окраина г. Бахчисарай, Крым; золотоордынское название неизвестно). Монеты, найденные на селище, рассматриваются в контексте других нумизматических материалов (клады и отдельные монеты) Крыма. Дана информация о неопубликованных монетах из Эски-Юрта. Результаты исследования позволяют датировать денежное обращение золотоордынского селища периодом со второй половины XIII в. до конца XIV в., причем максимум экономической активности приходится на 1340–1380 гг. Распределение находок по монетным дворам в целом такое же, как и на других памятниках Крымского полуострова (преобладают монеты чекана Крыма, Сарая ал-Джедиды, ал-Джедиды, Азака). Нахождение относительно большого числа пулов ал-Джедиды в Эски-Юрте позволяет предполагать, что место их чеканки могло быть на территории Крыма. Однако для уверенного вывода материалов недостаточно. В комплексе из Эски-Юрта наибольшее количество монет (около половины находок) выпущено во время правления ханов Узбека и Джанибека (1340–1350-е гг.), монеты выпуска позже 1380-х гг. не встречаются.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Поволжье, нумизматика, монеты.

A.V. Pachkalov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradsky pr. 49, Moscow, 125468, Russia
E-mail: zolornum@mail.ru

Finds of Medieval Coin from Eski-Yurt, Crimea

This article focuses on the circulation of coins in an anonymous Golden Horde town, which preceded the modern Eski-Yurt in the outskirts of Bakhchysarai, Crimea. The coins found at the site are compared to others (those from hoards and isolated specimens). The results point to a date between the second half of the 13th century and the late 14th century. The highest economic activity occurred between 1340–1380. The distribution of coins with regard to mints is broadly the same as in other Crimean towns (most were minted in Qirim, Saray al-Jedid, and Azaq). The presence of rather numerous “al-Jedid” coins suggests that they, too, may have been minted in the Crimea, but the evidence is insufficient for a definite conclusion. Most coins from Eski-Yurt were minted under Khan Uzbek and Khan Janibek (1340–1350), and there are no coins minted after 1380.

Keywords: Golden Horde, Jochi Ulus, Volga region, numismatics, coins.

Введение

Известно, что одним из важнейших источников информации по истории золотоордынских поселений являются обращавшиеся на их территории монеты. Однако исследователи часто не считали нужным своевременно их публиковать. Еще в 1963 г. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что материалов по джучидским монетам в Крыму в научный оборот введено мало

[1963, с. 193]. К сожалению, за последние десятилетия ситуация не изменилась. Настоящая публикация монет из Эски-Юрта является попыткой восполнить этот пробел.

Эски-Юрт («Старое селище») ныне является частью г. Бахчисарая. С момента возникновения и до начала XVIII в. он был отдельным поселением [Книга..., 1999, с. 59], а позже стал одним из предместий бывшей столицы Крымского ханства [Манштейн,

1824, с. 75–76]. В целом памятник изучен слабо. Археологические изыскания проводились в 1924 г. У. Боданинским (Бахчисарайский музей) и А.С. Башкировым (Научная ассоциация востоковедения). Исследователями отмечено, что топоним Эски-Юрт имеет вторичный характер [Башкиров, Боданинский, 1925, с. 295], название этого населенного пункта в золотоордынское время остается неясным*.

За последние 100 лет территория поселения активно осваивалась. В 1930-х гг. на равнинной его части были разбиты сады, а в 1970-х гг. немногочисленные холмы были сnivelированы в ходе строительства заводов г. Бахчисарая. В настоящее время относительно хорошо сохранились только крупнейшие тюрбе, расположенные в Азизе – на одном из кладбищ Эски-Юрта.

Джучидские монеты из Эски-Юрта

Важнейшим источником информации о жизни поселения являются монеты. Отметим, что в Бахчисарае ранее уже находили серебро и медь джучидского чекана в составе трех кладов. К сожалению, информация об этих находках минимальная. В 1890 г. в мешочке был найден клад из 282 серебряных монет XIII в., поступивший в собрание Таврической ученой архивной комиссии [Отчет... за 1890 г., 1893, с. 117, 124; Федоров-Давыдов, 1960, с. 132, № 10]. В том же или предыдущем году в кувшине было обнаружено серебро чекана Крыма (282 экз.). На некоторых монетах, битых в 765 г.х. (1363–1364 гг.), имелась надчеканка. Только 4 экз. из этого клада также поступили в собрание Таврической ученой архивной комиссии [Отчет... за 1890 г., 1893, с. 124; Федоров-Давыдов, 1960, с. 152, № 123]. К сожалению, неясно, что именно за монеты были в кувшине, ведь до сих пор неизвестно серебро крымской чеканки с датой 765 г.х. Третий бахчисарайский клад, найденный в 1891 г., состоял не только из серебра, но и из меди джучидского чекана. Однако сохранились сведения только о 87 серебряных монетах, присланных в Археологическую комиссию. Все они, по определению В.Г. Тизенгаузена, однотипные, выпущенные при Узбеке в 713 г.х. (1313–1314 гг.) [Отчет... за 1891 г., 1893, с. 132; Федоров-Давыдов, 1960, с. 152, № 124]. Насколько можно судить по имеющейся лаконичной информации, эти три клада про-

исходят из района железнодорожного вокзала Бахчисарая, а значит, связаны именно с Эски-Юртом. Имеются также сведения о двух медных джучидских монетах, найденных на территории данного поселения в недавнее время. По мнению исследователей, они были чеканены в Крыму соответственно в 1360-х и в 1380–1382 гг. при хане Токтамыше [Белый, Волошинов, Карлов, 2004]*.

В ходе археологических работ 2005 г. в Эски-Юрте С.В. Карлов обнаружил 37 медных средневековых монет. Еще 11 монет было собрано на территории поселения местными жителями и передано в Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Все эти находки нами изучены. Их характеристика приводится в таблице.

Обсуждение состава монетного комплекса

Несмотря на небольшое число монет, уже можно сделать некоторые наблюдения относительно характера монетного обращения в Эски-Юрте в золотоордынское время. В комплексе больше всего монет крымской чеканки (чекан Крыма-Солхата, крымские монеты без обозначения места выпуска) – ок. 13 экз. Известно также, что большинство медных монет из Старого Крыма тоже крымской чеканки [Северова, 1990, с. 43]. Среди находок из Эски-Юрта отмечены монеты ал-Джедиды (3 экз., а также 4 экз. с непрочитанной куфической легендой, по типу сходные с ними), Сарая ал-Джедиды (ок. 7 экз.), Азака (2 экз.), Шехра ал-Джедиды (1 экз.), предположительно Хаджи-Тархана (1 экз.) и, вероятно, иноземный пул (мамлюки Бахри?) (1 экз.). Монета с именем Токтамыша и без обозначения места выпуска, возможно, была чеканена в Маджаре (Северный Кавказ). Некоторые монеты из Эски-Юрта с обозначениями места выпуска «Сарай ал-Джедид» и цветочной розеткой (особенно подражания) могли быть чеканены не на территории Нижнего Поволжья (рис. 1). Лишь при дальнейшем накоплении информации можно будет продвинуться в решении вопроса о месте их выпуска.

В публикуемом комплексе самая поздняя дата из указанных на монетах – 783 г.х. (1381–1382 гг.). К XIII в. относится только одна монета, к XIII–XIV вв. – также одна (точная дата не известна), к 1340-м гг. – пять-шесть, к 1350-м – от четырех до семи, к 1360-м – две, к 1380-м – семь. К 1380 гг. или более позднему времени могут относиться и недатированные выпу-

*А.А. Иванов в статье о надписях из Эски-Юрта отмечает: «Вряд ли его тогда называли “Эски-юрт” – “Старое становище” (или поселение). Можно полагать, что это название более позднее и старым это городище стало считаться по отношению к Бахчисараю, возникшему в начале XVI в., или по отношению к крепости Кырк-Ор, где была ставка крымских ханов в XV в. Вряд ли это место тоже называлось “Крым” (Кирым)...» [1989, с. 30].

*Отметим, что крымские монеты с датами 1360-х гг. до сих пор неизвестны. Возможно, авторам удалось их выделить, но, к сожалению, в работе нет описания монет. Неясно также, какая разновидность пулов отнесена этими исследователями к чекану Крыма при Токтамыше.

Монеты из раскопок 2005 г. и сборов местных жителей

№ п/п	Эмитент	Монетный двор	Год хиджры	Кол-во	Масса, г	Литература	Примечания
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Анонимный	—	—	1	0,96	[Лебедев, 2000, № м1]	Вторая половина XIII в.(?)
2	Токта	Солхат	—	1	1,05	[Там же, № м8]	На лицевой стороне личина, вокруг нее следы надписи: «Токтубек справедливый хан»; на оборотной — в центре составная тамга, сочетающая знаки дома Бату и Ногая, вокруг надпись: «чекан Солхата»
3	»	Крым (?)	—	5	0,85 1,54 1,60 1,63 1,77	—	1340-е гг. (?). С изображением двуглавого орла
4	»	»	—	1	...	—	1340-е гг. (?). С изображением двуглавого орла (?). Обломана, масса не определялась
5	»	Сарай ал-Джедид	—	5	0,67 1,68 1,77 1,83 1,95	—	1350–1360-е гг. Подражание (?). С цветочным орнаментом
6	Кильдибек	Азак	763	1	2,56	—	—
7	Анонимный (?)	Шехр ал-Джедид	—	1	1,30	—	1360–1370-е гг.
8	Анонимный	Ал-Джедид	«872»	2	2,08 2,10	[Фомичев, 1981, с. 234, № 150; Павленко, Лебедев, 2005, № м17]	Дата искажена. Чеканена в 772 или 782 г.х. (1371–1372 гг. или 1380–1381 гг.)
9	»	»	783	1	1,95	[Фомичев, 1981, с. 234, № 151; Павленко, Лебедев, 2005, № м18]	—
10	»	Ал-Джедид (?)	—	4	1,40 1,61 2,15 2,98	[Клоков, Лебедев, 2002, с. 116, № 137/15]	Куфическая надпись на этом типе остается непрочитанной. Возможно, «ал-Джедид»
11	Токтамыш	—	—	1	1,73	[Янина, 1954, № 127]	—
12	Анонимный	Крым	—	2	1,76 1,95	[Лебедев, 2000, № м53]	Лев среди звезд. Неясное время чеканки. В.П. Лебедев датирует этот тип в интервале от середины XIV до начала XV в.
13	»	Хаджи-Тархан (?)	—	1	1,81	[Клоков, Лебедев, 2002, № 100/8] (?)	Определение произведено по орнаменту. Легенда не сохранилась. Чекан конца XIV в. (?)
14	»	Азак	—	1	1,90	—	Тип неясен
15	?	Ал-Джедид	?	1	1,65	—	—
16	Анонимный	—	—	1	2,05	[Лебедев, 2000, № м22]	Время чеканки неясно. Вероятно, эмиссии Крыма
17	»	Крым	—	1	0,97	—	Неясный тип пулов Крыма. Легенда «чекан Крыма» по бокам тамги

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
18	–	–	–	1	0,65	[Лебедев, 2000, № м67] (?)	Анэпиграфный пул
19	?	?	?	15	0,35 0,52 0,62 0,67 0,70 0,74 1,24		Неопределенные. На некоторых монетах сохранились остатки надписей и изображений. Восемь монет обломаны, их масса не определялась

1

2

3

Рис. 1. Анонимные: Сарай ал-Джедид. 1350–1360-е гг. Цветочный орнамент.

Рис. 2. Анонимная: Крым (?). 1340-е годы (?). Стилизованное изображение орла.

ски, в т.ч. именная монета Токтамыша, пул Хаджи-Тархана (?). Время чеканки монет некоторых типов неясно. Возможно, дальнейшее накопление информации позволит продвинуться в этом вопросе. Так, например, монеты с изображением льва среди звезд и легендой «пул Крыма» предположительно датируются серединой XIV – началом XV в. [Лебедев, 2000, № м53]. Но веских оснований для такой (или какой-либо другой) датировки пока не представлено.

Остановимся на типах монет, которые представляют особый интерес или атрибуция которых является дискуссионной.

Пулы с изображением орла (рис. 2) были известны еще Х.М. Френу [1832, с. 39], однако только несколько лет назад удалось разрешить вопрос о месте их чеканки. В 1954 г. С.А. Янина, изучавшая материалы болгарского нумизматического комплекса, отнесла эту группу монет к эмиссиям Сарая ал-Джедид [1954, с. 437], однако в 1958 г. отказалась от такой интерпретации, приняв чтение 749 г.х. (1348–1349 гг.), переданный словами, без обозначения места чекана [1958, с. 406]. Позднее ею был предложен третий вариант: «чекан Крыма в 744 г.х.» (1343–1344 гг.) [Янина, 1962, с. 156]. Монеты со стилизованным изображением двуглавого орла в большом количестве встречаются в Поволжье. Данное обстоятельство побуждало исследователей локализовать место их выпуска на этой территории. Г.А. Федоров-Давыдов указывал, что «наиболее убедительной атрибуцией является отнесение их к новосарайскому или сарайскому чекану» [1999, с. 126]. Однако монетное обращение золотоордынского Крыма начали изучать значительно позже, чем Поволжья. В настоящее время стало известно, что на Крымском полуострове монеты со стилизованным изображением двуглавого орла встречаются значительно чаще, чем в Нижнем Поволжье (только по данным К.К. Хромова в Крыму было найдено более 500 экз. разных вариантов и подражаний [Хромов, 2004, с. 16]). К.К. Хромов предположил, что они чеканились в Крыму в 743 г.х. (1342–1343 гг.), а подражания – до 1360-х гг. [Там же, с. 19]. На наш взгляд, чтение легенды на таких монетах вызывает вопросы, однако топография находок свидетельствует об их чеканке в Крыму.

Монетам Шехра ал-Джедида (рис. 3) была посвящена специальная работа С.А. Яниной. Массовыми находками они представлены в материалах городища Старый Орхей (между селами Требужены и Бутучены в Молдавии). Именно с этим городищем и предложила отождествить Новый город С.А. Янина [1977, с. 201–209]. Ее гипотеза была принята и утвердилась в историографии. В Крыму известны монеты Шехра ал-Джедида. По данным К.К. Хромова, среди примерно 12 500 просмотренных им пулов, найденных на территории Украины и в Крыму, 53 экз. Шехра ал-Джедида: Одесская обл. – 6, Николаевская обл. – 8, Крым – 39 (http://www.hordecoins.folgate.net/r_online_shehr_ae_ukr.htm). На городище Старый Орхей монет Шехра ал-Джедида значительно больше (252 пула среди находок 1947–1981 гг.) [Абызова, Бырня, Нудельман, 1981, с. 81–86]. В.А. Сидоренко высказала предположение, что монеты Нового города чеканились в Сарае ал-Джедиде [2000, с. 277], переименованном Абдаллахом. Однако в Поволжье такие монеты крайне редки, поэтому ее гипотеза несостоятельна. На сегодняшний день наиболее аргументированная версия о локализации места чекана монет Шехра ал-Джедида (Янги-Шехра и др.) представлена С.А. Яниной. Однако и само чтение легенды на монете неоднозначно. По мнению румынского нумизмата Е. Николае, на пулах Шехра ал-Джедида упоминается имя Кутлуг-Буги [Nicolae, 2003].

Медные монеты ал-Джедида представлены двумя типами (рис. 4). Еще один тип, чрезвычайно близкий к ним по оформлению, имеет до сих пор не прочитанную куфическую надпись (вероятно, эти пулы выпускались там же, где и вышеупомянутые монеты ал-Джедида).

Пулы ал-Джедида со сложным орнаментом, четырьмя «узлами счастья» и искаженной датой в виде «872» г.х. уже фиксировались в Азове, на Маджарском и Селитренном городищах (по 1 экз.) [Фомичев, 1981, с. 234, № 150; Павленко, Лебедев, 2005, с. 35, № м17; Клоков, Лебедев, 2002, с. 108, № 91/4]. Под датой имеется неясная надпись. По наблюдениям В.П. Лебедева, «чаще этот пул встречается в Крыму, поэтому, возможно, следует согласиться с прочтением неясного слова под датой как “Крым”» [Павленко, Лебедев, 2005, с. 35]. Время чеканки таких монет также не до конца ясно. В.П. Лебедев отмечает, что истинная дата может быть как 782, так и 772 г.х. (1380–1381 или 1370–1371 гг.) [Там же]. На наш взгляд, предпочтительнее первая, поскольку она более близка к дате на другом типе пулов ал-Джедида, схожем по оформлению, – 783 г.х. (1382–1383 гг.). Медные монеты ал-Джедида с несколько иным орнаментом и датой 783 г.х. (1382–1383 гг.) ранее также были встречены в Азове (1 экз.), на Селитренном (1 экз.) и Маджарском (3 экз.) городищах [Фомичев, 1981, с. 234, № 151;

Рис. 3. Анонимная (?): Шехр ал-Джедид. 1360–1370-е гг. Моноэпиграфная.

Рис. 4. Анонимные: Ал-Джедид. 1370–1380-е гг. Геометрический орнамент.

Клоков, Лебедев, 2002, с. 109, № 94/7; Павленко, Лебедев, 2005, с. 35, № м18].

Тип пулов с куфической легендой и орнаментом с осью симметрии 4-го порядка предположительно датируется 1380–1390 гг. [Клоков, Лебедев, 2002, с. 116, № 137/15]. С.А. Янина читала на такой монете «чекан Сарая» [Янина, 1954, № 131], однако это вызывает возражения. Подобные находки в Нижнем Поволжье редки, опубликовано лишь два пула с Селитренного городища и один с Болгарского [Там же; Клоков, Лебедев, 2002, с. 116, № 137/15]. Возможно, куфическую надпись следует читать как «ал-Джедид».

В небольшом комплексе из Эски-Юрта медных монет ал-Джедида времени Токтамыша больше, чем в многотысячных собраниях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Очевидно, эти монеты чеканились где-то в районе к западу от Волги. Степень изученности монетного обращения западной части Улуса

Джучи пока не позволяет сказать уверенно, где именно. Нахождение таких пулов в Крыму дает основание осторожно предполагать, что место их чеканки могло быть на территории Крымского полуострова. Однако для уверенного вывода материалов недостаточно.

Помимо медных монет ал-Джедида времени Токтамыша известна и серебряная с датой 785 г.х. (1383–1384 гг.). Ее обнаружил П.С. Савельев в Екатеринославском кладе. При этом исследователь считал, что монета чекана Сарая ал-Джедида (где слово «Сарай» было просто опущено) [Савельев, 1858, с. 71, № 130].

Среди случайных находок из Эски-Юрта значительный интерес представляют именная монета Токтамыша без обозначения места выпуска [Янина, 1954, № 127] и пул плохой сохранности предположительно чекана Хаджи-Тархана (легенда на монете не читается, но орнамент, как на пуле Хаджи-Тархана [Клоков, Лебедев, 2002, № 100/8]), выпущенный, вероятно, не ранее последней четверти XIV в. (только с этого времени начинается достоверно датированная чеканка в Хаджи-Тархане). Нам неизвестны упоминания в публикациях о нахождении каких-либо пулов Хаджи-Тархана на Крымском полуострове. Таким образом, эта находка позволяет расширить сведения о связях Нижнего Поволжья и Крыма в конце XIV в. Монета Токтамыша, очевидно, была чеканена на территории Маджара, т.к. именно на Маджарском городище (Ставропольский край) обнаружено наибольшее число монет этого типа [Павленко, Лебедев, 2005]. Монеты Маджара ал-Джедида зафиксированы в составе старокрымского клада, найденного в 1983 г. [Северова, 1990, с. 44–45; Пачкалов, 2002, с. 204, № 154].

Среди джучидских монет из Эски-Юрта встречен пул плохой сохранности, очевидно выпущенный не на территории Золотой Орды. Вероятно, это монета мамлюков. Такое предположение высказал и Ст. Альбум (США) в личной переписке. Монеты мамлюков уже фиксировались на территории Улуса Джучи, отмечались и среди крымских находок (см., напр.: [Иванов Н.Н., 1999]), но специальных работ, посвященных египетским и сирийским монетам, найденным в Восточной Европе, нет.

Выводы

Распределение публикуемых нумизматических находок по времени чекана отражает динамику экономической активности на золотоордынском поселении. Только одна монета датируется XIII в. Это свидетельствует о том, что в то время населенный пункт еще не имел развитого денежного обращения. К 1340–1380 гг. относится примерно 20 экз.

К 1380-м гг. или более позднему времени могут также относиться именная монета Токтамыша, пул Хаджи-Тархана (?) и крымские пулы с изображением льва среди звезд. Таким образом, максимум экономической активности в рассматриваемом золотоордынском поселении приходится на 1340–1380 гг. К концу XIV в., по имеющимся материалам, на территории Эски-Юрта происходит упадок денежного обращения.

В рассмотренном комплексе наибольшее количество монет с определенным местом выпуска крымского чекана. По всей видимости, к ним должны относиться и монеты с обозначением «ал-Джедид». Эти находки характерны в основном для Крыма и прилегающих к нему регионов. Единичные экземпляры чеканены в Азаке и Хаджи-Тархане. Существенно больше монет выпущено в столичном городе Сарая ал-Джедиде. Но некоторые монеты из Эски-Юрта с обозначением «Сарай ал-Джедид» и цветочной розеткой могли быть чеканены не на территории Нижнего Поволжья, а в самом Крыму.

Благодарности

Автор выражает признательность М.М. Чорефу за возможность ознакомиться с нумизматическими коллекциями Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника и помощь в подготовке статьи.

Список литературы

- Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхя: Золотоордынский период. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 99 с.
- Башкиров А., Боданинский У. Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт // Новый Восток. – 1925. – № 8/9. – С. 294–311.
- Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В. Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта. – Бахчисарай, 2004. – 28 с. – Деп. в Научной библиотеке БГИКЗ 20.09.2004, № 00204.
- Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону: Ростов. гос. ун-т, 1989. – С. 24–31.
- Иванов Н.Н. «Клад» монет из г. Старый Крым, хранящийся в ГМИИ им. А.С. Пушкина // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. – М.: ГИМ, 1999. – С. 60–61.
- Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда. Город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. – Нижний Новгород: Информэлектро, 2002. – Вып. IV: Нумизматический сборник. – Т. 3. – С. 73–165.
- Книга путешествия: Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 г.) / пер. и коммент. Е.В. Бахревского. – Симферополь: Дар, 1999. – 141 с.

Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середины XIII – начала XV в). – Одесса: Полис, 2000. – 48 с. – (Вестн. Одес. музея нумизматики; № 2).

Манштейн Х. Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное, по приказу графа Миниха, капитаном Манштейном // Отечественные записки. – 1824. – Ч. XXI, № 51. – С. 75–84.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. – СПб.: [Тип. Имп. акад. наук], 1893. – 151 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1891 г. – СПб.: [Тип. Гл. упр-я уделов], 1893. – 187 с.

Павленко В.М., Лебедев В.П. Нумизматические «новинки» из Маджара // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков»: III МНК – Старый Крым, 3–9 окт. 2004 г. – М.: Нумизмат. лит., 2005. – С. 31–36.

Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. – Нижний Новгород: Информэлектро, 2002. – Вып. IV: Нумизматический сборник. – Т. 3. – С. 178–212.

Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатаидские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. – СПб.: [б.и.], 1858. – 340 с. – (Зап. Рус. археол. об-ва; т. XII, вып. I).

Северова М.Б. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старокрымской археологической экспедиции) // Сообщ. Гос. Эрмитажа. – 1990. – Вып. 54. – С. 43–46.

Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Таврия, 2000. – Вып. 7. – С. 267–288.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. – 1960. – Т. I. – С. 94–207.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. – 1963. – Т. IV. – С. 185–221.

Федоров-Давыдов Г.А. Двуглавый орел на золотоордынских монетах // Гербовед. – 1999. – № 6. – С. 126–129.

Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азака // СА. – 1981. – № 1. – С. 219–241.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении / пер. с нем. М. Волкова. – СПб.: [Тип. Имп. акад. наук], 1832. – 113 с.

Хромов К.К. Восточная нумизматика в Украине. – Киев: Клякса, 2004. – Ч. I: Монеты Джучидов XIII–XV вв. – 68 с.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. – 1954. – № 42. – С. 424–484.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. – 1958. – № 61. – С. 392–414.

Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. – 1962. – № 111. – С. 153–178.

Янина С.А. «Новый город» (Янги Шехр – Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Нумизматический сборник ГИМ. – 1977. – Ч. V, вып. 1. – С. 193–212.

Nicolae E. Monedele de cupru bătute în Oraşul Nou (Şehr al-Cedid) // Simpozion de numismatică: Comunicări studii şi note. – Bucureşti, 2003. – P. 167–179.

*Материал поступил в редколлегию 13.03.18 г.,
в окончательном варианте – 02.11.18 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.084-092
УДК 904

М.П. Чёрная¹, С.Ф. Татауров^{1, 2}

¹Национальный исследовательский
Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: mariakreml@mail.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Игры детей и игрушки в социокультурном пространстве сибирского города: историко-археологический контекст

В статье вводится в научный оборот археологическая коллекция игрушек из средневековой Тары. Она рассматривается на широком пространственно-временном сравнительном поле. Акцент сделан на локализации игрушек на уровне микропланиграфии усадьбы, где миры взрослых и детей наиболее органично сосуществуют и во взаимодействии этих миров происходит развитие самосознания ребенка, его социализация, в т.ч. посредством игр. Последние выступают активной формой организации детьми своего пространства в мире взрослых и по его образцу, игрушки помогают детям самоутвердиться, «населить собой» домашний мир усадьбы. Детское присутствие в пространстве дома – усадьбы – города представлено в археологическом контексте игровыми атрибутами, привязанными к конкретным объектам (игрушки-оружие, шары, мячи, птички-свистульки, детская посуда, бабки, свайка, ножички и др.). Выявленная на раскопанной усадьбе схема локализации детских игр может быть спроецирована на город в целом, т.к. усадьбы были основным местом обитания. Дети разных сословий играли в домах, на задворках и выгонах, на участках между усадьбами. Освоение детьми обитаемой среды посредством игр определяет их роль в социокультурном пространстве города. Игра и игрушки как неотъемлемый элемент бытовой культуры помогли детям осваивать окружающий мир. По мере взросления границы обжитого ребенком социокультурного пространства расширялись, выходя за пределы семейного уклада.

Ключевые слова: игры детей, игрушки, локализация в обжитом пространстве, Сибирь, Тара, археология.

M.P. Chernaya¹ and S.F. Tataurov^{1, 2}

¹National Research Tomsk State University,
Pr. Lenina 36, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: mariakreml@mail.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Children's Games in the Sociocultural Space of a Siberian Town: Historical and Archaeological Context

This article describes a collection of toys from a manor in the medieval town of Tara, the Omsk Region, in a broad historical context. We focus on the spatial arrangement of toys on the manor's plan, evidencing the overlap of the adult's world with that of children, which is relevant to the development of children's self-awareness and socialization through play. Games are an active form whereby children organize their space within the adults' world and after its pattern. Toys help them assert themselves and "inhabit" the domestic world of the manor. The children's presence in the space of the house, that of the estate, and that of the town is marked by various toys, such as mock weapons, balls, whistles shaped like birds, tiny dishes, knucklebones, svaikas (sharpened iron rods, which, when thrown, were meant to stick in the ground inside iron rings), small knives, etc. The reconstruction of children's games

within the excavated manor can be projected onto the entire town, since homesteads were the main habitats. Children belonging to various social classes played inside houses, in backyards, pastures, and areas between the estates. Because the living zone was mastered through play, games played an important role in the organization of the town's socio-cultural space. As the children grew, their space expanded beyond the family limits.

Keywords: Children's games, toys, localization, living space, Siberia, Tara, archaeology.

Введение

Социокультурное пространство городских комплексов маркировано множеством предметно-объектных проявлений и богато представлено в археологическом материале. Одной из характеристик повседневной жизни социума выступает игра как специфическое занятие, которое, не переставая быть собой, т.е. сферой, где человек свободен от налагаемой на него обществом и государством необходимости, не изолировано от утилитарных сфер, их взаимодействие и взаимопроникновение определяется конкретным культурным и социальным контекстом [Хренов, 2005, с. 17, 34].

Детские игры являются особым способом обобщения и систематизации представлений детей об окружающем мире и активной формой организации своего пространства в мире взрослых и по его образцу. «Игры детства представляют собою горячую, неустанную, но вместе с тем и веселую работу, с помощью которой энергично развивается дух и тело ребенка, насаждаются в нем знания и опыт и закладываются первые основы для его будущей деятельности в жизни» [Покровский, 1895]. Игра исполняет роль моделирующей знаковой системы, помогающей детям в непринужденной форме ориентироваться в «житейском море». Игровое поведение служит прообразом «взрослой» жизни, а символические игровые аналоги – инструментом обретения знаний, умений, навыков. Осваивая окружающий мир, дети – по отдельности и в компании – «опредмечивают» себя, материализуют свое присутствие в определенных более или менее постоянных или временных местах для игр в доме, во дворе или за их пределами, но в границах освоенной территории, а также через вещи-заместители – игрушки, поделки, рисунки, при помощи которых они самоутверждаются в пространстве дома, «насекают собой» домашний мир [Осорица, 2000, с. 37].

Детское присутствие в пространстве дома – усадьбы – города представлено в археологическом контексте игровыми атрибутами, привязанными к конкретным объектам, где играли дети. В культурных слоях городов от Древней Руси до Нового времени найдены серии игрушек, по составу, материалу, назначению которых предложены различные их классификации. Раскопки русских памятников Сибири дополнили археологическое собрание атрибутов детских игр и существенно раздвинули географические границы бытования традиционной детской игровой культуры, что

создает широкое пространственно-временное сравнительное поле. Нами вводится в научный оборот не очень многочисленная, но разнообразная коллекция игрушек из средневековой Тары. При ее характеристике сделан акцент на локализации игрушек в домашнем мире усадьбы и прилегающей территории, что определяет роль детских игр в социокультурном пространстве города.

Игры детей в пространстве усадьбы и города Тары

Материал из раскопок усадебного комплекса в историческом центре Тары позволяет проанализировать освоение детьми городского пространства на уровне микропланировки. Такой подход дает информационное преимущество, ибо миры взрослых и детей наиболее органично сосуществуют именно в обжитом пространстве усадьбы, во взаимодействии этих миров происходит развитие самосознания ребенка и его социализация, в т.ч. посредством игр.

Усадьба существовала продолжительное время (культурный слой более 3 м) и неоднократно перестраивалась после пожаров. По результатам раскопок сделана ее реконструкция на одном из этапов функционирования (рис. 1). Усадьба включала пять объектов: хозяйский дом – пятистенник с обширными сенями, избу с большой печью, погреб с напоребицей, баню, колодец. Прямоугольный в плане усадебный участок был огорожен забором или частоколом [Татауров, Чёрная, 2015].

Большинство игрушек найдено в сенях хозяйского дома (модели оружия, шары, полоз от санок), жилой его части (детская посуда, птичка-свистулька, шарики из бересты) и во дворе – у завалинки избы (набор для игры в бабки) (рис. 1). Их локализация связана с местами, где дети могли проводить свободное время и/или хранить свои сокровища, обозначая, определяя, закрепляя свое присутствие. Судя по наличию игрушек, взрослые обитатели разрешали детские игры в доме и дворе, чтобы контролировать местонахождение детей, особенно в случае опасности, что было актуально в полувоенной Таре.

В сенях мальчишки хранили свой «арсенал» – два лука со стрелами и два меча/сабли (рис. 2, 1–8). Тарские игрушки имитируют «взрослые» экземпляры: отцы, деды, мальчики вырезали ножи и сабли по бо-

а б

Рис. 1. Реконструкция вида усадьбы с местами детских игр (а) и хранения игрушек (б).

Рис. 2. Игрушки.

1, 2 – луки; 3, 5 – наконечники стрел; 4, 6 – стрелы; 7, 8 – мечи/сабли; 9 – игральная фишка; 10 – коса. 1–8 – дерево; 9 – керамика; 10 – железо.

евым образцам, прорабатывая наиболее значимые детали – рукоять, гарду, клинок и т.д. Детские луки (все-го их найдено в Таре пять) также имеют признаки настоящего оружия – утолщение в центральной части

(рукоять), концевые накладки, зарубки для крепления тетивы. Представление о наборе стрел в колчане тарского лучника дают игрушечные стрелы с наконечниками разных типов: длинные узкие бронебойные, листовидные, тупые томары (рис. 2, 3–6). Детские модели из орешника, можжевельника, дуба длиной от 50 до 90 см, с достоверно проработанными деталями, в т.ч. подражающие сложному луку, склеенному из кусков дерева и костяных пластин, известны в археологических коллекциях IX–XVI вв. Новгорода, Пскова, Старой Ладogi, Белоозера, Старой Руссы и др. После XVI в. игрушечные луки в древнерусских городах почти не встречаются, что связано с выходом из употребления этого оружия. Фрагменты детских луков из напластований первой половины XVII в. в Пскове относят к финальному этапу существования подобных игрушек [Розенфельдт, 1997, с. 115; Хорошев, 1998; Закурина, Салмин, Салмина, 2009]. В Сибири лук как боевое и охотничье оружие долго был востребован, что нашло отражение и в распространении его игрушечных моделей, найденных в Таре, Мангазее, Березовском, Старотуруханском городищах [Пархимович, 2014, с. 256, 259, 260; Визгалов, Пархимович, 2017, с. 91, 99, 174].

В сенях тарского дома найдены также деревянные модели мечей или сабель – целая и обломанная. Определение типа оружия условно. Клинок целого экземпляра длинный прямой, а обломанный имеет некое подобие изгиба, но нельзя утверждать, что он сделан изначально (рис. 2, 8). У названного саблей детского оружия из Мангазеи клинок прямой [Визгалов, Пархимович, 2017, рис. 121, 16; 257, 4]. Обломанный тарский экземпляр по форме рукояти весьма схож с мангазейской находкой [Там же, рис. 257, 4]. Хотя в Мангазее известны и сабельки из прутьев с петлеобразной гардой [Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 166, 4]. Местные дети были знакомы с саблями, входившими в арсенал служилых Сибири. Знали они

и о мечах, на что указывает нахождение в Мангазее рукояти меча с круглым навершием [Там же, рис. 166, 5] (мечи с аналогичным навершием обнаружены в Новгороде и Сарапуле [Хорошев, 1998, рис. 1, 3; Сарапульская кладовая..., 2018, с. 32]).

Игрушечное оружие из сибирских коллекций подтверждает вывод, сделанный по данным раскопок древнерусских городов: игрушки-имитации являются богатным материалом для изучения вооружения. Остатки наверший деревянных мечей из Новгорода точно повторяют основные пропорции настоящих боевых. Серия детских мечей из четко датированных стратиграфических напластований позволила выявить эволюционные изменения боевого оружия средневековых новгородцев. Это тем более ценно, что железные мечи – чрезвычайно редкие находки в городских культурных слоях [Морозова, 1990, с. 70; Хорошев, 1998].

Игровое оружие могло быть очень близко реальным прототипам. Например, «оружейный набор» – деревянные поясные (боевые) ножи и пернач (шестопёр) – из псковского двора второй половины XVII в. даже заставляет усомниться в его принадлежности детям и соотнести эти модели со взрослой культурной средой как атрибуты обрядового или театрального действия [Салмин, 2013]. Однако в основной массе имитации предназначались для игр детей, представляя уменьшенные копии настоящих предметов. Так, модели клинкового оружия из Тары, повторяя пропорции прототипов, по размеру (50–60 см) подогнаны к детскому росту.

Сходство с повседневными вещами демонстрируют также игрушечные утварь, орудия труда, обувь, транспортные средства, представленные в тарских материалах пока скромно (лопаточка, посуда, полоз от санок) по сравнению с другими городами [Розен-

фельдт, 1997, с. 118, 119; Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 166, 167; 2017, с. 91, 137, 147, 165, 174, 185–186]. Модели лодок в Таре еще не найдены, но археологическая коллекция детских лодочек из Новгорода дает представление об уровне кораблестроения, а подобные находки из Мангазеи – о разных типах судов [Морозова, 1990, с. 70; Хорошев, 1998; Пархимович, 2014, с. 255]. Игрушки-имитации служат детям «строительным материалом» для создания своего мира, а подражание – механизмом познания окружающей действительности с ориентацией на взрослый мир, где есть готовые образцы вещей и модели обращения с ними, даже если их взрослый смысл не совсем понятен детям и они воспроизводят его на свой лад.

В сенях тарского дома найдены также два шара, вырезанные из корней дерева (рис. 3, 3, 4). Игры в мяч, шар А. Терещенко относил к «мужеским» [1848, с. 50–53, 58, 59]. Поэтому логична локализация данных находок вместе с «боевым арсеналом» в сенях, где мальчики хранили предметы своих забав. Деревянные шары и кожаные мячи – универсальные игрушки для состязательных (подвижных) игр – были широко распространены в русских городах. Кстати, в Таре найдена деталь мяча, имеющая сегментовидную форму (5,0 × 8,5 см). Мячи из сегментов, как в Таре, или из двух кружков и соединяющей их полосы, как в Великом Новгороде, кроили из мокрой, иногда разноцветной, кожи (в Мангазее археологически зафиксированы тканевые мячики). Внутри набивали шерсть, конский волос, мох, шерстяные нитки, кудель. После высыхания кожа плотно обтягивала набивку. Изготовление кожаных мячей носило характер подсобного производства в сапожном ремесле. Неудивительно, что охотники до игры в мяч приобретали их не дешево – за несколько пар бабок, хороший биток или свайку. Дороже вырезанных вручную стоили выточенные

Рис. 3. Игровые принадлежности.

1–2 – свистульки-птички; 3–5 – шары; 6–8 – сосудики; 9 – лопатка; 10 – полоз от санок; 11 – игральная фишка; 12 – фрагмент наборного пояса. 1, 2, 6–8, 11 – керамика; 3, 4, 9, 10 – дерево; 5, 12 – береста.

на токарном станке деревянные шары, также встречающиеся в слоях древнерусских городов.

Разные вариации игры в шар или мяч требовали проворства, тренированности, искусства. Одна из разновидностей предполагала выкапывание довольно большой ямы, называемой касло или котлом, и небольших ямок (лунок) вокруг нее по числу игроков. Водящий старался захватить чье-нибудь место, загнав шар в лунку, остальные игроки должны отбивать его на лету [Покровский, 1895; Терещенко, 1848; Морозова, 1990, с. 70; Розенфельдт, 1997, с. 116; Рыбина, 2006, с. 18; Векслер, Осипов, 2000, с. 155; Пархимович, 2014, с. 258, 259; Осипов и др., 2017, с. 117, 118]. Такой вариант игры в шар, выражающий набег врага на мирные жилища, был имитацией реальных вражеских нападений, осад городов и их защиты горожанами. Игра не только развивала ловкость, но и воспитывала боевой и патриотический дух в подрастающем поколении.

В жилой части хозяйского дома на тарской усадьбе найдена керамическая свистулька-птичка, покрытая глазурью (рис. 3, 2). Такие изделия, отличающиеся морфологическими и техническими вариациями, – типичный атрибут народной музыкальной культуры, часто встречающийся в поселенческих комплексах [Фехнер, 1949, с. 55; Розенфельдт, 1997, с. 118; Хорошев, 1998; Колызин, 1998, с. 117; Ткаченко, Фёдорова, 1998, с. 345, 346; Глиняные игрушки..., 2002; Спиридонова, 2002, с. 216; Матвеев и др., 2008, с. 126, 127; Татаурова, 2008, с. 200; Воробьев-Исаев, 2014; Пархимович, 2014, с. 258; Тропин, 2017, с. 480; Баранов, Куприянов, 2017, с. 509, 510; и др.]. Технология их изготовления описана в этнографической литературе [Церетелли, 1933, с. 183; Галуза, 1998, с. 172; Бондарь, 2006; Короткова, 2006]. Сравнение показывает, что при веками отработанной традиции свистульки имели местные особенности в технических приемах и формах, отдельные мастера обладали своими секретами и «почерком». Требовалось умение, чтобы игрушка могла выполнять функцию музыкального инструмента. В хвосте «птички» обычно находится пригубник со щелевидным отверстием для дутья. Под хвостом или на спине фигурки расположен пищик (без него игрушка свистеть не будет), по бокам – два отверстия-лада, зажимая которые можно варьировать звук и получать незамысловатую мелодию. Успех в изготовлении свистульки обеспечивало четкое представление о природе возникновения звука за счет пульсации воздуха, попадающего из зоны нормального давления в воздушную струю, где оно понижено. Важно верное направление входного канала-воздуховода и отсутствие в нем частиц глины, тогда звук получался четкий и звонкий [Глиняные игрушки..., 2002, с. 7; Бондарь, 2006]. Свистульки, как и погремушки, были не только игрушками, но и оберегами: считалось, что шумом

и свистом они отпугивают от ребенка злых духов. Это также объясняет их устойчивое бытование [Глиняные игрушки..., 2002, с. 8].

Девочки играли в жилой части тарского дома, где найдены миниатюрные сосудики (рис. 3, 6–8), деревянная лопатка (рис. 3, 9) и шарики из берестяных лент, из них маленькие (диаметр 4–5 см), возможно, служили головами кукол (рис. 3, 5), а большим (15 см) могли играть как мячиком. Девочки, привязанные к дому, матерям и бабушкам, в постановочных играх имитировали важные составляющие сценария взрослой жизни: «готовили еду», заботились о «ребенке», пеленая и одевая кукол, «пряли» шерсть и т.д. Значительную часть игрушечной утвари изготавливали профессиональные гончары, а кукол из глины, дерева, соломы, тряпок делали старшие [Фехнер, 1949, с. 56; Розенфельдт, 1997, с. 116, 118; Колызин, 1998, с. 119; Татаурова, 2008, с. 199; Пархимович, 2014, с. 254, 255; и др.], что свидетельствует о взаимодействии детей и взрослых в подготовке девочек к важнейшей роли хозяйки-жены-матери. Не чужды были девочкам и подвижные игры. Они играли, например, в мяч, в т.ч. вместе с мальчиками. Коллективные игры характерны для детей всех возрастов [Забылин, 2003, с. 526, 531, 532].

Третье место хранения игровых атрибутов обнаружено во дворе, у завалинки избы. В ямке глубиной ок. 40 см, прикрытой куском бересты, находился набор из 20 игровых бабок одного размера, у некоторых спилены или срезаны выступающие части суставов (рис. 4, 2). По повреждениям на костях видно, что ими играли достаточно продолжительное время. В наборе не было битка (просверленная и залитая свинцом бабка), хотя таких находок известно много. Бабки хранились на свободной от застройки площадке, что подразумевает участие в игре детей из нескольких дворов (см. рис. 1). На аналогичной по расположению площадке играют мальчики на картине известного русского художника В.Е. Маковского (см. рис. 4, 1).

Игра «в бабки» была одной из самых популярных. Поэтому они встречаются практически повсеместно, и в Сибири, конечно, тоже, как на русских памятниках, так и на аборигенных – среди комплекса предметов, попадавших к автохтонам от/через русских [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 43; Татаурова, 2008, с. 198; Чёрная, 2015, с. 170, 171; Баранов, Куприянов, 2017, с. 504, 510]. Распространенность игры обеспечивалась доступностью сырья – подкопытной кости, которую обваривали в горячей воде. Бабки имели ценность, на них обменивали, например, мячи или ласы – шары из снега, облитые водой и замерзшие [Терещенко, 1848, с. 25–26].

Безусловно, важно, что тарский набор бабок был спрятан. Устройство тайников имеет утилитарный и символический аспект детского территориального

Рис. 4. Игры «в бабки», «в свайку», «в ножички» и соответствующие игровые принадлежности из тарской коллекции.

1 – В.Е. Маковский. «Игра в бабки» (<http://www.artsait.ru/foto.php?art=m/makovskyV/img/24>); 2 – набор для игры «в бабки»; 3 – Дж. Аткинсон. «Игра в свайку» (по: [Atkinson, Walker, 1803]); 4 – свайка; 5 – ножичек.

поведения. Так дети материализуют свое тайное присутствие в определенном месте, устанавливают глубокий личный контакт с обжитым пространством, потаенный материальный взаимообмен с окружающей средой. Устройство тайников/«секретов» – традиция детской субкультуры, один из символических способов овладения освоенной территорией через своеобразное вращение в почву, пребывание в самой плоти земли. Детские тайники, фиксируемые, хотя и редко, археологически (например, тайничок с птичками-свистульками в Томской обл.), являются наряду со строительными жертвами и стационарными кладбищами, хранящими могилы предков, показателями прочного освоения пространства, обживания среды обитания [Осорина, 2000, с. 127–145; Пархимович, 2004; Воробьев-Исаев, 2014, с. 229; Чёрная, 2015, с. 36, 37; 2016, с. 17; Визгалов, Пархимович, 2017,

с. 333–340]. Для тарского мальчика, которому принадлежал тайник с бабками, важным было сознание того, что он обладает в пространстве усадьбы собственной тайной, недоступной для непосвященных.

В ходе раскопок тарской усадьбы удалось установить три основных места локализации игрушек. Но атрибуты детских игр залежали и без привязки к определенным объектам, например круглые фишки диаметром 3–5 см из осколков глиняной посуды (см. рис. 2, 9; 3, 11). Такие фишки в разрозненном состоянии встречены и в острожной части Тары. Их находят на городских и сельских памятниках в европейской части России и в Сибири. Фишки использовали как «денежки» в играх в «кремешки», шашки, «купи-продай». «Кремейки делаются из разбитой глиняной посуды и кафлей; округливают их величиною с грош, но не более пятака медного» [Терещенко,

1848, с. 42]. Доступность таких игрушек из разбитой керамической посуды определяла повсеместность их бытования [Костылева, Уткин, 2008, с. 216–218; Татаурова, 2008, с. 198].

На территории усадьбы найдены единичные осколки стеклянных сосудов европейского производства, выполненных в технике накладки стеклянных нитей. Разбившийся сосуд терял статус престижной вещи из взрослого мира, зато яркие цветные осколки становились настоящим сокровищем для детей, которые наделяли их новым смыслом, включая в орбиту своих переживаний, фантазий, интересов и отношений [Осорица, 2000, с. 98, 138, 139]. Драгоценные стеклышки становились не просто предметом торга и обмена, но, возбуждая воображение, помогали создавать свой мир, конструируемый ребенком-творцом из обломков вещей взрослых. Здесь уместно сказать об эстетической составляющей, привносимой в процесс игры девочками. Они рассматривают, раскладывают, хранят завораживающие своей красотой и неповторимостью осколки, стараются украсить кукол или себя. Найденный в усадьбе фрагмент наборного берестяного ремешка, видимо, также относится к числу доступных «дизайнерских» средств девочек того времени (см. рис. 3, 12).

Схема локализации детских игр на примере раскопанной усадьбы может быть спроецирована на город в целом, т.к. усадьбы были основным местом обитания. Дети играли в домах, на задворках и выгонах. Другие площадки для игр найти было сложно ввиду плотности застройки, малой ширины улиц и грязи на них, в которой даже в начале XX в. тонули конные упряжки [Тарская мозаика..., 1994, с. 22]. Играть вне крепостных стен дети могли только под присмотром взрослых, когда они выезжали на определенные работы.

Ограниченность пространства лимитировала места для коллективных игр. Таковыми могли служить межусадебные участки. Одна из групповых игр, имевшая поистине народный характер, – «в свайку». Ею увлекались и мужчины, и подростки. Свайка – заостренный железный стержень с массивной головкой (длина 18,7 см, диаметр стержня 0,8 см, головка 12-гранная, ширина грани 2 см) – найдена в острожной части Тары (см. рис. 4, 4). Суть игры заключалась в попадании свайки в кольцо или несколько колец, лежащих на земле. Увлечение этой игрой заметили и иностранцы: «Мальчики играют заостренными кусками железа, норовя попасть в лежащее на земле кольцо» [Рейтенфельс, 1905, с. 149]. Дж. Атkinson оставил рисунок (см. рис. 4, 3) и подробное описание: «Это игра на ловкость, свойственная русским. Небольшое железное кольцо диаметром около 1,5 дюйма укладывается на землю, куда бросают тяжелый железный штырь с большой круглой го-

ловкой, ограниченной на 8 плоскостей, как бриллиант. Игрок держит свайку и бросает таким образом, чтобы она, перевернувшись, кончиком воткнулась в землю посередине кольца. Если он промахнется, то обязан передать свайку остальным игрокам, пока другой не промахнется и не уступит черед первому»* [Atkinson, Walker, 1803].

Свайка – это еще и холодное метательное оружие, способное пробить самые крепкие доспехи. Она «весит иногда до 4 и 5 фунтов... некоторые утверждают, что бывают до полпуда...» [Терещенко, 1848, с. 54]. Приемы метания свайки в игре и в бою одинаковы, подростки могли осваивать их вместе с родителями – служилыми людьми. Молодецкие игры в народе любили. Игры полуспортивного, полувоенного характера (борьба, состязание в беге, верховой езде, стрельбе из лука, перетягивание на палке или веревке) воспитывали в подростках мужество, выносливость, ловкость [Леонтьев, 1977, с. 64, 65].

В Таре неоднократно находили миниатюрные (длина ок. 11 см) ножички (см. рис. 4, 5). Они предназначались для затачивания гусиных перьев, а кроме того, использовались подростками в качестве игрового атрибута. Игра «в ножички» – более поздняя филиация, специализированный вариант игры «в свайку». Она принадлежит к обширному классу «состязательных» игр с «вещью» («бабки», «чиж», «мяч», «шар», «лапта», «свайка», «кости», «камешки», «бирюльки», «перегон», и т.п.) [Топоров, 1998, с. 251, 252, 269, 270]. Игра «в ножички», имеющая большую историю в русских забавах, помогала приобретать навыки владения ножом как в быту, так и на военной службе.

Интересная находка – уменьшенная копия косы (см. рис. 2, 10): длина 27 см, ширина 2, высота ребра упругости до 0,4 см. Судя по сильной изношенности лезвия, она предназначалась для обретения навыка работы с настоящей косой, но в игровой форме.

Ассортимент игрушек в усадьбе статусного человека в центре Тары и в острожной части был схожим. Различия наблюдаются только в деталях. Так, найденный в усадьбе полоз от санок (см. рис. 3, 10), выструганный из хвойной доски, имеет крепление для опорной спинки. У игрушечных санок из острога, наподобие настоящих, гнутые полоза из талины или березы. Птичка-свистулька из острожной части Тары (см. рис. 3, 1) неглазуванная в отличие от поливной из усадьбы. Морфологическое и технологическое многообразие игрушек обусловлено индивидуальным «почерком» их создателей и местными традициями. Жесткой социально-иерархической градации игрушек не было, большинство предназначалось для детей разных сословий. Даже царские дети

*Перевод текста Л.В. Чёрной.

в XVII в. играли и с дорогими немецкими куклами, и с простонародными игрушками, купленными на базаре [Забелин, 2014, с. 588].

Заключение

Анализ археологической коллекции игрушек на уровне микропланиграфии усадьбы позволил определить места детских игр, которые являются доступным и конструктивным способом социализации детей, освоения ими обитаемого пространства и создания в нем своего микромира. Влияние среды на ребенка через посредство игрушек чрезвычайно велико, поскольку с них начинается познание мира человеком – от случайных предметов (камешков, шишек, сучков), использования отходов и отживших свой век вещей «мира взрослых» к специализированному игрушечному ремеслу [Церетелли, 1933, с. 21; Глиняные игрушки..., 2002, с. 3]. Взрослые – родители, бабушки, дедушки, мастера-игрушечники – выступали старшими партнерами детей, делая им на забаву игрушки.

В игровой культуре ярко проявляется противостояние живой народной практики духовным поучениям и уставам о праведной жизни XVI–XVII вв. с детальной регламентацией всего и вся, жесткими требованиями к бытовой жизни, навязыванием поведенческой формулы: «дни наши не радости, но плача суть», настоянием не смеяться, «гнушаться» детскими играми, в которых страсти начинают проявлять свою губительную силу уже с отрочества, указанием воспитывать детей «в запретах» [Яковлева, 2000, с. 10, 15, 19].

В живой практике игра и игрушки – неотъемлемый элемент бытовой культуры. Из поколения в поколение внутри семьи и на уровне игрушечного ремесла передавались традиции, навыки, мастерство изготовления игрушек, что отражают и археологические материалы от Древней Руси до этнографической современности. Игры и игрушки с младенчества развлекали, учили, воспитывали детей, помогали взрослеть и осваивать окружающий мир. Через игру в сознание детей закладывались социально-бытовые представления, диапазон которых рос по мере расширения границ обжитого ребенком социокультурного пространства, выходя за пределы семейного уклада – к укладу общественному. Несомненно, прав «добрый доктор» и педагог Е.А. Покровский, написавший замечательную книгу о детских играх: «Своей игрой мы, конечно, служим и отечеству!» [1895].

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00487).

Список литературы

Баранов М.Ю., Куприянов В.А. Культурно-хозяйственный комплекс приобских остояков XVII–XIX вв. (по материалам исследования поселения «Урочище Бала 1») // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Наука, 2017. – С. 504–510.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – 147 с.

Бондарь А. Чистый звук глиняной свистульки // Наука и жизнь. – 2006. – № 6. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/5992>

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Инструменты сапожника и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного двора в 1998 году // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – М.: Музей истории города Москвы, 2000. – С. 153–159. – (Тр. Музея истории города Москвы; вып. 10).

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба за полярного города. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа Караван, 2017. – 360 с.

Воробьев-Исаев А.А. Находка глиняных птичек-свистулек в устье реки Таган // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 228–230.

Галуза С.Д. Игрушечный и гончарный промыслы в Чарышском районе (по материалам экспедиции 1986 года) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 171–172.

Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций ВСМЗ: каталог / авт.-сост. Н.В. Нестерова. – Владимир: [б. и.], 2002. – 42 с.

Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – Ч. 1. – 1056 с.

Забылин М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды и суеверия. – М.: Эксмо, 2003. – 608 с.

Закурина Т.Ю., Салмин С.А., Салмина Е.В. Находки игрушечных деревянных луков в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В.В. Седова: мат-лы 54-го заседания. – Псков: Псков. археол. центр [и др.], 2009. – С. 34–36.

Колызин А.М. Игрушки и игры XII–XVII вв.: (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. – 1998. – № 2. – С. 113–122.

Короткова З. Глиняные «потешки» из Чернышено // Наука и жизнь. – 2006. – № 1. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/3391>

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Игрушки деревенской дачи с селища Кнута на р. Уводь // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы науч. семинара. – М.: ИА РАН, 2008. – Вып. 2. – С. 214–218.

Леонтьев А.К. Нравы и обычаи // Очерки русской культуры XVI века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1977. – Ч. 2. – С. 33–75.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты

первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского университета в Тобольске // *Ab origine: проблемы генезиса культур Сибири*. – Тюмень: Три Т, 2008. – Вып. 2. – С. 114–149.

Морозова Н.А. Игрушки древнего Новгорода // *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. – Новгород: [б.и.], 1990. – Вып. 3. – С. 69–71.

Осинов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 112–120.

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 2000. – 277 с.

Пархимович С.Г. Магические строительные обряды в Мангазее // *Русские: мат-лы VII Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. – Тобольск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2004. – С. 47–53.

Пархимович С.Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 253–267.

Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). – М.: [Типо-лит. В.Ф. Рихтер], 1895. – 226 с.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / пер. с лат. А.И. Станкевича. – М.: [Тип. Об-ва распространения полез. кн., арендуемая В.И. Вороновым], 1905. – X, 228 с.

Розенфельдт Р.Л. Игры детей // *Древняя Русь: Быт и культура*. – М.: Наука, 1997. – С. 114–119.

Рыбина Е.А. Мир вещей средневекового Новгорода (по археологическим находкам) // *Вестн. Новгород. гос. ун-та*. – 2006. – № 38. – С. 14–19.

Салмин С.А. Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В.В. Седова: мат-лы 58-го заседания*. – М.; Псков, 2013. – С. 68–78.

Сарапульская кладовая: иллюстрированный каталог / сост. С.А. Перевозчикова, Н.Л. Решетников. – Сарапул; Ижевск: [б. и.], 2018. – 36 с.

Спиридонова Е.В. Керамические изделия XVIII века из Ярославля (раскопки 1999 г.) // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. – Тверь: [Твер. обл. тип.], 2002. – Вып. 4. – С. 215–221.

Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). – Омск: Кн. изд-во, 1994. – 200 с.

Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // *Культура русских в археологических исследованиях*. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. – С. 214–219.

Татаурова Л.В. Игры и игрушки русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XIX вв. (по данным археологии) // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: мат-лы XIV Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф.* – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 197–200.

Терещенко А. Быт русского народа. – СПб.: [Тип. воен.-учеб. заведений], 1848. – Ч. IV: Забавы. – 338 с.

Ткаченко В.А., Фёдорова Л.И. Глиняные игрушки XVI–XVII веков из Калужских находок // *Тр. VI Междунар. конгр. славян. археологии*. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – Т. 4. – С. 345–348.

Топоров В.Н. Детская игра «в ножички» и ее мифотипические истоки // *Слово и культура*. – М.: Индрик, 1998. – Т. II. – С. 242–272.

Тропин Н.А. Мир материальных ценностей зажиточного жителя Ельца второй половины XVII – начала XVIII века (по материалам раскопок 2007 г. по ул. Маяковского, д. 5) // *Культура русских в археологических исследованиях*. – Омск: Наука, 2017. – С. 477–484.

Фехнер М.В. Глиняные игрушки московских гончаров // *МИА*. – 1949. – № 12. – С. 52–56.

Хорошев А.С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. – Новгород: Новгород. гос. объедин. музей-заповедник. – 1998. – Вып. 12. – С. 82–94.

Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. – СПб.: Алетей, 2005. – 604 с.

Церетелли Н. Русская крестьянская игрушка. – Л.: Academia, 1933. – 257 с.

Чёрная М.П. Боеводская усадьба в Томске 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск: Д'Принт, 2015. – 276 с.

Чёрная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // *От Смуты к Империи: Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.* – М.; Вологда: Древности Севера, 2016. – С. 14–23.

Яковлева А.М. «Устав о жизни по правде и с чистой совестью» и проблема развлечений в России в XVI–XVII вв. // *Развлекательная культура России XVIII–XIX вв.: Очерки истории и теории*. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 7–27.

Atkinson J.A., Walker J.A. Picturesque Representation of the Manners, Customs, and Amusements of the Russians: in 3 vol. – L.: W. Balmer & Co, 1803. – Vol. 1. – 80 p.

*Материал поступил в редколлегию 26.07.18 г.,
в окончательном варианте – 23.01.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.093-102
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lidiazotkina@gmail.com*

К вопросу о методике изучения палимпсестов (на примере композиции Шалаболинской писаницы, Красноярский край)

В статье рассматриваются основные сложности, связанные с определением стратиграфии многослойных композиций в наскальном искусстве. Актуальность этой научной проблемы заключается в том, что перекрытия одного петроглифа другим или несколькими могут давать очень важную информацию об относительной хронологии не только отдельных изображений, но и целых пластов. Аргументированно судить о последовательности выполнения рисунков, перекрывающих друг друга, можно лишь на основе надежной доказательной базы. В настоящей статье разобраны существующие приемы изучения стратиграфии палимпсестов в наскальном искусстве, а также предложен новый подход, сочетающий применение трехмерной визуализации высокого разрешения на макроуровне и трасологического анализа. Исследуются характеристики пикетажа в зонах изображений, не участвующих в перекрытии (нейтральные), и в области пересечений. Сравнение этих фрагментов поверхности пикетажа позволяет установить, какие трасологически значимые признаки характерны для участков перекрытия, что указывает на последовательность создания изображений, составляющих палимпсест. Предлагаемый в статье подход проиллюстрирован примером исследования одного из палимпсестов Шалаболинской писаницы (Красноярский край). Установлено, что изображения, относящиеся к различным стилистическим традициям, находятся в сложной стратиграфической связи. Выявлена последовательность создания трех основных фигур (медведя, быка и лося), составляющих эту многослойную композицию. Результаты анализа не доказывают принадлежность данных петроглифов к далеким друг от друга хронологическим периодам, однако несут новую информацию, актуальную для дискуссии о возрасте минусинского и ангарского изобразительных пластов на территории Минусинской котловины.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, палимпсест, трасология, 3D, фотограмметрия, Шалаболинская писаница, Красноярский край.

L.V. Zotkina

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
Novosibirsk State University,
Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: lidiazotkina@gmail.com*

On the Methodology of Studying Palimpsests in Rock Art: The Case of the Shalabolino Rock Art Site, Krasnoyarsk Territory

This paper addresses the main problems in assessing the stratigraphy of superimpositions in rock art. When a petroglyph is overlain by one or several others, this may provide important information not only about single images but also about entire stylistic traditions. Existing methods used for evaluating the relative chronology of the parts of petrographic palimpsests are discussed, and a new approach is proposed, combining high-resolution three-dimensional visualization at the macro-level with traceological analysis. We focus on the characteristics of the pecked surface in the area outside the palimpsest and that in the overlap zone. The comparison

of these parts makes it possible to reveal the traceologically informative features in the palimpsest areas, indicating the sequence of superimposed petroglyphs. This approach is instantiated by the analysis of one of the palimpsests in the Shalabolino rock gallery, the Krasnoyarsk Territory. Images representing various stylistic traditions are found in complicated stratigraphic relations. The sequence of three main figures (bear, bull, and elk) in this multilayered composition has been reconstructed. The results of the analysis cannot be used as an argument for attributing these petroglyphs to vastly different chronological periods. Rather, they provide new information relevant to the debate around the age of the Angara and Minusinsk petroglyphic styles in the Minusinsk Basin.

Keywords: Rock art, petroglyphs, palimpsest, traceology, 3D, photogrammetry, Shalabolino rock art site, Krasnoyarsk Territory.

Введение

Проблема палимпсестов в петроглифоведении является одной из самых сложных, т.к. при одинаковой интенсивности пустынного загара изображений, накладывающихся друг на друга, нелегко определить последовательность их создания. В то же время исследование некоторых палимпсестов позволяет уточнить относительную хронологию не только отдельных фигур, принадлежащих к различным изобразительным традициям, но и целых культурно-хронологических пластов. Исследователям не раз удавалось зафиксировать такие уникальные ситуации, где детальное изучение давало качественно новую информацию о возрасте изображений, имеющих характерные черты того или иного стиля [Подольский, 1973, с. 269–270, рис. 4; Кубарев, 1988, с. 141–142; 2013, с. 24; Молодин, Черемисин, 2002; Новоженев, 2002, с. 27, 36, 37; Советова, 2005, с. 18–20, рис. 4, 5; Молодин, Ефремова, 2010, с. 166; Ковалева, 2011, с. 31; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., Пахунов, 2016, с. 523, 527]. В некоторых случаях, напротив, удается установить принадлежность петроглифов, выполненных разными авторами, к одной изобразительной традиции [Молодин, Ефремова, 2010, с. 167–168; Миклашевич, 2012, с. 182], иногда прослеживается тенденция намеренного перекрытия одних изображений другими в рамках семантически цельных композиций [Craig, 2009, p. 284–285]. Все эти наблюдения дают основания для дальнейших интерпретаций. Именно поэтому так важно аргументированно доказывать последовательность создания петроглифов, составляющих палимпсесты. Иногда многослойные композиции позволяют проследить даже такие тонкие нюансы, как смена идеологических или религиозных представлений в пределах генетически связанных или совершенно различных изобразительных традиций [Nash, 2012; Женест, 2017, с. 35].

Изучению палимпсестов в специальной литературе уделено довольно много внимания. В 70-х гг. XX в. А.Д. Столяром и Ю.А. Савватеевым был предложен метод «топографической раскладки», который предполагает выявление последовательности создания петроглифов и заполнения свободного пространства плоскостей [1976; Столяр, 1977, с. 25–34, 34–36]. Исследователи исходили из предположения о том, что первыми создавались самые крупные изображения, однако это впоследствии не подтвердилось [Лоба-

нова, 2007]. В.Д. Кубарев при изучении палимпсестов на каракольских материалах обращал внимание на ориентацию изображений относительно друг друга и положение плит *in situ* [1988, с. 94]. Этот аргумент был одним из самых весомых для установления факта переиспользования плит с уже имеющимися на них петроглифами, которые в погребениях оказались перевернутыми. Оба подхода к рассмотрению многослойных композиций в наскальном искусстве можно охарактеризовать как косвенные, т.к. аргументация сосредоточена не столько на участках пересечений изображений, сколько на контексте обнаружения палимпсестов. К сожалению, не во всех случаях можно опираться исключительно на этот аспект.

Иногда исследователи считают главным критерием стратиграфического анализа глубину пикетажа петроглифов. Согласно этой логике, более позднее изображение должно быть глубже, что не совсем соответствует действительности, ведь скальная корка, в пределах которой обычно выполняется пикетаж, имеет определенные ограничения по толщине. Поэтому после того как корка была пробита до основного субстрата, дальнейшая обработка на таком участке становится весьма затруднительной. Эксперименты показывают, что если пикетаж первоначального изображения уже полностью нарушил хрупкий поверхностный слой, то сделать следующий петроглиф глубже в зоне пересечения невозможно.

Довольно часто в специальной литературе встречаются лишь упоминания палимпсестов, по которым невозможно получить представление о критериях анализа, аргументах в пользу точки зрения авторов на стратиграфию в каждом конкретном случае. Чаще всего это связано с иной направленностью большинства публикаций (каталогизация, обобщающие работы и т.д.) [Лобанова, 2014, с. 33]. Специализированных исследований (посвященных конкретным случаям палимпсестов), аргументированно обосновывающих стратиграфическую последовательность таких композиций, крайне мало [Лобанова, 2007, с. 129]. Иногда очередность нанесения наскальных изображений определяется «на глаз». Даже если это глаз специалиста с многолетним опытом, нельзя не учитывать разное восприятие петроглифов при смене освещения, а также принципиальную субъективность человеческого восприятия.

Потрясающих результатов удалось добиться специалистам при изучении сложнейших палимпсестов

на знаменитом памятнике Фаризео (долина р. Коа, Португалия) благодаря применению комплексного подхода к исследованию: геоморфологического анализа плоскостей с петроглифами в хронологической динамике и соотношения фигуративных элементов с изменчивостью скальной поверхности в результате отслоений [Aubry, Santos, Luis, 2014]. Это позволило исследователям определить последовательность создания многослойной композиции и отнести разные группы петроглифов к различным периодам позднего палеолита [Ibid., fig. 5].

Я.А. Шер указывает на возможности уточнения данных о палимпсестах на основе изучения плотности пустынного загара и характеристик следов инструмента [1980, с. 172–173]. В некоторых случаях легко заметить, что степень патинизации разных петроглифов, составляющих многослойные композиции, не одинакова. Например, на памятнике Бага-Ойгур I (Монгольский Алтай), очевидно, схематичное изображение козла перекрывает группу из двух обращенных друг к другу зооморфных фигур, похожих на мамонтов [Черемисин и др., 2018, рис. 4]. Вывод о том, что первое является значительно более поздним, связан с гораздо меньшей степенью его загара по сравнению со вторым. Однако на формирование пустынного загара влияет масса факторов, и в тех случаях, когда степень его интенсивности примерно одинакова для всех элементов многослойной композиции, практически невозможно выделить более ранние и более поздние петроглифы.

Идея Я.А. Шера о сопоставлении характера следов инструмента, образующих пересекающиеся изображения [1980, с. 172–173], представляется очень перспективной. К тому же современные оборудование и методы фиксации значительно расширили возможности их исследования и сравнения. В настоящей статье предлагается один из способов изучения палимпсестов на основе трасологического анализа таких следов и бесконтактной фиксации – трехмерной визуализации в технике фотограмметрии.

Методика и оборудование

Предлагаемый подход к изучению многослойных композиций основан на анализе пикетажа в области пересечений изображений и сопоставлении комплекса трасологических признаков таких участков с наиболее типичными зонами выбивки каждого петроглифа, участвующего в палимпсесте. Этот довольно простой принцип позволяет выявить основные характеристики каждого изображения и определить, какие из них преобладают в области пересечений. Присутствие на данном участке признаков, свойственных пикетажу одного изображения, и отсутствие характеристик другого указывают на перекрывание первым второго.

Подход основан на классических принципах трасологического анализа петроглифов, выполненных в технике пикетажа [Гиря, Дэвлет Е.Г., 2010, 2012]. В качестве вспомогательного инструмента, позволяющего объективизировать наблюдения в ходе трасологического исследования, выступает трехмерная визуализация высокого разрешения на макроуровне. Реконструкция следов пикетажа осуществлялась посредством облачной фотограмметрии. Для получения высокоточных 3D-моделей (более 1 млн точек на площадь 3–5 см²) использовалась полноматричная камера Nikon D750 с макрообъективом AF-S MICRO Nikkor 62 mm и кольцевой вспышкой, обеспечивающей равномерную максимальную освещенность объекта.

Анализ характеристик выбивки в плане осуществлялся с помощью портативного микроскопа с увеличением $\times 20$ (Nikon 11470 NS). Для получения данных об особенностях следов пикетажа в профиле анализировались трехмерные модели трасологически значимых участков. Для анализа метрических параметров выбоин в плане и профиле, а также морфологических характеристик следов пикетажа (на основе 3D-моделей) использовались различные аналитические инструменты: MeshLab, Blender, Geomagic Studio.

Для фиксации наскальных изображений в различных масштабах (от общего вида плоскости до деталей петроглифов площадью в 1 см и менее) применялся фотоаппарат Nikon D750 с разными объективами (AF-S Nikkor 14-24 mm, AF-S MICRO Nikkor 105 mm, AF-S MICRO Nikkor 62 mm). Макросъемка проводилась фотоаппаратом Canon EOS D1000 с объективом Canon EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM с макрокольцами, а также со штативом и макрорельсами.

Для обобщения полученных данных была выполнена прорисовка палимпсеста (в полевых условиях) при помощи микроскопа (Nikon NS 111470, $\times 20$), что подразумевает топографию следов, образующих изображения. Позже эта прорисовка была уточнена и дополнена на основе ортофотографии с трехмерной модели плоскости. Такое документирование позволяет не просто получить стратиграфию отдельных трасологически значимых участков, а представить всю картину целиком.

Анализ палимпсеста

Для апробации вышеописанного подхода был выбран один из самых интересных палимпсестов, в который входят три изображения, очень выразительные с точки зрения стилистики (рис. 1). Он находится на плоскости № 22 участка 4 [Учетная карта..., 2010, табл. 128, I, 129, I] (или на камне № 14 по: [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 30, рис. 29]) Шалаболинской писаницы, расположенной в Курагинском р-не Красноярского края,

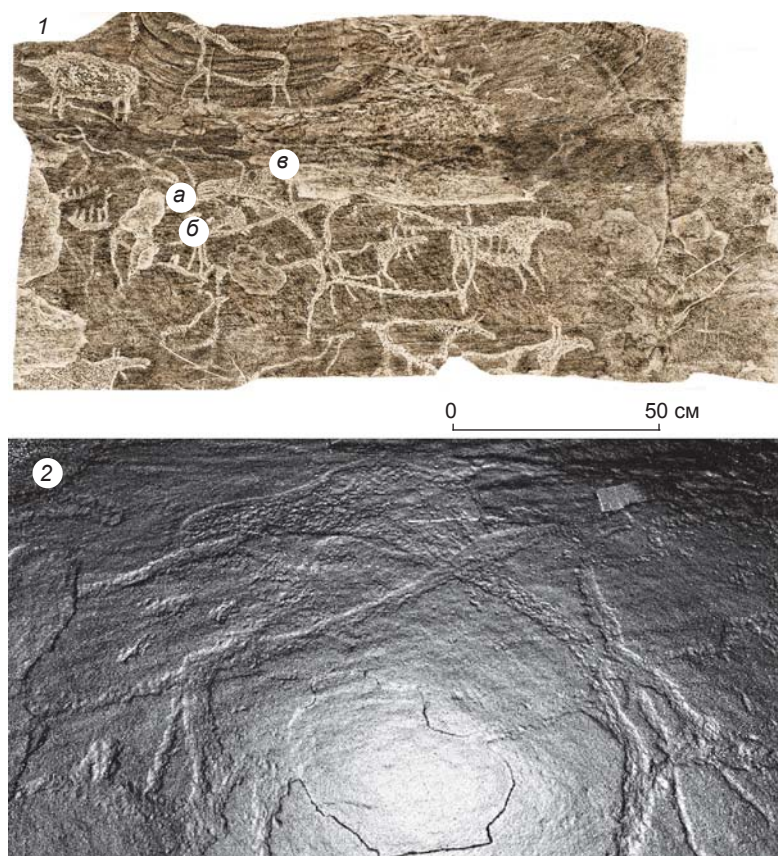

Рис. 1. Плоскость с палимпсестом.

1 – микалентная копия наскальных изображений (Фонды музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, № 38/14; автор В.Ф. Капелько); 2 – рассматриваемый фрагмент трехмерной модели плоскости с палимпсестом.

a – изображение медведя, *b* – быка, *v* – лося.

в 0,6 км к юго-востоку от д. Ильинки на правом берегу р. Тубы (приток Енисея), напротив с. Тесь [Вяткина, 1949; Пяткин, Мартынов, 1985; Учетная карта..., 2010, с. 2, табл. 1, 2]. Строго говоря, этот палимпсест состоит из восьми выбитых петроглифов. Однако только три изображения (медведя, быка и лося) имеют точки пересечения между собой (рис. 1, 2). Остальные можно отнести к периферии, т.к. они соприкасаются только с каким-либо одним из этих трех.

Вышеупомянутая многослойная композиция была не раз скопирована контактным и бесконтактным способами, изучалась разными исследователями и опубликована [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 160, табл. 14, 8; с. 178, табл. 32, 3].

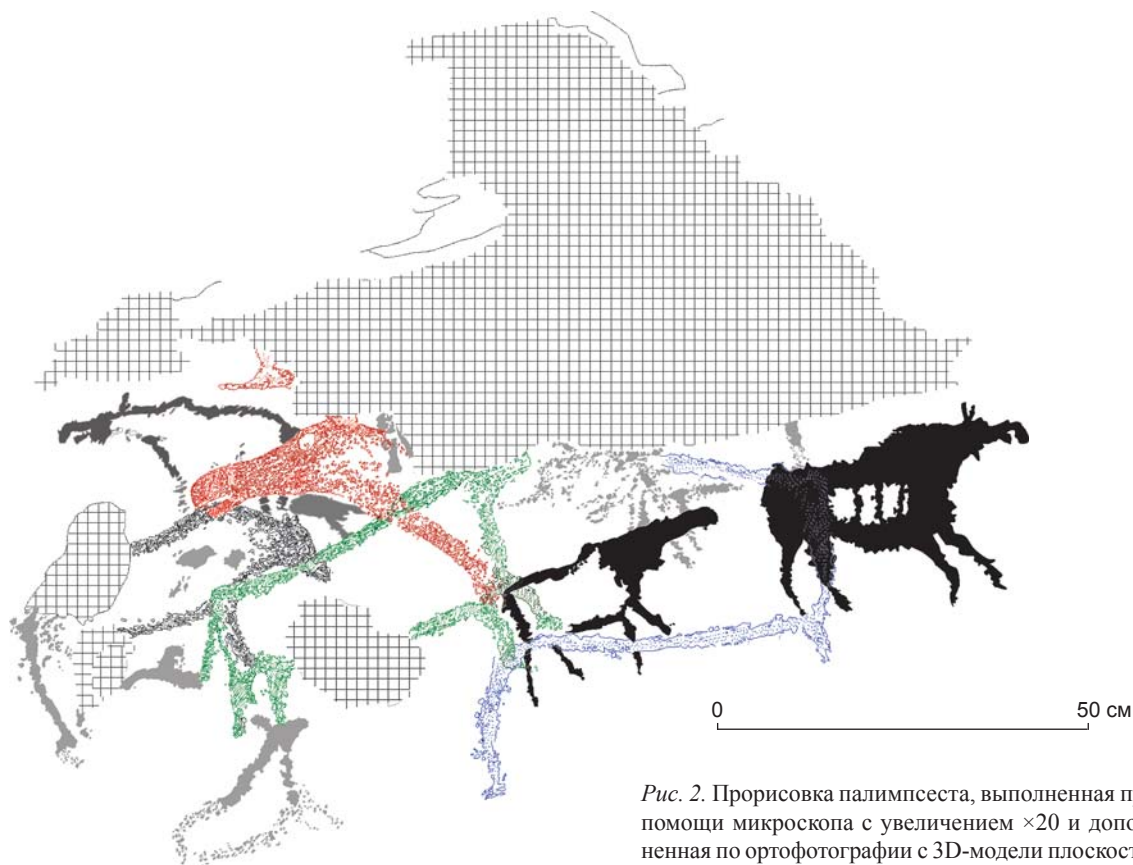

Рис. 2. Прорисовка палимпсеста, выполненная при помощи микроскопа с увеличением $\times 20$ и дополненная по ортофотографии с 3D-модели плоскости.

Б.Н. Пяткин и А.И. Мартынов описывают такую стратиграфическую последовательность этого палимпсеста: «... часть морды и передние ноги его (медведя. — Л.З.) перекрывают изображение быка, выполненного контурно, головой вправо» [Там же, с. 31]. Однако на прорисовке [Там же, с. 178, табл. 32, 3] видно, что изображение быка перекрывает остальные, а медведя — самое раннее.

Плоскость с рассматриваемой многослойной композицией расположена более чем в 2 м над современным уровнем дневной поверхности. Поэтому в ходе полевых сезонов 2017 и 2018 гг. для ее изучения сооружались специальные подмости, которые каждый раз по окончании работ разбирались, чтобы ограничить доступ к ней туристов. Следует отметить плачевное состояние этого уникального панно. Практически по всей плоскости при простукивании фиксируется отслоение скальной корки. Наблюдаются и довольно обширные ее утраты, в т.ч. на изображениях палимпсеста: окончание туловища медведя, живот и частично голова быка, рога и частично спина лося (рис. 2).

Трасологический анализ петроглифов палимпсеста дал следующие результаты. Изображение медведя можно разделить на зоны плотного, поверхностного (контур головы) и более глубокого (контур туловища), и относительно редкого (заполнение головы) пикетажа (рис. 3, 1). Для первого участка характерны очень мелкие следы, в целом небольшой глубины, крайне редко читаемые, внешний контур очень ровный, но все же прослеживаются некоторые очертания выбоин — поверхность не шлифована (рис. 3, а, б). Здесь имела место легкая прямая выбивка в зоне заполнения и опосредованная по контуру. Материал орудия установить не представляется возможным из-за плотности пикетажа. На втором участке выбивка менее плотная, примерно от середины головы резко более рельефная. Лунки довольно хорошо читаются, более глубокие, примерно одинаковых размеров в плане, от подтреугольных, подокруглых до волнистых очертаний. Прослеживаются цепочки плотно прилегающих друг к другу выбоин (рис. 3, в). Кроме того, линии довольно широкие (на некоторых участках более 1 см), по контуру фиксируется много выступающих за его пределы следов. На этом основании можно сделать вывод о прямом пикетаже каменным орудием. Стилистически это изображение выглядит довольно однородным, поэтому вряд ли голова и туловище медведя были выполнены в разное время. Различия пикетажа на этих двух участках обусловлены скорее использо-

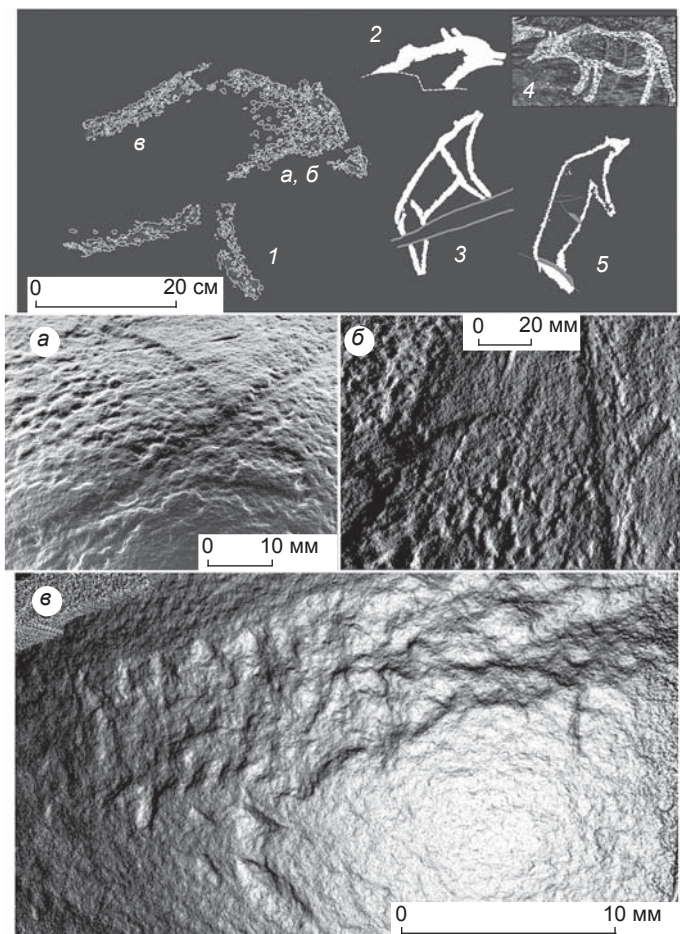

Рис. 3. Изображения медведя.

1 — прорисовка рассматриваемого изображения и фрагменты 3D-модели; а, б — голова медведя, в — спина; 2–5 — аналогии: 2, 4 — Шалаболино; 3 — Тепсей I; 5 — Оглахты VI (по: [Зоткина, Миклашевич, 2016]).

ванием разных технических приемов, чем применением разных орудий.

Изображение быка (рис. 4, 1) обнаруживает довольно однородную выбивку с характерными для каменного орудия признаками: ярко выраженные следы продолговатой формы с рваными, неровными краями (рис. 4, б, в). На некоторых участках (например, задние ноги, хвост) выбоины особенно крупные, грубых очертаний, подтреугольной и близкой к ней формы в плане (рис. 4, з). Линии очень широкие, иногда состоят из двух параллельных полос пикетажа (спина и горб). Их границы в большинстве случаев нерегулярные, много выступающих отдельных выбоин, особенно по внутреннему контуру. В целом, несмотря на большую плотность, выбивка более глубокая, по сравнению с изображением медведя. Судя по всему, фигура быка выполнена в технике прямого пикетажа каменным орудием. На спине очень ярко выражены следы шлифовки (линейная сглаженность) поверх выбитого рельефа (рис. 4, а). Из-за этого некоторые

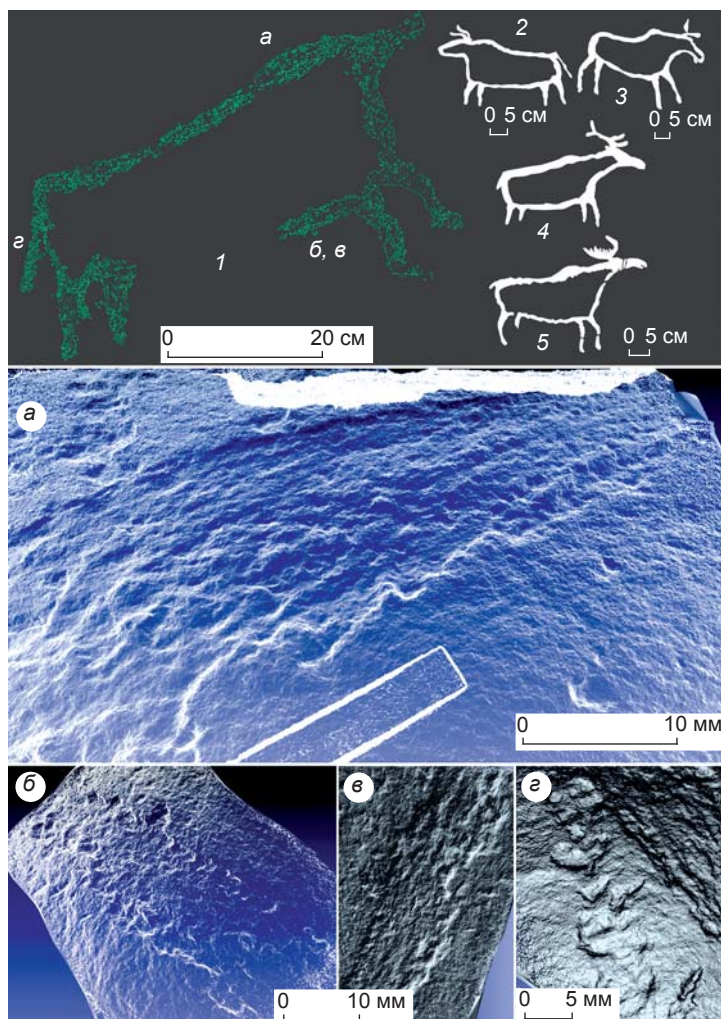

Рис. 4. Изображения быка.

1 – прорисовка рассматриваемого изображения и фрагменты 3D-модели: а – спина и горб быка, б, в – живот, з – хвост; 2–5 – аналогии на Шалаболинской писанице (по: [Пяткин, Мартынов, 1985]).

характеристики лунок пикетажа не читаются, хотя на периферии все же хорошо прослеживаются следы выбивки. Контуры нижней губы, а также внешние контуры горба и начала спины быка абсолютно ровные. Возможно, пришлифовка была направлена именно на выравнивание границ пикетажа.

Изображение лося выполнено в особой технологической манере (рис. 5). По контуру морды рельеф сильно нивелирован за счет большой плотности пикетажа, выступающих за этот контур выбоин не зафиксировано (рис. 5, ж). Проработка рога идентична манере исполнения головы и глаза (рис. 5, в, з). Внешняя граница пикетажа выглядит очень четкой, из-за чего следы не всегда хорошо читаются. Но внутреннее заполнение более разреженное, особенно в области шеи (рис. 5, а, б). Это позволяет хорошо проследить стратегию выполнения изображения: по контуру, особенно внешнему, рядами параллельно выстраива-

ются выбоины опосредованного пикетажа, т.к. следы располагаются ровными цепочками, практически без отклонений, одинаковые по размерам, примерно с одинаковым отступом (рис. 5, а, б, ж). Читается почти каждая выбоина. По внутреннему контуру они располагаются менее ровно (рис. 5, а). Возможно, так художник намечал будущие границы более плотной выбивки. Очертания изображения сначала обозначены опосредованным пикетажем широкими линиями, а затем уже проработаны прямой выбивкой. Очертания выбоин в области редкого заполнения от продолговатых, подтреугольных до подокруглых и подквадратных (рис. 5). В области морды они крупнее, чем в районе шеи. Встречаются очень характерные рваные и волнистые края лунок пикетажа, аморфные контуры (рис. 5, в, з, ж). Нестабильность характеристик указывает на применение каменного орудия, возможно несколько раз подновленного, или даже на использование разных инструментов.

Вышеописанные характерные выбоины не распространяются дальше шеи. Те контуры, которые можно считать туловищем лося, очень сильно отличаются от изображения головы и шеи с точки зрения технических приемов и характеристик следов. Выбоины очень крупные, стабильной формы практически на всех участках, очень глубокие (гораздо глубже тех, которые формируют изображение головы и шеи), округлые и каплевидные, с ровными краями (см. рис. 5, д, е), что указывает скорее на применение массивного металлического инструмента.

При этом фиксируется большое количество выбоин, выступающих за контуры пикетажа, которые в целом не стабильны, что совершенно не похоже на предыдущий участок. Следы хорошо читаются только в области передней ноги, линии туловища сильно повреждены десквамацией, характеристики выбоин отмечаются только по контурам пикетажа, а сами линии внутри представляют собой глубокие выветренные желобки. Тем не менее очевидно, что характер выбивки по всему туловищу такой же, как в области передней ноги.

На основании ярко выраженных различий можно предположить, что первоначально изображение лося было парциальным, контуры туловища добавлены позднее. На это указывают гораздо более грубые следы, в целом менее аккуратная выбивка и совершенно иная стилистика. Вряд ли туловище было создано ранее, а затем к нему добавлено изображение головы лося.

Из приведенных описаний видно, что технологические особенности выполнения всех трех изображений различаются, иногда даже в пределах одной фигуры. Такое разнообразие позволило предполагать, что на участках пересечений петроглифов палимпсеста эти специфические характеристики удастся зафиксировать. Было выделено пять точек пересечений изображений: передняя лапа медведя и круп быка (рис. 6, а, б), морда медведя и спина быка (см. рис. 3, а, б), горб медведя и морда лося (см. рис. 6, в, г); спина быка и шея лося (см. рис. 6, д, е); начало передних ног быка и окончание шеи лося (см. рис. 6, ж, з).

Первый участок (передняя лапа медведя и круп быка) довольно сложно оценить из-за большого сходства характеристик следов, относящихся к обоим изображениям. Хотя на трехмерной модели очень хорошо видно, что в зоне пересечения фиксируются мелкие следы и плотное заполнение, более характерные для выбивки крупы быка, чем передней лапы медведя (см. рис. 6, а, б). На втором участке (морда медведя и спина быка) отмечаются следующие особенности. Как было упомянуто выше, глубина пикетажа на изображении медведя в целом меньше, чем линий, образующих фигуру быка. В области пересечения выбивка глубже, по сравнению с изображением медведя. Как известно, линия спины быка пришлифована. И на участке пересечения отмечается линейное сглаживание рельефа выбивки, ориентированное перпендикулярно морде медведя и параллельно контуру спины быка (см. рис. 3, а, б). Итак, эти два участка указывают на то, что более ранним является изображение медведя.

На следующем участке (горб медведя и морда лося) хорошо фиксируются четкие границы выбитой поверхности. Плотный пикетаж, образующий губы лося, расположен в пределах линии горба медведя, причем он более глубокий, чем окружающий его рельеф. Характер следов в зоне пересечения абсолютно идентичен тому, что фиксируется на всей поверхности внутри контура лосиной морды – нивелированный рельеф, мелкие перекрывающие друг друга выбоины. Более редкий пикетаж с хорошо читаемыми следами каменного орудия, образующий горб медведя, выступает в данном случае «фоном» (см. рис. 6, в, г). Таким образом, изображение лося, как и быка, более позднее по сравнению с фигурой медведя.

На четвертом участке (спина быка и начало шеи лося) отмечаются следующие признаки. На верхней

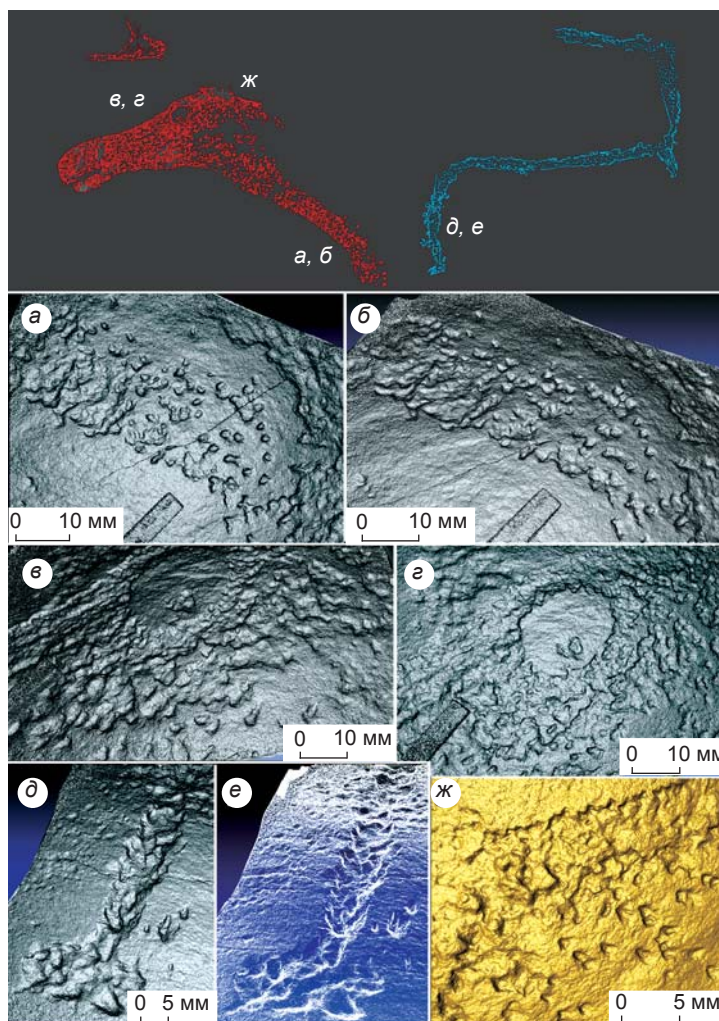

Рис. 5. Прорисовка изображения лося (голова и туловище отдельно) и фрагменты 3D-модели.

а, б – шея; в, г – глаз; д, е – передняя нога; ж – контур морды.

границе линии спины, там, где рельеф нивелирован пришлифовкой, фиксируется скопление следов, характерных для изображения лося, они не сглажены (см. рис. 6, д, е). Даже если предположить, что абразивная обработка была более поздним дополнением, лунки пикетажа, относящиеся к фигуре лося, все же перекрывают сглаженный пришлифовкой рельеф. Следовательно, изображение быка создано раньше нее. В области пересечения начала его передних ног и редкого пикетажа окончания шеи лося отсутствуют следы пришлифовки, но фиксируется несколько выраженных отдельных выбоин, более глубоких и округлых в профиле, чем следы плотного пикетажа, формирующего очертания быка (см. рис. 6, ж, з).

В итоге проведенного анализа установлено, что изображение медведя перекрывает фигура быка и они созданы раньше изображения лося, туловище которого было еще более поздним дополнением.

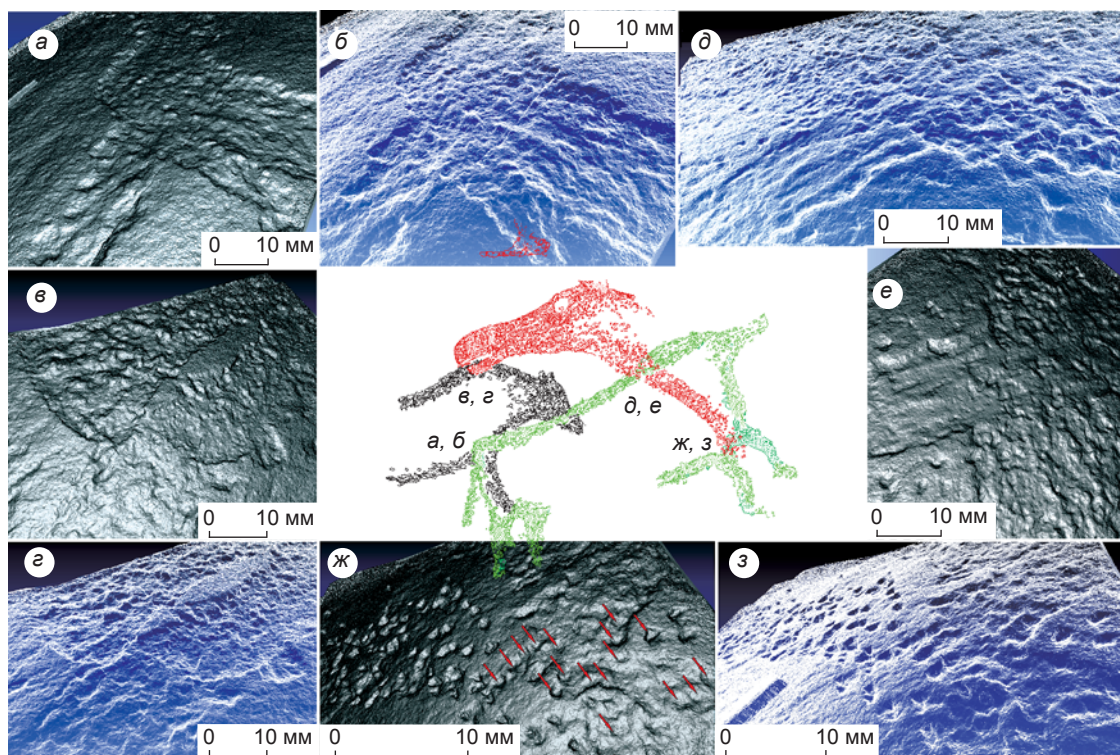

Рис. 6. Прорисовка многослойной композиции из трех изображений и фрагменты 3D-модели (участки пересечений изображений).

а, б – участок пересечения живота, передней лапы медведя и крупа быка; в, г – участок пересечения спины медведя и морды лося; д, е – участок пересечения пришлифованной линии спины быка и шеи лося; ж, з – участок пересечения основания передних ног быка и окончания шеи лося.

Дискуссия

Особое значение при анализе таких палимпсестов, как описанный выше, приобретает стилистическая атрибуция составляющих его изображений. Ведь даже доказательство той или иной стратиграфической последовательности не является конечным пунктом в определении хронологии. В рассматриваемой композиции из трех фигур наиболее ярко выраженные стилистические особенности прослеживаются у изображения медведя (см. рис. 3, 1): голова с небольшими ушками и вытянутой мордой, положение продолговатого туловища и специфическая позиция передних лап. Такие признаки характерны для минусинской манеры исполнения [Подольский, 1973] (см. рис. 3, 2–5). Эта изобразительная традиция не имеет точной хронологической привязки. Некоторые исследователи относят ее к афанасьевскому времени [Есин, 2010], другие – к эпохе неолита. Не исключается даже возможность более ранней ее датировки [Шер, 1980, с. 190]. Однако большинство исследователей сходятся на относительно древнем возрасте этого стиля – ближе к неолиту [Советова, Миклашевич, 1999].

Изображение быка (см. рис. 4, 1) также обнаруживает довольно специфические характеристики: при

общей статичности фигуры ноги животного показаны в перспективе, в особой манере, свойственной для ангарского стиля и переходных форм между ангарской и минусинской традициями [Подольский, 1973, с. 271, рис. 6]. Изображение ориентировано вправо, слегка по диагонали вверх (см. рис. 4, 2–5). Голова быка сохранилась лишь частично, что не позволяет в полной мере судить о стилистике. Наличие пришлифовки, перекрывающей выбивку, – довольно распространенная характеристика петроглифов ангарского стиля. Однако в последние годы, в связи со значительным пополнением корпуса источников, представления о границах ангарской и минусинской изобразительных традиций весьма неоднозначны. Рассматриваемое изображение быка можно определить как переходную форму. Стоит подчеркнуть, что этот вопрос требует дальнейшего специального изучения.

Отдельного внимания заслуживает изображение лося в описанной многослойной композиции: по сохранившемуся фрагменту рога можно предположить, что представлено это животное (см. рис. 5, 1). Петроглиф обладает рядом стилистических особенностей, которые характерны для ангарской изобразительной традиции [Окладников, 1966; Подольский, 1973, с. 269; Пономарева, 2016]. Так, детализация головы

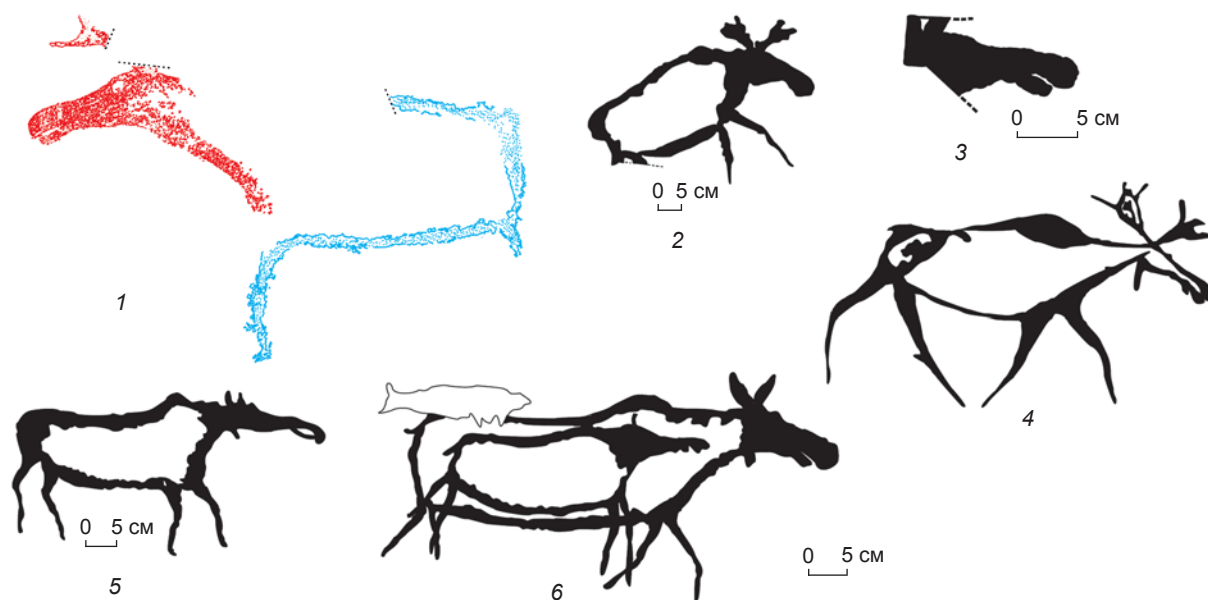

Рис. 7. Изображения лося.

1 – прорисовка рассматриваемого изображения; 2–6 – аналогии на Шалаболинской писанице (по: [Пяткин, Мартынов, 1985]).

(губы, выделенный контррельефом глаз) типична для этого стиля (рис. 7). Сочетание приемов проработки контуров и более грубого и редкого заполнения, создающее эффект «пологого рельефа» [Окладников, 1966, с. 112–113], также весьма характерно для ангарских изображений лося. Однако туловище и ноги, относящиеся к этой фигуре, не только имеют совершенно иные технологические характеристики, но и стилистически не тождественны голове и шее. Ведь для ангарской манеры характерна динамика, ноги обычно передаются в перспективе, а туловище выглядит более поджарым (рис. 7). В данном случае фигура статична, показаны две ноги, а не четыре, корпус весьма объемный. Таким образом, эти два элемента (голова-шея и туловище-ноги), на первый взгляд, одного изображения являются если не разновременными, то совершенно точно выполненными разными людьми.

Заключение

Сопоставление полученных в результате трасологического анализа палимпсеста данных и приведенных стилистических аналогий позволяет предположить следующую хронологию этой многослойной композиции. Самым первым было выполнено изображение медведя, относящееся к минусинскому стилю, предположительно к неолитическому времени. Далее оно было перекрыто фигурой быка, что могло произойти как в ту же эпоху, так и несколько тысячелетий позже, поскольку рисунок может быть отнесен как к минусинской, так и к ангарской традиции, т.е.,

вероятно, к финалу неолита или раннему бронзовому веку. Заключительным в стратиграфии этого палимпсеста является фигура лося (голова, шея и рог), выполненная в ангарском стиле. Довольно любопытно, что вполне каноническое ангарское изображение лося перекрывает переходное ангарско-минусинское изображение быка. Это может служить дополнительным аргументом в пользу гипотезы о сосуществовании данных традиций на территории Минусинской котловины.

Было установлено, что все три петроглифа выполнены каменными орудиями, хотя технические приемы, интенсивность и глубина выбивки различны. Кроме того, последнее изображение было дополнено позднее, причем явно не его автором, о чем свидетельствуют не только стилистические, но и технологические характеристики очертаний туловища животного.

Поскольку рассмотренный сложный палимпсест включает еще несколько изображений, требующих отдельного специального изучения, вопрос о его стратиграфии не следует считать закрытым. Это задача дальнейших исследований и, безусловно, предмет будущих дискуссий.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Президента РФ № МК-1344.2017.6. Автор выражает благодарность директору Музея археологии и этнографии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева канд. ист. наук А.Л. Заике за консультацию по поводу стилистического аспекта, Е.А. Миклашевич за ценные со-

веты по прорисовке и дискуссии, а также С.В. Сутугину и Н.В. Постникову за помощь в организации рабочего места под труднодоступной плоскостью.

Список литературы

- Вяткина К.В.** Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. XII. – С. 417–484.
- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г.** Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 1 (26). – С. 107–118.
- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г.** Об исследовании техники выполнения изображений на скалах // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 1 (35). – С. 158–178.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., Пахунов А.С.** Антропоморфные быкоголовые персонажи на плитах Каракола // Алтай в кругу евразийских древностей. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 517–527.
- Есин Ю.Н.** Проблемы выделения афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.
- Женест Ж.-М.** От Шове до Ляско: 15 тысячелетий европейского пещерного искусства (изменение видения, выразительных средств и способов использования пространства) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 3. – С. 29–40.
- Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А.** Трасологический анализ петроглифов минусинского стиля на памятнике Оглахты VI (Хакасия) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2016. – Т. 15, вып. 5. – С. 31–43.
- Ковалева О.С.** Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 160 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
- Кубарев В.Д.** Загадочные росписи Каракола. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 75 с.
- Лобанова Н.В.** Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 127–135.
- Лобанова Н.В.** Петроглифы Онежского озера. – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014. – 440 с.
- Миклашевич Е.А.** Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии: тр. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 157–202.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С.** Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Палимпсест на валуне у озера Музды-Булак (плато Укок) // Первобытная археология: Человек и искусство: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 59–62.
- Новоженков В.А.** Петроглифы Сары Арки. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. – 125 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. – Новосибирск: Наука, 1966. – 321 с.
- Подольский М.Л.** О принципах датировки наскальных изображений: По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // СА. – 1973. – № 3. – С. 265–275.
- Пономарева И.А.** К вопросу о выделении ангарского стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 69–80.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.** Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. – 192 с.
- Советова О.С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 140 с.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А.** Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47–74.
- Столяр А.Д.** Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья // СА. – 1977. – № 3. – С. 24–41.
- Столяр А.Д., Савватеев Ю.А.** О некоторых возможностях изобразительного анализа писаницы Астувансалми (Финляндия) // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 151–156.
- Учетная карта** объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность, «Шалаболинская писаница» (сост.: Заика А.Л.). 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002. 261 л.
- Черемисин Д.В., Молодин В.И., Зоткина Л.В., Цвэндорж Д., Кретэн К.** Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 57–77.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Aubry Th., Santos A.T., Luis L.** Stratigraphies du panneau 1 de Fariseu: analyse structurelle d'un système graphique paléolithique à l'air libre de la vallée Côa (Portugal) // Paléo. – 2014. – Numéro spécial: Les arts de la Préhistoire: micro-analyses et datations de l'art préhistorique dans son contexte archéologique. – P. 259–270.
- Craig A.** Power in Place: The Case of Superimposition of Rock-Art Images at Pià d'Ort, Valcamonica // Archaeolingua. – Budapest: Prime Rate Kft, 2009. – Vol. 23: The Archaeology of People and Territoriality. – P. 269–286.
- Nash G.** Temporal Modes in Rock-Art: How Passive Superimposition Tamed the Iron Age Warriors of the Valcamonica, Lombardy, Northern Italy // Arqueologia Ibero-Americana e Arte Rupestre. – Tomar: CEIPHAR, 2012. – P. 91–102. – (Arkeos; N 32).

*Материал поступил в редколлегию 13.11.18 г.,
в окончательном варианте – 04.02.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.103-111
УДК 902.2+550.8+528.85+631.4

**И.В. Журбин¹, А.В. Борисов², А.И. Назмутдинова¹,
В.Н. Милич¹, Р.П. Петров¹, М.Г. Иванова¹, Р.Н. Модин³,
Л.Ф. Князева¹, Н.Г. Воробьева⁴, С.В. Зинчук⁵**

¹Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия
E-mail: zhurbin@udm.ru; aigulik0@gmail.com; mili@ftiudm.ru; lssm@ftiudm.ru;
margrig45@mail.ru; lary@udm.ru

²Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
ул. Институтская, 2, Пушкино, Московская обл., 142290, Россия
E-mail: a.v.borisovvv@gmail.com

³Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: modin.roman@mail.ru

⁴ООО «Финко»
ул. 10 лет Октября, 24-62, Ижевск, 426011, Россия
E-mail: ngvorob@mail.ru

⁵Пуцинский государственный естественно-научный институт
пр. Науки, 3, Пушкино, Московская обл., 142290, Россия
E-mail: semenbigbang@mail.ru

Комплексное использование методов дистанционного зондирования, геофизики и почвоведения при изучении археологических памятников, разрушенных распахой

В статье представлен новый междисциплинарный подход к исследованию археологических памятников, полностью разрушенных современной распахой. Методической базой послужило комплексное использование методов дистанционного зондирования, геофизики, геохимии и археологии. Было исследовано Кушманское III селище IX–XIII вв. н.э. – одно из средневековых финно-угорских поселений в бассейне р. Чепца (северная часть Удмуртской Республики). В результате многолетней распахивки в настоящее время на территории памятника отсутствуют какие-либо признаки границ поселения и объектов планировки. Комплекс естественно-научных методов включал аэрофотосъемку беспилотными летательными аппаратами (видимый диапазон, тепловизионная и мультиспектральная съемка), электропрофилирование, магниторазведку, георадарную съемку и электротомографию, определение гранулометрического состава и морфологических свойств почв на месте геофизических аномалий и на фоновых участках, химико-биологический анализ материалов почвенных кернов. В результате проведенных исследований установлены границы участков поверхностно-трансформированного и замещенного культурного слоя, а также «хозяйственной периферии» селища; выявлены две линии оборонительных сооружений, не выраженные в рельефе. Это позволяет не только оценить границы и структуру поселения, но и обосновать изменение его типологической принадлежности в документах государственного учета объектов археологического наследия. Анализ взаиморасположения геофизических аномалий, связанных с локальными заглубленными объектами, показал, что селище имело правильную рядную планировку. Результаты комплексных естественно-научных исследований подтверждены археологическими методами.

Ключевые слова: средневековые поселения, современная распахивка, границы и планировка поселений, аэрофотосъемка, геофизика, геохимия.

I.V. Zhurbin¹, A.V. Borisov², A.I. Nazmutdinova¹,
V.N. Milich¹, R.P. Petrov¹, M.G. Ivanova¹, R.N. Modin³,
L.F. Knyazeva¹, N.G. Vorobieva⁴, and S.V. Zinchuk⁵

¹Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
T. Baramzinoy 34, Izhevsk, 426067, Russia
E-mail: zhurbin@udm.ru; aigulik0@gmail.com; mili@ftiudm.ru; lssm@ftiudm.ru;
margrig45@mail.ru; lary@udm.ru

²Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science, Russian Academy of Sciences,
Institutskaya 2, Pushchino, Moscow Region, 142290, Russia
E-mail: a.v.borisovv@gmail.com

³Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: modin.roman@mail.ru

⁴LTD "FINKO",
10 let Oktyabrya 24-62, Izhevsk, 426011, Russia
E-mail: ngvorob@mail.ru

⁵Pushchino State Institute of Natural Sciences,
Pr. Nauki 3, Pushchino, Moscow Region, 142290, Russia
E-mail: semenbigbang@mail.ru

The Use of Remote Sensing, Geophysical Methods and Soil Analysis in the Study of Sites Disturbed by Agricultural Activity

This study is based on an interdisciplinary approach to the prospection of archaeological sites impacted by modern agricultural plowing activity. We applied remote sensing, combined with geophysical, geochemical, and archaeological methods at Kushmanskoye III — a medieval Finno-Ugric site in the Chepts River basin, northern Udmurtia (9th–13th centuries AD). As a result of many years of plowing, the site cannot be visually demarcated, and visual traces of its extent have been obliterated. Scientific methods included aerial photography from unmanned vehicles (visual range, thermal, and multispectral imaging), geophysical techniques (resistivity and magnetometry surveys, ground penetrating radar, and electrical resistivity tomography), and soil studies (grain size composition, micromorphology, and chemical and biological analyses of soil cores). As a result, we effectively traced the boundaries of the site and of its "household periphery", delineating areas with various degrees of disruption. Our research identified two lines of defensive constructions, previously invisible on the surface. Our findings have enabled us to initiate revision of the site's status in the register of state-protected archaeological resources. The location of geophysical anomalies, caused by buried features, reveals a regularized row layout to the site. The results are supported by those of archaeological surveys.

Keywords: Medieval sites, agricultural damage, boundaries, layout, aerial photography, geophysics, geochemistry.

Введение

Активная сельскохозяйственная деятельность во второй половине XX в. привела к разрушению значительного количества археологических памятников. Распашка сглаживала рельефные признаки поселений (оборонительные валы и рвы, котлованы заглубленных сооружений и т.п.), усиливала эрозионные процессы и в значительной мере способствовала разрушению и перемещению культурного слоя. Подобная ситуация весьма характерна для средневековых памятников полоумской (конец V – начало IX в. н.э.) и чепецкой (конец IX – начало XIII в. н.э.) культур в бассейне р. Чепца, где их более 100 [Археологическая карта..., 2004, с. 53–55]. Многолетние исследования в регионе показали, что территорию поселений, разрушенных распашкой, можно условно разделить на участки поверхностно-трансформированного культурного слоя (верхняя часть разрушена распашкой, а нижняя сохранилась *in situ*), замещенного культурного слоя (сохранились лишь за-

глубленные в материк части сооружений, частично перекрытые тонкими прослойками культурного слоя) и «хозяйственной периферии» (культурный слой и объекты планировки не выявляются, но в пахотном и в подпахотном горизонтах встречаются находки). Первые два определяют границы самого поселения, а прилегающая к ним «хозяйственная периферия» – границы археологического памятника как объекта историко-культурного наследия. Успешный опыт выявления участков с различной сохранностью культурного слоя получен при междисциплинарных исследованиях Кушманского III селища – средневекового финно-угорского поселения, расположенного в Ярском р-не Удмуртской Республики.

Предварительные археологические исследования

Кушманское III селище открыто Г.Т. Кондратьевой в 1959 г. [Там же, с. 202–203]. Отсутствие рельеф-

Рис. 1. Топографический план Кушманского III селища (основа – ООО «Финко», корректировка и дополнение – Р.П. Петров). Горизонтالي проведены через 0,5 м, система высот условная.

1 – границы участка электропрофилирования; 2 – шурф и раскоп; 3 – границы поселения по: [Кириллов, 2013, рис. 84]; 4 – линия границы поселения по результатам комплексных исследований.

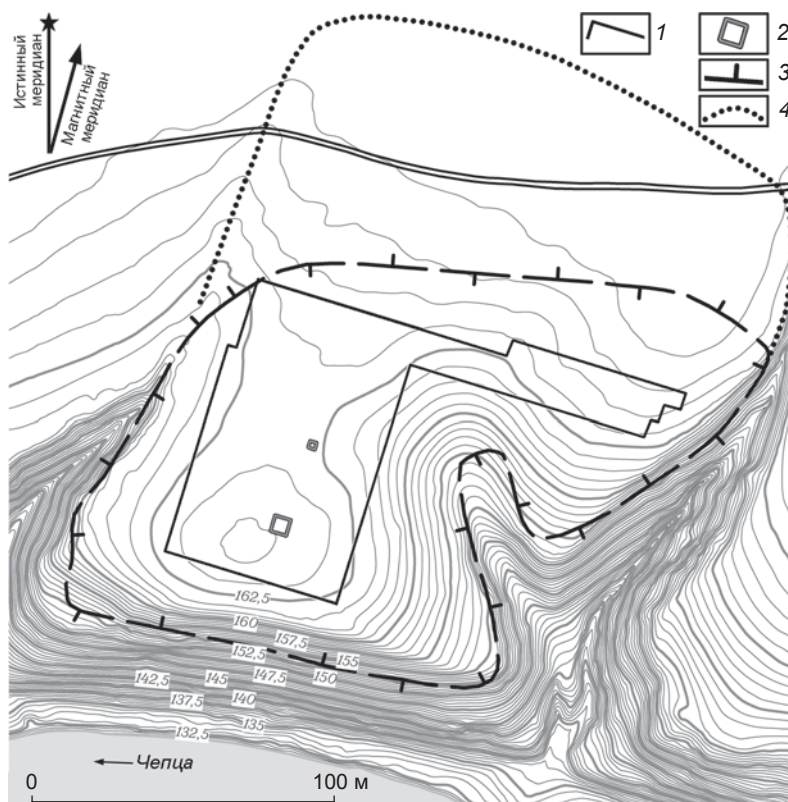
ных признаков и близость крупного средневекового городища Учкакар позволили сделать вывод о наличии неукрепленного поселения. В 2012 г. в центральной его части был заложен шурф размером 1 × 1 м (рис. 1). Выявлен культурный слой мощностью до 0,7 м, насыщенный артефактами IX–XII вв. н.э. Верхняя его часть разрушена многолетней распахой, а нижняя находится в исходном состоянии [Кириллов, 2013, с. 45–47, рис. 88–96]. Данное поселение рассматривалось в составе Кушманского комплекса памятников (Кушманское городище Учкакар, три селища и могильник) [Иванова, Кириллов, 2012]. По ландшафтным признакам было выдвинуто предположение о границах памятника (рис. 1).

Аэрофотосъемка беспилотными летательными аппаратами

Методы дистанционного зондирования успешно применяются для поиска археологических объектов [Борисов, Коробов, 2013, с. 52–58; Гарбузов, 2003; Жуковский, 2012]. Беспилотные летательные аппараты позволяют произвести целенаправленную аэрофотосъемку локальных участков при оптимальных высоте полета и погодных условиях.

Выполнен комплекс работ по аэрофотосъемке территории распространения чепецкой культуры (общая площадь более 70 км²), созданию ортофотопланов, цифровых моделей местности и рельефа в системе координат МСК-18 [Воробьева, Журбин, Князева, 2016]. С ортофотопланом соотнесены данные тепловизионной и многозональной съемки.

Тепловизионная съемка фиксирует распределение температуры земной поверхности, что характеризует мощность гумусированного слоя. Для обработки изображений использовался сглаживающий фильтр

Гаусса, методы кусочно-линейного преобразования, вычитания фона и полосовой фильтрации (рис. 2, а). Наиболее контрастно проявляются участки замещенного культурного слоя в мысовой части поселения (светлые области на изображении) и поверхностно-трансформированного в центральной (темные области). Отличия между этими участками не выражены в рельефе и растительности.

Многозональная съемка позволяет получить аналогичную информацию на основе фитоиндикации. Для классификации площадных объектов растительности использовано преобразование на основе вейвлета Шеннона–Котельникова, а система признаков сформирована из средних значений и стандартных отклонений, рассчитанных по результатам двухмерного дискретного вейвлет-преобразования [Назмутдинова, Милич, 2016]. Участкам поверхностно-трансформированного культурного слоя соответствуют зоны повышенных значений характерных признаков – компактных контуров изображений с локальными фитоиндикационными особенностями (рис. 2, б). Это подтверждает сопоставление с данными геофизики [Назмутдинова, Милич, Журбин, 2017]. Наблюдается хорошее согласие результатов тепловизионной и многозональной съемки по расположению участков гумусированного слоя значительной мощности.

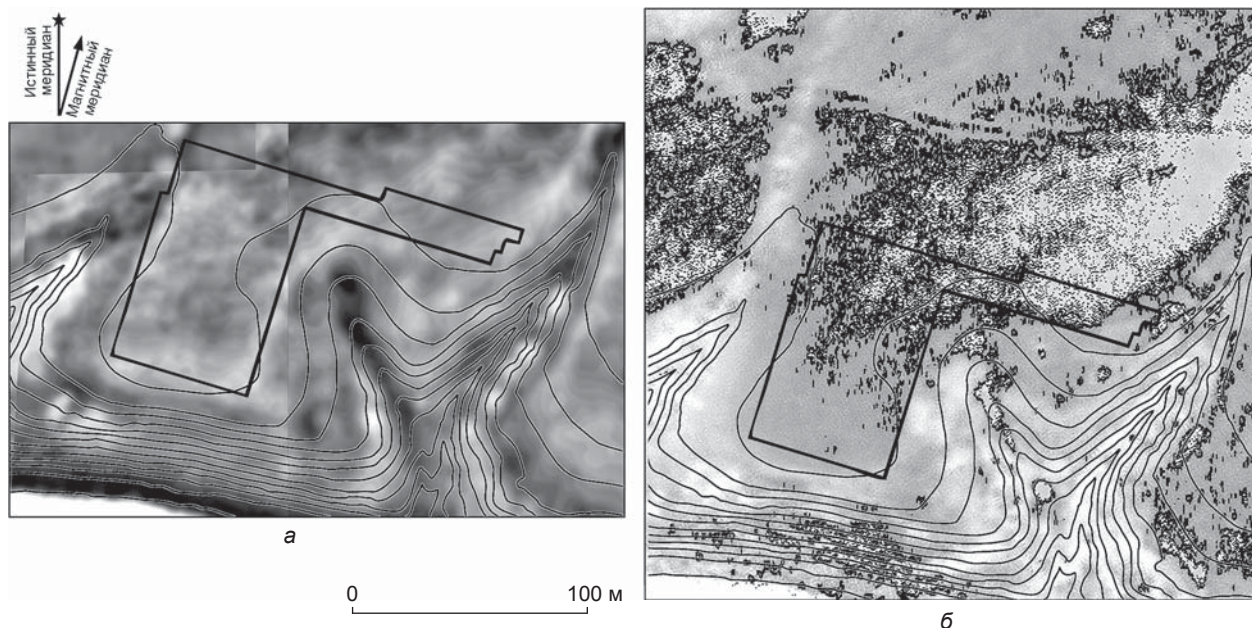

Рис. 2. Карты мощности гумусированного слоя по данным тепловизионной съемки (а) и областей с характерными признаками по данным многозональной съемки (б). Обозначен участок электропрофилирования.

Комплексные геофизические и почвенные исследования

Аэрофотосъемка контрастно выделяет участки мощного гумусированного слоя, который может сформироваться в результате как природных процессов (накопление почвенного слоя в отрицательных формах рельефа), так и антропогенной деятельности (культурный слой). Применение методов геофизики снижает неоднозначность интерпретации данных аэрофотосъемки. Комплексирование методов (электроразведка, магниторазведка, георадар и пр.) необходимо при высоком уровне помех и неоднородном геологическом фоне [Geophysical Survey..., 2008, p. 13–18; Lockyear, Shlasko, 2017; Mozzi et. al., 2016]. На Кушманском III селище комплексные геофизические исследования проведены практически на всей территории, где предполагалось наличие археологических объектов*. Они позволили выявить две линии оборонительных сооружений, не выраженные в рельефе, и оценить особенности изменения мощности культурного слоя.

Оборонительные сооружения определяют границу и структуру поселения. При электропрофилировании контрастно выделяется ров внутренней линии – дугообразная область высокого сопротивления, пересекающая площадку поселения с запада

на восток (рис. 3, а). Его конфигурация подтверждена георадарной съемкой (рис. 3, б), магниторазведкой (рис. 3, в) и электротомографией (диапазон 68–74 м на рис. 3, з). Результаты геофизических исследований согласуются с данными почвенного зондирования (рис. 4, керн 8*). Менее контрастно выделяется ров внешней линии укреплений – дугообразная область повышенного сопротивления, «соединяющая» устья оврагов (см. рис. 3, а; рис. 4, керн 37). Валу проявляются как протяженные области с достаточно стабильными физическими параметрами. Основание внутреннего вала расположено в диапазоне 64–68 м, а внешнего – 90–96 м (см. рис. 3, з). Наличие валов также подтверждено данными почвенного зондирования (см. рис. 4, керны 9 и 33).

Укрепления расположены между оврагами, которые ограничивают территорию поселения с запада и востока. Такая организация обороны характерна для городищ чепецкой культуры, расположенных на мысах: максимальное использование естественных ландшафтных рубежей и создание оборонительных сооружений на пологой напольной части [Иванова, 1998, с. 214–225; Иванова, Журбин, 2015]. В настоящее время укрепления Кушманского III селища полностью сглажены распахкой.

По результатам геофизических, почвенных и археологических исследований реконструирована планировка поселения (рис. 5, а). В раскопе, располо-

*Электроразведка – Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН; магниторазведка и георадарная съемка – Лаборатория археологической геофизики (г. Ростов-на-Дону), руководитель В.Г. Бездудный.

*В статье сохранена нумерация пикетов почвенного зондирования [Иванова, 2016, Прил. 3].

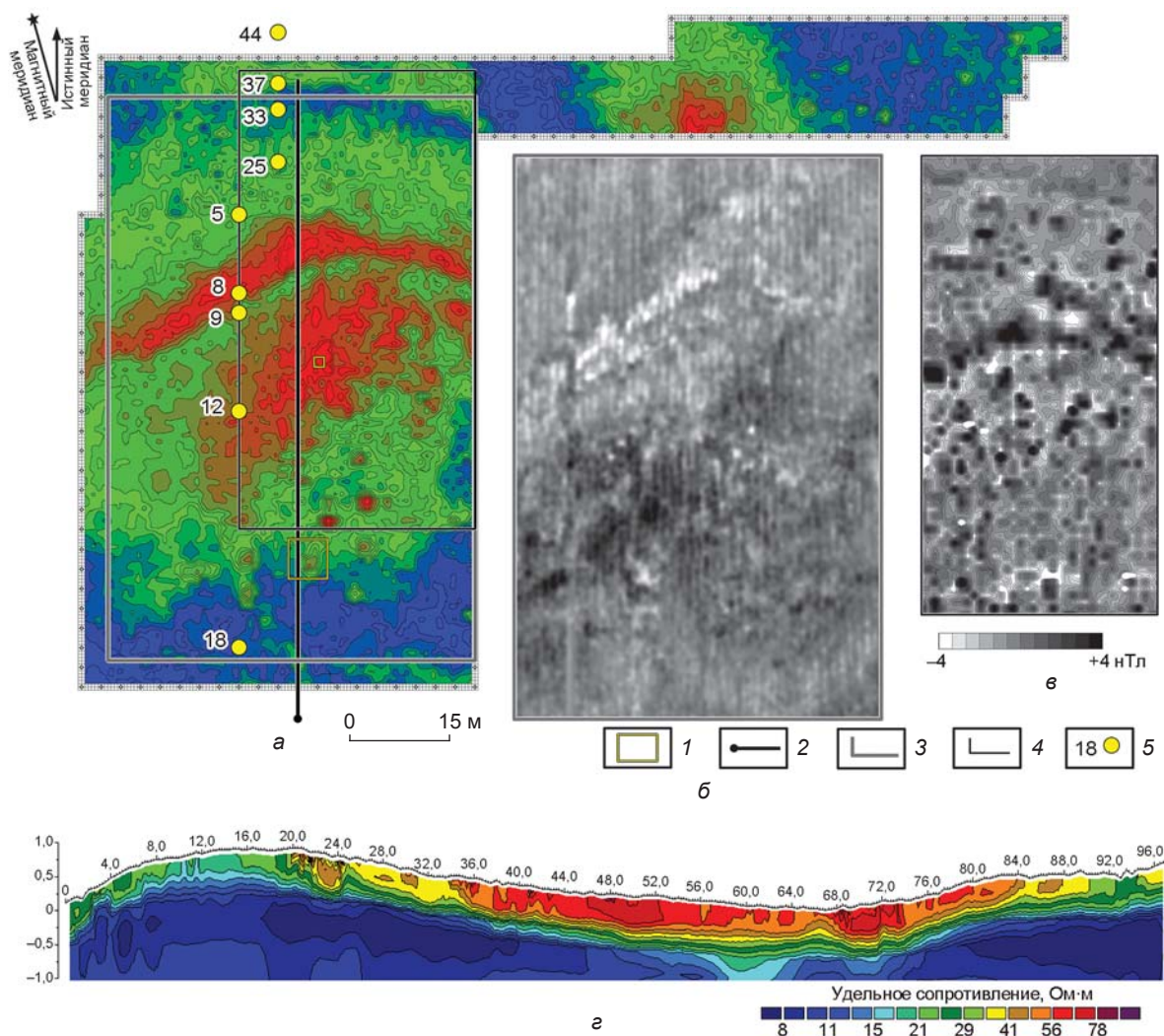

Рис. 3. Результаты геофизических исследований.

а – электропрофилирование; б – георадарная съемка (расчетная глубина 0,77 м); в – магнитограмма; г – геоэлектрический разрез.
1 – шурф и раскоп; 2 – профиль электротомографии; 3 – граница участка георадарной съемки; 4 – граница участка магниторазведки; 5 – пикеты почвенного зондирования.

женном на участке замещенного культурного слоя (см. рис. 3, а), выявлены заглубленные части трех разновременных сооружений [Иванова, 2016, с. 51–63]. Комплекс находок характерен для финно-угорских средневековых памятников начала II тыс. н.э.

При электропрофилировании и георадарной съемке наглядно проявляются участки поверхностно-трансформированного и замещенного культурного слоя. Конфигурация области высокого сопротивления практически совпадает с соответствующими участками на тепловизионном и многозональном снимках (ср. рис. 2 и 3, а). Это подтверждается электротомо-

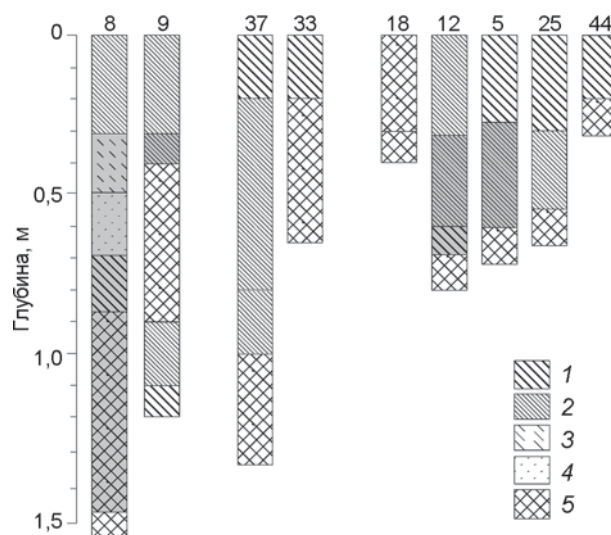

Рис. 4. Литологическое строение кернов.

1 – тяжелый суглинок; 2 – легкий суглинок; 3 – супесь; 4 – песок; 5 – материковая глина. Затенение показывает наличие археологического материала (керамика, кость и пр.).

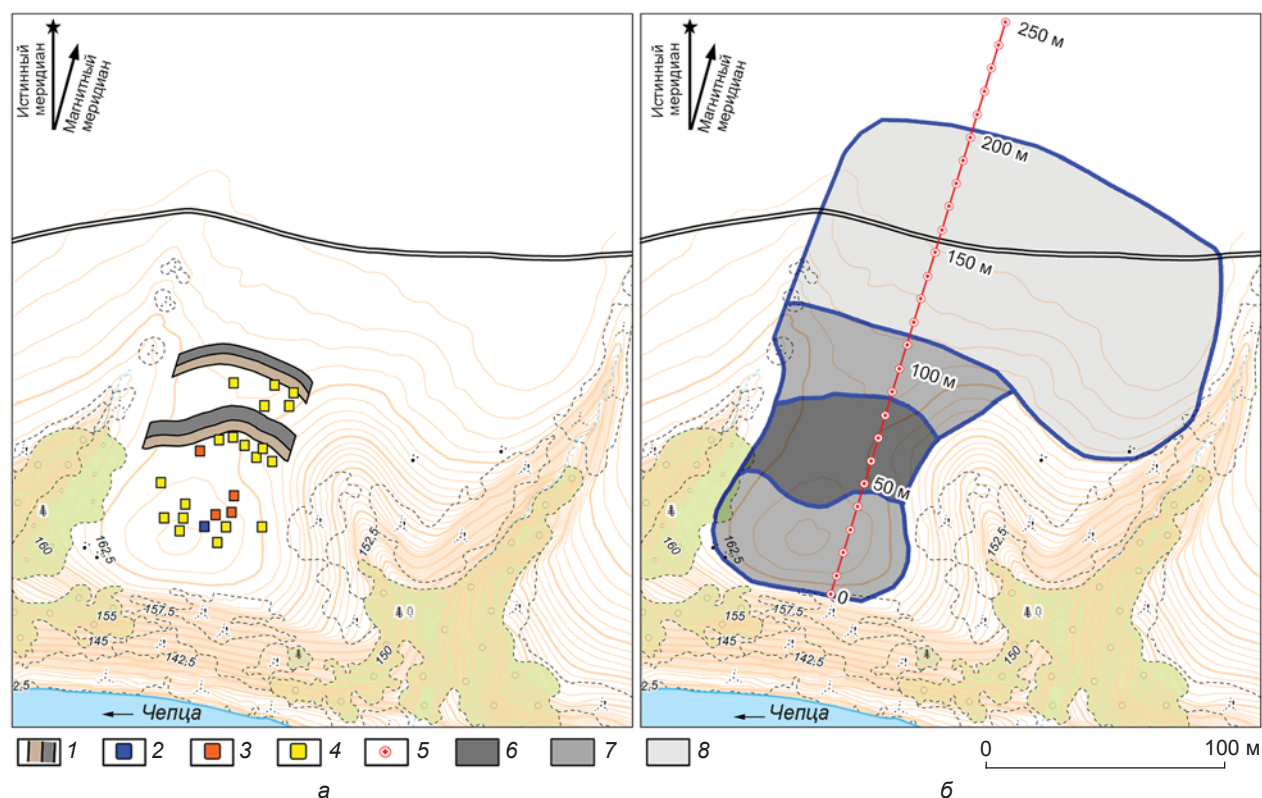

Рис. 5. Планировка поселения (а) и участки культурного слоя различной сохранности (б) по данным междисциплинарных исследований.

1 – оборонительные сооружения; 2–4 – объекты, выявленные методами геофизики, в т.ч. 2 – подтвержденные раскопками, 3 – подтвержденные почвенным зондированием; 5 – пикеты почвенного зондирования; 6 – участок поверхностно-трансформированного культурного слоя; 7 – участок замещенного культурного слоя; 8 – участок «хозяйственной периферии».

графией (см. рис. 3, з): мощный и насыщенный слой фиксируется в диапазоне 34–84 м. Данные, полученные методами геофизики, согласуются с результатами почвенного зондирования. В мысовой части культурный слой практически отсутствует, под пахотным горизонтом залегает материк (см. рис. 4, керн 18), что соответствует участку замещенного культурного слоя. Далее выявлен хорошо сохранившийся культурный слой – серый суглинок с углями, печиной и включениями артефактов (см. рис. 4, керн 12). Именно на этом участке расположен шурф, подтвердивший наличие поселения (см. выше). Такая ситуация сохраняется вплоть до внутренней линии укреплений, севернее которой наблюдается постепенное уменьшение мощности культурного слоя до 0,3–0,4 м (см. рис. 4, керн 5). В этой части поселения магниторазведкой зафиксировано нескольких аномалий (см. рис. 3, в). Возможно, они связаны со следами наземных построек, уничтоженных распахой. Вероятно, на уровне этого пикета проходит граница между участками поверхностно-трансформированного и замещенного культурного слоя, т.к. далее ситуация принципиально меняется. В частности, в кернах перед внешней ли-

нией укреплений археологический материал отсутствует (см. рис. 4, пикет 25). Это изменение проявляется на тепловизионном снимке, но слабо различимо на многозональном и плохо прослеживается по результатам геофизических исследований. За внешней линией укреплений под пахотным горизонтом залегает материковая глина (см. рис. 4, керн 44). Таким образом, сравнительный анализ разноплановых данных позволяет доказать наличие культурного слоя и оценить его границы.

Геохимические и микробиологические исследования

Для выявления следов культурного слоя за пределами поселения проведено исследование образцов почв из пахотного и подпахотного горизонтов в пикетах через каждые 10 м в катене, проходящей через территорию памятника и прилегающие участки (см. рис. 5, б). Определялись магнитная восприимчивость, содержание фосфатов и активной микробной биомассы (рис. 6). Повышенная концентрация фосфатов явля-

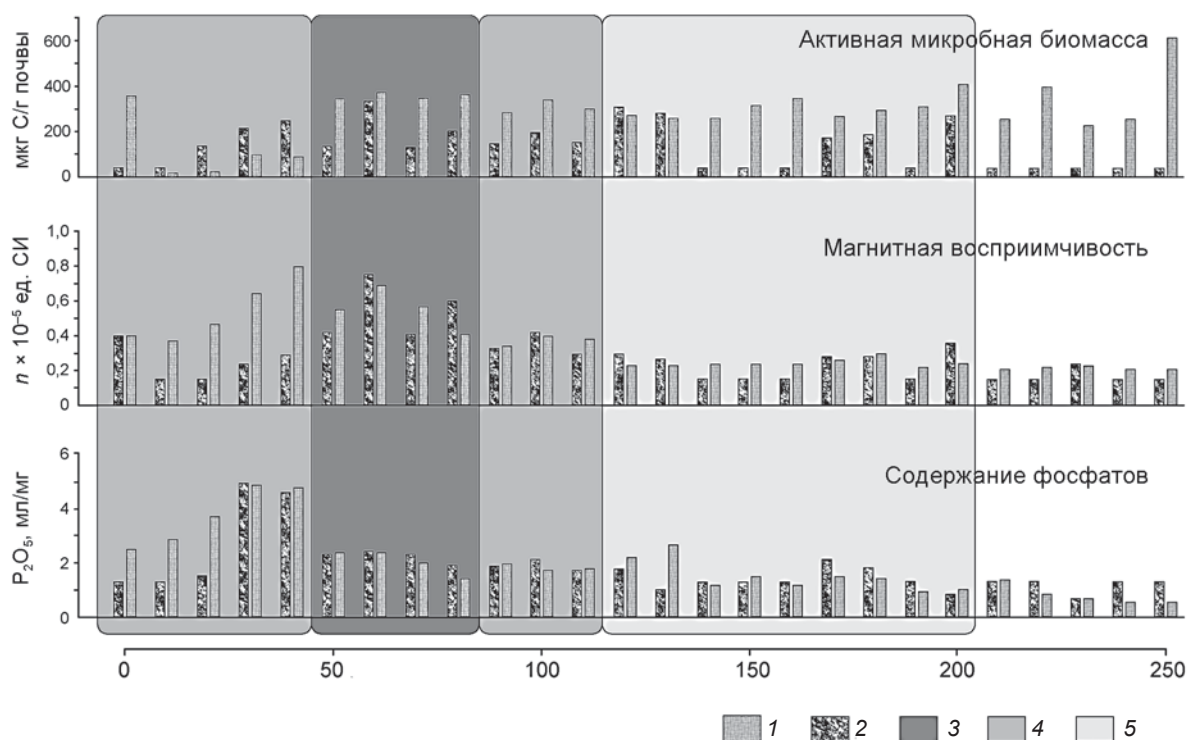

Рис. 6. Химические и микробиологические свойства пахотного и подпахотного слоя на территории памятника. 1 – пахотный слой; 2 – подпахотный слой; 3 – участок поверхностно-трансформированного культурного слоя; 4 – участок замещенного культурного слоя; 5 – «хозяйственная периферия» памятника.

ется интегральным показателем антропогенного воздействия. Изменение магнитной восприимчивости позволяет выявлять накопление в почве пирогенного материала. Активная микробная биомасса может служить показателем поступления в почву органических веществ, связанных с жизнедеятельностью человека. Содержание фосфора определяли при экстрагировании 2 н. HCl. Магнитную восприимчивость измерялась портативным каппаметром КТ-5. Активную микробную биомассу определяли методом субстрат-индуцированного дыхания [Anderson, Domsch, 1978].

Наиболее точно соответствуют границам памятника, установленным по результатам комплексных исследований, границы участка с повышенным содержанием фосфатов в пахотном слое. Превышение их концентрации отмечено и за внешней линией обороны. Вероятно, антропогенная деятельность в Средневековье имела место далеко за пределами границ, определяемых по оборонительным сооружениям (см. рис. 5, а) и ландшафтными рубежами (см. рис. 1).

К такому же выводу приводит анализ содержания микробной биомассы в пахотном и особенно в подпахотном горизонте, участки с высокой концентрацией отмечены за оборонительными сооружениями поселения. Большие величины, сопоставимые со значениями в зоне поверхностно-трансформированного слоя, свидетельствуют о значительном поступлении

органических веществ в почву и являются индикатором активной антропогенной деятельности на данной территории [Чернышева и др., 2014].

На присутствие культурного слоя достаточно точно указывает синхронное увеличение содержания фосфатов и повышение магнитной восприимчивости. Именно такая ситуация наблюдается в подпахотном слое на участке 170–190 м, что свидетельствует об активном антропогенном преобразовании почв далеко за пределами оборонительных сооружений. Характерно, что это проявляется в подпахотном горизонте, где могла сохраниться почва времени функционирования селища. Данную территорию мы предлагаем называть «хозяйственной периферией» поселения (см. рис. 5, б) и рассматривать как часть объекта наблюдения (см. рис. 1).

Возможности комплексных исследований

Для выявления участка поверхностно-трансформированного культурного слоя достоверными являются данные тепловизионной и многозональной съемки (см. таблицу). Мощному гумусированному слою соответствуют максимально «теплые» зоны и области фитоиндикационных особенностей неоднородной структуры. По этим признакам достаточно четко

Сравнение информационного потенциала естественно-научных методов при определении структуры археологических памятников

Метод	Участки		
	поверхностно-трансформированного культурного слоя	замещенного культурного слоя	«хозяйственной периферии»
Съемка в видимом диапазоне	±	±	–
Тепловизионная съемка	+	+	±
Многозональная съемка	+	+	–
Электропрофилирование	+	+	–
Магниторазведка	+	+	±
Георадарная съемка	+	±	–
Электротомография	+	+	–
Анализ гранулометрического состава и морфологических свойств почвы	+	+	–
Геохимические и микробиологические исследования	+	+	+

Примечания. Знак «+» – эффективен практически во всех случаях, «±» – эффективен в комплексе с другими методами, «–» – может работать только в определенных условиях.

разделяются участки поверхностно-трансформированного и замещенного культурного слоя, но граница с участком «хозяйственной периферии» выражена неоднозначно (см. рис. 2). Дальнейшее уточнение обеспечивает применение комплекса геофизических методов. Культурный слой хорошей сохранности проявляется как неоднородная по структуре зона с повышенными значениями физических параметров (см. рис. 3). Анализ гранулометрического состава и морфологических свойств почв на участках геофизических аномалий дает возможность разделить вклад собственно объектов планировки и влияния состава грунтов (см. рис. 4). Электротомография позволяет оценить геометрические параметры отдельных объектов, а также уточнить границы участков поверхностно-трансформированного и замещенного культурного слоя (см. рис. 3, з). Это существенно дополняет полученную ранее информацию.

Для выявления участка замещенного культурного слоя достоверными являются также данные тепловизионной и многозональной съемки. Маломощному гумусированному слою соответствуют максимально «холодные» зоны и области без выраженных локальных фитоиндикационных особенностей. Благодаря контрастному изменению структуры тепловизионных и многозональных изображений граница между участками поверхностно-трансформированного и замещенного культурного слоя в мысовой части поселения определяется практически однозначно (см. рис. 2). При электропрофилировании и магниторазведке это проявляется в виде поля с относительно однородной структурой фона и контрастными локальными

аномалиями, связанными с объектами планировки (см. рис. 3, а, в). Электротомография (см. рис. 3, з), согласованная с данными почвенного зондирования (см. рис. 4), позволяет определить источник геофизической аномалии (природные неоднородности грунта или антропогенные объекты) и оценить степень сохранности культурных напластований в целом.

Участок «хозяйственной периферии» достоверно выявляется только по данным геохимических и микробиологических исследований почв (см. рис. 5, б; 6). Косвенным признаком такого участка может являться неоднородная зона на тепловизионном снимке, коррелирующая с хаотично расположенными геофизическими аномалиями, которые связаны со скоплениями пирогенно-преобразованного почвенно-грунтового материала, возникшими в результате распашки и эрозионных процессов.

Заключение

Сравнительный анализ данных аэрофотосъемки беспилотными летательными аппаратами, геофизических исследований, гранулометрического состава, морфологических, геохимических и микробиологических свойств почв, а также материалов раскопок позволил выявить объекты планировки Кушманского III селища, выделить участки культурного слоя различной сохранности и обосновать новые границы объекта историко-культурного наследия. Необходимость комплексных междисциплинарных исследований определяется тем, что каждый из методов (за исключением

раскопок) дает лишь косвенную информацию о состоянии и структуре культурного слоя. Сопоставление различных данных, принцип последовательного уточнения информации и возможность разностороннего анализа археологических памятников обеспечивают высокую степень достоверности интерпретации.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-49-180007 р-а).

Список литературы

- Археологическая карта северных районов Удмуртии** / А.Г. Иванов, М.Г. Иванова, Т.И. Останина, Н.И. Шутова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 276 с.
- Борисов А.В., Коробов Д.С.** Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. – М.: Таус, 2013. – 272 с.
- Воробьева Н.Г., Журбин И.В., Князева Л.Ф.** Исследование возможностей БПЛА Supercam S350-f в задачах изучения и сохранения археологического наследия // Изв. высш. учеб. заведений: Геодезия и аэрофотосъемка. – 2016. – Т. 60, № 2. – С. 83–90.
- Гарбузов Г.П.** Археологические исследования и дистанционное зондирование Земли из космоса // РА. – 2003. – № 2. – С. 45–55.
- Жуковский М.О.** Использование данных спутников CORONA в археологических исследованиях // КСИА. – 2012. – Вып. 226. – С. 45–54.
- Иванова М.Г.** Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
- Иванова М.Г.** Отчет об исследованиях на Кушманском городище Уччакар, Кушманском III селище и Кушманском II селище в Ярском районе Удмуртской Республики в 2016 г. Т. I // Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1693. CD 104.
- Иванова М.Г., Журбин И.В.** Археолого-геофизические исследования поселений Камско-Вятского региона // Вестн. Удмурт. гос. ун-та. Сер.: История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 1. – С. 104–109.
- Иванова М.Г., Кириллов А.Н.** Предварительные итоги изучения Кушманского комплекса памятников в бассейне р. Чепцы // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2012. – Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации. – С. 313–319.
- Кириллов А.Н.** Археологические работы по определению границ объектов археологического наследия в Глазовском районе и разведочные работы в Ярском районе Удмуртской Республики // Архив ИКМЗ УР «Иднакар». 2013. Д. 02-03. 148 с.
- Назмутдинова А.И., Милич В.Н.** Исследование зависимости результатов классификации многозональных изображений лесной растительности от параметров вейвлет-преобразования // Автометрия. – 2016. – Т. 52, № 3. – С. 20–27.
- Назмутдинова А.И., Милич В.Н., Журбин И.В.** Метод и признаки выявления культурного слоя археологических памятников по данным многозональной съемки // Геоинформатика. – 2017. – № 1. – С. 52–58.
- Чернышева Е.В., Каширская Н.Н., Коробов Д.С., Борисов А.В.** Изменение биологической активности дерново-карбонатных почв Кисловодской котловины под влиянием древнего и современного антропогенного воздействия // Почвоведение. – 2014. – № 9. – С. 1068–1076.
- Anderson J.P.E., Domsch K.H.** A physiological method for the quantitative measurement of microbial biomass in soils // Soil Biol. Biochem. – 1978. – Vol. 10, N 3. – P. 215–221.
- Geophysical Survey in Archaeological Field Evaluation.** – English Heritage, 2008. – 60 p. – URL: <http://www.english-heritage.org.uk/publications/> (Дата обращения: 07.12.2014 г.).
- Lockyear K., Shlasko E.** Under the Park: Recent Geophysical Surveys at Verulamium (St Albans, Hertfordshire, UK) // Archaeol. Prospection. – 2017. – Vol. 24. – P. 17–36.
- Mozzi P., Fontana A., Ferrarese F., Ninfo A., Campana S., Francese R.** The Roman City of Altinum, Venice Lagoon, from Remote Sensing and Geophysical Prospection // Archaeol. Prospection. – 2016. – Vol. 23. – P. 27–44.

*Материал поступил в редколлегию 30.01.18 г.,
в окончательном варианте – 22.05.18 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.112-121
УДК 930.85

А.В. Тудорский¹, Е.В. Говор², К. Баллард^{2, 3}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
E-mail: tutorski@hist.msu.ru

²Австралийский национальный университет, Австралия
Australian National University
Sir Roland Wilson Building, 120 McCoy Circuit, Canberra, ACT 2601, Australia
E-mail: elena.govor@anu.edu.au

³Университет Французской Полинезии, Французская Полинезия
Université de la Polynésie française
Panaauiia, BP 6570, 98702 Faa'a, Tahiti, Polynésie française
E-mail: chris.ballard@anu.edu.au

Изучение наследия Н.Н. Миклухо-Маклая русско- и англоязычными исследователями в 1992–2017 годах

В статье дан обзор исследований, посвященных этнографическому наследию русского ученого и путешественника XIX в. Н.Н. Миклухо-Маклая. В первом разделе освещается «классический» для второй половины XX в. подход, для которого характерна тенденция к идеализации и мифологизации ученого. Он представлен в работах Д.Д. Тумаркина, а также во втором издании Полного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая (1990-е гг.). Во втором разделе рассматриваются русскоязычные статьи 1990–2000-х гг., имеющие цель «деифологизировать» или переоценить устоявшиеся представления об ученом. Для некоторых из них характерна недооценка результатов его работы. В третьей части представлены англоязычные работы, посвященные наследию Н.Н. Миклухо-Маклая. В большинстве случаев это перевод русских архивных текстов ученого с научными комментариями. Однако К. Баллард и Е. Говор, продолжающие и в настоящее время изучать океанийские общины, с которыми в прошлом работал русский ученый, особое внимание уделяют рисункам как форме диалогического познания культуры. Рассмотрение наследия Н.Н. Миклухо-Маклая на основе современных подходов к антропологической теории позволит создать более монолитный образ ученого, не расщепленный на «антрополога», «художника», «гуманиста» и т.д. Кроме того, введение в научный оборот не только текстов, но и графического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая будет важным шагом к диалогическому исследованию культур народов Океании.

Ключевые слова: Миклухо-Маклай, мифология, история этнографии, диалогическое исследование, советская этнография.

A.V. Tutorsky¹, E.V. Govor², and C. Ballard^{2, 3}

¹Lomonosov Moscow State University,
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russia
E-mail: tutorski@hist.msu.ru

²Australian National University,
Sir Roland Wilson Building, 120 McCoy Circuit, Canberra, ACT 2601, Australia
E-mail: elena.govor@anu.edu.au

³University of French Polynesia,
Panaauiia, BP 6570, 98702 Faa'a, Tahiti, French Polynesia
E-mail: chris.ballard@anu.edu.au

Miklouho-Maclay's Legacy in Russian- and English-Language Academic Research, 1992–2017

This article provides an overview of recent scholarship dedicated to the legacy of the Russian scientist and traveler Nicolai Miklouho-Maclay. The first part deals with the so-called "classic" approach of the second half of the 20th century, which tended

towards a mythologized and idealized portrait of Miklouho-Maclay, as evidenced by the publications of D. Tumarkin and by the second edition of the Complete Works of N.N. Miklouho-Maclay, published in the 1990s. The second part addresses articles published during the 1990s and 2000s that have sought to “demythologize” and reevaluate standard perspectives on Miklouho-Maclay. Some authors, rather than overestimating his achievements, tend to understate the impact of his work. The third part deals with English-language articles about Miklouho-Maclay’s legacy. These are mostly translations of Miklouho-Maclay’s archival texts from Russian, with scholarly commentary. However, an ongoing Australian research project conducted by Chris Ballard and Elena Govor has begun a sustained program of fieldwork with descendants of the Melanesian source communities with which Miklouho-Maclay worked, seeking new insights into his texts and especially his drawings as a form of dialogic approach to culture. We propose to study Miklouho-Maclay’s legacy using modern approaches to anthropological theory. This will hopefully result in a unified image rather than separate images of an anthropologist, an artist, a humanist, etc. Also, the use of Miklouho-Maclay’s drawings in addition to his texts will be an important step toward a dialogic study of Oceanic cultures.

Keywords: Miklouho-Maclay, mythology, ethnology, dialogic studies, Soviet ethnography.

Введение

Н.Н. Миклухо-Маклай по праву может считаться трибуном папуасов, первым стационарным исследователем Новой Гвинеи, неординарным этнографом, антропологом и путешественником. В советской науке сложился своеобразный культ ученого. Последний представлялся как основоположник этнографической науки в мире, за 50 лет до Б. Малиновского осуществивший полевое исследование в Меланезии. Имя Н.Н. Миклухо-Маклая носит Институт этнологии и антропологии Российской академии наук и одна из наиболее почетных премий в области этнографии. Изучение наследия ученого оформилось в особое научное направление – «маклаеведение». К нему принадлежат такие солидные исследователи, как Н.А. Бутинов, Б.А. Вальская, А.Я. Массов, Б.Н. Путилов, Е.В. Ревуненкова, Д.Д. Тумаркин.

Настоящая статья посвящена историографическому анализу публикаций по данной тематике, появившихся за 25-летний период с 1992 по 2017 г. Учеными проделана действительно титаническая исследовательская, архивно-эвристическая, текстологическая работа, в ходе которой в 1950–1954 гг. издано первое собрание сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая. Можно сказать, что это был «золотой век» маклаеведения. После распада СССР советская мифологизация темы стала ослабевать и было опубликовано большое количество разоблачительных статей. При этом начался процесс конструирования новых мифов, в частности, появились работы о сексуальных отношениях ученого с жителями южных стран. В настоящее время в русскоязычном научном сообществе интерес к «теме Маклая» падает. Примечательно, что он возникает у австралийских исследователей.

Задача настоящего исследования – дать критическую оценку научным и околонучным работам, написанным за рассматриваемый период на русском и английском языках. Особый интерес представляет сравнение подходов австралийских и российских ученых к данной теме. В рамках изучения наследия Н.Н. Миклухо-Маклая «русскоязычная» и «англо-

язычная» традиции находятся в примерно равных условиях по количеству источников (т.е. работ Н.Н. Миклухо-Маклая) и объему имеющейся литературы. Такая ситуация для других отраслей этнографического (антропологического) знания представляется необычной. Авторы работы – международная команда исследователей из Москвы и Канберры – предполагают выявить сильные стороны обоих подходов и предложить пути дальнейших исследований.

Традиционные подходы к наследию Н.Н. Миклухо-Маклая в России

Наиболее значимым событием в области изучения наследия ученого стала публикация с 1990 по 1999 г. второго собрания сочинений в шести томах. В его подготовке участвовали Д.Д. Тумаркин, возглавлявший группу, Б.Н. Путилов, Н.А. Бутинов, М.А. Членов, И.М. Золотарева, И.М. Меликсетова, В.И. Беликов из России, Х. Меркель из Германии, Р. Маклай, Л. Бушел и Т. Флэннери из Австралии. В шеститомник вошли не изданные ранее тексты, включавшие и полевые записи, более 200 новых рисунков. Был уточнен ряд дат, значимых для понимания жизненного пути ученого. Составителями проведена чрезвычайно важная текстологическая работа: ранее опубликованные тексты освобождены от позднейшей правки; при наличии разных редакций одних и тех же статей выявлен основной текст, а значимые разночтения даны в примечаниях. Все работы снабжены подробными комментариями. В первый и второй тома вошли материалы экспедиций, дневники и полевые записи, в третий и четвертый – научные статьи Н.Н. Миклухо-Маклая по широкому спектру вопросов «о человеке и природе»: по антропологии, этнографии, лингвистике, метеорологии, биологии и ботанике. В этих томах опубликованы и рисунки ученого.

Настоящим научным событием стал пятый том, посвященный эпистолярному наследию Н.Н. Миклухо-Маклая. Он включил 552 письма, из которых 239 были напечатаны впервые. Представлены как тексты

на русском языке, так и переводы с немецкого, голландского, французского и английского языков. Значительная работа по подготовке этого тома была проделана Б.Н. Путиловым. В шестом томе опубликованы фотографии предметов из этнографических коллекций, собранных Н.Н. Миклухо-Маклаем, а также рисунки, не вошедшие в предыдущие тома. По сравнению с публикацией 1950-х гг. количество фотографий увеличилось почти в 4 раза – с 260 до 818.

Вместе с тем, открывая новые области интересов, документы и подробности биографии ученого, составители второго собрания сочинений, так же, как и предыдущие, весьма осторожны в оценках Н.Н. Миклухо-Маклая как человека науки. Издание представляет собой прекрасную источниковедческую работу (за что ее и хвалили рецензенты [Комиссаров, 1998; Николаев, 2002]), но за документами трудно увидеть живого человека – самого Николая Николаевича. Такой подход, который мы назовем «классическим» в маклаеведении, сохраняется в серии статей.

В рамках данного направления написана работа петербургской исследовательницы культуры Индонезии и Малайского полуострова Е.В. Ревуненковой «Н.Н. Миклухо-Маклай об аборигенах и малайцах Малаккского полуострова» [1994]. Начиная с 1980-х гг. она участвовала в подготовке к изданию Собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая. Впервые специалист по Индонезии и Малаккскому полуострову принимал участие в составлении комментариев к его текстам. Работа Е.В. Ревуненковой, опубликованная в «Этнографическом обозрении», представляет собой научное осмысление вклада ученого в исследование этого региона. Ранее Н.Н. Миклухо-Маклай был известен как исследователь папуасов Новой Гвинеи и других островов Меланезии [Станюкович, 2010].

В 1997 г. в журнале «Этнографическое обозрение» появилась подборка статей, приуроченная к 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая. Наиболее примечательной среди них является публикация Д.Д. Тумаркина «“Вторая жизнь” Н.Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа – Новой Гвинее». Интерес к преданиям об ученом – «второй жизни белого папуаса» – возник еще в начале XX в. В 1903 г. немецкий врач Б. Хаген опубликовал краткие воспоминания о том, как описывался ученый в устных преданиях и рассказах жителей залива Астролябия [1903]. В середине XX в. Н.А. Бутинов обобщил значительную часть публикаций на английском и немецком языках в статье «Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников», вошедшей в первое собрание сочинений [1950]. Именно эту линию продолжает в своей работе Д.Д. Тумаркин. Он опирается на информацию австралийских и американских путешественников. В частности, в статье использу-

ются записи американского лютеранского миссионера Э. Ханнемана, работавшего в заливе Астролябия в 1940-х гг. В публикации Д.Д. Тумаркина дана ссылка на «недатированный машинописный текст, mimeографическая копия которого находится в библиотеке Университета ПНГ в г. Порт-Морсби» [1997, с. 167]. Можно примерно датировать сбор информации началом 1940-х гг., поскольку в «Информационном бюллетене Миклухо-Маклаевского общества в Австралии» содержится небольшое сообщение «Касательно Маклая» Э. Ханнемана [Hannemann, 1983], в примечании к которому, сделанном Р. Шериданом, написано: «Э.Ф. Ханнеман. Грагер-английский разговорник, Колумбия, Огайо, Совет иностранной миссии Американской лютеранской церкви, 1945, стр. 28. Рассказ местного жителя Борло записан Ханнеманом. Борло родился в деревне Баламби (язык сию). Ему было примерно 32 года в 1974 году» [Ibid., p. 8]. По всей вероятности, здесь допущена ошибка и последнюю дату следует читать как «1944». Другие записи преданий о Н.Н. Миклухо-Маклае принадлежат Р. Шеридану – председателю общества Миклухо-Маклая в Австралии, который побывал на о-ве Били-Били в 1959 г. и подробно описал свою поездку. Также используются опубликованные в издании «Устная история» устные предания, зафиксированные фольклористом М. Меннис. Кроме того, привлечены материалы, собранные на островах залива Астролябия некоторыми другими исследователями.

Д.Д. Тумаркин не только ввел в оборот на русском языке англоязычные источники, но и дал их подробный анализ. Вместе с тем следует критически относиться к методологическому посылу статьи, что данные рассказы являются историческими источниками информации о жизни Н.Н. Миклухо-Маклая и что «на бытовом уровне фольклорная традиция, касающаяся Маклая, постепенно начинает отступать и меняться под натиском реального исторического знания» [Тумаркин, 1997, с. 165]. Как мы покажем далее, гораздо более продуктивным будет рассмотрение этих историй с точки зрения диалога культур.

В 1998 и 2000 гг. вышли в свет статьи Л.А. Ивановой, в которых дается новая атрибуция отдельных вещей из коллекций Н.Н. Миклухо-Маклая. Исследовательница определяет предмет, названный в музейном описании «бамбуковым футляром, содержащим два шипа ската», как «колчан для отравленных стрел» для орудия *блахан* – трубки для метания стрел, аналогичной сумпитану у даяков [Иванова, 1998]; а также устанавливает регион приобретения и дарителя барабана *паху* и подставки *атаакакико* [Иванова, 2000].

В 2011 г. вышла биографическая монография Д.Д. Тумаркина «Белый папуас: Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи». Эта книга является своего рода

жирной точкой в рамках данного направления. В ней чрезвычайно подробно описан жизненный путь ученого. Автор ведет нас вслед за Миклухо-Маклаем по узким улочкам немецких университетских городов, пустыням Марокко и Аравийского полуострова, дебрям тропического леса, по набережным и песчаным берегам Сиднея. Вместе с главным героем мы встречаемся со светилами немецкой и британской науки. Но до конца книги нас по-прежнему не перестает волновать вопрос: а кто тот человек, с которым мы путешествуем? О чем он размышляет?

Критические мысли о работе Д.Д. Тумаркина прекрасно изложены в рецензии Б.Н. Комиссарова. Во-первых, он удивляется отсутствию обобщений: почему «сведения, рассеянные по многим страницам монографии, не сконцентрированы им в две грозные и тягостные реальности – “ученый и боль” и “ученый и нужда”»? Во-вторых, рецензент с сожалением замечает неуклюжесть в развенчании культа ученого, которая граничит с созданием нового мифологизированного образа Н.Н. Миклухо-Маклая как Дон Жуана Южных морей, – это «излишнее стремление автора (Д.Д. Тумаркина. – А.Т., Е.Г., К.Б.) “физиологизировать” образ Миклухо-Маклая, то есть с методичностью, достойной лучшего применения, выявить и описать все случаи сексуальных контактов путешественника и, более того, зафиксировать даже вполне платонические эпизоды, когда тот, созерцая представительниц противоположного пола, возможно, испытывал при этом какие-то эротические чувства» [Комиссаров, 2013, с. 356]. Как ни парадоксально, заявленная предельная непредвзятость стала трансформироваться в новую форму мифа.

Попытки пересмотра традиционных взглядов на образ Н.Н. Миклухо-Маклая

Второй подход к изучению наследия Н.Н. Миклухо-Маклая, появившийся в 1990-х гг., можно назвать «ревизионистским». Одной из первых работ, в которых исследователи стремились отойти от восприятия Маклая как своеобразного культурного героя эпохи сновидений этнографии, стал доклад В.И. Беликова «Баллал Маклай (‘Слово Маклая’))». Автор усомнился в том, что Н.Н. Миклухо-Маклай создал правильный словарь языка бонгу. Ученый знал «всего лишь около 350 слов» и, по его мнению, «в словаре языка бонгу их содержится никак не более тысячи» [Беликов, 1997]. В.И. Беликов считает, что, скорее всего, путешественник использовал не сам язык бонгу, а его упрощенную форму, «своеобразный пиджин». Его лексика восходила к стандартному бонгу, но в ней присутствовали «естественные при такой осложненной коммуникации недоразумения, помноженные на престижность

в глазах папуасов того, как говорит Маклай». Автор доклада проводит параллели с языком моту южного побережья Новой Гвинеи.

С одной стороны, не владевший навыками фиксации языков русский первопроходец оказался не в состоянии создать *ad hoc* такую методику в поле, и его лингвистические заслуги не стоит переоценивать. С другой стороны, дальнейшее развитие контактов европейцев и папуасов на Берегу Маклая и конкретно в Бонгу показывает, что именно русский исследователь XIX в. заложил ту основу, на которой базировались словари последующих лингвистов. Например, в отличие от А. Ханке, предполагавшего, что все языки Берега Маклая можно поделить на два крупных диалекта, подобных «швабскому и баварскому» [Hanke, 1905], русский ученый сразу исходил из идеи существования в каждой деревне своего собственного языка. Принимая выводы о неточности значений записанных Н.Н. Миклухо-Маклаем слов, а также о том, что некоторые из них относились не к собственно языку бонгу, а скорее к некому «идиолекту исследователя» [Станюкович, 2016], не стоит соглашаться с невысокой оценкой лингвистических аспектов полевой работы ученого в целом [Тугорский, 2018].

Другая «ревизионистская» статья, написанная профессором кафедры этнологии МГУ Т.Д. Соловей, посвящена научной стратегии Н.Н. Миклухо-Маклая. Автор отталкивается от известного еще со времен Н.В. Каульбарса (который первым работал с архивом путешественника после его смерти) тезиса о том, что Николай Николаевич не является ученым в подлинном смысле этого слова и не способен обобщить и теоретически осмыслить собранный им в ходе экспедиций эмпирический материал. Основной аргумент Т.Д. Соловей – отсутствие какой-либо теории. По ее мнению, «путешествия в Океанию, которые и воздвигли Н.Н. Миклухо-Маклая на пьедестал героя, при всем желании невозможно назвать продуманной и последовательно исследовательской программой» [Соловей, 2011, с. 74]. Т.Д. Соловей высказывает идею (по всей видимости, ее собственное научное кредо) о том, что «вопреки расхожему убеждению <...> факты вовсе не предшествуют теории, а ровно наоборот: ученый подходит к фактам, уже имея теорию или гипотезу, которая может быть выражена открыто и последовательно...» И далее: «Поскольку отказ от всякой теории вообще составлял последовательную позицию Маклая, то это во многом обесценило его интересные и обширные наблюдения...» [Там же, с. 80]. Нежелание использовать теорию для обобщения фактов является, по мнению автора, главной причиной того, что Н.Н. Миклухо-Маклай так и не смог написать свой «opus magnum – обобщающую работу» [Там же, с. 82]. Данный вывод не может быть принят без сопоставления работ ученого с трудами его современников.

В дальнейшем мы вернемся к вопросу о наличии теоретических идей в его работах.

Продуктивным в статье является желание деконструировать советский миф о Маклае как «культурном герое», своеобразном творце этнографии вообще. Например, автор подчеркивает, что «план поездки в Океанию Миклухо-Маклай разработал в 1869 году, то есть в возрасте 23 лет». Иными словами, тогда, когда он был не сложившимся ученым, а еще студентом, который недавно закончил обучение в европейских университетах. Т.Д. Соловей указывает на психологические особенности исследователя: «Доминантная психологическая черта – тяга к одиночеству – решительно повлияла на жизнь и исследовательскую деятельность Маклая». И далее: «...не случайно его любимым автором был мрачный Шопенгауэр» [Там же, с. 76]. Эти факты позволяют лучше понять личность ученого и его научные взгляды.

Вместе с тем Т.Д. Соловей допускает ряд неточностей. Например, она пишет, что «после высадки на берег Маклай на долгие месяцы оставался один на один с совершенно чужой ему средой» [Там же, с. 77]. Это не совсем так, поскольку вместе с ученым на мысе Гарагасси жили шведский моряк Ульсон и полинезиец Бой (впоследствии он умер). Кроме того, к дому ученого постоянно приходили местные жители, нередко и из весьма отдаленных деревень. Другое неправильное обобщение исходит из общей логики стереотипных представлений о процессах аккультурации. Т.Д. Соловей пишет: «По мере того, как папуасы лучше его узнавали, в их восприятии образа Маклая усиливались собственно человеческие черты» [Там же, с. 79]. В целом статья ставит важный вопрос о том, что современные работы о Н.Н. Миклухо-Маклае не дают четкого портрета ученого. Мы имеем дело с идеологизированными текстами и культурными мифами. Вместе с тем в работе Т.Д. Соловей при правильной постановке проблемы отсутствует надлежащая аргументация.

Чрезвычайно интересной и действительно новаторской является работа петербургского профессора А.Я. Массова. Она посвящена брошюре, преподнесенной Н.Н. Миклухо-Маклаем великому князю Константину Николаевичу в начале 1887 г. Это был дар высокому покровителю в виде научного труда, содержащего «наиболее полное на тот момент описание его (Н.Н. Миклухо-Маклая) научных заслуг» [Массов, 2013, с. 112]. Чрезвычайно важно для исследования творчества ученого то, что в брошюре имеются исправления, сделанные его собственной рукой, которые очень точно характеризуют общественные и научные взгляды Н.Н. Миклухо-Маклая.

Анализируя текст и внесенную автором правку, А.Я. Массов пришел к нескольким важным научным выводам. Во-первых, по всей видимости, в Собрании

сочинений 1990-х гг. допущена ошибка: этот текст следовало воспроизводить по публикации не в газете «Голос», а в «Известиях Русского географического общества», откуда он и был перепечатан для издания изучаемой брошюры [Там же, с. 114]. Во-вторых, исправление ученым во фразе «между интересными и малоизвестными жителями Новой Гвинеи наиболее интересным представляется мне туземец Новой Гвинеи, homo rapua» слова «жителями» на «животными» отражает не расистские взгляды, а скорее распространенное в XIX в. «натуралистическое» видение человека [Там же]. И наконец, в-третьих, использование Н.Н. Миклухо-Маклаем термина «полинезийская раса», куда включались папуасы, было не ошибкой, а особенностью терминологии того времени [Там же, с. 115].

Важен для нас и общий вывод статьи: «К сожалению, в отечественной литературе до сих пор нет сколь-нибудь фундированных исследований о естественно-научных воззрениях и общественно-политических предпочтениях Н.Н. Миклухо-Маклая». И далее: «В 2011 году в монографии Д.Д. Тумаркина “Белый папуас” впервые предпринята серьезная попытка проследить естественно-научные воззрения и эволюцию политических взглядов русского путешественника. Однако эта тематика не является главной в труде Д.Д. Тумаркина – его книга прежде всего научная биография Н.Н. Миклухо-Маклая» [Там же, с. 116].

Другой новаторской работой является коллективная монография сотрудников Кунсткамеры и МГУ «Старое и новое в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая». Для нас особенное значение имеют первая и третья главы этой книги, написанные российским австраловедом и исследователем Меланезии П.Л. Белковым. В первой главе, которая посвящена становлению Н.Н. Миклухо-Маклая как человека науки, автор предлагает отказаться от характерного для традиционных работ совместного рассмотрения его научных и общественных взглядов. Подробное изложение последних заслоняет научное кредо ученого. П.Л. Белков указывает, что миф о голом эмпиризме и атеоретичности русского путешественника восходит к высказываниям о нем немецкого орнитолога, служащего Новогвинейской компании О. Финша [Старое и новое..., 2014, с. 17]. Судя по записной книжке «Ethnologia», которую завел Н.Н. Миклухо-Маклай перед поездкой на острова Тихого океана, он был знаком с идеями многих англоязычных (Дж. Роуфорда, Дж. Лоу, Дж. Причарда, А.Р. Уоллеса), франкоязычных (Э. Ренана) и немецкоязычных (Т. Вайца, Э. Герланда, К. Земпера, Ф. Мюллера) теоретиков науки о народах. П.Л. Белков высказывает мысль о том, что нам необходимо принципиально иное изучение наследия ученого – «в инфракрасном свете» [Там же, с. 23] или, по выражению Т. Куна, основывающееся

на поиске «непреходящих элементов» в прежней науке [1977, с. 19], самой идеи научности в то время. Завершая главу, автор пишет: «Раздельная публикация Миклухо-Маклаем антропологических и этнологических заметок... стала в истории науки первым документом, закрепляющим самостоятельность предметов этих наук» [Старое и новое..., 2014, с. 50]. Таким образом, П.Л. Белков подчеркнул, что теоретическое значение имеет научная деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая сама по себе.

Третья глава работы представляет собой чрезвычайно интересный пример смены оптики, причем не этнографической, а оптики истории науки или философии науки. Автор исходит из уже высказанного им тезиса о том, что теоретические (а в этой главе и практические) идеи Н.Н. Миклухо-Маклая существуют, но исследователи не всегда могут их увидеть. Он не согласен с традиционными маклаеведами, по мнению которых научная работа ученого по этнологии меланезийцев никогда не была написана или утрачена. П.Л. Белков высказывает смелую идею о том, что она нам хорошо известна: это «две (“толстые”) записные книги (АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24; Д. 70)» [Там же, с. 99]. Свои рисунки и коллекции предметов сам Маклай характеризовал «как “программу”, или “оглавление”, планируемого им большого труда по этнологии меланезийцев» [Там же, с. 101]. Таким образом, труд Н.Н. Миклухо-Маклая существует, более того, он почти готов к изданию. Нужен лишь конгениальный «издатель», который сможет совместить записные книги с рисунками и коллекциями, а самое главное, понять всю информацию, содержащуюся в «полевых конспектах-рисунках». Эта мысль созвучна идеям, высказанным К. Баллардом на примере возвращения рисунков Маклая на о-в Лелепа (Республика Вануату).

Заканчивая обзор «ревизионистских» работ о наследии Н.Н. Миклухо-Маклая, следует отметить, что многие идеи, высказанные как «новые» в русскоязычном пространстве, окажутся «исходными» и «традиционными» в англоязычном; а подлинно «новые» – А.Я. Массова о ревизии наших представлений о научности знаний в конце XIX в. и П.Л. Белкова о рисунках, а не тексте как основной форме научной работы Маклая – найдут подтверждение в трудах австралийских исследователей.

Статьи о Н.Н. Миклухо-Маклае на английском языке

Следует отметить, что своеобразным «золотым десятилетием» маклаеведения в англоязычном пространстве стали 1980-е гг. В 1984 г. была издана наиболее полная биография ученого на английском языке «Че-

ловек с луны» Э. Вебстер [Webster, 1984], а на протяжении всего десятилетия в Сиднее четыре раза в год выходил «Информационный бюллетень общества Миклухо-Маклая в Австралии». В последующие годы количество публикаций невелико, однако в некоторых из них предлагаются концептуально новые подходы к изучению наследия ученого. Мы оставляем в стороне работы, где материалы Н.Н. Миклухо-Маклая служат своеобразным введением к теме, в частности, статью Э. Стрит о больницах [Street, 2016] и публикацию Д. Гэффи о гончарах округа Маданг [Gaffney, 2018].

Со второй половины 1990-х гг. в англоязычном пространстве регулярно появляются статьи, вводящие материалы Н.Н. Миклухо-Маклая в научный оборот. Преимущественно это работы, привязанные к отдельным местностям (Торресов пролив, Палау, Лелепа) и содержащие перевод текстов ученого, которые до этого времени издавались исключительно на русском языке. Интересно, что, начавшись с простого перевода русскоязычных статей (публикация Р. Парментье и Е. Копниной-Гейер), затем публикации сопровождались широкими историко-культурными комментариями (статья А. Шнукал), а позже материалы Н.Н. Миклухо-Маклая стали самостоятельным объектом исследования (статья К. Балларда). В качестве исключения мы остановимся на общей работе о Н.Н. Миклухо-Маклае, написанной Ш. Фитцпатрик, поскольку она по принципу подачи весьма схожа со статьями А. Шнукал.

В 1996 г. в издании «Исла: Журнал микронезийских исследований» вышел перевод русскоязычной статьи Н.Н. Миклухо-Маклая «Архипелаг Палау: заметки из поездки в Западную Микронезию и Северную Меланезию», сделанный аспиранткой университета Амстердама Е. Копниной-Гейер. Статья предваряется введением исследователя Микронезии Р. Парментье, в котором делаются чрезвычайно важные замечания о работе Н.Н. Миклухо-Маклая на о-ве Палау. Свою основную цель автор публикации видит в том, чтобы ввести материалы, изданные на русском языке, в научный оборот в англоязычной академической среде [Parmentier, Kopnina-Geyer, 1996, p. 72].

Не давая прямой оценки работе Н.Н. Миклухо-Маклая в Микронезии, Р. Парментье тем не менее отмечает: «К сожалению, исследования Н.Н. Миклухо-Маклая пришлось на время между периодами работы там таких гигантов, как Я.С. Кубари и А. Кремер» [Ibid., p. 75]. Противопоставление рядового «исследования» и работы «гигантов» указывает на то, что автор не очень высоко оценивает вклад русского ученого в изучение этого региона. Впрочем, абзацем позже Р. Парментье называет его одним из первых исследователей, старавшихся изучить «местный взгляд

на обычаи» и применявших метод «рефлексивной антропологии». Голландский ученый пишет о том, что Н.Н. Миклухо-Маклай предвосхитил антропологическую революцию Б. Малиновского [Ibid., p. 76]. Очень высокая оценка теоретической и методологической части исследования и непризнание эмпирической противоречит «традиционному» описанию наследия Н.Н. Миклухо-Маклая в отечественной этнографической/антропологической науке, где историографы превозносят эмпирическую часть и отказывают в значимости части теоретической.

В 1998 г. выходит работа австралийской исследовательницы А. Шнукал, в которой дается обзор направлений исследования Н.Н. Миклухо-Маклая на островах в Торресовом проливе. Напомним, что этот район является своеобразным местом «зарождения полевой этнографии»: кембриджская экспедиция в Торресов пролив считается точкой отсчета научных полевых этнографических исследований [Herle, 2012; Никишенков, 2006, с. 140–144]. Публикация разбита на несколько тематических разделов, в каждом из которых освещается один из аспектов деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая. В разделе «Эдвин Редлих и Джимми Каледония» приводятся сообщения русского ученого об обсуждении этими людьми возможностей коммерческой добычи жемчуга в проливе. Следующий посвящен подсчетам численности населения небольшого о-ва Эруба (современное название Дарнли). В разделах «Краниальные деформации у островитян Торрессова пролива» и «Биология мозга дюгоня» приводятся соответствующие материалы ученого. Следующий раздел почти полностью представлен переводом описания Н.Н. Миклухо-Маклаем добычи перламутра в Торресовом проливе.

Последний раздел заканчивается замечанием А. Шнукал: «Я была разочарована, найдя не новую информацию, на которую я надеялась, а выжимку из обстоятельного сообщения де Хогтона о рыболовстве» [Shnukal, 1998, p. 43]. Схожая мысль завершает и всю публикацию: «При том, что эта информация добавляет новые сведения и подтверждает существующий материал, в качестве источника для современного исследователя Торрессова пролива записи Маклая не представляют особого интереса в плане новизны, качества и объема» [Ibid.]. Автор не характеризует методы работы ученого и не останавливается на его теоретических идеях, которые могут вытекать из локальных особенностей материала. Однако эмпирическая составляющая исследования Н.Н. Миклухо-Маклая оценивается так же невысоко, как и в предыдущем случае.

С публикацией А. Шнукал созвучна работа известной австралийской исследовательницы советской истории Ш. Фитцпатрик, вышедшая в 2012 г. Последняя также предлагает своеобразный веер из разно-

образных интересов Н.Н. Миклухо-Маклая. Автор статьи насчитывает семь «ролей» или «идентичностей» ученого: путешественник, гуманист, толсто-вец, социалист, империалист, ученый и «белый папуас». Характеризуя внутренние противоречия этих ипостасей, она упоминает такой факт: Миклухо-Маклай «советовал Фердинанду фон Мюллеру, уроженцу Германии, директору мельбурнского ботанического сада, чтобы тот на предстоящей выставке использовал несколько аборигенов – “всего лишь по одному представителю мужского и женского пола, а также двух детей”», но не для развлечения публики, а для «того, чтобы сделать детальные текстовые описания и фотографии» [Fitzpatrick, 2012, p. 175–176]. Следует уточнить цитату по собственному тексту Н.Н. Миклухо-Маклая: «Доставление туда по одному ♂, ♀ и по двое детей из северной, южной, восточной, западной и центральной Австралии в качестве образчиков австралийской разновидности рода Номо представит огромный интерес для антрополога, а их подробное научное описание, сопровождаемое рядом фотографий, наверняка заполнило бы пробел в антропологии» [1996, с. 241]. Использование живых людей в качестве экспонатов, безусловно, противоречит идее гуманизма, вместе с тем русский естествоиспытатель объясняет, что это делается ради науки. Вновь перед нами факт, подобный тому, что приводил А.Я. Массов. Разрешить оба эти противоречия совсем не просто.

Последней работой, вводящей русскоязычные материалы Н.Н. Миклухо-Маклая в научный оборот англоязычного сообщества, является недавно вышедшая статья Е. Говор и С.К. Маникам «Русский в Малакке: Экспедиция Н.Н. Миклухо-Маклая на Малайский полуостров и ранние антропологические исследования оранг асли» [Govor, Manickam, 2014]. В ней дается обзор путешествий русского ученого по Меланезии и Малаккскому полуострову, а также его публикаций, преимущественно на немецком языке, о результатах работы. Авторы отмечают, что материалы Н.Н. Миклухо-Маклая трудно связать с какой-то определенной «антропологической традицией», вместе с тем его взгляд, нацеленный на поиск «меланезийского» в культуре и расовых особенностях жителей Малайского полуострова, представляет интересный ракурс, почти не встречавшийся в то время в антропологической и этнографической литературе. В статье дается перевод с научными комментариями наиболее значимых отрывков из дневниковых записей Н.Н. Миклухо-Маклая, сделанных во время путешествия по полуострову. В заключении авторы указывают, что материалы ученого имеют значение не столько для современного изучения оранг асли, сколько для истории взглядов на жителей Малайского полуострова. Кроме того, эти записи знакомят с их повседневной жизнью. Таким образом, Н.Н. Миклухо-Маклай

оценивается не как теоретик или основатель нового направления в науке, а как один из путешественников, материалы которого также необходимо учитывать в добросовестных исследованиях.

Отдельно от других работ, основывающихся на материалах русского ученого, следует поставить статью К. Балларда «Возвращение истории: о рисовании и диалогической истории» [Ballard, 2013]. В ней развиваются идеи совместного с Е. Говор доклада, представленного на 18-й конференции по истории Тихоокеанского региона (Сува, Фиджи, 2008 г.). Основная идея состоит в том, что ключевым элементом в научном наследии Н.Н. Миклухо-Маклая являются его рисунки. Ученый работал в те годы, когда формировался сам канон этнографического или антропологического знания. Во многих культурах рисунки также являются знанием (англ. «knowledge»). Антропологическое сообщество долгое время недооценивало их значение как исследовательского метода. «Графический поворот» в антропологии, связанный с работами В. Ганн [Gunn, 2009], М. Кэнфилда [Field notes..., 2011], М. Тосига [Taussig, 2009] и других ученых, позволил иначе взглянуть на роль рисунков в полевых записях исследователей. Началась настоящая дискуссия о их важности и незаменимости. К. Баллард замечает: «Как бы уверенно чувствовал себя Миклухо-Маклай в этой дискуссии, полевой исследователь, рисунки которого стали не только основной стратегией его метода наблюдения, но и действенным способом вживания в сообщества, принимавшие его и исследуемые им» [Ballard, 2013, p. 140]. Переводя этот тезис в дискурс русскоязычной науки, можно сказать, что вопрос об отсутствии «opus magnum» Н.Н. Миклухо-Маклая связан с неспособностью современных этнографов и антропологов «прочитать» все им созданное.

Пример того, как можно читать рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая, был предложен К. Баллардом на примере нескольких скетчей, сделанных на небольшом о-ве Лелепа, находящемся у побережья о-ва Эфате, на котором в настоящее время расположена столица Республики Вануату г. Порт-Вила. В конце XIX в. основным портом острова была гавань Хаванна, располагавшаяся как раз между островами Эфате, Мозо и Лелепа. Общины Лелепы и Мангалильи (часть той же общины, переселившаяся на о-в Эфате, напротив Лелепы, в XX в.), начиная с 2001 г. пытались включить в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО «владения вождя Роя Мата», куда входят кладбище на о-ве Мозо, наскальные изображения в пещере Феле на о-ве Лелепа и историческое место расположения деревни вождя Роя Мата. Для включения последнего объекта в список Всемирного наследия требовалось наличие «памятников». С этой целью К. Баллард привез в общину Лелепы «отпечатки фотографий со стеклянных негативов, расшифровки дневников мис-

сионеров, переводы французских архивных материалов и фотографии начала XX века предметов материальной культуры» [Ibid.]. Наиболее «оцененными» и «обсуждаемыми» стали именно рисунки русского ученого, которые содержали не только изображения предметов, но и детальные прорисовки орнаментов, а также местные названия их элементов. По сути дела, рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая вернули общине Лелепы ее искусство резьбы по дереву, утраченное после уничтожения миссионерами щелевых барабанов, считавшихся ими идолами. В 2006 г. мастер резьбы по дереву Маньяру вырезал два щелевых барабана, которые были установлены во владениях Роя Мата. В 2008 г. эти владения были включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Следует также отметить, что для К. Балларда был важен аспект «диалогичности» рисунков. Дело в том, что записи исследователя в поле не могут быть прочитаны исследуемыми. Он увозит домой что-то непонятное для туземцев, а возможно, и неправильное с точки зрения научной объективности. В случае с рисунками возможен диалог: если исследователь рисует что-то неверно, то местные жители могут указать на это и поправить его. Именно поэтому рисование – более уважительный способ исследования, вовлекающий исследуемых в работу ученых.

Выводы

Анализ упомянутых статей приводит нас к следующим выводам. Н.Н. Миклухо-Маклай был слишком неординарной личностью для своего времени. История его поездок в Новую Гвинею стала основой для мифов не только у папуасов, но и в русском и европейском сообществах того времени, а также в кругах современных ученых. Вспомним, что рецензент англоязычной монографии о Н.Н. Миклухо-Маклае Э. Чоунинг писала: «Не удивительно, особенно учитывая степень того, в какой мере Маклай мифологизировался членами как его собственного общества, так и папуасами, что Вебстер, пожалуй, слишком преувеличивает его провалы. Читая ее книгу, трудно понять, почему так много людей восхищались им и равнялись на него, и, наконец, почему его жена была так предана ему» [Chowning, 1986, p. 149]. Иными словами, помимо преданий папуасов о Маклае и советского мифа об ученом-гуманисте есть еще миф о Маклае-неудачнике, характерный для англоязычной литературы. Во времена Перестройки в СССР эта оценка не критично была привнесена в русскоязычное пространство. Иной подход заложил Дж. Стокинг, который назвал Н.Н. Миклухо-Маклая, Б. Малиновского и Я. Кубари «архетипами эпохи сновидений науки антропологии» [Stocking, 1992]. Таким образом, ми-

фологизация связана не только с советской культурной пропагандой, но и с тем, что ученый действовал до сложения канонов антропологической науки и фактически сам творил их. Изучение мифологизации его фигуры в различных сообществах может стать самостоятельной целью исследования, а сравнение ее векторов, возможно, позволит понять суть этого явления.

Суждение об отсутствии теоретических основ в исследованиях и выводах Н.Н. Миклухо-Маклая является результатом процесса антимиологизации. Материалы ученого могут получить новое прочтение в рамках постмодернистских концепций. В первую очередь это касается рисунков как особого способа ведения диалога с жителями Океании, который, говоря языком современной социологии, гораздо более инклюзивен, чем интервьюирование и описание. В наше время, когда аудиовизуальная антропология, изучение саундскейпов и разного рода сензитивности становятся реальной альтернативой «текстовым переводам культуры», теоретическая значимость исследований Н.Н. Миклухо-Маклая может быть пересмотрена. Есть основания надеяться, что с опорой на современное знание визуальной антропологии наконец-то будет осуществлено издание иллюстрированного труда по этнологии меланезийцев, задуманного ученым.

Важно понять, кто должен писать тот самый, упоминаемый многими авторами портрет Н.Н. Миклухо-Маклая на фоне эпохи? А.Я. Массов считает, что это под силу только коллективу разнопрофильных специалистов. Его мнение представляется правильным с точки зрения эпистемологии, поскольку именно такая команда сможет разобраться в творчестве ученого и понять разные грани его интересов. Однако с позиции дидактики (в философском смысле) это не совсем верно. Н.Н. Миклухо-Маклай был цельной личностью. Понять, а главное передать это представление читателям может только группа ученых, объединенная похожим образованием и общим взглядом на науку. По нашему мнению, одним из наиболее перспективных подходов к изучению наследия Н.Н. Миклухо-Маклая является антропологический в рамках нескольких концепций. Культурная критика позволит сравнить публикации об ученом друг с другом, а также тексты о жителях Океании, написанные разными исследователями конца XIX в. Возвращение культурного достояния в общины, где проводились исследования, даст возможность вовлечь местных жителей в интерпретацию материалов ученого. Визуальная антропология позволит видеть в его наследии не только тексты, но и многочисленные рисунки. Историческая концепция даст возможность проследить эволюцию взглядов как самого ученого, так и антропологического сообщества в целом.

Список литературы

- Беликов В.И.** Баллард-Маклай («Слово Маклая») // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. – СПб.: МАЭ РАН, 1997. – Т. 2. – С. 27–31.
- Бутинов Н.А.** Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. – М.; Л.: Наука, 1950. – Т. II. – С. 739–750.
- Иванова Л.А.** Об экспонатах с Малаккского п-ова из коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая в МАЭ им. Петра Великого // Этногр. обозрение. – 1998. – № 4. – С. 100–110.
- Иванова Л.А.** Проблемы источниковедения и атрибуции этнографической коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая из МАЭ (на примере «барабана» и «подставки» с о-ва Мангарева) // Этногр. обозрение. – 2000. – № 5. – С. 88–105.
- Комиссаров Б.Н.** [Рецензия] // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3. – С. 226–229. – Рец. на кн.: Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Наука, 1996. – Т. 5: Письма. Документы и материалы. – 824 с.
- Комиссаров Б.Н.** [Рецензия] // Антропологический форум. – 2013. – № 18. – С. 344–366. – Рец. на кн.: Тумаркин Д.Д. Белый папуас: Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. – М.: Вост. лит., 2011. – 623 с.
- Кун Т.** Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налётова. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
- Массов А.Я.** Неизвестный автограф Н.Н. Миклухо-Маклая // Этногр. обозрение. – 2013. – № 4. – С. 111–117.
- Миклухо-Маклай Н.Н.** Собр. соч.: в 6 т. – М.: Наука, 1996. – Т. 5: Письма. Документы и материалы. – 824 с.
- Никишенков А.А.** История британской социальной антропологии. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. – 496 с.
- Николаев В.П.** [Рецензия] // Этногр. обозрение. – 2002. – № 1. – С. 163–168. – Рец. на кн.: Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Наука, 1990–1999.
- Ревуненкова Е.В.** Н.Н. Миклухо-Маклай об аборигенах и малайцах Малаккского полуострова // Этногр. обозрение. – 1994. – № 1. – С. 134–148.
- Соловей Т.Д.** Николай Николаевич Миклухо-Маклай (история одной научной стратегии) // Прошлое и настоящее этнологических исследований: сб. науч. статей, посвящ. 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова / отв. ред. А.А. Никишенков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. – С. 74–85.
- Станюкович М.В.** Предисловие: Теория и внимание к деталям // Ревуненкова Е.В. Индонезия и Малайзия – перекресток культур. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. XI.
- Станюкович М.В.** Полевые методы в экспедициях на Филиппины: общий язык и как с ним бороться // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX – начало XXI века): мат-лы XVI Междунар. школы-конф. по фольклористике, социолнгвистике и культурной антропологии. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2016. – С. 71–73.
- Старое и новое** в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая: очерки по историографии и источниковедению / отв. ред. и сост. П.Л. Белков. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 252 с.
- Тумаркин Д.Д.** «Вторая жизнь» Н.Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа – Новой Гвинее // Этногр. обозрение. – 1997. – № 1. – С. 158–169.

Тугорский А.В. Деятельность Рейнского миссионерского общества на Берегу Маклая в 1887–1914 гг. // Россия и АТР. – 2018. – № 3 (101). – С. 193–208.

Харен Б. Воспоминания о Н.Н. Миклухо-Маклае у жителей залива Астролэбия на Новой Гвинее // Землеведение. – 1903. – Кн. 2/3. – С. 245–252.

Ballard C. The Return of the Past: On Drawing and Dialogic History // The Asia Pacific J. of Anthropology. – 2013. – Vol. 14, N 2. – P. 136–148.

Chowning A. Review ed: Webster E.M., “The Moon Man: A Biography of Nikolai Miklouho-Maclay”. Melbourne: Melb. Univ. Press, 1984. XXV, 421 p. // New Zealand Slavonic J. – 1986. – P. 145–149.

Field notes on science and nature / ed. M.R. Canfield. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 2011. – 297 p.

Fitzpatrick S. On the Trail of Nikolai Miklouho-Maclay: A Russian encounter with the antipodes // The Atlantic World in the Antipodes: Effects and Transformations since the Eighteenth Century. – Cambridge: Scholar Publishing, 2012. – P. 166–184.

Gaffney D. Maintenance and Mutability amongst Specialist Potters on the Northeast Coast of New Guinea // Cambridge Archaeological J. – 2018. – Vol. 28, iss. 2. – P. 181–204.

Govor E., Manickam S.K. A Russian in Malaya: Nikolai Miklouho-Maclay’s expedition to the Malay Peninsula and the early anthropology of Orang Asli // Indonesia and the Malay World. – 2014. – Vol. 42, N 123. – P. 1–24.

Gunn W. Making Fieldnotes and Sketchbooks: An Introduction // Fieldnotes and Sketchbooks: Challenging the Boundaries Between Descriptions and Processes of Describing. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. – P. 1–35.

Hanke A. Die Sprachverhältnisse in der Astrolabe-Bai in Deutsch-Neuguinea // Mitteilungen des Seminars

für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. – 1905. – Jg. VIII, Abt. I. – S. 255–262.

Hanneman E.F. Concerning Maclay // Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. Ser. 14. – 1983. – Vol. 4, N 2. – P. 7–10.

Herle A. Creating the anthropological field in the Pacific // The Atlantic World in the Antipodes: Effects and Transformations since the Eighteenth Century. – Cambridge: Scholar Publishing, 2012. – P. 184–218.

Parmentier R.J., Kopnina-Geyer H. Mikloucho-Maclay in Palau, 1876 // ISLA: A Journal of Micronesian Studies. – 1996. – Vol. 4, N 1. – P. 71–108.

Shnukal A. N.N. Miklouho-Maclay in Torres Strait // Australian Aboriginal Studies. – 1998. – N 2. – P. 35–49.

Stocking G. Maclay, Kubary, Malinowski: archetypes from the dreamtime of anthropology // The Ethnographer’s Magic and Other Essays in the History of Anthropology. – Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1992. – P. 212–275.

Street A. The Hospital and the Hospital: Infrastructure, human tissue, labour and the scientific production of relative value // Social Studies of Sciences. – 2016. – Vol. 46, iss. 6. – P. 938–960.

Taussig M. What Do Drawings Want? // Culture, Theory and Critique. – 2009. – Vol. 50, iss. 2/3. – P. 263–274.

Webster E.M. The Moon Man: A Biography of Nikolai Miklouho-Maclay. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1984. – 421 p.

*Материал поступил в редколлегию 22.10.18 г.,
в окончательном варианте – 12.11.18 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.122-130
УДК 398.54

В.А. Бурнаков¹, А.А. Бурнаков²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

²Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия
E-mail: artas_burnakov@mail.ru

Реликты культа змеи у хакасов в конце XIX – середине XX века

В статье на основе фольклорных и этнографических материалов, часть из которых вводится в научный оборот, реконструируется и анализируется мифоритуальный комплекс хакасов, связанный со змеей. Доказывается, что в мировоззрении хакасов представления о змее занимали одно из важнейших мест, ее образ наделялся многообразной символикой. В традиционных представлениях змея имела статус священного животного и была включена в круг воззрений о жизни и смерти. Определено, что змея играла большую роль в практиках мистического посвящения, в т.ч. шаманского. Она воспринималась в качестве одного из духов-покровителей. Прослежено, что традиционное сознание хакасов допускало возможность заключения брачных союзов между избранными людьми и змеями, являвшимися в образе прекрасных дев. Такой союз, как считалось, приносил человеку всевозможные материальные блага и удачу. Он был непродолжительным. В традиционном мировоззрении змея воспринималась как потустороннее существо, наделенное огромным магическим потенциалом. Сакральная сущность указанной рептилии устойчиво отождествлялась с некоторыми природными стихиями и объектами, такими как вода и горы. Змея нередко осмыслялась в качестве горного духа. Показано, что культ горы был одним из структурообразующих элементов мифоритуального комплекса хакасов. С образом горы связан ряд представлений, имеющих отношение к идее сакрального центра, плодородия и почитания предков. Важное место в них отводилось змее. Она выступала в качестве мистического благодетеля и дарителя людям магических сил и способностей. Вера в священную сущность змеи обуславливала ее включенность в народную медицину хакасов и широкое использование в бытовой магии.

Ключевые слова: хакасы, культура, мировоззрение, фольклор, мифология, обряд, символика, образ, змея.

V.A. Burnakov¹ and A.A. Burnakov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

²Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Shchetinkina 23, Abakan, 655017, Russia
E-mail: artas_burnakov@mail.ru

Remnants of the Snake Cult Among the Khakas (Late 19th to Mid 20th Century)

On the basis of folklore and ethnographic data, some of which are introduced in this article, the Khakass mytho-ritual complex relating to the snake is reconstructed. It is demonstrated that these beliefs were central to the traditional Khakass worldview, and the snake was endowed with elaborate symbolic meanings. It was a sacred animal, associated with ideas of life and death. It played a key role in mystical initiation practices, including those related to shamanism, and it was perceived as a patron spirit. Among the Khakass traditional beliefs was the idea that the elect could marry snakes, which turned into beautiful girls. Such a union, short-

lived as it was, brought wealth and luck. Also, the snake was associated with elements and landscape features, such as water and mountains, linked to the ideas of sacred center, fertility, and the ancestor cult, which were central in the Khakass worldview. This reptile was often believed to be a mountain spirit, a mystical patron, and donator of magical capacities. Thereby beliefs about snakes were part of Khakass folk medicine and domestic magic.

Keywords: *Khakas, folk culture, religion, folklore, mythology, ritual, symbolism, image, snake.*

Введение

Змея (хак. *чылан*) – один из наиболее известных представителей фауны, который встречается на всей территории Хакасии. Еще в начале XX в. исследователь А.В. Адрианов, описывая животный мир данного региона, акцентировал внимание на том, что «из пресмыкающихся в изобилии встречаются различные виды ящериц, змей, жаб, лягушек, тритоны и др.» [1904, с. 16]. Многочисленность этой рептилии, а также ее внешнее своеобразие способствовали тому, что в традиционном мировоззрении хакасов змее придавалось особое значение. Ее образ всегда был окружен мистическим ореолом. Многие этнографические и фольклорные материалы свидетельствуют о том, что в прошлом в духовной культуре этого народа был распространен культ змеи.

В настоящей статье впервые на основе широкого круга фольклорных и этнографических источников, в т.ч. ранее неизвестных, реконструируется мировоззренческий комплекс хакасов, связанный со змеей. Цель работы – охарактеризовать культ змеи в традиционном мировоззрении хакасов.

Источниковую базу исследования составляют фольклорные и этнографические материалы, некоторые из них публикуются впервые. Фольклорные произведения включают мифы, сказки и былички на хакасском и русском языках. В работе приводятся опубликованные и неопубликованные тексты, обнаруженные в Национальном архиве Республики Хакасия (НАРХ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 115). В качестве этнографических источников выступают полевые материалы, собранные нами в ходе экспедиционных поездок по Хакасии в 2002–2005 гг. и по Алтаю в 2002 г. Использовались также опубликованные на хакасском языке этнографические материалы краеведа С.Е. Карачакова [2004] и историка-археолога Я.И. Сунчугашева [1991], представляющие собой записи воспоминаний информантов о традиционной ритуальной практике, связанной со змеей. Они публикуются впервые в нашем переводе.

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ определяется прежде всего состоянием источниковой базы по теме исследования. Следует отметить, что полевые этнографические материалы были собраны нами в начале 2000-х гг., но зафиксированные в них сведения отражают события и явления, относящиеся к середине XX столетия.

Исследование основано на историко-этнографических методах. Метод реликта позволяет по остаткам прошлого, представленным, в частности, в мифах и обрядности, сделать вывод о положении вещей в обществе на более раннем историческом этапе, семантический анализ – выявить глубинный смысл конкретного мифологического образа и ритуальных действий, связанных с ними в культуре изучаемого народа.

Мистический брак человека со змеей и культ горы

Култ змеи у хакасов фиксировался некоторыми исследователями XIX в. [Кастрен, 1999, с. 221; Латкин, 1892, с. 148]. Отдельные хакасские *сöök'и* – роды – воспринимали змею как своего тотема. По данным специалистов, этот вид пресмыкающихся был символом *сöök'a Ызыр* [Бутанаев, Торбостаев, 2007, с. 27]. В хакасском фольклоре получил широкое распространение мотив родства и брачных отношений людей со змеями [Катанов, 1907, с. 515–521 и др.]. Заметим, что тема взаимодействия человека и природы все-таки представлена в завуалированной форме. Это, на наш взгляд, можно объяснить ее своеобразной эзотеричностью, а также некоторым переосмыслением и даже нивелировкой отдельных мифологических представлений, связанных с этой проблематикой. Тем не менее анализ фольклорных текстов и этнографических данных с использованием метода реликта позволяют реконструировать воззрения и обрядность, имеющие отношение к змее.

В традиционных представлениях хакасов и других тюркских народов Южной Сибири удачливость, сверхъестественные способности, а также шаманский дар людей связывали с их активным взаимодействием с миром божеств и духов. Одной из форм такого контакта был брачный союз между людьми и потусторонними существами [Дыренкова, 2012, с. 340–341; Потапов, 1991, с. 64–83; Бурнаков, 2006, с. 31–42]. Об этом говорится во многих мифах. Вариант одного из них на хакасском языке был обнаружен нами в НАРХ; он впервые публикуется в нашем переводе. «Однажды три брата отправились на охоту. [В тайге уже к вечеру] один из них раньше всех вернулся к охотничьему балагану – *одаг* – и обнаружил, что вокруг него обвилась огромная змея. Человек не понимал змеиного языка [и не знал, что делать]. Тут, змея, шипя, подполз-

ла к нему поближе и сплюнула на землю свою слюну [в виде пены]. Охотник проглотил ее. После этого он стал понимать язык змей и других животных. [Теперь] змея говорит охотнику: “Завтра на том горном хребте [показала] я буду биться с Ханом лягушек. Ты должен подстрелить моего врага. В награду за это ты получишь от меня счастливую жизнь”. На следующий день ближе к обеду началась борьба между ханами змей и лягушек. Охотник прицелился и выстрелил – попал прямо в лоб лягушке [та упала замертво]. После этого Хан змей подполз к человеку и говорит: “Теперь давай поедим ко мне в гости. Я хочу тебя отблагодарить. Все что попросишь – отдам, ты ведь спас мне жизнь (букв. душу)”. Змея посадила его себе на спину и стремительно помчалась (букв. побежала рысцой). Приехали. Стали входить внутрь какой-то горы. Вдруг охотнику на ухо кто-то невидимый шепчет: “Из того, что Хан змей будет тебе предлагать в награду, ничего не бери, проси только щенка”. Вскоре Хан змей стал предлагать ему различные подарки. Охотник от всего наотрез отказался, попросил лишь щенка. Хозяин был вынужден исполнить желание гостя. Передавая собачку в руки человеку, он его предупредил: “Этого щенка не обижай. Корми его тем, что и сам ешь”. Охотник полностью согласился исполнить данное пожелание.

Возвратившись домой, он стал заботиться о щенке точно так, как и пообещал Хану змей. Как-то раз охотник отправился в тайгу. Вернувшись вечером домой, он обнаружил на столе много разнообразной и вкусной еды. Человек подумал: “Что за чудеса происходят, откуда все это?!” Вкусил яства. Решил все выяснить. В следующий раз, сделав вид, что уходит на промысел, он спрятался и стал наблюдать за тем, что происходит в его доме. И вдруг увидел, как в его доме появилась какая-то красивая девушка и активно принялась за работу по хозяйству. Мужчина сразу же поспешил войти в дом. Красавица не ожидала его увидеть и с укором ему сказала: “Ты пришел в тот момент, когда я еще не успела до конца заплести свои волосы. Поэтому нам не суждено прожить вместе всю жизнь”. После этого они все же стали жить как супруги. У них родилось двое детей. Однако вскоре отношение жены к мужу сильно изменилось. Она больше не хотела связывать свою судьбу с ним и как-то сказала: “Может ли змея жить с человеком?!” Потом женщина схватила двух своих детей под мышки и отправилась к реке. Муж ее сопровождает. Добрались до берега реки Абакан. Женщина сказала: “Рожденные от человека дети – жалкие”. [Оказалось], что одного из детей звали *Кизирлен*, а другого – *Хазырган*. Мать взяла двух детей и бросила их в середину реки. После этого она, превратившись в змею, нырнула в воды Абакана. А муж так и остался на земле» (НАРХ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 115. Л. 92–93).

Выдающийся российский фольклорист В.Я. Пропп в исследовании «Исторические корни вол-

шебной сказки» [2009] на примере анализа фольклора разных народов мира показал, что во многих произведениях устного народного творчества, в частности в волшебных сказках, в реликтовой форме представлена информация об архаических мифологических представлениях и обрядности, которые определялись социальными институтами, устройством жизни, хозяйственным укладом, стереотипами и нормами поведения и т.д. В данной работе В.Я. Пропп уделит внимание и анализу образа змей. Образ, по мнению исследователя, имел прямое отношение к архаическим обрядам инициации. Полагаем, что с позиции подхода В.Я. Проппа можно рассмотреть и хакасский фольклор. В представленном мифе, как мы полагаем, в реликтовой форме и весьма завуалированном виде также представлена информация об архаическом обряде инициации/перехода, скорее всего, шаманском.

Фольклорно-этнографические сведения позволяют создать следующую реконструкцию мировоззренческого комплекса хакасов. Известно, что ритуал инициации неотделим от воззрений на смерть. По традиции молодой человек, достигнув зрелого возраста, обязательно подвергался испытаниям, в т.ч. связанным с его будущей деятельностью охотника, воина и пр. Они были чрезвычайно болезненными и мучительными, а порой ставили испытуемого на грань жизни и смерти. Однако успешно их преодолев, молодой человек становился равноправным и полноценным членом родовой, воинской или иной структуры. При этом любая инициация символизировала смерть индивида в прежнем статусе и рождение в новом. Такой смысл был заключен и в шаманском посвящении. Во время этого ритуала неопит «умирал» (зачастую несколько раз), т.е. терял качества обычного человека, и возрождался для общества в образе шамана – персоны, наделенной сакральными силами. После ритуала посвящения он до конца жизни был связан определенными обязательствами с потусторонним пространством и его обитателями.

Если рассматривать в этом контексте выше приведенный миф, то Хана змей можно отождествлять с духом-покровителем. Обращает на себя внимание следующая деталь: полноценное общение между змеей и человеком возникает лишь после того, как последний проглатывает змеиную слюну – частицу самого животного. В.Я. Пропп отмечал, «что глотание в этих случаях связано с инициацией» [Там же, с. 196]. В связи с чем, это действие может быть интерпретировано еще как поглощение змеиного яда и магическое приобщение к внутренней сущности змея, неизбежно влекущее за собой символическую смерть мужчины – представителя профанного мира. Вместе с тем данный акт в полной мере способствует «новому» рождению человека – его включению в сакральный мир. У человека наступает своего рода прозрение – мгновенно

появляется способность понимать язык змей и иных живых существ.

Далее человека испытывают на умение метко стрелять и поражать заданную цель. Герой справляется с этим заданием, т.е. успешно проходит и этот этап. Финальной же стадией его посвящения являлся брак с представителем сакрального мира – змеей.

Рассматриваемый миф интересен тем, что в нем не только передан сюжет брачного союза человека и змеи, но и недвусмысленно обозначено традиционное представление хакасов о мистической связи указанной рептилии с образом водной стихии и горы. Кроме того, в рассматриваемом тексте опять-таки в завуалированной форме представлены топонимические данные. Змея выступает в нем в качестве матери – прародительницы двух рек – Кизира и Казыра. Добавим, что в фольклорном наследии хакасов имеются и другие варианты этого мифа, в которых топонимический сюжет раскрыт более полно [Катанов, 1907, с. 515–521; 1909, с. 282].

Обратим внимание на то, что в рассматриваемом произведении эпизод, связанный с входением человека внутрь горы, где живет Хан змей, очевидно, неслучаен. В культуре хакасов широко распространен культ гор. Эти природные объекты воспринимались неким сакральным плодотворящим центром и непрерывным источником жизни. Именно на горах совершались такие важнейшие коллективные обряды жертвоприношения, как *таг тайыг* – ‘жертвоприношение горе’ и *тигир тайыг* – ‘жертвоприношение небу’, во время которых люди просили благополучия и счастья, а также устранения всевозможных страданий. Они верили в то, что духи гор могли призывать на шаманское служение будущих камов и определять их атрибутику, в частности, бубны. Чаще всего на горах находились кладбища, где хоронили обычных людей. Поэтому совершенно не случайно практически каждый хакасский *сёёк* почитал определенную гору как святыню.

В традиционном мировоззрении хакасов духи-хозяева гор – *таг ээлері* – ‘горные хозяева’ или *таг кизілері* – ‘горные люди’ – воспринимались в качестве далеких предков, оказывающих существенное влияние на жизнь и судьбу человека. Хакасы верили и до сих пор продолжают верить в возможность заключения браков между обычными людьми и горными духами. Предполагается, что инициаторами этих отношений чаще всего выступают сами мистические горные девы/женщины. Согласно традиционным представлениям, для людей, занимающихся охотничьим промыслом, такой брачный союз гарантирует успех в их профессиональной деятельности и получение материальных благ. При этом в традиционном сознании народа горные духи могли выступать как в антропоморфном, так и зооморфном облики. Сре-

ди последних наиболее часто встречаемыми были змееподобные существа.

Горы, скалы, камни и пещеры являются излюбленными местами обитания змей. Вполне естественно, что в мифологических представлениях хакасов горный дух и змея – трудноотделимые друг от друга персонажи. Более того, они нередко сливаются в едином образе.

В хакасском фольклоре образ горного духа в виде змеи получил широкое распространение. Герой сказки «Золотая чаша» оказывает помощь Хану змей, который одновременно является хозяином горы. В награду он получает волшебного жеребенка и право жениться на родной сестре Хана змей. Ему дарована достойная и безбедная жизнь [Золотая чаша, 1975]. В легенде о богатырке Паян Хыс героиня видит вещий сон о предстоящем браке с Хозяином горы. Жених является к ней в образе змея [Паян Хыс, 2006]. В произведении «Табанах матыр» дочь хозяина горы Хара-тасхыла предстает перед героем в виде гадюки [Табанах матыр, 2014]. В сказке, записанной князем Н.А. Костровым у хакасов еще в XIX в., персонаж по имени Таганак-Матыр отправляется к Змеиному царю, чтобы пожаловаться на волка, который загрыз его любимого коня [1884]. В этом сюжете получили отражение традиционные представления хакасов о том, что все дикие животные принадлежат *таг/тайгы ээзі* – хозяину горы/тайги и беспрекословно ему подчиняются, а он несет за них полную ответственность. В соответствии с такими убеждениями верующие во время обряда жертвоприношения этому божеству молили его о том, чтобы он не позволял хищным зверям уничтожать их домашний скот. Поэтому вполне обоснованным, на наш взгляд, является вывод фольклориста П.А. Троякова о том, что Хан змей – это фольклорный образ, который связан «в своих истоках со священным представлением о хозяине горы, обретшем сказочные качества» [1991, с. 316].

Анализ приведенных фольклорных текстов позволил выявить и реконструировать традиционные представления хакасов о змее не только как о священном животном, но и как о сакральном брачном партнере избранных людей, в т.ч. шаманов. В культуре хакасского народа образ этой рептилии имел непосредственное отношение к социальным практикам инициации и шаманским посвящениям. В традиционных представлениях змея связывалась с духами-хозяевами воды и горы.

Змея – сакральный благодетель и ее чудесные атрибуты

В мировоззрении хакасов отдельные горы/скалы с огромными пещерами – это ставка *Чылан хан’а* – ‘змеиного царя’, которую в народе называли *чылан*

ордазы. Считалось, что подобные сакральные места можно было распознать по исходящим оттуда клубам пара [Бутанаев, Торбостаев, 2007, с. 27]. В хакасском фольклоре довольно распространенным является сюжет об охотнике, который заблудился в тайге из-за непогоды или иных обстоятельств и случайно попал в глубокую пещеру, находящуюся в высокой горе/ скале. Именно в ней располагалась змеиная орда. Змеиный хан предстает перед охотником то в образе огромной змеи, то – человека-великана. При этом он не только не трогает охотника и сохраняет ему жизнь, но и великодушно разрешает ему перезимовать в своей пещере вместе со змеями и даже обещает помочь вернуться домой. Охотнику, чтобы он не погиб с голоду, предлагается трижды лизнуть белый камень – *ах тас* или *чылан арбызы* – ‘змеиное счастье’. Человек следует совету и чудесным образом насыщается. Кроме того, он сразу начинает понимать язык всех животных, в т.ч. змей. Его зимовка проходит в дружеском общении со змеями. Весной *Чылан хан* вывозит человека на своей спине на поверхность земли – в тайгу, но берет с него слово, что тот никому не расскажет о случившемся. Змеиный царь предупреждает, что в противном случае охотника ожидает смерть.

Оказавшись в тайге, человек думает о том, чтобы вернуться домой не с пустыми руками, и тут же начинает охотиться. Он крайне удивлен тем, что зверь каким-то чудом сам идет к нему в руки. Охотник настрелял много зверей и с богатой добычей отправился домой. Он возвращается в родные места и узнает, что именно по нему в этот день люди справляют поминки. Родственники, увидев человека живым и невредимым, очень удивились. Обрадовавшись, они крепко напоили охотника аракой и стали расспрашивать его о приключениях. В состоянии глубокого опьянения человек полностью раскрыл свою тайну. На следующее утро, пробудившись и осознав произошедшее, он решает идти в тайгу на встречу с *Чылан хан’ом* и берет с собой большой запас араки. Вскоре происходит встреча. Хан змей в гневе из-за нарушенного уговора сначала пытается расправиться с охотником. Тот, глубоко и искренне повинившись перед *Чылан хан’ом*, посетовал на то, что был пьян и поэтому не сумел совладать с собой. Охотник предложил змею выпить араки и испытать ее силу. Тот согласился и выпил все, что ему принес охотник. Изрядно опьянев, змеиный царь вдруг проявил свой буйный нрав и стал крушить тайгу. Это продолжалось три дня. Затем *Чылан хан* устал и проспал три дня. Очнувшись, он понял, что происходит с пьяным и простил человека. Охотник же после этого стал очень удачливым. Всегда добывал много зверей. И стал жить в достатке и покое [Охотник..., 2006].

В представленном мифе выражена традиционная концептуальная идея смерти и возрождения. Причем

обретение нового статуса, как видно из текста, происходит именно в результате сакрального взаимодействия человека и змеи. Охотник, попав в пещеру – нутро горы – сакрального центра, где располагается змеиная орда, по сути входит в потустороннее пространство. Полное приобщение к обозначенному сакральному локусу и смена мифологического статуса происходят лишь тогда, когда охотник вместе с другими обитателями этого мира – змеями – трижды лизнул белый камень – воплощение змеиной витальности. Я.В. Чеснов отмечает, что образы камня и змеи составляют общемировую универсалию: змеи рождаются из камня, взаимодействуют с ним, контакт с камнем аналогичен укусу змеи [1993].

Обращает на себя внимание то, что герой, пройдя указанное посвящение, получает от змеи сверхъестественный дар – начинает понимать язык животных, а в дальнейшем становится удачливым охотником. В произведении подчеркнут его статус «умершего» для профанного мира. Этот статус обозначен в эпизоде о том, что живые родственники справляют по герою поминки. Кроме того, в мифе указано, что охотнику запрещалось рассказывать о произошедшем. Семантически это может передано выражением – «покойники не говорят».

Согласно сюжету, запрет был нарушен из-за выпитой араки. Образ араки в этом повествовании, очевидно, неслучаен. Известно, что спиртное в обыденном сознании является одним из тех «чудесных» средств, с помощью которого человек освобождается от многих внутренних запретов. В состоянии алкогольного опьянения появляются эйфория и иллюзия некоей свободы, позволяющие человеку нарушить табу. В мифологическом восприятии алкоголь выступает в качестве своеобразного моста, сближающего человека с потусторонним пространством. Подавляющее большинство традиционных ритуалов хакасов, в т.ч. шаманских, проходило с использованием спиртных напитков. В этой связи уместно привести русский фразеологизм: «напиться до чертиков», который передает состояние крайней степени алкогольной интоксикации. Между тем в мифологическом восприятии подобное состояние, возможно, выглядело как контакт с инобытием. Арака в силу своего особого мифологического статуса, как полагали, была способна вывести фольклорного героя за пределы «жизни/смерти». В нашем случае арака едва не привела человека к гибели и вместе с тем именно она, испробованная змеем, спасла охотника от неминуемой трагической участи.

В мифологических представлениях связь змеи с алкоголем и даже определенная ассоциация с ним нашла отражение в таком распространенном фразеологизме, как «зеленый змий». Вероятно, это неслучайно. Змея в традиционном представлении в силу своих природных особенностей является воплоще-

нием мифологической концепции смерти и возрождения. Так, ее регулярный физиологический процесс линьки – смены шкуры – в архаическом сознании воспринимался как гибель и возрождение. В результате в мифологических воззрениях она наделяется определенными трансцендентальными чертами. Такие качества с некоторой долей условности приписываются и алкогольным напиткам. Возможно, это способствовало сближению образов змей и алкоголя.

В фольклорной традиции хакасов есть сюжеты, в которых отражена склонность змей к употреблению араки. В некоторых хакасских сказках змей, чтобы увеличить собственные силы, за раз выпивает десять бочек араки [Катанов, 1907, с. 400–402]. В этой связи вызывает интерес одно из таких мифологизированных повествований, текст которого на хакасском языке был обнаружен нами в архиве: «Недалеко от селения Верх-Аскиз на горах *Чуми хыс* – ‘Семь дев’ один пастух ночью пас скот. Вдруг он обратил внимание на то, что неподалеку от него что-то чернеет. Подошел поближе и увидел, что лежит нечто черное и очень большое. И [тут оно] заговорило: “Я, Чылан хан, – царь змей. Через три дня [сюда] вернусь, ты принесешь мне араки”. Пастух исполнил пожелание змей и в назначенный срок пришел в указанное место. Чылан хан ему говорит: “На берегу Абакана оказалось холодно, теперь направляюсь по этой стороне [т.е. верх по р. Аскиз]”. В награду за угощение аракой змея подарила пастуху шапку» (НАРХ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 115. Л. 78).

В устном народном творчестве хакасов тема встречи человека с царем змей получила довольно широкое распространение. Внешность царя змей описывается, как правило, крайне лаконично. Обычно отмечаются лишь его чернота и огромные размеры. Иногда указываются оригинальные и конкретизированные сведения, касающиеся облика царя змей. Одно из таких описаний на хакасском языке было записано краеведом С.Е. Карачаковым. Приведем его в нашем переводе на русский язык: «Мой дядя Яса (Боргояков Василий Владимирович) по молодости работал наемным работником. Бывал в разных местах. Как-то раз он [с другими людьми] шел по незнакомой местности и увидел, как [неподалеку от них] пересекают дорогу змей. Увидев людей, они захотели напасть на них и ужалить. При этом одна очень большая змея величиной с оглоблю с золотым крестом на лбу (голове) несколько раз ударила по земле своим хвостом, будто говоря: “Нельзя [люддей] трогать, нельзя” [и остановила их]. Это был *Чылан хан* – ‘царь змей’. Змеи [тогда] перемещались в другую местность» [Карачаков, 2004, с. 36].

В традиционных представлениях хакасов встреча со змеями необычного вида (например, белой окраски или же «с темной шерстью» и пр.) сулила человеку

счастье и удачу. По словам информантов, мужчины, которым попадались по дороге змеи, все до одного вернулись с Великой Отечественной войны домой целыми и невредимыми – без единой царапины. Такое везенье люди объясняли встречей с этими пресмыкающимися и их мистической благосклонностью. В народе считалось, что если поймать такую рептилию, снять с нее шкуру, спрятать ее в своем жилище в сундуке или ином месте, то в такой дом непременно придет счастье и благополучие (ПМА. 2004. Записал А.А. Бурнаков).

В хакасской традиции не только кожа, снятая с пресмыкающихся, но и любой змеиный выползок – *чылан кибі* – наделялся сакральными свойствами, в т.ч. продуцирующими и апотропеистическими. Считалось большой удачей, если человек нашел выползок, который был ориентирован головой на восток. Его мистическая сила, как полагали, будет способствовать кратному увеличению поголовья скота и общему благосостоянию людей. Бытовали приметы: если найденная шкурка была целой, то обнаруживший ее человек проживет долгую жизнь; если шкурку обнаружит путник в рваной одежде, то продолжительность его жизни будет средней. Змеиную кожу, зашитую в белую материю, подвешивали к детской колыбели и использовали в качестве оберега [Бутанаев, Торбостаев, 2007, с. 28].

Хакасы полагали, что некоторые змеи имеют на голове рога – *чылан мүүзі*, их может увидеть только счастливый человек. По народным воззрениям, рога были наделены волшебными качествами, приносили счастье и богатство их обладателю, «они парализуют жадность у человека. Если показать мифические змеиные рога любому скряге, тот, не жалея, отдаст любые свои накопления» [Там же]. Представления о волшебных змеиных рогах нашли отражение и в хакасском фольклоре. В нем имеется упоминание о том, что их использовали при изготовлении смертоносного оружия – сабеля и копий [Девушка..., 1975; Дочь старика, 2014].

Змеиным атрибутом называли красный коралл – *чылан суры*. Согласно народным представлениям, он имеется только у белых змей и расположен под их языком. Существовало поверье: если человек сумеет раздобыть *чылан суры* и так же, как змея, положит под свой язык, то станет невидимым [Бутанаев, Торбостаев, 2007, с. 28].

Рассмотренные фольклорные и этнографические материалы свидетельствуют о том, что в культуре хакасов были широко распространены представления о взаимодействии людей со змеями и их главой – *Чылан хан’ом*. Бытовало убеждение, что результат подобных контактов для людей, как правило, был благоприятным. Они становились обладателями сверхъестественного дара – понимали язык живот-

ных, получали различные материальные блага, им сопутствовала удача. Однако положительный итог подобного взаимодействия во многом обуславливался традицией, главным образом дарообменом. Человек получал всевозможные блага взамен услуги либо за жертвенные подношения змеям.

Змея в народной медицине

Сакрализация змеи содействовала ее широкому использованию в народной медицине. Хакасы верят, что в природе есть особые змеи, которые мистическим образом связаны с отдельными людьми. Если человек заболевает, они приходят ему на помощь и исцеляют. Об этом говорится в народной быличке: «Один человек сильно заболел. Однажды летним днем он уснул в лесу. В это же время мимо него проходил какой-то человек. И вдруг он заметил, как из рта спящего человека выползла белая змея. Она переместилась в траву с цветами и, сильно извиваясь, стала чистить об них свою кожу. Это продолжалось до тех пор, пока она не очистилась до своего естественного черного цвета. [Оказывается], что из-за внутренней слизи [т.е. болезни] человека змея, вбиравшая ее в себя, полностью побелела. Для того, чтобы еще раз почистить внутренности человека, она вновь проникла внутрь через его рот. [Через какое-то время] снова выползла из него. Она так же была беловатой, но уже не такой ярко-белой, как в первый раз. Змея снова стала чистить свою шкуру, обтираясь об траву и цветы, пока не почернела. Когда она в третий раз попыталась войти внутрь спящего, человек, наблюдавший за всем этим, испугнул ее. Потом он разбудил его и спросил о том, что ему приснилось. Тот ответил, что во сне он пил много холодной воды. Отметил, что никогда [в жизни] такой холодной воды не пил. Очевидец рассказал человеку об увиденном – о том, как змея дважды вползала в его рот и выползала оттуда, поменяв при этом цвет. В результате через какое-то время тот человек, который непосредственно контактировал со змеей, полностью исцелился от своего недуга» (ПМА. 2004. Записал А.А. Бурнаков).

В традиционных представлениях хакасов образ змеи-целительницы был столь развит, что чудодейственными лечебными свойствами наделялось практически все ее тело, особенно кожа, желчь, жир, кровь и пр. Люди верили в магическую и целебную силу сбрасываемой змеей шкуры. Ее использовали при приступах малярии (привязывали к шее), при болях в пояснице (прикладывали на соответствующее место) [Бутанаев, Торбостаев, 2007, с. 28]. В народе считалось, что шкура этой рептилии имеет сакральные свойства и помогает женщинам при трудных родах. «Роды значительно облегчаются, если поперек

спины или живота положить цельную змеиную шкуру, найденную в степи или в горах» [Катанов, 1899, с. 394]. Отметим, что для указанной цели использовали не только змеиный выползок, но и шкуру, специально снятую для этого со змеи. Наш информант сообщал: «Когда встречались две переплетенные в соитии змеи, то их убивали. С них сдирали шкуры и сушили. Когда женщина рожала, то шкурки клали на нее. В этом случае роды проходили легко и быстро» (ПМА. 2005. Боргояков Н.Т., 1931 г.р., с. Аскиз. РХ. Записал В.А. Бурнаков). В некоторых случаях при отсутствии кожи этой рептилии разрешалось использовать пояс или ремень, которым когда-то разъединяли переплетенных в клубок змей [Там же]. В основе подобных традиционных представлений хакасов была вера в имитативную и контактирующую магию: как змея без затруднений избавляется от своей старой кожи, так и женщина может легко разрешиться от бремени. Роженица в данном случае ассоциировалась с образом змеи. Считалось, что для облегчения родов женщине было достаточно соприкасаться со шкурой этой рептилии.

Глубокая вера в мистическую связь между женскими родами и змеями зафиксирована и у северных алтайцев. Быстрота родов женщины, как полагали, напрямую зависела от скоротечности акта разделения человеком двух спаривающихся и свившихся змей, которые встретились ему на пути (ПМА. 2002. Е.С. Тагызова, с. Кебезен, РА. Записал В.А. Бурнаков).

В этнографической литературе имеются упоминания о том, что в прошлом хакасские шаманы с помощью змей лечили болезни глаз [Иванов, 1955, с. 213; Потапов, 1991, с. 194]. К сожалению, авторы не раскрыли сути подобного лечения, поэтому непонятно, благодаря чему происходило исцеление – камланию, когда дух-помощник шамана в образе змеи достигал результата мистическим образом, или использованию камами конкретных средств, изготовленных из кожи либо яда змеи. При этом нельзя исключать ни того, ни другого. Частичный ответ на сформулированные вопросы обнаруживаем в работе Я.И. Сунчугашева «Хам сөстөрү (Шаманские слова)» [1991]. Хакасы, отмечает автор, искренне верили в то, что заболевания глаз насылались определенными духами. При этом они лечили их вполне рациональным медицинским методом, например, смазывали больные органы змеиной желчью [Там же]. Развернутые данные об использовании в народной медицине хакасов для лечения различных глазных болезней желчи змеи представлены в полевых материалах краеведа С.Е. Карачакова. «В аале Кызлас жила старушка, которую звали Тохлах. [Когда-то в молодости] у нее на глазах образовалось бельмо. Из-за чего она стала терять зрение. [В то время] ее отец для того, чтобы излечить дочь, [специально] поймал змею. Убил ее. Вынул ее желчный пузырь. Поднес его к больным глазам дочери и аккуратно вскрыл. Желчь стала течь

прямо на ее органы зрения. Вскоре в ее глазах появился сильный зуд. Она не выдержала этого и стала тереть глаза. Когда она это делала, [в какой-то момент] с ее глаз слезла пленка, по своему виду напоминающая оболочку сырого [куриного] яйца. Так, ее глаза снова стали видеть» [2004, с. 38].

В народной медицине хакасов широко применялись также кровь и жир змеи. Обычно их использовали наружно для лечения кожных и иных заболеваний. Еще в конце XIX в. окружной минусинский начальник князь Н.А. Костров, касаясь этой темы, сообщал, что хакасы «бородавки мажут змеиной кровью» [1884, с. 245]. Кровь и жир змеи применяли в качестве лечебного средства при золотухе (своеобразное проявление у детей туберкулезной инфекции). Ими, как правило, смазывали больные места [Карачаков, 2004, с. 39]. Для избавления от золотухи использовались и другие способы «змеино-го лечения», например, убитую змею целиком прикладывали к пораженному болезнью участку тела. О таком «лечении» С.Е. Карачаков от лица информанта пишет следующее: «Я был еще маленьким. Еще до [Великой Отечественной] войны мы работали в бригаде. Летом стояла жара. Я же в это время заболел золотухой. К моей шее невозможно было рукой прикоснуться, [болело так] словно огонь на ней горел. Из-за ужасной боли ночью не мог уснуть. Как дальше быть, не знаю. Хорошо, меня старший брат выручил. Вечером он принес мне убитую им змею. И на ночь перед сном он приложил ее к моей шее, сделав повязку. Ой-ёй-ёй! Как мне вдруг стало приятно и хорошо! Холодит! Охлаждает! Не спавший в предыдущие ночи, я уснул мертвецким сном, [ощущение было таким] как будто даже и не дышал. После этого жар в моем теле резко спал (старший брат говорил, что на это время пришелся пик болезни). Затем он [какое-то время] смазывал змеиной кровью мою шею. Вскоре все прошло! Смотри, даже и шрамов не видно!» [Там же]. Добавим, что «змеиное лечение» широко использовалось и в народной ветеринарии [Иванов, 1955, с. 213; Потапов, 1991, с. 194].

Итак, в традиционных представлениях хакасов змея наделяется целительной силой. Бытовало убеждение, что этот представитель пресмыкающихся имел мистическую связь с отдельными людьми и во время болезней мог избавить их от недуга. Сакрализация змеи обусловила формирование представлений о лечебных свойствах ее кожи, жира, желчи и т.д. и способствовала их активному использованию в народной медицине.

Заключение

В культуре хакасов змее отводилось одно из важнейших мест. Ее образ получил широкое освещение

в верованиях и фольклоре. В хакасской традиции змее соответствовала многообразная символика. Этот представитель пресмыкающихся был возведен в ранг священных животных, с ним связывались идеи смерти и возрождения, мистического посвящения, в т.ч. шаманского. Змея осмыслялась в качестве духа-покровителя. Мифологическое сознание народа допускало возможность заключения брака между избранными людьми и змеями в образе прекрасных дев. Считалось, что такой союз приносил человеку материальные блага и удачу, но, как правило, был недолговечным и не всегда являлся источником счастья. Все это свидетельствует о том, что в традиционном мировоззрении змея выступала как потустороннее существо, а следовательно, не могла быть одомашнена и в полной мере подчинена человеку. Более того, данный представитель ползучих устойчиво отождествлялся с некоторыми природными стихиями и объектами, такими как вода и горы. В устном народном творчестве зачастую образы духа горы и змеи сливались. Змея нередко осмыслялась в качестве горного духа. Отметим, что культ горы был одним из структурирующих элементов мировоззренческого комплекса хакасов. С ее образом связан ряд представлений, имеющих отношение к идее сакрального центра, плодородия и почитания предков. Змея была включена в круг этих представлений. Она являлась воплощением идеи жизни и смерти, выступала символом плодородия.

В традиционном мировоззрении хакасов одним из основополагающих принципов во взаимоотношениях с природными духами был дарообмен. Любое обращение к природным духам сопровождалось жертвоприношением в различных формах. Так, за получение материальных благ, обеспечение успеха в делах и пр. сверхъестественные существа требовали от человека определенных услуг либо жертвы. Аналогичный подход в полной мере проявлялся во взаимоотношениях человека со змеей, что нашло отражение в фольклоре.

В традиционной культуре хакасов народная медицина выполняла ключевую роль в оздоровлении людей. Существовали как рациональные, так и иррациональные методы лечения. Важнейшее место в них отводилось змее. Для лечения больного допускалось убийство этой рептилии. Ввиду сакрализации ее образа все, что относилось к ее телу, органам, наделялось магической исцеляющей силой и использовалось для лечения различных заболеваний и пр.

В представленной статье затронуты лишь отдельные, преимущественно положительные стороны восприятия образа змеи в культуре хакасов. Вместе с тем в традиционном мировоззрении народа трактовка этого образа не была однозначной. Более того, на фоне других животных, включенных в обрядовую сферу, змея выделяется чрезвычайно сложной, многогранной

и противоречивой природой. Как отмечал В.Я. Пропп, «змеи вообще не поддаются никакому единому объяснению. Его значение многообразно и разносторонне» [2009, с. 221]. Поэтому изучение образа змеи в мировоззрении и обрядовой практике хакасов еще далеко от своего завершения. В представленном исследовании практически не затрагивались вопросы, касающиеся образа змеи в шаманской практике и атрибутике, его связи с Нижним миром, представлений о смерти, тема змеборчества и пр. Изучение указанной проблематики составляет перспективу дальнейших исследований и будет продолжено в последующих работах.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Очерки Минусинского края. – Томск: [Паровая типо-литография П.И. Макушина], 1904. – 61 с.
- Бурнаков В.А.** Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 208 с.
- Буганаев В.Я., Торбостаев К.М.** Офиолатрия // Энциклопедия Республики Хакасия. – Абакан: Поликор, 2007. – С. 27–28.
- Девушка** и лесные братья // Золотая чаша. Хакаские народные сказки и предания. – Красноярск: Кн. изд-во, 1975. – С. 79–81.
- Дочь старика** // Хакаские народные сказки. – Новосибирск: Омега принт, 2014. – С. 513–515. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 33).
- Дыренкова Н.П.** Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.
- Золотая чаша** // Золотая чаша. Хакаские народные сказки и предания. – Красноярск: Кн. изд-во, 1975. – С. 47–53.
- Иванов С.В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского народа // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1955. – Т. 16. – С. 165–264.
- Карачаков С.Е.** Чоныма өдізім айландарчам (Возвращаю свой долг). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2004. – 112 с. (на хак. яз.).
- Кастрен М.А.** Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
- Катанов Н.Ф.** Народные способы лечения у сагайцев // Деятель. – 1899. – № 10. – С. 394–395.
- Катанов Н.Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб.: Имп. Академия Наук, 1907. – Т. 9. – 640 с.
- Катанов Н.Ф.** Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Зап. РГО: сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина, 1909. – Т. XXXIV. – С. 265–288.
- Костров Н.А.** Очерки быта минусинских татар // Тр. IV археол. съезда. – Казань [б.и.], 1884. – Т. 1. – С. 208–248.
- Латкин Н.В.** Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб.: Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1892. – 467 с.
- Охотник** и Змей-хан // Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – С. 22–24.
- Паян Хыс** // Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – С. 68–72.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 320 с.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2009. – 332 с.
- Сунчугашев Я.И.** Хам сөстери (Шаманские слова) // Ах тасхыл. – 1991. – № 39. – С. 140–149 (на хак. яз.).
- Табанак матыр** // Хакаские народные сказки. – Новосибирск: Омега принт, 2014. – С. 375–383. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 33).
- Трояков П.А.** Героический эпос хакасов и проблемы изучения. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. – 326 с.
- Чеснов Я.В.** «Куль оногонов» или «эффективность символов»? (К интерпретации магического лечения у абхазов) // Этногр. обозрение. – 1993. – № 2. – С. 75–88.

*Материал поступил в редколлегию 31.05.18 г.,
в окончательном варианте – 13.11.18 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.131-139
УДК 397 (392.311+ 911.6)

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olymals@gmail.com

«Таежный» и «речной» компоненты в социально-родовой организации нанайцев озера Болонь (Нижнее Приамурье)

В статье рассматривается социально-родовая организация коренного населения долины оз. Болонь в контексте природных особенностей района и миграционных процессов в Нижнем Приамурье. Работа основана на опубликованных и неопубликованных источниках, статистических материалах С.К. Патканова, авторских полевых данных. Исследование проведено с использованием подхода пространственного распределения и изменчивости признаков, разработанного Д.Н. Анучиным, что позволило реконструировать поселенческую систему и определить социально-родовой состав населения в районе оз. Болонь. Раскрыта специфика хозяйственно-культурных контактов оседлого и кочевого населения Нижнего Приамурья. Показано, что район оз. Болонь являлся транзитной территорией, по которой сибирские оленеводы и охотники мигрировали к тихоокеанскому побережью, и одной из зон расселения амурских народов. В этой приозерной местности происходило взаимопроникновение традиций оленеводов и охотников тайги, а также рыболовов больших рек. Проведен анализ системы поселений и родовой организации болоньских нанайцев. Поселенцы выбирали места, которые соответствовали характеру промысловой деятельности и по символически-знаковому наполнению вписывались в их картину мира. Согласно материалам исследования, мелкие коллективы в ходе расселения объединялись или адаптировались крупными территориальными группами и заимствовали их названия. В статье подробно рассматриваются вопросы установления семейно-брачных контактов и регулирования родственных связей внутри болоньской общности. Проанализированы принципы регламентации социальных отношений, зафиксированные в институте брака: роды заключали союз на основе взаимопомощи, они могли вступать в брачные отношения только через несколько поколений. Изучение экзогамных цепочек родов Ходжер, Одзял, Киле, Бельды, представители которых обосновались в районе озера, и опрос местного населения позволили установить, что на озерной территории наряду с патрилинейной системой родства, типичной для тунгусов, сохранялась и матрилинейная, широко распространенная в амурской среде до тунгусской экспансии.

Ключевые слова: болоньские нанайцы, социально-родовая организация, тунгусы, амурский компонент, миграция, поселения.

O.V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: olymals@gmail.com

“Taiga” and “River” Components in the Nanai Socio-Tribal Organization at Lake Bolon, the Lower Amur

This study explores the socio-tribal organization of the Nanai living near Lake Bolon, with reference to environment and migration, using published and unpublished sources, S.K. Patkanov's statistical materials, and our field data. We employ D.N. Anuchin's spatial distribution and variation method for reconstructing the settlement pattern and assessing the socio-tribal structure with regard to the contacts between sedentary and nomadic populations. The Lake Bolon area is a transit territory traversed by reindeer herders and hunters on their way to the Pacific coast, and the place from whence the Amur natives migrated in various directions. This is where the herding, hunting, and fishing traditions merged. The Nanai settlers selected places that matched their

economic specialization, and these places eventually acquired symbolic functions. Small populations merged, adapted, and borrowed the names of large territorial groups. Marital contacts and kinship ties are analyzed in detail. Social relationships were regulated by the Dokha institute: clans concluded alliances based on mutual aid. Intermarriage was allowed only after several generations. The analysis of exogamous clans such as Hodzher, Odzyl, Kileh, and Beldy, which had settled near the lake, and the interviewing of the natives suggest that along with the Tungus patrilineal kinship, the matrilineal system predating the Tungus expansion was still practiced.

Keywords: Lake Bolon, Nanai, socio-tribal organization, Tungus, Amur component, migration, settlement.

Введение

Освоение Средне-Амурской низменности – одна из проблем изучения миграции тунгусов к тихоокеанскому побережью. Данное исследование направлено на выявление причин социального и природного характера, вызвавших движение таежных охотников и оленеводов в зону расселения людей, традиционно занимавшихся речным рыболовством и звероморским промыслом. Прилегающая к Амуру территория с многочисленными речками, связанными с озерами, в какой-то мере должна была отвечать требованиям ресурсной базы таежного охотника. При рассмотрении проблемы в данном ключе важно изучить природный потенциал этого пространства, необходимый для воспроизводства сложившихся хозяйственных практик.

Л.Я. Кастрен, Л.И. Шренк, С.М. Широкогоров, Н.Я. Бичурин на основе этнографических и антропологических материалов установили, что группы тунгусов перемещались по огромной территории, неоднородной по природно-климатическим условиям. Маршруты кочевий мигрантов проходили по лесостепи, горной местности и равнинам, покрытым смешанными и хвойными лесами, что определяло формы их хозяйственной деятельности и социальной жизни [Бичурин, 1950; Кошкин, 1927; Титов, 1926; Шренк, 1883; Shirokogoroff, 1926]. Археологическими исследованиями А.П. Окладникова в районе Ангары и Лены установлено древнее происхождение народов Прибайкалья. Было выявлено сходство артефактов из неолитических памятников глазковской и серовской культур с предметами быта местных тунгусов [Окладников, 1950, 1955]. Г.М. Василевич, опираясь на археологические и этнографические данные, доказала, что береговая лодка-долбленка, сосуды-дымокуры, переносное жилище в виде шатра-чума, детская переносная колыбель овальной формы с высокими бортами являлись не только элементами хозяйственно-культурного комплекса таежных охотников, но и маркерами зоны расселения байкальских племен [1957]. А.В. Смоляк обнаружила много общего в языке и культуре народов Амуро-Сахалинского региона и эвенков. Например, промысловая терминология обитателей Амура сохранила след пратунгусского влияния. В глубокой древности благодаря взаимодействию с населением тихоокеанского побережья переселенцы из восточно-сибирской тайги усовершенствовали ряд орудий рыбо-

ловства и обновили способы рыбной ловли [Смоляк, 1980]. М.М. Хасанова, основываясь на результатах своих этнолингвистических исследований, предполагала, что период адаптации восточно-сибирской общности к новым условиям был непродолжительным. Группы, составившие ядро современного тунгусо-маньчжурского населения, начали прибывать на опустевшую по разным причинам территорию нижнего Амура с XVII в., этот процесс растянулся до начала XX в. [Хасанова, 2007, с. 186–187].

В настоящее время в связи с изучением проблем этнической истории народов юга Дальнего Востока возникла необходимость в детальном рассмотрении межкультурных контактов в нижнеамурской зоне. Проследить изменчивость признаков той или иной культуры в пространственном масштабе помогает подход к исследованию, разработанный Д.Н. Анучиным. Он предлагал отслеживать географию распределения и распространения признаков, присущих определенным антропологическим, культурным типам. «Точками опоры», по его мнению, могут служить места поселения, археологические и природные памятники, содержащие информацию, которая представляет интерес для этнографов, антропологов, историков, фольклористов, археологов. Картографирование определенной категории особенностей (например, формы лексики, детали захоронения, орнаментальные мотивы и др.), как считал ученый, позволяет проследить закономерность в расселении людей, взаимовлиянии культур – процесс поглощения, смешения, доминирования [Анучин, 1902, с. 11–28].

Представить конфигурацию освоенного тунгусами пространства в Средне-Амурской низменности можно на примере расселения общности по берегам оз. Болонь. В начале XX в. в ее составе выделялись четыре крупных нанайских рода – Киле, Ходжер, Одзьял и Бельды. В реконструкции их среды обитания главными элементами выступают расположение и характер жилых зон. Уклад жизни промыслового населения в отличие от оседлого в большей степени зависит от природных условий. Фактический материал, относящийся к периоду до 1920-х гг., наиболее информативен в плане воссоздания отдельных страниц далекого прошлого.

При воссоздании амурской социальной среды особые трудности вызывает определение ее состава. В большинстве этнографических работ, посвящен-

ных нанайцам, рассматривается родовая организация народа, в связи с чем возникает необходимость в раскрытии понятия «род» применительно к обществу болоньских нанайцев [Сем, 1959; Смоляк, 1970, 1975; Shirokogoroff, 1926]. Наибольшая проблема, как отмечала А.В. Смоляк, состоит в выделении социальной единицы амурской среды и определении ее параметров в соответствии с характеристикой классического рода [1970, с. 274; 1975, с. 76–79]. Согласно концепции, принятой отечественными и зарубежными исследователями, род как социальный институт зародился в раннем человеческом обществе и представлял собой объединение родственников, ведущих происхождение от общего предка [Гиренко, 2004, с. 82–83; Козлов, 1970]. При рассмотрении рода в контексте нижнеамурских реалий следует обратить внимание и на другие формы семейно-родственных и трудовых отношений, существовавших в рамках общины, поселения. В окрестностях оз. Болонь территориальные образования тунгусо-маньчжурской группы имели черты, типичные для социокультурных общностей Сибири и Дальнего Востока, соответственно, развитие их родовых институтов носило экзогенный характер.

Озерное и речное пространство как зона хозяйственно-культурных контактов

Разделение населения нижнего Амура на группы было обусловлено природными особенностями территории – чередованием и составом ландшафтных зон, характером амурской гидросистемы (рис. 1). Левые притоки Амура выполняли коммуникационную роль: двигаясь по ним, сибирские тунгусоязычные племена попадали в основное русло реки. Именно в нижней части Приамурья сибирскую тайгу с поймой Амура связывают реки, истоки которых находятся на Буринском (р. Амгунь) и Баджалском (реки Тунгуска и Горин) хребтах. Предгорья в левобережной части Приамурья по сути стали контактной зоной между таежниками и оседлыми рыбаками [Окладников, 2003, с. 393–412]. В пойме Амура связующим звеном являются озера Эворон и Болонь с сетью рек, впадающих в большую реку. Они выполняют важную роль в поддержании баланса ихтиофауны амурской экосистемы. Озера с пресной водой и умеренным течением служат местом размножения для многих видов жилых (туводных) рыб. Весной водоемы заполняются заходящими на нерест и нагул частиковыми, в числе которых – чебак, сазан, карась, амурский сом, щука. Наибольшее значение для промысла имеют протоки, которые в весенне-осенний сезон заполняются не только пресноводными, но и проходными (лососевыми) видами [Гончарова, 2003; Новомодный, Золотухин, Шаров, 2004, с. 6–15, 35–39; Озеро Болонь].

Рис. 1. Территория расселения амурских и болоньских нанайцев.

Археологические находки с берегов р. Тунгуски, датируемые приблизительно VII в. н.э., свидетельствуют о проникновении в этот район тунгусов и сохранении ими в новой среде традиций таежного рыболовства. Наличие среди этих предметов самоловных крючков для удочек, крючков-багров, гарпунов, блесен для зимней и летней рыбалки указывает на то, что на речках с небольшой глубиной практиковался мелкогрупповой лов рыбы. Организация рыболовного хозяйства и промысловый инвентарь у древних обитателей Тунгуски имеют много общего с таковым у народов Сибири, в частности, эвенков [Золотухин, 2013].

Рыболовство на большой реке отличается от озерного и проточного. Исследования, проводившиеся среди амурских нанайцев в сезон лососевой путины, показали важность для промысла речных островов. Косяки кеты и горбуши мигрируют в глубоководной зоне, зачастую в фарватере реки. При высоком уровне воды и широком русле, чтобы выслеживать и промыслить стадо, требуются хорошая физическая подготовка, терпение и сноровка, умение управлять плавсредством при сильном течении (ПМА, август 2011, наблюдения в с. Верхний Нерген, 10, 11.09.2011). Русло Амура не однородно: зажатое между отрогами Сихотэ-Алиня и Баджала, оно разветвляется на рукава и извилистые речки, образует островные участки, мари и пойменные озера. Ценность глубоководных мест в жизнедеятельности населения Амура отметил К.И. Максимович (1861–1862) [Максимович Карл Иванович..., л. 2, 16]. Покрытые кустарниковой растительностью участки суши на середине реки имеют коренные (незатопляемые) берега, иногда вогнутой формы, в плесах часто скапливается рыба. Эти вод-

ные уголки нередко представляют собой тихую заводь, удобную для нереста; большая глубина также благоприятна для транзита лососевых. До начала XX в. на островках в зоне с отвесными берегами часто размещались стойбища с лодками, пришвартованными к противоположным меженным (часто затопляемым) берегам (ПМА, с. Найхин Хабаровского края, информанты Р.А. и А.К. Бельды, август 2011). Жители этих стойбищ имели прямой доступ к рыбным ресурсам, у них не было необходимости проделывать длинный путь к тоневым участкам. Жизненная стратегия населения долины Амура базировалась на опыте, который предполагал знание водного режима реки, разнообразного состава и циклов жизни ихтиофауны, навигации, умение управлять лодкой в различных течениях, использовать в конкретных случаях определенные орудия лова и технические приемы [Бражников, 1900, с. 5–61; Лопатин, 1922, с. 128–129]. Промысловые средства амурского рыбака были более сложными, чем рыболовецкий инвентарь таежного охотника или оленевода. Последнему требовалось время, чтобы приобрести новые профессиональные качества. Наиболее подходящими для рыбной ловли являются протоки, связывающие озера с рекой, через которые частичка скатывается в речной водоем и проходит пути лососевых. На проточных берегах жители таежной полосы и долины больших рек вырабатывали свои приемы лова рыбы.

Водные средства сообщения населения притоков и главного русла Амура представлены легкими маломерными судами, которые можно было без труда переносить. Маневренные на мелководье, они оказывались неэффективными в открытых водоемах с сильным течением. В основном это были лодки – долбленки или берестянки, рассчитанные на одного гребца и предназначенные для сплава по горным рекам, иногда против течения [Сем, 1973, с. 146–147, 153–159]. Вероятно, на подобных лодках тунгусы проникали в долину Амура. В дальнейшем освоение нового пространства для пришлого населения стало возможным благодаря заимствованию амурского образца лодки [Там же, с. 151].

У горинских нанайцев сохранились воспоминания о маршруте их следования к орочам, проживающим на побережье Татарского пролива. Сначала они двигались на лодках-берестянках по р. Горин – притоку Амура. Пройдя через устье Горина, нанайцы спускались вниз по реке к устью Амура и доходили до о-ва Лангр, «попутно навещая всех своих родственников», расселившихся по берегам большой реки [Самар, 1990]. В пути лодки, приспособленные для плавания в малых реках, сначала меняли на большие амурские, а затем – на прочные суда, на которых выходили в открытое море. Рассказы информантов помогают представить характер интеграции нижеамурских наро-

дов, который определялся опытом жизни в условиях тайги. Привычным окружением пеших охотников и оленеводов была тайга «с небольшими быстрыми речками», которые являлись главными ориентирами в пространстве. Большая река с мощным течением их пугала. Покинув тайгу, ее жители оседали на протоках и боковых реках Амура, связанных с группой озер (Эворон, Болонь) [Хасанова, 2007, с. 187]. Эти территории были ресурсной базой и стартовой площадкой для освоения долины Амура, местом взаимопроникновения традиций таежных охотников и амурских рыболовов.

Поселения и родовой состав нанайцев озерного пространства левобережной части Амура

Система поселений и фамильный состав жителей являются свидетельствами их миграционной активности на участке, прилегающем к оз. Болонь (рис. 2). Наиболее информативный источник – данные С.К. Патканова по Хабаровскому окр. Приморской обл., представленные в Материалах переписи 1897 г. Зафиксированные им кочевья с гольдским населением – Жапэ (Джапэ), Немасо, Сомоомо, Хутун, Гогда-Мунгали, Пуди (Пудди), Хэрэлыгу, Хэвэчэнь, Сэпорюна (Сэпорэло) – располагались на левом берегу оз. Болонь, кочевья Нэргуль и Болонь – на левом берегу протоки Хаунси, кочевье Утьку – на левом берегу протоки Надьки, кочевье Надьки – на правом берегу. Без указания местоположения в списке приводятся названия поселений – Ордан, Тьркэль (Хулусэнь), Ойта (Ойтада), Лимпань [Патканов, 1912, с. 959–960]. В них отмечено в среднем пять-шесть хозяйств с численностью 33 чел. В самом крупном селении Болонь насчитывалось 26 хозяйств с населением 116 чел.; самое мелкое кочевье – Ойта – состояло из 1 хозяйства и 6 чел. [Там же]. Интересен родовой состав населения указанных стойбищ. В Материалах переписи 1897 г. в этом районе выделены нанайские роды Бэлдай (Бельды), Килэнь (Киле), Ходзяр (Ходжер), представлявшие собой переплетение различных генетических линий. В каждом из стойбищ проживали представители разных родов. Место нахождения некоторых поселений определить сложно, поскольку часть из них исчезла, многие были переименованы и перенесены в незатопляемые места уже в период создания колхозов. На момент сбора информации С.К. Паткановым самую большую группу составляли временные поселения, которые, судя по численности их жителей, были основаны объединениями промысловиков. Результаты недавнего опроса старожилов из числа болонских нанайцев селений Ачан и Джуен позволяют воссоздать картину освоения берегов Бо-

Рис. 2. Участок долины оз. Болонь. Черными кружками обозначены стойбища родов Одзял, Киле, Ходжер.

лони. На левом берегу озера каждый мыс (Сактахонко, Япанкахонко, Нучихонко и т.д.) занимало стойбище (ПМА, Амурский р-н Хабаровского края, информанты И.В. Гаер, В.М. и Л.А. Киле, 23, 24.06.2016). С.К. Патканов упоминает целый ряд находившихся в этой зоне кочевий представителей определенных нанайских родов. В Жапэ (Джапэ) промысловый коллектив включал членов родов Бельдай/Бельды (32 чел.) и Килэнь/Киле (15 чел.), в Сомоомо – членов рода Бельды (14 чел.). Все остальные малочисленные селения на левобережье были основаны представителями рода Киле. На протоках, соединяющих озеро с Амуром, обосновалась, помимо родов Киле и Бельды, группа Ходжер. Отметим, что в одном из самых многочисленных поселений – Сэпорюна/Сопорэло, расположенном в левобережье, проживали члены рода Киле (184 чел.), в другом, на протоке Хаунси, – родов Киле (12 чел.) и Ходжер (104 чел.) [Патканов, 1912].

В 1970-е гг. исследователь образных слов в тунгусо-маньчжурских языках Н.Б. Киле попытался определить семантику некоторых топонимов района оз. Болонь. В его отчете, который хранится в архиве Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, приведены уже измененные названия прилегающей к озеру местности, более созвучные современным картографическим топонимам. Перечень родов, составленный Н.Б. Киле, дополнен родом Одзял, в списке стойбищ указаны Болан (Болонь), Зуен (Джуен), Ордан, Япан, Нергуль. В зону расселения родовых групп Киле, Ходжер, Бельды, Одзял входят речки Натки, Симин и Харпи. Зафиксированное в последней трети XX в. сокращение количества поселений, по мнению Н.Б. Киле, следует связывать с исчезновением мелких поселений, слиянием временных поселений – стойбищ, а также укрупнением населенных пунктов по Амуру в ходе коллективизации и промышленного освоения территории. В своем отчете Н.Б. Киле отмечает, что в 1930-е гг. нанайские роды были переселены в села Болонь и Джуен [1977, л. 47–48]. В 1977 г. с. Болонь переименовали в Ачан. Как следует из отчета Н.Б. Киле, вблизи протоки Серебряная у подножия горы Гокдакта (у автора отчета – Кадан Хонкони [Там же, л. 49]) раньше находилось стойбище рода Одзял. Другое название оронима Кадан Хонокони – Озал Хонкони («Утес Одзяла»); оно встречается в записях Р.К. Маака 1855 г. [1859, с. 192–193]. По речке Накка размещалось стойбище Ходжеров, у мыса Нергуль – рода Киле. До начала

XX в. родовые группы жили обособленно. Выбор мест поселений вблизи протоки, соединяющей озеро с рекой, был обусловлен направлением хозяйственной деятельности поселенцев. Основой жизнеобеспечения у местных коллективов был вылов как озерной, так и проходной рыбы (ПМА, с. Ачан, Хабаровский кр., информанты Л.А. и В.М. Киле, 24.06.2016).

Результаты детального анализа родового состава нанайцев, проведенного А.В. Смоляк и Ю.А. Семом, служат базой для реконструкции миграционной активности в районе оз. Болонь. Следует отметить, что крупные родовые объединения – Ходжер, Бельды, Киле, Одзял, причисленные в начале XX в. к нанайцам, – в ходе расселения в долине Болони адаптировали мелкие территориальные группы. Генезис вышеперечисленных конгломератов, являющийся предметом дискуссии, дает возможность более четко обрисовать этнокультурный облик болоньской группы местного населения. В нанайском обществе, хотя разделение родов по территориальному принципу не отмечено, каждое селение формировалось по принципу территориально-соседской общины. Еще в начале XX в. можно было выделить особенности в расселении и направлениях миграций тунгусской группы, обусловленные приоритетами хозяйственной деятельности. Изучение

родов Бельды и Киле выявило, что их основу составили выходцы из различных районов Азии.

Необходимо прояснить вопрос о самоназваниях и взаимоназваниях групп. Ю.А. Сем связывал слово «Киле» с этнонимами «Тели», «Цилен (Килен)», восходящими к самоназванию группы, обитавшей в районе Уссури в VI – начале VII в. В VIII–X вв. эта общность расширилась за счет притока на Амур и Сунгари тунгусов, которые могли участвовать в формировании населения Кореи и Северного Китая. В состав Киле также вошли недавние переселенцы с Амгуни и Буреи, ассимилированные тунгусами [Сем, 1959, с. 6]. Интересно, что исследователи второй половины XIX – начала XX в. выделяли *кили*, как и *самагирцев*, в отдельную этническую группу. По культуре и языку они отличались от соседей. Их ареал включал левые притоки Амура, в т.ч. реки Кур и Урми с хорошими охотничьими угодьями [Шренк, 1883, с. 34–35]. А. Липский считал *kilen* (*кили*) самостоятельным народом, который влился в гольдскую группу. Нанайские роды Удынка, Донка и Юкаминка являлись территориальными подразделениями *кили*. Исследователь очертил территорию их обитания – р. Тунгуска и оз. Болонь (ветвь Дункан) [Липский, 1925]. А.В. Смоляк также связывала этноним *килор* с самоназванием эвенков [1975, с. 120]. Этот род был очень разветвленным и многочисленным. Зафиксированная в 1897 г. большая группа Киле, проживавшая в селах Дондон, Торгон и Найхин, состояла из двух ветвей. Первую ветвь образовали несколько поколений выходцев с Амгуни. Вторую ветвь представляли предки удэгейцев Кимонко с р. Хор. Как и Ю.А. Сем, А.В. Смоляк этот родственный коллектив возводит к населению притоков Уссури. В прошлом уссурийская группа переселилась на р. Хор; породнившись с немногочисленными местными удэгейцами, она стала называться Кимонко. Прибывшие на р. Анюй, Кимонко смешались с амурскими Киле и заимствовали у них название [Там же, с. 120–121].

Формирование конгломерата Бельды также происходило на обширной территории. Ю.А. Сем указывал, что вначале Бэльдэи составляли самостоятельную родовую общность, расширившуюся в XVIII–XIX вв. за счет адоптируемых групп. В итоге в этом конгломерате выделились три ветви, образованные различными территориальными подразделениями – автохтонными (4 подразделения), тунгусскими (30) и с примесью айнов (13). При рассмотрении образования территориальных групп следует обратить внимание на то, что в состав Бельды, как и рода Киле, вошли переселенцы с Уссури. Последние входили в объединение солонов, которое именовало себя Борал; эта родственная общность позже переселилась на Амур. С районом Уссури связана группа Мориал, представители которой занимались огородничеством и рыболовством. Эту груп-

пу причисляют к потомкам древнего рода Мулинов/Моринов, проживавших в XVII–XVIII вв. по обоим берегам Уссури [Сем, 1959, с. 8–9]. А.В. Смоляк привела список территориальных подразделений Бельды, наименования которых соответствуют названиям населенных пунктов и протоков, откуда прибыли мигранты. Ю.А. Сем, причисляя территориальные названия к этнонимам, расширил список нанайских родов. Например, указанную в его перечне группу Мориал (Морил) А.В. Смоляк считала территориальной. Ее название появилось недавно; в переписи 1897 г. оно не было зафиксировано [Сем, 1959, с. 8–9; Смоляк, 1975, с. 111–112]. Остается нерешенным вопрос о генезисе родов Актанка и Перминка. Жители сел Найхин, Джари, Дада утверждали, что верховые Бельды именуют себя Актанка. Нанайцы из рода Бельды считали Перминка своим подразделением, а не самостоятельным родом. По данным А.В. Смоляк, некоторые представители родов Актанка и Перминка отрицали родственную связь с Бельды, т.е. только часть Актанка и Перминка вошли в состав крупного рода [Там же, с. 118–121].

Род Ходжер/Хэджэр, по данным Ю.А. Сема, объединял 15 патронимий и был более компактным, по сравнению с родами Бельды и Киле. Его формирование происходило на территории Приамурья и в долине р. Сунгари. Ю.А. Сем считал, что его ядром являлся древний маньчжурский род Хэчжэры/Хэчжэ. Кроме того, одна ветвь и два подразделения рода Ходжер/Хэджэр ведут происхождение от земледельцев Дунбэя и китайцев пров. Шаньдун. С переселением на Амур эти группы расширились за счет автохтонного населения и тунгусов [Сем, 1973, с. 7]. А.В. Смоляк выделила четыре основные ветви в генезисе рода. Одну составили пришельцы с Амгуни, которые, разбившись на две группы, направились к Амурскому Лиману и вверх по Амуру, другую – переселенцы с верховьев Амура и Сунгари, третью – выходцы из Якутии. Четвертая ветвь сформировалась на основе местного населения территории близ оз. Болонь, в нем растворились представители прежних миграционных волн. Род Ходжер, в сложении которого участвовали аборигены обширной территории, менее разбросан, по сравнению с другими большими нанайскими родами, и считает своей исконной родиной окрестности оз. Болонь [Смоляк, 1975, с. 120].

Ю.А. Сем причислил род Одзьял, состоящий из семи подразделений, к аборигенам Сунгари, которые в разные времена переселились на Амур. Родственников Одзьял можно найти среди корейцев и китайцев. По мнению Ю.А. Сема, прямое отношение к роду Одзьял имеет этноним Удзи (Уцзи), встречающийся в маньчжурских документах XVII в. [1959, с. 7]. А.В. Смоляк установила, что в формировании болоньских и хунгарийских Одзьял участвовали вы-

ходцы с Амгуни, которые влились в состав группы Фузьял, проживавшей в Нанайском районе [1975, с. 127–128].

Недавно собранный полевой материал показывает, что в районе оз. Болонь нанайские поселенцы организовывали свое жизненное пространство в соответствии со спецификой их семейных хозяйственных практик. Киле до начала XX в. выбирали участки, удобные для отгона оленей, Ходжер и Одзьял селились вблизи протока. В топонимах поселковых зон, расположенных на левом берегу озера и вблизи Амура, нашли отражение особенности освоения коллективами территории. Многие оронимы и гидронимы обозначают детали ландшафта (они объясняются как «сопка», «утес», «выступ горы», «скала», «мыс», «речка», «река», «озеро», «озерко», «устье»), ориентацию на местности относительно сторон света («горная», «южная», «северная», «северо-западная» сторона, «юго-восточный» и «северо-западный» ветер, расположение по отношению к озеру) или указывают на форму хозяйственной деятельности (Пунгавой хурэни – «гора, под которой собирают грузила (для невода)»; Тэйсин – «место обработки рыбы»). Анализ образных слов в нанайском языке, проведенный Н.Б. Киле, показал, что некоторые топонимы, относящиеся к району оз. Болонь, вписаны в легендарную историю озерных нанайцев [1977, л. 52–54]. Мыс Нергуль, острова Ядасен, Гиудэлгиэн, Писэлгиэн, Баян боачакан выступают как места шаманской силы и отмечены в легендах о «лысой невесте и ее женихе», «ходячих камнях», «каменной рыбе». Это может быть свидетельством аборигенного субстрата болоньских нанайцев. Острова и территория вблизи протока Серебряной, которым соответствует высокая концентрация легендарных мест, относятся к зоне расселения родов Ходжер и Одзьял, предки которых могли входить в число первопоселенцев.

Родственные связи и регулирование родственных отношений в среде болоньских нанайцев

Для выделения прослойки первопоселенцев в составе нижнеамурской группы народов необходимо изучить механизм родства у местного населения. Механизм скрепления родственных связей и формирования родов-конгломератов регулировался определенными этическими нормами, социальными установками и в какой-то мере зависел от природных факторов. Исследователи Н.А. Липская, Ю.А. Сем, А.В. Смоляк, В.А. Туголуков проанализировали такой социальный феномен, как институт *доха*, существовавший у тунгусо-маньчжурских народов низовьев Амура. С проникновением маньчжур на Амур

в XVI–XVII вв. бытовавшие у местного населения традиции владения родовыми землями и угодьями стали разрушаться. Промысловые участки распределялись между отдельными семьями, что привело к конкуренции между ними за право владения территориями, имевшими охотничью или рыболовецкую ценность. К XIX в. в долине реки сложилась ситуация, когда на единой территории могли проживать семьи, относящиеся к разным родам и не связанные между собой генетически. Каждое стойбище представляло собой территориально-соседскую общину с одной хозяйственной территорией. Родовые группы расселялись на достаточно большом пространстве побережья Амура. Утратив территориальную целостность и перестав быть экономической единицей, нанайский род сохранился как социально-религиозное объединение. Род имел единый огонь (*эм тава*) и единое место захоронения (*эм хумун*), соблюдал правило, запрещавшее браки между родственниками (*мэндол аси найва ачаси*), и помогал осиротевшим сородичам в проведении больших родовых поминок по умершему* [Сем, 1959, с. 14]. С распадом родовых общин и сегментацией рода претерпели изменения и отношения *доха*. До этого термин *доха* означал определенные обязанности членов родственного коллектива, например, совместно участвовать в межродовых войнах, соблюдать нормы экзогамии и т.д. С разрывом родовой замкнутости эти обязанности распространились и на новые родовые группы, территориальные объединения, включенные родом-реципиентом в свой состав. По мнению Ю.А. Сема, отношения *доха* заключались между родственными группами единого рода, а также между адаптируемыми и адаптирующими [1959, с. 17]. Исследователь пришел к выводу, что институт *доха* являлся скорее пережитком фратриальной организации нанайцев и соответствовал общественно-религиозному братству (*кэп би доха* – близкое братство). Ранее он регламентировал отношения между дочерними родами братства, позднее – внутри адаптированных родов и территориальных групп. С распадом фратрий функции *доха* перешли союзу территориальных групп. Выделившиеся в XIX в. крупные роды Киле, Бельды, Ходжер и Самар сохраняли организацию фратриальных объединений [Там же, с. 18]. Однако А.В. Смоляк считала, что *доха* характерен только для мелких родовых групп, отношения в крупных нанайских родах регулировались на другой основе. Таким образом, она отрицала связь этого института с общностью, функционировавшей как союз родов, и пережиточный характер данного социального феномена [Смоляк, 1975, с. 130]. В.А. Туголуков на примере социальной структуры орочей и удэгейцев выделил общие этнические

*Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 47, 48, 53.

элементы у тунгусо-маньчжурских народов. Их появление – результат сближения различных территориальных групп – произошло на основе экзогамных запретов, существовавших в рамках института *доха*. Члены кровнородственного коллектива не вступали в браки не только друг с другом, но и с членами других кровнородственных коллективов, разбросанных на обширной территории. В ходе дробления рода удлинялась его экзогамная цепочка; семьи и некоторые ее члены, покинув район исконного проживания, на новом месте обзаводились новым этнонимом, но при этом не теряли связи со своей родней. Из этого следует, что изначально союз *доха* заключался между родственными коллективами, он составлял основу регулирования брачных отношений, установления и контроля социального, религиозного порядка [Туголуков, 1972]. Союз *доха* скреплялся путем выдачи вдовы в чужой род, после чего два рода считались побратимами; они обязывались помогать друг другу в хозяйственных делах, судебных разбирательствах и религиозных мероприятиях, но с соблюдением экзогамии [Смоляк, 1982, с. 241–242].

Внутри больших нанайских родов в брак могли вступать представители разных ветвей, территориальных групп. Например, болоньские Бельды заключали браки с амурскими Бельды. В роде Киле представители удэгейского и амгунского подразделений сначала считались близкими родственниками, поэтому в отношениях друг с другом они придерживались обычая «зажигания лампы», суть которого состояла в поддержании общеродового огня, к которому не имели доступ чужеродцы. В таком родовом объединении сохранялись экзогамные отношения, но со временем запрет на установление брачных связей между подразделениями был снят. Другой конгломерат – род Ходжер – был более компактный и представлял собой сообщество генетически близких людей. Согласно данным А.В. Смоляк, в 1877–1880 гг. на территории близ оз. Болонь браки были регулируемы. Мужья из рода Ходжер брали жен из родов Киле, Одзял, Дигэр. Низовые Одзял состояли в экзогамных отношениях с группой Сайгор. Интересно, что верховые и низовые Одзял даже не слышали друг о друге [Смоляк, 1975, с. 117–121, 127–128, 188].

В среде нижеамурских народов семейно-брачные традиции регулировались установками социально-правового характера. Уже в начале XX в. сформировались порядок выбора брачных партнеров и номенклатура родства. У нижеамурских народов принадлежность к родам определялась не привязкой к конкретной территории с ее природной спецификой, а особенностями социально-религиозных связей. Социальные процессы в группах, проживавших непосредственно в долине Амура и на берегах его притоков, имели различия. У первых бытовала сло-

жившаяся культура речных рыболовов, в которой были элементы культур «таежного» восточно-сибирского населения и «аграрного» южного. В культуре вторых, занимавших территорию близ оз. Болонь с сетью рек, которая была одной из зон диффузного проникновения в этот район тунгусских групп, брачные связи постоянно пересматривались.

Результаты опроса, проведенного в 2016 г. в селах Джуен и Ачан, позволяют сделать вывод о том, что на территории близ оз. Болонь сохранились остатки семейно-брачной системы дотунгусского периода. По словам некоторых анкетеров (опрошены 76 муж. и 26 жен.), до паспортизации их фамилии (родовые имена) наследовались по женской линии. Это позволяет предположить существование у населения этого района матрилинейной системы родства. В.А. Туголуков, рассматривая институт *доха* и левират среди орочей и удэгейцев, отметил важную деталь: согласно обычаю, на вдове мог жениться не только родственник покойного мужа. Потомки женщины, даже от разных мужей, состояли в кровном родстве и между ними запрещались браки. Следовательно, потомство одной женщины было связано одним родовым именем («фамилией»), что не соответствует патрилинейной системе родства, получившей распространение у тунгусов. Экзогамные запреты по женской линии соблюдались в среде айнов и нивхов [Туголуков, 1972, с. 111–112]. Как показали исследования, территория близ Болони являлась социальным «рефугиумом», в котором вплоть до нашего времени сохранялись пережитки амурской родственной системы.

Заключение

Территория, расположенная в предгорьях Баджальского и Буреинского хребтов, на периферии восточно-сибирской тайги и поймы Амура, издревле являлась контактной зоной между сибирскими и амурскими народами. Побережье оз. Болонь с протоками и сетью рек стало одной из первых площадок, где мигрировавшие к тихоокеанскому побережью тунгусы с навыками охотников и оленеводов интегрировались в сообщество рыболовов на больших реках. Их форма освоения новой среды предполагала использование промысловых приемов и технологий, транспортных средств, характерных для малых и больших водоемов. Изменения произошли и в социальной организации болоньского населения. Близость русла реки обусловила приток в эту среду амурского населения, но сохранявшиеся культурные и хозяйственные различия первоначально служили препятствием для смешения данных групп. Обособленное проживание групп, имевших тесные связи с Сибирью или Амуром, фиксировалось до начала XX в. В социальном плане «таежный» или «реч-

ной» компонент присутствовал в родословной жителей стойбищ, происхождение их родов в той или иной степени было связано с территориями Сибири или амурского бассейна. Анализ системы поселений и родственных связей между жителями выявил особенности в формировании населения в районе Болони. Эта территория не входила в зону миграционной активности. Местоположение в периферийной части амурского бассейна определило ее роль своеобразного рефугиума, в котором оседали небольшие группы мигрантов из разных районов Восточной Сибири и долины Амура. Дальнейшее изучение генофонда болонских нанайцев должно помочь в определении масштаба тунгусской экспансии в долине Амура и уточнить некоторые нюансы картины семейно-брачных отношений нижеамурских народов.

Список литературы

- Анучин Д.Н.** О задачах и методах антропологии. – М.: [б.и.], 1902. – 28 с.
- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР, 1950. – Т. 2. – 334 с.
- Бражников В.К.** Рыбные промыслы Дальнего Востока. – СПб.: [тип. В. Киршбаума], 1900. – Т. I: Осенний промысел в низовьях Амура. – 134 с.
- Василевич Г.М.** К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров. По материалам изучения колыбелей // КСИА АН СССР. – 1957. – № 28. – С. 57–61.
- Гиренко Н.М.** Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. – СПб.: Carillon, 2004. – 512 с.
- Гончарова С.В.** Из истории нанайцев озера Болонь // Зап. Гродековского музея. – Хабаровск, 2003. – Вып. 6. – С. 152–153.
- Золотухин С.Ф.** Древнее рыболовство в районе Хабаровска. – Хабаровск: Ковчег, 2013. – 126 с.
- Киле Н.Б.** Образные слова в тунгусо-маньчжурских языках (отчет), 1977. – 87 л. // Архив Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14.
- Козлов С.Я.** К характеристике некоторых социальных структур родового общества // СЭ. – 1970. – № 5. – С. 84–92.
- Кошкин Я.П.** Кастрен – тунгусовед // Памяти М.А. Кастрена: к 75-летию со дня смерти. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 109–129.
- Липский А.** Вводная статья // Первый туземный съезд ДВО. 15–19 июня 1925 г.: протоколы съезда. – Хабаровск: Изд-во Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме Дальревкома, 1925. – С. V–LII.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования // Записки Общества изучения Амурского края. – Владивосток: [б.и.], 1922. – Т. 17. – 371 с.
- Маак Р.К.** Путешествие на Амуре. – СПб.: [тип. Карла Вульфа], 1859. – 320 с.
- Максимович Карл Иванович** (1827–1891). Рукописи трудов. Сведения об Амурском крае, 1861–1862. – 18 л. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 82. Оп. 1. Д. 21.
- Новомодный Г.В., Золотухин С.Ф., Шаров П.О.** Рыбы Амура: богатство и кризис. – Владивосток: Апельсин, 2004. – 64 с.
- Озеро Болонь:** Энциклопедия озер. – URL: <http://megaribolov.ru/index.php/entsiklopediya-rybolova/opisanie-vodoemov/entsiklopediya-ozer/2691-ozero-bolon> (дата обращения 24.05.2018).
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологические исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I/II. – 412 с. – (МИА; № 18).
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазовское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. III. – 374 с. – (МИА; № 43).
- Окладников А.П.** Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 2003. – 664 с.
- Патканов С.К.** Племенной состав населения Сибири (Язык и роды инородцев). – СПб.: [б.и.], 1912. – Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – 1000 с.
- Самар Е.Д.** Род Саманде-Самар-Мох-Монгол // Дальневосточный Комсомольск. – 1990. – 10 нояб.
- Сем Ю.А.** Родовая организация нанайцев и ее разложение. – Владивосток: Изд-во АН СССР, 1959. – 31 с.
- Сем Ю.А.** Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). – Владивосток: Изд-во АН СССР, 1973. – 314 с.
- Смоляк А.В.** Социальная организация у народов Нижнего Амура и Сахалина // Общественный строй у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 264–299.
- Смоляк А.В.** Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
- Смоляк А.В.** Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов Нижнего Амура // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 260–266.
- Смоляк А.В.** Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 223–257.
- Титов Е.И.** Тунгусско-русский словарь (с приложением книги Кастрена М.А. Основы изучения тунгусского языка) / пер. с нем. М.Г. Пешковой. – Иркутск: Чит. краев. гос. музей им. А.К. Кузнецова, 1926. – 179 (266) с.
- Туголуков В.А.** Институт «доха» у удэгейцев и орочей // СЭ. – 1972. – № 3. – С. 105–115.
- Хасанова М.М.** Река в мировоззрении народов Нижнего Амура (к проблеме культурогенеза) // Реки и народы Сибири. – СПб.: Наука, 2007. – С. 182–216.
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. – СПб.: Изд-во АН, 1883. – Т. I. – 323 с.
- Shirokogoroff S.M.** Northern Tungus migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities) // J. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. – 1926. – Vol. LVII. – P. 123–183.

*Материал поступил в редколлегию 22.06.18 г.,
в окончательном варианте – 18.03.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.140-147
УДК 398.22

Я.В. Васильков

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: yavass011@gmail.com

Армянский эпос о неистовых сасунцах и индийская «Махабхарата»: сходство этнографического субстрата

В статье суммированы результаты сравнительного исследования армянского эпоса о «неистовых сасунцах» («Sasna ç'êr» = «Давид Сасунский») и «Махабхараты». Выявлено значительное сходство их этнографического субстрата, прежде всего отражаемой эпосом архаической социальной организации. В древнейшем слое как армянского, так и индийского эпоса сохраняется память о сельском, преимущественно скотоводческом обществе, важную роль в котором играл институт молодежных воинских братств. Отражением этого института в «Сасна црер» можно считать мотивы буйства юных героев с последующим изгнанием, создания ими поселения в лесной глуши, братства юных воинов, защиты ими стад и отражения вражеских нашествий, боевого бешенства, являющегося главной характеристикой всех сасунских героев, образ их неизменного, переходящего из поколения в поколение наставника и предводителя, «дядьки» Кери-Тороса, упоминания оргиастических пиршеств молодежного объединения, следы добранной свободы юношей и девушек и т.п. Использование данных мотивов, очевидно, поддерживалось существованием у армян вплоть до Новейшего времени института юношеских социовозрастных объединений, что засвидетельствовано этнографией. Сравнительное изучение армянского эпоса позволяет выявить в нем прежде скрытые от нас аспекты социально-исторического содержания. Более широкое привлечение материалов армянского эпоса к изучению как индоевропейских, так и иных эпических традиций народов Кавказа и степной Евразии послужит обогащению и развитию сравнительного эпосоведения.

Ключевые слова: армянский эпос, «Махабхарата», сравнительное эпосоведение, этнографический субстрат, социовозрастные объединения, юношеские воинские братства.

Y.V. Vassilkov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: yavass011@gmail.com

The Armenian Epic “Daredevils of Sassoun” and the Mahābhārata: Similarity of the Ethnographic Substratum

The author summarizes the results of his search for parallels between the Armenian epic “Sasna ç'êr” (“Daredevils of Sassoun”) and the Mahābhārata. The comparative study has revealed considerable similarity in the “ethnographic substratum” of both epics, particularly that relating to the archaic social organization mirrored by the epic. The earliest layer of both the Armenian and the Indian epics retains the memory of a rural, largely pastoral society, in which an important role was played by the fraternities of young warriors. In the Armenian epic, this is indicated by recurrent motifs such as the young heroes’ rampage followed by exile, the foundation of their own outpost in the backwoods, young male warriors’ fraternities, their defense of herds, warding off enemy attacks, battle frenzy (a common characteristic of all the Sasun heroes), their immutable tutor and leader (“uncle”) Keri Toros, allusions to orgiastic feasts, premarital freedom enjoyed by boys and girls, etc. In Armenians, these motifs were supported by the existence until the recent times of age sets, described by ethnographers. The comparative study of the Armenian epic reveals its hitherto unnoticed socio-historical aspects. Its wider use for studying other epic traditions (not only Indo-European but also those of other peoples inhabiting the Caucasus and the Eurasian steppes) will contribute to the comparative epic studies.

Keywords: Armenian epic, Mahābhārata, Comparative epic studies, ethnographic substratum, age-set groups, youth warrior brotherhoods.

Введение: индо-армянские эпические параллели

Обратиться к поиску параллелей между армянским эпосом «Сасунские безумцы» («*Sasna č̣eṛ̌*»; в России он более известен под названием «Давид Сасунский») и индийской «Махабхаратой» (далее Мбх) меня побудил пример А. Петросяна, в арменоведческих работах которого [Petrosyan, 2011; Петросян, 2014] уже выявлена общность некоторых мотивов и образов в двух традициях. Ниже будет представлена попытка встречного движения – от индийского эпоса к армянскому. По мере моего ознакомления с армянскими эпическими текстами (к сожалению, только в переводах) вскоре стали выявляться новые параллели.

Историческое содержание армянского и индийского эпоса одинаково многослойно. В Мбх, наряду с отражением эпохи крупных монархических образований и городской культуры в преимущественно земледельческом обществе, сохраняется и наиболее ранний слой воспоминаний об эпохе родоплеменного общества мобильных скотоводов. Высшей ценностью в нем признавались стада. Именно из-за них возникали конфликты между племенами. Регулярный обмен набегами на стада осуществляли *вратьи*, члены молодежных воинских братств (*gaṇa* или *vr̥āta* – «стая»). В ведийской мифологии отражением такого союза юных воинов является *гана* Марутов, божеств бури, сыновей грозного бога скотоводов Рудры, братьев-ровесников, на боевой колеснице которых вместе с ними стоит их общая подруга – юная богиня Родаси.

Индийский эпос, складывавшийся в воинской среде, сохранил наследие архаического героизма лучше, чем жреческая поэзия «Ригведы». Эпическим отражением братства юных воинов являются, по-видимому, пятеро главных героев Мбх – братьев Пандавов. После смерти отца, царя Панду, братья растут при дворе дяди, царя Дхритараштры, и постоянно конфликтуют с его сыновьями, царевичами Кауравами. Чтобы отделаться от племянников, Дхритараштра позволяет им основать собственное царство в удаленной лесной области. Когда Кауравы посредством колдовства и обмана при игре в кости лишают их царства, Пандавы, в сопровождении своей общей супруги Драупади, скитаются по лесам, совершая всевозможные подвиги [Held, 1935, p. 308; Witzel, 2005, s. 41; Васильков, 2010, с. 307–310].

Другая группа эпических персонажей, в которой тоже можно видеть воинское братство, – это окружение друга Пандавов Кришны, молодежь из племени ядавов. На их буйных ритуальных празднествах льется вино, присутствуют девушки, а сами юные воины приводят себя в состояние неистового, звериного бешенства, что в итоге кончается трагедией: на послед-

нем из таких празднеств воины Кришны, хмельные и обуянные яростью, полностью истребляют друг друга [Васильков, 2009, с. 51–53].

Здесь будет достаточно ограничиться констатацией того, что в древнейшем слое содержания Мбх мы находим воспоминания о родоплеменном обществе воинственных скотоводов, в котором представляется естественным для сыновей царя объезжать пастушьи станы, пересчитывать и клеймить собственноручно скот, совершать набеги на стада соседей или отражать подобный набег (Мбх I, 205; III, 227–229; IV, 33–62; все ссылки на санскритский текст Мбх по: [Mahābhārata, 1933–1966]).

В историческом содержании армянского эпоса тоже можно выделить слои, относящиеся к разным эпохам. Академик И.А. Орбели в предисловии к переводу сводного текста «Сасна црер» справедливо заметил, что в значительной части его историческое содержание определено борьбой с арабами и Багдадским халифатом, но в эпосе присутствует также множество наслоений предшествующих эпох, а возникновение некоторых «моментов этого эпоса отделено от нас не одним, а многими тысячелетиями» [1939, с. IX].

Общий этнографический субстрат двух эпосов: братства юных воинов

Наибольшее сходство с индийским эпосом обнаруживается в древнейшем слое содержания «Сасна црер» и именно в том, как в нем преломляется этнографический субстрат эпоса. Этот термин, предложенный Б.Н. Путиловым, охватывает используемые эпосом мифоритуальные модели, а также архаическую социальную организацию. Далее я постараюсь показать, что в «Сасна црер» и Мбх аналогичным образом отражены сходные формы архаической социальной организации как составляющей этнографического субстрата эпоса. Мое внимание к группе мотивов, входящих в этот слой, было привлечено статьей А. Петросяна о «черных юношах» – *t'ux manuk* [Petrosyan, 2011], в которой образы данных персонажей армянского фольклора возводятся к архаическому институту молодежных воинских братств и мифологическим «членам боевой дружины бога грозы». Индийскую параллель армянским «черным юношам» автор усматривает в мифологических группах юных воинов – Рудры и Марутов, составляющих дружины Рудры, бога бури, и Индры, бога-громовержца. Земным эквивалентом этих мифологических групп являлись как раз упомянутые выше в связи с Мбх *вратьи*, предводитель которых мыслился воплощением Рудры.

Первое, что бросается в глаза индологу при знакомстве с армянским эпосом, – это юность сасунских героев. Большинство подвигов они совершают в дет-

стве и юности. В детстве все герои «Сасна црер» – основатели Сасуна, братья Багдасар и Санасар, сын последнего Мгер Старший, внук Давид и правнук Мгер Младший – отличаются необычайной силой и буйным нравом. Маленький Санасар в Багдаде сворачивает шею сыну визиря. В городе царя Теватороса братья в игре калечат местных детей [Давид Сасунский..., 1939, с. 15, 34–36]. Маленький Давид нечаянно убивает и увечит детей знати в Мсыре, отправленный в Сасун, калечит сверстников и там [Там же, с. 162–163, 192–193; Армянский народный эпос..., 2004, с. 269–270]. Шестилетний (или даже двухлетний) Мгер Младший перебрасывает мост через реку в Сасуне и бьет всех, кто идет по нему: «Зачем идете по моему мосту!». Когда же горожане идут через реку вброд, он бьет их со словами: «Я для вас перекинул мост. Зачем же вы вброд пошли?» [Давид Сасунский..., 1939, с. 335–336]. Подобный эпизод есть и в Мбх (III, 106.10–15): юный царевич Асаманджас, сын царя Сагары, «хватая за пятки беспомощных, плачущих детей горожан, сбрасывал их в реку»; горожане пожаловались царю, и тот изгнал сына из города.

Буйство юных сасунских героев тоже влечет за собой изгнание. Санасара и Багдасара царь Теваторос выдворяет из города, правда, разрешая им на своей земле основать собственное поселение – Сасун [Там же, с. 36–43]. Давида сасунцы отправляют в горы пасти скот [Там же, с. 192–194; Армянский народный эпос..., 2004, с. 171]. Мгера Младшего после побоища у моста отсылают к деду в Капуткох. Горожане и там обеспокоены его буйством, и мать вынуждена отправить сына на охоту под присмотром двух своих братьев. В ссоре он нечаянно убивает обоих дядьев, после чего дед высылает Мгера обратно в Сасун [Зарьян, 1973, с. 219–222].

Буйство юного героя является одной из мотивировок его изгнания – важнейшего элемента завязки как эпоса, так и волшебной сказки [Пропп, 1969, с. 69]. Но существует и много других, например, ненависть мачехи, спор о наследстве братьев, зависть и т.п. Использование армянским эпосом только этой мотивировки ухода героя из дома заставляет предположить, что бытование данного мотива поддерживалось длительным существованием у армян института юношеских социовозрастных объединений, о чем свидетельствуют этнографические материалы (см., напр.: [Варданян, 1967, 1981; Карпов, 1996, с. 206–207]). Он позволял переадресовать нужным образом юношескую агрессивность и вывести ее носителей за пределы селения, на периферию общинной территории. Скорее всего, институт юношеских воинских братств и послужил этнографической основой таких мотивов, как изгнание юного героя за его буйство и «дом в лесу» европейского сказочного фольклора [Пропп, 1946, с. 97–148]. Своего рода «домом в лесу», убежи-

щем удаленных из столицы за буйство братьев и становится Сасун. Параллель к этому есть в Мбх: царь Дхритараштра, чтобы избавиться от племянников, юных братьев Пандавов, позволяет им основать собственное царство в отдаленной, лесной части своих владений, где они и строят свой город – Индрапрастху (Мбх I, 199.24–50).

Эпическая биография каждого из «сасунских безумцев» почти вся приходится на период детства и юности, завершаясь женитьбой и рождением сына, после чего герою остается только умереть или выйти на свой последний бой. Приключения основателей Сасуна заканчиваются тем, что Санасар, сыграв свадьбу с Дехцун и дождавшись рождения сына, умирает [Давид Сасунский..., 1939, с. 106–107]. Мгер Старший, женившись на царевне Армаган, покидает ее на время ради вдовы Мсрамелика, затем возвращается и после рождения сына (Давида) умирает [Там же, с. 146–151; Зарьян, 1973, с. 78–90]. Давид, сыграв свадьбу с Хандут-хатун и дождавшись рождения сына (Мгера), уходит на бой с хлатцами и гибнет от стрелы отвергнутой им первой нареченной либо рожденной ею от него дочери [Армянский народный эпос..., 2004, с. 28–29, 185–187, 294]. Мгер Младший женится на Гоар, но прежде чем супруги разделят ложе, он должен одолеть войско мсырского царя. По возвращении он через некоторое время отправляется из Багдада защищать Сасун от врагов; вернувшись, находит Гоар умершей от тоски, после чего сам покидает мир [Давид Сасунский..., 1939, с. 365–375; Армянский народный эпос..., 2004, с. 78–83]. Женитьба, таким образом, переводит каждого героя из юношеского статуса в следующий возрастной класс, после чего эпос как бы утрачивает к нему интерес.

Не только главные герои, но и их соратники, «сасунские безумцы» – это подростки, юноши, обычно обозначаемые термином *lač* – «паренек», «мальчик», в русских переводах – «юнец». В диалектах *lač* демонстрирует оттенки значения, вполне отвечающие образу участника буйной подростковой дружины, например, в диалекте Себастии – «(порочный, испорченный) мальчишка», в других производное наречие *lač-anak* – «отважно, мужественно». Это напоминает эволюцию семантики вед. *márya-*, ав. *mairya* – «юноша; член молодежного воинского объединения»: в более поздних индоиранских языках рефлексy данного слова могут иметь значение как «юноша-любовник», так и «злодей», «разбойник». Именно слово *lač* использует при обращении к сасунским героям их вечный наставник Кери-Торос. Эти «юнцы», «ребята» составляют главную военную силу Сасуна. В переводе сводного текста о борьбе с багдадским халифом сказано: «Набрал царь Гагик горячих юнцов, / Из них сколотил полки... / Кери-Торос и все юнцы / Рязат, крушат халифа войска» [Давид Сасунский..., 1939, с. 21].

Особого внимания заслуживают описания пиршеств героя со своими сотоварищами: Мгер «взял сорок парней холостых, / Сорок девушек незамужних взял, / Поставили себе семилетнее гранатовое вино, пьют!» [Армянский народный эпос..., 2004, с. 75; Давид Сасунский..., 1939, с. 239]. Ценная деталь содержится в прозаическом переложении Н. Зарьяна: Давид «со своими **однолетками** (выделено мной. — Я.В.), неженатыми юношами и молодыми девушками каждый день пировал» [1973, с. 149]. К сожалению, не удалось выяснить, от какого варианта сказания отталкивался Н. Зарьян, упоминая о том, что сотоварищи Давида — его ровесники. Это может указывать на принадлежность «сасунских удалцов» к молодежному воинскому братству, т.к. участники подобных объединений обычно в один год проходили обряд инициации. Описание в «Сасна црер» этих пиршеств, несомненно, следует поставить в связь с совместными пирами архаических братств юных воинов, носившими, как правило, оргиастический характер, что можно проиллюстрировать и обрядовой практикой сотоварищей Кришны в Мбх, и, например, особенностями коллективных трапез молодежи, в прошлом воинских, объединений Средней Азии [Снесарев, 1963, с. 179, 187–188]. По данным этнографии, в XIX–XX вв. у армян в пиршествах, организуемых сообществами юношей-сверстников, девушки уже не участвовали [Варданян, 1981, с. 102, 107].

В «Сасна црер» сотрапезники юного Давида охарактеризованы как «сорок холостых парней (*azap lač*)» и «сорок незамужних девушек» (*azap aljik*). Привлекает внимание определение *azap* — прилагательное, которое, по данным этнографии, в виде субстантива (*azan*, *azab*) использовалось для обозначения групп молодежи добрачного возраста, в частности, свиты жениха в свадебном обряде [Варданян, 1967, с. 291–292; 1981, с. 104]. Примечательно также указываемое в тексте число юных сотрапезников Давида. С одной стороны, 40 похоже на «эпическое число» в «Сасна црер»: 40 дэвов угоняют из стада, которое пасет Давид с другими пастухами, 40 коров; 40 жерновов и 40 воловьих шкур наваливает на себя, сидя в яме, Мсрамелик, спасающийся от Давида, и т.д. Но, может быть, это «эпическое число» как раз и объясняется тем, что армянский эпос в своей ранней форме был эпосом воинского союза. По крайней мере, число сотрапезников Давида совпадает с количеством мужчин (по-видимому, молодых), которые одновременно находятся в доме Кери-Тороса:

Кери по дому взад-вперед ходил,
Поздоровался с ним Давид,
К нему подошел, спросил: «Кери,
Нас в доме сколько душ?»
А тот: «С тобою сорок нас».

[Давид Сасунский..., 1939, с. 214]

Этот эпизод в одной давней этнографической статье о «Давиде Сасунском» интерпретировался как отражение характерной для средневековой Армении «патриархальной большой семьи» [Першиц, 1951, с. 47]. Но гораздо более вероятно, что здесь речь идет о доме молодежного воинского объединения, руководителем и наставником которого является Кери-Торос. В связи с этим есть смысл присмотреться внимательнее к странному образу «дядьки» Тороса.

А.И. Першиц сделал точное наблюдение: «Во всех четырех ветвях эпоса дети растут без отца» [Там же, с. 49]. При этом рядом с героями всех четырех поколений их дядя Кери-Торос. Когда будущие основатели Сасуна Санасар и Багдасар еще пребывают во младенчестве, армянские «юнцы» во главе с «дядькой» Торосом истребляют войско багдадского халифа, напавшее на Армению. И впоследствии Кери-Торос играет ту же роль наставника юных героев при всех поколениях сасунцев, причем он совсем не меняется. Основываясь на том, что апеллятив *кери* обозначает дядю с материнской стороны, А.И. Першиц, в духе времени, видел в этой «отвлеченной» фигуре «далекие отзвуки» матриархата и авункулата [Там же, с. 50]. Однако есть все основания интерпретировать ее как персонификацию статуса, социальной функции. Во главе молодежных воинских союзов часто стоял старший по возрасту «дядька», наставник. За примером далеко ходить не надо: в армянской этнографии описан известный прежде всего своей ролью в свадебном обряде персонаж, который вполне мог послужить моделью образа Кери-Тороса. Это *кавор* — «посаженный отец, а впоследствии и крестный отец молодой пары... В свадебных обрядах коллективного посвящения юношей *кавор* является представителем той возрастной группы, в которую готовятся перейти посвящаемые. В период прохождения инициаций *кавор*, как более старший по положению, выступает как бы наставником посвящаемых, везде сопутствует им, а после завершения обрядов посвящения является тем лицом, которое вводит их в следующую возрастную группу» [Варданян, 1967, с. 292].

Возвращаясь к числу «сорок», определяющему количество и пирующих с Давидом «холостых парней», и обитателей «дома дядьки Тороса», отмечу небезынтересную параллель в обрядности молодежных (часто воинских) объединений ровесников в Средней Азии. В разделе работы Г.П. Снесарева, озаглавленном «Сакральное число сорок и связь его с мужскими объединениями», приводится ряд доказательств того, что количество участников таких объединений, как правило, составляло 40 или около того [Снесарев, 1963, с. 182–184] (ср. также: [Рахимов, 1990, с. 58–59]). Параллель может оказаться не только типологической, поскольку молодежные объединения у армян и у народов Средней Азии (где они даже у тюркоязычных

народов восходят, по-видимому, к обрядности древне-го, ираноязычного населения) обнаруживают немало общих черт, вплоть до совпадений в терминологии [Варданян, 1981, с. 109].

Допустив, что присутствие девушек на пирах эпического героя с товарищами свидетельствует об их участии в ритуальных действиях молодежных воинских братств, можно гипотетически реинтерпретировать определенные странности в характеристике женских персонажей «Сасна црер» и некоторые связанные с ними неясные, уходящие в архаику мотивы. Например, «богатирство» армянских эпических невест, которые нередко испытывают своих женихов, вступая с ними в поединок, может быть увязано с участием девушек в молодежных воинских братствах глубокой древности. В описаниях героических браков в «Сасна црер», как и в Мбх, есть неясные моменты, возможно являющиеся следами давно забытых архаических институтов и обычаев. Оба эпоса знают две основные формы героического брака. Одна из них на санскрите называется *сваямвара* – «собственный выбор (невестой жениха)». Иногда это реальный выбор девушкой мужа: например, Дамаянти выбирает Налу из числа претендентов в знаменитом сказании о Нале (Мбх III, 54) или Хандут избирает Давида, бросив ему яблоко [Давид Сасунский..., 1939, с. 310]. Иногда *сваямвара* предполагает состязания претендентов, в результате которых невеста достается победителю, но в ряде случаев последнее слово все-таки за ней. Этот архаический обряд в древних правовых трактатах, заложивших основы традиционных норм, уже не рассматривался в числе восьми известных видов брака. В армянской традиционной культуре выбор невестой жениха тоже был невозможен: при заключении брака даже «согласие молодых, в особенности девушки, в расчет не принималось» [Варданян, 2012, с. 328]. Вторая общая для «Сасна црер» и Мбх форма героического брака – умыкание невесты. И в Индии, и в Армении она сохранялась в традиционной культуре: брахманские трактаты признают умыкание хотя и не рекомендуемой, но допустимой формой брака для воинского сословия, а у армян похищение невесты допускалось в случае, если родители девушки или юноши противились браку [Там же, с. 329]. Примечательно, что в обеих эпических традициях *сваямвара* и умыкание могут сочетаться. Например, в «Сасна црер» Санасар выигрывает брачное состязание (достает со столба дворцовых ворот золотое яблоко), побеждает 60 претендентов-пахлеванов, но все же по соглашению с Дехцун умыкает ее, сражаясь с преследователями – воинами Медного города [Давид Сасунский..., 1939, с. 99–103]. Хотя Хандут и избрала Давида, ему все же приходится потом сражаться с войсками других претендентов – царей разных стран [Там же, с. 318–327], в чем можно усмотреть трансформа-

цию умыкания и преследования. Точно так же в Мбх братья Пандавы, после того как Арджуна, победив в состязании на *сваямваре* Драупади, уезжает с ней, вынуждены отражать нападение остальных претендентов, недовольных таким исходом (Мбх I, 180–181).

Многослойность отраженных индийским эпосом брачных обычаев можно показать на примере одного эпизода (Мбх I, 211–212). На буйном празднике юных воинов племени ядавов, предводимых Кришной, Арджуна видит красавицу Субхадру, Кришна замечает его волнение и предлагает ему свою «сестру» в жены. Сначала он говорит: «Если хочешь, я переговорю с отцом», т.е. намекает на возможность «дхармического» брака по всем правилам. Но никаких упоминаний об отце далее нет. Обычный для знатного воина брак по обряду *сваямвары* Кришна считает рискованным: ведь Субхадра может и отвергнуть победителя. Поэтому он сам предлагает Арджуне умыкнуть «сестру», увезти ее силой, что Арджуна и делает. Кришне удается успокоить разгневанных сотоварищей, готовых расправиться с похитителем. Арджуне и Субхадре предлагают вернуться, чтобы отпраздновать свадьбу. Примечательно, что судьбу девушки решает не ее отец, а «брат» или, точнее, собрание воинского союза. Слова «брат» и «сестра» в вышеприведенном описании взяты в кавычки, поскольку в общеиндоевропейском языке *bhrātā (как позже и его рефлекс в некоторых индоевропейских языках) «означало братство, которое не обязательно было кровным», могло относиться к членам разного рода религиозных или воинских братств [Бенвенист, 1995, с. 149–150; Kullanda, 2002, p. 90–92]. Слово «сестра» в контексте такого братства (а именно таковым выглядит *гана* Кришны), возможно, аналогично «сестрице» в «лесном доме» европейской волшебной сказки [Пропп, 1946, с. 106–109].

В «Сасна црер» можно отметить по крайней мере два случая, когда «брат» предлагает «сестру» в жены герою. В одном из них Гоар, к которой приехал свататься Мгер, является к нему, переодетая в воинские доспехи, объявляет, что она – «брат Гоар», и трижды испытывает Мгера, вызывая на битву или состязание со словами: «Коль победишь меня – возьмешь сестру мою, Гоар!» [Давид Сасунский..., 1939, с. 362–365; Армянский народный эпос..., 2004, с. 227–228]. В другом эпизоде дэв Кулынк застаёт у себя в доме Мгера Младшего – путника, которого приютила и накормила его сестра. Он принимает Мгера как гостя, но наутро вызывает на борьбу: «Если победишь – сестру выдам за тебя!» Мгер побеждает, от женитьбы отказывается, но становится побратимом дэва [Армянский народный эпос..., 2004, с. 297]. Предложение герою сестры в жены сопряжено здесь с отношениями побратимства, что опять же отсылает к исторической реальности мужских союзов.

В Мбх Арджуна завоевывает на *сваямваре* Драупади (где главным распорядителем, кстати, являлся брат девушки – Мбх I, 176.35), но она становится общей женой пяти братьев. Это в период оформления эпоса противоречило всем нормам брака и требовало искусственных объяснений. Пандавы, скрывавшиеся в то время и участвовавшие в *сваямваре* под видом брахманов, возвращаются вместе с Драупади в дом, где их ждет мать, и говорят ей, еще с улицы, что кое-что добыли (как подаяние). Мать, за стеной хижины, не видя сыновей, отвечает: «Так владейте / наслаждайтесь этим сообщем!» Потом, увидев Драупади, она ужасается своим словам. Но истинная подоплека мотива состоит в том, что в доме архаического братства юношей-воинов присутствовали и незамужние девушки, вступавшие с юношами в более или менее устойчивые добрачные связи [Vasilkov, 1990].

Возможно, в том же направлении указывает и некоторая неясность в отношениях между Дехцун и двумя братьями – Санасаром и Багдасаром. Багдасар, узнав о просьбе Дехцун к Санасару приехать за ней и увидев присланный ею портрет, охвачен такой ревностью, что вступает с братом в бой. Санасар побеждает, но полон сочувствия к брату и предлагает ему самому жениться на Дехцун. Багдасар, смирившись, отказывается. Когда братья, увозя Дехцун, истребляют преследующее их войско, царь, отец Дехцун, является перед ними, прося прекратить бойню: «Что хотите, я все вам дам: / Дочь хотите – ее вам дам...» Братья отвечают: «Дехцун мы хотим – вот и берем». Пахлеванам, которых ранее отвергла Дехцун, Санасар и Багдасар предлагают сразиться за нее: «Если одержим победу мы – станет нашей она» [Давид Сасунский..., 1939, с. 103–105]. В варианте сказания пахлеваны, отказываясь от боя, отдают Дехцун им обоим: «Пусть эта девушка счастье вам принесет!» [Армянский народный эпос..., 2004, с. 137]. Едва братья с Дехцун выезжают в Сасун, Санасар, преодолевший все препятствия в борьбе за девушку, вдруг во второй раз предлагает Багдасару взять ее в жены, и тот снова отказывается. Некоторая неопределенность в отношении того, будет принадлежать Дехцун обоим братьям или одному из них и которому именно, наводит на мысль, что здесь может проявляться след давно забытого архаического института. В свое время И.А. Орбели интерпретировал палицу, оставленную Мгером Младшим при отъезде на войну у входа в покои Гоар, как «стершееся в народной памяти воспоминание о палке или колчане, выставляемых у входа в обиталище многомужней жены тем из мужей, кто к ней уже пришел» [Орбели, 1939, с. XXXVIII], т.е. о полиандрии. Но в контексте всего вышесказанного правильнее будет, по-видимому, сказать, что здесь, как и в случае с замужеством Дехцун, проявляется «стершееся воспоминание» о при-

сутствии девушек в социовозрастном воинском союзе юношей, еще не достигших брачного возраста.

О «пастушеском героизме» эпической архаики

В индийском эпосе, как было сказано, воинские союзы юношей связаны с практикой мобильного скотоводства и взаимных набегов на стада. Примечательно, что и общество сасунцев характеризуется как исключительно скотоводческое. Кери-Торос объясняет Мгеру Старшему причину голода: сасунцы разводят и пасут скот, но не сеют и не пашут, а подвозу хлеба от соседей мешает лев-людоед [Давид Сасунский..., 1939, с. 122]. Пастушество играет большую роль в биографии юного Давида: он становится искусным пастухом, братается со всеми местными пастухами, возглавляет их, отстаивает интересы своих «братьев» [Там же, с. 206–213]. Определенная связь с пастушеством есть и у Мгера Младшего: пастух однажды видит его, когда открывается дверь в скале, и Мгер сообщает ему, что выйдет в мир тогда, когда наступит новая эра плодородия и правосудия [Петросян, 2014, с. 177–178].

Среди подвигов, совершаемых героями «Сасна црер», на втором по важности месте после борьбы с историческими захватчиками стоит защита стад от набегов. Давид-пастух преследует 40 дэвов, угнавших коров из общественного стада, настигает и убивает их [Давид Сасунский..., 1939, с. 210–216]. Юные Санасар и Багдасар живут, скрыв свое происхождение, при дворе царя Теватороса в Маназкерте, служат ему стольником и виночерпием. Однако, когда разбойники угоняют городское стадо, мальчики бросаются в погоню, пленяют воров и вместе со скотом пригоняют в город [Там же, с. 32–34]. Эта история являет поразительный параллелизм с сюжетом из «Виратапарвы» (Мбх IV, 5–62). Общая для двух эпосов последовательность мотивов выглядит так:

братья (Пандавы / Санасар и Багдасар);

после долгих странствий по лесам приходят в город, где хотели бы поселиться (Виратанагара, столица царя Вираты / Маназкерт, столица царя Теватороса);

братья должны скрываться под чужими именами (по условию игры с Кауравами в кости / из-за страха людей перед халифом, от которого они сбежали);

царь принимает их на службу в разном качестве (Юдхистхиру советником и экспертом по игре в кости, Бхиму главным поваром, Арджуну учителем танцев, Накулу конюхом, Сахадеву смотрителем за скотом / Санасара стольником, Багдасара виночерпием);

через год грабители/враги угоняют царское/городское стадо. Братья побеждают угонщиков, возвра-

ищут скот в город (Пандавы раскрывают свои имена и происхождение / Санасар и Багдасар проявляют свою природу героев и богатырей).

Было бы рискованным утверждать, что перед нами конкретный сюжет, представляющий индоевропейское или, скажем, общее арийско-греко-армянское наследие. Но возможность сходным мотивам в двух разных традициях сложиться в столь похожие комбинации свидетельствует о типологической близости обществ «героического века», отображенных в ранних слоях армянского и индийского эпоса.

Борьба за стада скота в «Сасна црер» ведется не только с дэвами и разбойниками. Поход мсырского войска во главе с Козбадином на Сасун мало чем отличается от простого набега. Цели его указаны в устойчивой формуле, повторяемой в разных вариантах эпоса:

Красных дойных коров пригнать,
Черных волов подъяремных пригнать,
Рослых женщин взять – верблюдов выючить,
Низких женщин взять – жернова крутить,
Девушек-красавиц для нас привезти!

[Армянский народный эпос..., 2004, с. 105; 274] (ср.: [Давид Сасунский..., 1939, с. 244, 245, 247, 252–253])

Иногда к этому добавляется: «Да сорок серебра туюков, / Да сорок золота туюков...» Но в инварианте формулы указаны только два объекта набега: женщины и крупный рогатый скот, что специфично именно для обществ воинственных скотоводов. У индоариев «Ригведы» военная добыча состояла из крупного рогатого скота и женщин. В гимнах, восхваляющих дары, полученные жрецом от знатного воина-жертвователя, фигурируют крупный рогатый скот, лошади и женщины-рабыни. В эпосе варианты этой формулы сохраняются: например, царь Вирата предлагает Юдхиштхире сыграть в кости, называя свою ставку: «Женщины, коровы, золото и всякое другое богатство» (Мбх IV, 63.32). На памятниках героям, соорудившимся на протяжении последних 2 000 лет в скотоводческих районах Индии, изображено, как правило, оплакивание героя теми, защищая кого он расстался с жизнью; это либо женщины, либо коровы [Vassilkov, 2011, p. 201–202, fig. 1, 1–3].

О «боевом безумии» архаических героев

В заключение коснемся еще одного момента, указывающего на роль объединений юных воинов в генезисе армянского эпоса. Ключевым словом, присутствующим даже в названии эпического цикла («Sasna c'êr»), является *cuř* (мн. ч. *c'êr*), имеющее исходное,

буквальное значение «кривой». В русских переводах оно передается либо как прилагательное «шалый», «безумный», «ярый», «бешеный», либо как существительное «удалец», «сумасброд», «безумец». Анализ некоторых контекстов употребления в эпосе слова *cuř*, произведенный с помощью арменоведа-филолога П.А. Кочарова, показал, что оно обозначало, по-видимому, человека, способного впасть в неистовую ярость, вытеснявшую страх смерти, умножавшую силу и обеспечивавшую победу в схватке. Параллели этому предоставляет индийский эпос, в котором юные воины на своих буйных пирах культивируют состояние боевого бешенства, внешне проявляющееся, как и в армянском эпосе, в «налитых кровью глазах». Можно упомянуть также умение впасть в иступленное буйство (ав. *aēšma*, перс. *hašm*) участников иранских воинских союзов [Wikander, 1938, S. 57–60; Daryaei, 2018, p. 41, 46], аналогичное состояние «волчьей ярости» (λύσσα) в гомеровском эпосе, неистовую ярость (*wut*) древнегерманских берсерков или боевое бешенство (*ferg*) ирландского эпического героя Кухулина [Lincoln, 1975]. Развернутая аргументация в пользу именно такого понимания слова *cuř* дана в специальной статье [Васильков, 2018].

Заключение

Как в Индии, так и в Армении архаические мотивы в эпосе определенно поддерживались тем, что ранние формы социальной организации, в частности социовозрастные объединения юношей, хотя бы на периферии культуры сохранялись до Новейшего времени. Но формирование этих мотивов в обоих случаях должно быть отнесено к древнему периоду, в индийской эпической традиции – по-видимому, к эпохе бронзы.

Предложенная здесь интерпретация армянского эпоса останется гипотетической, пока ее не отвергнут или не подтвердят арменоведы, имеющие возможность читать текст в подлиннике. Все же надеюсь, что привлечение материалов «Махабхараты» помогло расширить предложенную А. Петросяном параллель между «черными юношами» армянского эпоса и индийскими Марутами [Petrosyan, 2011, p. 345]. Думается, мне удалось также подтвердить в какой-то мере точку зрения, согласно которой сравнительное изучение «Сасна црер» на фоне мирового эпического фольклора позволяет увидеть новые, прежде скрытые от нас аспекты формы и содержания [Егиазарян, 2016, с. 5, 6]. Более широкое привлечение материала армянского эпоса к изучению других эпических традиций несомненно послужит обогащению и развитию сравнительного эпосоведения.

Благодарность

Весь встречающийся в статье армянский языковой материал представлен Г. Мартиросяном и П.А. Кочаровым, за что автор выражает им искреннюю глубокую признательность.

Список литературы

Армянский народный эпос «Сасунские удалыцы»: Избранные варианты / пер., сост., словарь, коммент. акад. НАН РА К. Мелик-Оганджяна. – Ереван: Ван Арьян, 2004. – 347 с.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 453 с.

Варданян Л.М. Пережитки института инициации у армян (по материалам свадебной обрядности) // ՊԲՀ (Պատմա-բանասիրական հանդես = Историко-филологический журнал). – 1967. – № 4. – С. 291–296.

Варданян Л.М. Традиции мужских возрастных групп у армян (конец XIX – начало XX в.) // Армянская этнография и фольклор: Материалы и исследования. – 1981. – Вып. 12. – С. 85–142.

Варданян Л.М. Брак и свадьба // Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян и А.Е. Тер-Саркисянц. – М.: Наука, 2012. – С. 327–342.

Васильков Я.В. Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. – СПб: МАЭ РАН, 2009. – С. 47–62.

Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». – СПб: Европейский дом, 2010. – 397 с.

Васильков Я.В. О ключевом термине армянского эпоса «Сасунские безумцы» в связи с индо-армянскими эпическими параллелями // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII: мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. – СПб.: Наука, 2018. – С. 292–298.

Давид Сасунский: Армянский народный эпос / пер. В.В. Державина, А.С. Кочеткова, К.А. Липскерова, С.В. Шервинского; под ред. и с предисл. И.А. Орбели. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – XLIV, 380, [4] с., 6 л. ил.

Егизарян А.К. Армянский эпос «Давид Сасунский» и русские былины: опыт сравнительного изучения // Вестн. Сев.-Вост. федерал. ун-та им. М.К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. – 2016. – № 3. – С. 5–14.

Зарьян Н. Давид Сасунский: Повесть по мотивам армянского эпоса / пер. Н. Любимова. – М.: Дет. лит., 1973. – 270 с.

Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – 311 с.

Орбели И.А. Армянский народный героический эпос // Давид Сасунский: Армянский народный эпос. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. VII–XLIV.

Першиц А.И. О некоторых этнографических сюжетах в армянском народном эпосе «Давид Сасунский» // Изв. Академии наук Армянской ССР. Обществ. науки. – 1951. – № 8. – С. 47–60.

Петросян А. Арменоведческие исследования. – Ереван: Антарес, 2014. – 267 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1946. – 340 с.

Пропп В.Я. Морфология сказки. – 2-е изд. – М.: Наука, 1969. – 166 с.

Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. – Л.: Наука, 1990. – 156 с.

Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958 – 1961 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – [Т.]II: Памятники средневекового времени. Этнографические работы. – С. 155–205. – (Материалы Хорезмской экспедиции; вып. 7).

Daryaei T. The Iranian Männerbund Revisited // Iran and the Caucasus. – 2018. – Vol. 22. – P. 38–49.

Held G.J. The Mahābhārata: An Ethnological Study. – L.: Kegan Paul & Co; Amsterdam: Uitgeversmaatschappij Holland, 1935. – 351 p.

Kullanda S. Indo-European “Kinship Terms” Revisited // Current Anthropology. – 2002. – Vol. 43, iss. 1. – P. 89–111.

Lincoln B. Homeric λύσσα “Wolfish Rage” // Indogermanische Forschungen. – 1975. – Bd. 80. – S. 98–105.

The Mahābhārata, critically edited by V.S. Sukthankar and others. – Poona: Bhandarkar Oriental Research Inst., 1933–1966. – Vols. 1–19.

Petrosyan A. Armenian Traditional Black Youths: the Earliest Sources // J. of Indo-European Studies. – 2011. – Vol. 39, iss. 3/4. – P. 342–354.

Vasilkov Y. Draupadī in the Assembly-hall, Gandharva-husbands and the Origin of the Ganikās // Indologica Taurinensia. – 1990. – Vol. XV/XVI. – P. 387–398.

Vassilkov Y. Indian “hero-stones” and the Earliest Anthropomorphic Stelae of the Bronze Age // J. of Indo-European Studies. – 2011. – Vol. 39, iss. 1/2. – P. 194–229.

Wikander S. Der Arische Männerbund. – Lund: Håkan Olssons Buchdruckerei, 1938. – XII, 111 S.

Witzel M. The Vedas and the Epics: Some Comparative Notes on Persons, Lineages, Geography, and Grammar // Epics, Khilas, and Purāṇas: Continuities and Ruptures: Proceedings of the Third Dubrovnik Intern. Conf. on the Sanskrit Epics and Purāṇas (September 2002) / gen. ed. M. Ježić. – Zagreb, 2005. – P. 21–70.

Материал поступил в редколлегию 09.08.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.148-157
УДК 572

С.С. Тур

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: tursvetlana@mail.ru

Прижизненные травмы черепа у скотоводов Горного Алтая скифского и гунно-сарматского времени (V в. до н.э. – V в. н.э.)

В статье анализируются прижизненные травмы черепа, частота которых может характеризовать уровень межличностного насилия, направленного не на убийство, а на ранение противника. Исследованы краниологические материалы пазырыкской (V–III вв. до н.э.) и булан-кобинской (II в. до н.э. – V в. н.э.) культур, в общей сложности более 500 черепов взрослых индивидов. По меркам мирового масштаба общий уровень нелетального травматизма черепа у древних скотоводов Горного Алтая средний (у мужчин – 25,5 %, у женщин – 9,1 %), однако по этому показателю отмечаются существенные различия между южной и северной половиной пазырыкского ареала (у мужчин – 35,7 против 15,3 %, у женщин – 16,7 против 5,6 %), а также между ранним и поздним периодами булан-кобинской культуры (у мужчин – 32,7 против 22,1 %, у женщин – 10,0 против 6,3 %). Широкое распространение прижизненных травм черепа у «пазырыкцев» в высокогорных долинах Юго-Восточного и Южного Алтая могло быть результатом борьбы за ограниченные природные ресурсы в условиях сурового климата, у ранних «булан-кобинцев» скорее было связано с появлением мигрантов. В гунно-сарматское время по сравнению со скифским среди мужчин участились случаи «травматического рецидивизма». В межличностных конфликтах алтайских скотоводов главной мишенью при нанесении ударов было лицо противника, только в столкновениях «булан-кобинских» мужчин удары по голове были менее избирательными. Зажившие травмы лица у женщин являлись, по-видимому, результатом семейного насилия.

Ключевые слова: прижизненные травмы черепа, насилие, скотоводы, эпоха раннего железа, пазырыкская и булан-кобинская культуры, Горный Алтай.

S.S. Tur

Altai State University,
Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: tursvetlana@mail.ru

Antemortem Cranial Injuries in the Altai Mountains Pastoralists of the Scythian and Xiongnu-Sarmatian Periods (5th Century BC to 5th Century AD)

This article describes healed cranial injuries in the Altai Mountains pastoralists of the Early Iron Age, the increased prevalence of which may testify to interpersonal violence aimed rather at injuring than killing the opponent. Skulls of more than 500 adults from burials of the Pazyryk (5th to 3rd century BC) and Bulan-Koba (2nd century BC to 5th century AD) cultures have been analyzed. On the world scale, the level of nonlethal violence among the Altai Mountains pastoralists was moderate (25.5 % in males and 9.1 % in females). The frequencies, however, differ between the southern and northern Pazyryk populations (males, 35.7 % vs. 15.3 %, respectively; females, 16.7 % vs. 5.6 %) and between the early and late periods of Bulan-Koba (males, 32.7 % vs. 22.1 %; females, 10.0 % vs. 6.3 %, respectively). The high prevalence of injuries among the Pazyryk people from the high-altitude valleys of the Southeastern and Southern Altai might indicate scramble for limited resources under a harsh climate, whereas the high frequency among the early Bulan-Koba pastoralists could have resulted from an inflow of migrants. In the Xiongnu-Sarmatian period, as compared to the Scythian period, repeated injuries became more frequent among males. Interpersonal violence among the Altai Mountains pastoralists involved mainly blows to the face, but in the Bulan-Koba males blows on the head were more random. Healed face injuries in women were likely associated with domestic violence.

Keywords: Antemortem cranial injuries, violence, pastoralists, Early Iron Age, Pazyryk culture, Bulan-Koba culture, Altai Mountains.

Введение

Травмы свода черепа, локализующиеся выше т.н. края шляпы (hat brim line) – на чешуе лобной, теменных костях и верхней части затылочной, а также лицевого скелета обычно имеют преднамеренное происхождение [Sheperd et al., 1990; Hussain et al., 1994; Walker, 1997; Maxeiner, Ehrlich, 2000; Harrod, Liénard, Martin, 2012], в силу чего являются одним из наиболее важных источников для изучения проявлений бытового и военного насилия в древних обществах. Прижизненные повреждения черепа, идентифицируемые по признакам заживления, во многих случаях связаны с межличностным насилием, направленным не на убийство, а на ранение противника [Walker, 1989, 1997; Harrod, Liénard, Martin, 2012; Martin, Harrod, 2015]. Как показывают кросс-культурные исследования, между разными формами насилия, летального и нелетального, существуют слабые положительные корреляции [Ember C.R., Ember M., 1994]. Вместе с тем высокий уровень прижизненных травм черепа может служить независимым индикатором социальной напряженности в обществе [Walker, 1989; Baustian et al., 2012].

Цель работы – провести сравнительный анализ прижизненного травматизма черепа у скотоводов Горного Алтая скифского (V–III вв. до н.э.) и гунно-сарматского (II в. до н.э. – V в. н.э.) времени. Ранее было установлено, что возникновение и смена в Центральной Азии господствующих империй хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.), сяньби (II – III вв. н.э.) и жу-жаней (вторая половина IV – V в. н.э.) оказывали существенное влияние на уровень военной активности в этом регионе [Тур, Матренин, Соенов, 2018, с. 132]. Однако вопрос о том, в какой мере скотоводческий образ жизни в условиях Горного Алтая был сопряжен с проявлениями насилия на бытовом уровне, остается слабо изученным.

Материал и методы

Анализировались зажившие травмы черепа взрослых индивидов. Черепа пазырыкской культуры скифского времени были разделены на две локально-территориальные выборки: одна из Юго-Восточного и Южного Алтая, другая из Центрального, Северного и Северо-Западного. Выборка булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени включала черепа из могильников, расположенных преимущественно в Центральном Алтае. Последние для анализа хронологической динамики травматизма по возможности были разделены на два периода – хунно-раннесяньбийский (II в. до н.э. – начало III в. н.э.) и позднесяньбийско-жу-жанский (вторая половина III – V в. н.э.).

Пол и возраст индивидов определялись стандартными остеологическими методами [Standards..., 1994, p. 15–38]. Использовались следующие возрастные градации: молодые – 17–35, зрелые – 35–50, старые – больше 50 лет.

Основная методическая сложность изучения кра-ниальных травм в палеопопуляциях на эпидемиологическом уровне заключается в том, что анализ фрагментарных черепов дает заниженную оценку относительного числа травмированных индивидов, а сохранность материалов из разных археологических памятников может существенно различаться. Как показывает опыт, наиболее часто при раскопках повреждаются или утрачиваются грацильные носовые косточки. Так, по данным Ф. Уолкера, в некоторых из обследованных им краниологических выборок носовые косточки отсутствовали у 50–70 % индивидов, тогда как свод черепа сохранился менее чем наполовину только у 10–30 % [Walker, 1997, p. 150]. Проблема неодинаковой сохранности актуальна и для краниологических материалов из пазырыкских и булан-кобинских могильников. Для того чтобы минимизировать влияние этого фактора, частота встречаемости травм костей носа, лица и свода вычислялась, исходя из числа наблюдений по каждому из этих признаков. Отсутствие травмы регистрировалось в том случае, если сохранилось не менее 75 % поверхности костей соответствующей части черепа. Этот же критерий использовался и при вычислении интегрального показателя – частоты травмированных черепов. Кроме того, в тех случаях, когда в наличии имелась только правая или левая половина черепа относительно хорошей сохранности, число наблюдений отмечалось как 0,5 [Ibid., p. 149]. В итоге суммарная выборка пазырыкской культуры насчитывала 253 индивида (128 мужчин и 125 женщин), булан-кобинской – 277 (182 мужчины и 95 женщин).

Прижизненные травмы анализировались с учетом их размеров, локализации в передней или задней половине черепа (относительно точки bregma), на правой или левой стороне. Для проверки достоверности различий частоты встречаемости травм в исследованных выборках ($p < 0,05$) использовался двусторонний точный критерий Фишера. Уровень прижизненного травматизма черепа у алтайских скотоводов оценивался также в масштабе межгрупповых различий на широком географическом и хронологическом фоне в категориях малых, средних и больших величин. При этом учитывались доступные литературные данные по частоте заживших травм черепа в 42 краниологических выборках удовлетворительной или относительно хорошей сохранности, происходящих из разных частей света и датирующихся от неолита до XVII в. н.э. К категории средних относились значения интерквар-

тильного диапазона. С учетом возможной связи между летальными и нелетальными формами насилия для каждой исследованной выборки приводится также частота травм черепа, сопутствовавших смерти.

Прижизненные травмы черепа в выборках пазырыкской и булан-кобинской культур

Пазырыкская культура (табл. 1, 2). В скифское время уровень прижизненных травм черепа у мужчин был существенно выше, чем у женщин (24,2 про-

тив 10,4 %, $p = 0,005$). Для обоих полов характерны локально-территориальные различия: в северной половине пазырыкского ареала по сравнению с южной этот показатель значительно ниже (у мужчин 15,3 против 35,7 %, $p = 0,012$; у женщин 5,6 против 16,7 %, $p = 0,072$).

Травмы лицевого скелета встречаются чаще, чем свода черепа (у мужчин – 22,3 против 8,6 %, $p = 0,004$; у женщин 12,8 против 2,4 %, $p = 0,005$). Наиболее распространенными лицевыми травмами во всех выборках являются переломы носовых костей (рис. 1). В двух случаях они сопровождались переломами прилегающей части верхнечелюстной

Таблица 1. Травмы черепа в мужских выборках пазырыкской культуры

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смертельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Юго-Восточный и Южный Алтай						
Ак-Алаха-1, -3–5	0/1	0/4	2/5	2/5	0/5	2/5
Алагаил-1, -2	2/2	2/2	0/2	2/2	0/2	2/2
Баратал-1, -2	1/5	1/5	2/5	2/5	4/5	4/5
Барбургазы-1–3	0/2	0/3	0/4	0/4	0/4	0/4
Бертек-1, -10, -12, -27	1/3	1/3	0/4	1/4	0/4	1/4
Бураты-4	...	...	0/1	0/1	1/1	1/1
Джолин-1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Курайская степь	0/2	0/2	0/2	0/2	1/2	1/2
Кызыл-Джар-1–5, -8	2/10	2/11	1/10	2/10	1/10	3/10
Малталу	1/2	1/3	0/3	1/3	0/3	1/3
Уландрык-1–4	4/10	5/11	0/13	5/13	2/13	7/13
Юстыд-1, -12, -22	5/6	5/6	1/6	5/6	0/6	5/6
Суммарно	16/44 (36,4 %)	17/51 (33,3 %)	6/56 (10,7 %)	20/56 (35,7 %)	9/56 (16,1 %)	27/56 (48,2 %)
Центральный, Северный и Северо-Западный Алтай						
Балык-Соок	...	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2
Берсюкта-2	...	...	0/1	0/1	0/1	0/1
Бике-1, -3	0/1	0/2	0/2	0/2	0/2	0/3
Верх-Еланда-2	0/1	0/3	0/6	0/6	2/6	2/6
Кайнду	0/1	0/1	0/3	0/3	0/3	0/3
Майма-4	0/1	0/2	0/4	0/4	0/4	0/4
Тавдушка	0/3	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4
Тыткескень-6	2/18	3/19	3/23	6/23	2/23	6/23
Ханкаринский Дол	1/6	2/3	0/5	2/5	0/5	2/5
Чобурак-1, -2	0/2	0/2	0/3	0/3	0/3	0/3
Чултуков лог-1, -2	1/10	1/11	2/14	3/14	0/14	3/14
Ябоган-2, -3	0/4	0/3	0/5	0/5	1/5	1/5
Суммарно	4/47 (8,5 %)	6/52 (11,5 %)	5/72 (6,9 %)	11/72 (15,3 %)	5/72 (6,9 %)	14/72 (19,4 %)

Примечания. Первая цифра – количество травмированных черепов, вторая – число наблюдений. Курсивом выделены локально-территориальные различия, значимые на статистическом уровне.

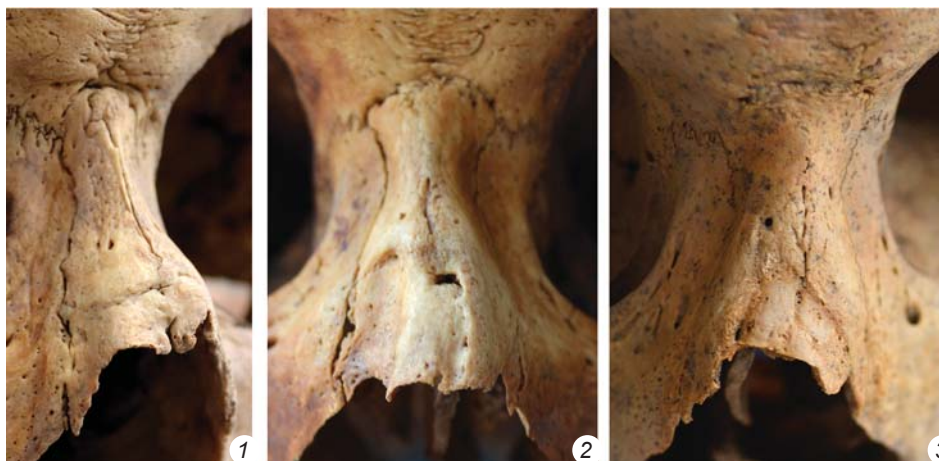
Таблица 2. Травмы черепа в женских выборках пазырыкской культуры*

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смертельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Юго-Восточный и Южный Алтай						
Ак-Алаха-1, -3–5	2/2	2/2	0/2	2/2	0/2	2/2
Алагаил-1, -2	1/2	1/2	0/3	1/3	0/3	1/3
Баратал-1, -2	0/2	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3
Барбургазы-1, -2	2/7	2/8	0/8	2/8	1/8	3/8
Бураты-8	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Верх-Кальджин-1	...	...	0/1	0/1	0/1	0/1
Джолин-1–3	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3
Кальджин-6	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Курайская степь	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Кызыл-Джар-1–5, -8	0/5	0/6	0/6	0/6	0/6	0/6
Малталу	1/2	1/2	1/2	1/2	0/2	1/2
Мойнак-2	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Уландрык-1–4	1/10	1/10	0/14	1/14	0/14	1/14
Юстыд-1, -12, -22	2/6	2/7	0/8	2/8	0/8	2/8
Суммарно	9/43 (20,9 %)	9/47 (19,1 %)	1/54 (1,9 %)	9/54 (16,7 %)	1/54 (1,9 %)	10/54 (18,5 %)
Центральный, Северный и Северо-Западный Алтай						
Балык-Соок	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Бике-3	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Верх-Еланда-2	0/2	1/3	0/3	1/3	0/3	1/3
Кайнду	0/2	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4
Майма-4	0/5	0/5	1/11	1/11	1/11	2/11
Тавдушка	1/6	1/7	0/8	1/8	0/8	1/8
Тыткескень-6	0/7	0/10	0/13	0/13	0/13	0/13
Ханкаринский Дол	0/4	0/5	0/7	0/7	0/7	0/7
Чобурак-2	0/1	...	...	...	...	...
Чултуков лог-1, -2	0/8	1/10	1/22	2/22	0/22	2/22
Ябоган-3	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Суммарно	1/38 (2,6 %)	3/47 (6,4 %)	2/71 (2,8 %)	4/71 (5,6 %)	1/71 (1,4 %)	6/71 (8,5 %)

*См. примеч. к табл. 1.

Рис. 1. Примеры заживших переломов носовых костей в выборке пазырыкской культуры Юго-Восточного Алтая.

1 – Бертек-10, кург. 3, мужчина зрелого возраста; 2 – Уландрык-2, кург. 7, погр. 1, мужчина зрелого возраста; 3 – Малталу, кург. 25, старая женщина.

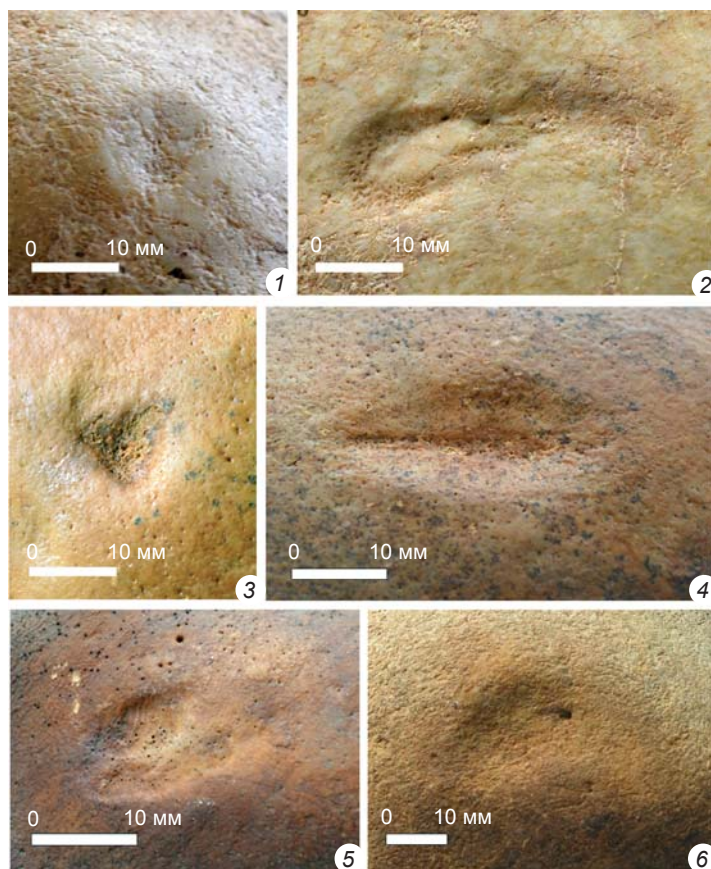

Рис. 2. Примеры заживших вдавленных переломов на костях свода черепа в выборках пазырыкской и булан-кобинской культур.

1 – на правом лобном бугре мужчины зрелого возраста, Айрыдаш-1, кург. 44; 2 – в передней половине правой теменной кости мужчины зрелого возраста, Булан-Кобы-4, кург. 2, погр. 2/1; 3 – на лобной кости молодого мужчины, Кызыл-Джар-1, погр. 9 (впускное); 4 – на правой теменной кости старой женщины, Малталу, кург. 25; 5 – в левой половине лобной кости молодого мужчины, Ак-Алаха-5, кург. 3, погр. 1; 6 – в области правого теменного бугра молодого мужчины, Бош-Туу-1, погр. 10.

В большинстве случаев прижизненные повреждения черепа были одиночными. Трое мужчин и одна женщина имели по два заживших перелома (носовых костей и лобной), которые, однако, могли быть результатом одного эпизода насилия. На четырех мужских черепах отмечается сочетание прижизненного повреждения и травмы, сопутствующей смерти, из чего следует, что по крайней мере 9,8 % мужчин, имевших травматические повреждения головы, становились участниками столкновений неоднократно.

В масштабе межгрупповых различий частота прижизненных травм черепа в мужской и женской выборках из южных районов распространения пазырыкской культуры высокая, из северных – средняя (рис. 3).

Булан-кобинская культура (табл. 3, 4). В выборке гунно-сарматского времени прижизненные травмы имеют 26,4 % мужских и 7,4 % женских черепов, ген-

кости (Уландрык-2, кург. 6, погр. 4; Юстыд-12, кург. 3). Помимо этого были отмечены переломы нижней челюсти (Верх-Еланда-2, кург. 2, погр. 2/3, Чултуков Лог-1, погр. 117), скуловой дуги (Тыткескень-6, погр. 88) и надбровья (Ханкаринский Дол, погр. 17). Результатом преднамеренной травмы могла быть также прижизненная утрата передних зубов у одного молодого мужчины (Уландрык-3, кург. 1). Локально-территориальные различия по частоте переломов костей носа у мужчин ($p = 0,002$) и женщин ($p = 0,016$), а также лицевых костей у мужчин ($p = 0,010$) статистически значимы.

Зажившие травмы свода черепа, отмеченные у десяти мужчин, трех женщин и двух детей, представлены в основном небольшими вдавленными переломами (рис. 2, 4, 5), которые обычно возникают от удара тупым предметом с ограниченной поверхностью. Почти все они локализируются на лобной кости. Средняя площадь таких переломов у мужчин 74 мм^2 , у женщин 235 мм^2 . На краю одного из них зарос маленький обломок камня (Чултуков Лог-2, кург. 5, погр. 1). Линейные переломы свода встречаются в единичных случаях (Тыткескень-6, погр. 92/1). Травмы лицевого скелета и свода черепа незначительно чаще локализируются на левой, чем на правой стороне (у мужчин 11 : 8, у женщин 7 : 3).

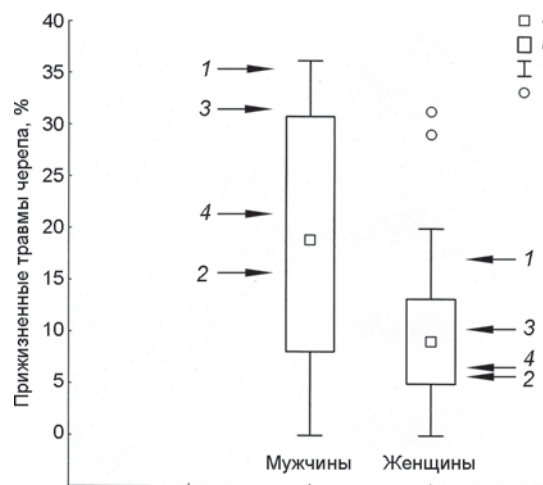

Рис. 3. Диапазон размаха частоты прижизненных травм черепа в скелетных выборках.

1, 2 – пазырыкская культура: 1 – Юго-Восточного и Южного Алтая, 2 – Центрального, Северного и Северо-Западного Алтая; 3, 4 – булан-кобинская культура: 3 – хунно-раннесяньбийского времени, 4 – позднесяньбийско-жужанского времени. а – медиана; б – 25–75 %; в – размах без выбросов; г – выбросы.

Таблица 3. Травмы черепа в мужской выборке булан-кобинской культуры

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смертельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Айрыдаш-1	0/12	2/27	6/31	8/31	7/31	11/31
Белый Бом-2	2/6	2/9	0/10	2/10	1/10	3/10
Бийке	...	...	0/1	0/1	0/1	0/1
Боочи	0/2	0/2	1/3	1/3	1/3	2/3
Бош-Туу-1	5/29	6/33	8/32	12/32	1/32	12/32
Булан-Кобы-4	5/17	5/16	3/16	6/16	0/16	6/16
Верх-Еланда-2	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Верх-Уймон	0/2	1/2	0/6	1/6	2/6	2/6
Дялян	0/1	0/1	0/3	0/3	0/3	0/3
Кара-Бом-11	0/2	0/2	1/2	1/2	0/2	1/2
Карбан-1	0/2	0/4	1/6	1/6	1/6	2/6
Курайка	0/5	0/6	1/6	1/6	2/6	3/6
Кызыл-Джар-1	...	0/1	1/1	1/1	0/1	1/1
Сальдяр-2	0/1	1/1	0/2	1/2	0/2	1/2
Степушка-1, -2	2/13	3/23	3/26	6/26	6/26	10/26
Тыткескень-6	...	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Улита	0/4	0/7	1/12	1/12	1/12	2/12
Усть-Балыктыюль	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Усть-Эдиган	2/10	2/12	3/13	4/13	2/13	5/13
Ябоган-3	1/3	1/4	0/4	1/4	0/4	1/4
Яломан-2, запад. гр.	0/2	0/2	1/3	1/3	0/3	1/3
Яломан-2, центр. гр.	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2
II в. до н.э. – начало III в.н.э.	7/43 (16,3 %)	9/52 (17,3 %)	13/55 (23,6 %)	18/55 (32,7 %)	4/55 (7,3 %)	20/55 (36,4 %)
Вторая половина III – V в. н.э.	9/63 (14,3 %)	13/90 (14,4 %)	14/113 (12,4 %)	25/113 (22,1 %)	19/113 (16,8 %)	37/113 (32,7 %)
Суммарно	17/115 (14,8 %)	23/157 (14,6 %)	30/182 (16,5 %)	48/182 (26,4 %)	24/182 (13,2 %)	63/182 (34,6 %)

Примечание. Первая цифра – количество травмированных черепов, вторая – число наблюдений.

дерные различия высокосignимы на статистическом уровне ($p = 0,000$). Повреждения лицевого скелета, включающие переломы носовых, верхнечелюстной и скуловой костей, надбровья и надпереносья, костей орбиты, а также нижней челюсти отмечены у 14,6 % мужчин и 6,1 % женщин (рис. 4). Наиболее распространенными среди них являются травмы носа, которые у мужчин встречаются достоверно чаще, чем у женщин (14,8 против 4,5 %, $p = 0,047$). Переломы других лицевых костей нередко сопутствуют травме носа (5 из 13).

Повреждения свода черепа, представленные в основном небольшими вдавленными переломами округлой или овальной формы, в мужской выборке булан-кобинской культуры встречаются с не меньшей частотой, чем травмы лицевого скелета (см. рис. 2, 1–3, 6), однако для женщин они не характерны. Гендерные различия по этому показателю статистически высокосignимы ($p = 0,000$). Хотя размеры вдавленных

переломов у мужчин значительно варьируют (от 20 до 1 980 мм²), площадь дефектов на теменных костях в среднем больше, чем на лобных (149,9 против 284,8 мм²). В нескольких случаях помимо вдавленных переломов свода черепа были отмечены линейные (Айрыдаш-1, кург. 124, Степушка-1, кург. 15, погр. 1, Усть-Эдиган, погр. 3, 3а).

Зажившие травмы чаще локализируются в передней половине черепа: у мужчин 46 против 18 ($p = 0,018$), у женщин 7 против 1 ($p = 0,282$). В распределении дефектов с правой и левой стороны различий не обнаружено (27 : 26). Некоторые черепа имеют по две-три зажившие травмы, которые могли возникнуть в результате одного эпизода насилия. Однако у восьми мужчин, преимущественно молодых, особенности локализации, различия в размерах и форме прижизненных повреждений скорее свидетельствуют об их появлении в разное время. Еще на девяти мужских черепках заживший перелом сочетается с травмой, сопут-

Таблица 4. Травмы черепа в женской выборке булан-кобинской культуры*

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смер- тельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Айрыдаш-1	0/14	0/21	0/22	0/22	2/22	2/22
Белый Бом-2	0/5	0/8	0/8	0/8	1/8	1/8
Бош-Туу-1	1/11	2/11	0/11	2/11	0/11	2/11
Булан-Кобы-4	1/10	2/11	1/11	3/11	1/11	4/11
Верх-Уймон	...	...	0/4	0/4	0/4	0/4
Дялян	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Кара-Бом-11	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Карбан-1	1/2	1/3	0/3	1/3	0/3	1/3
Курайка	0/3	0/4	1/5	1/5	0/5	1/5
Степушка-1, -2	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4
Улита	0/2	0/5	0/7	0/7	0/7	0/7
Усть-Балыктыюль	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Усть-Эдиган	0/10	0/9	0/14	0/14	2/14	2/14
Ябоган-3	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Яломан-2, запад. гр.	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2
II в. до н.э. – начало III в. н.э.	2/25 (8,0 %)	3/25 (12,0 %)	0/30 (0,0 %)	3/30 (10,0 %)	2/30 (6,7 %)	5/30 (16,7 %)
Вторая половина III – V в. н.э.	1/40 (2,5 %)	2/55 (3,6 %)	2/63 (3,2 %)	4/63 (6,3 %)	4/63 (6,3 %)	8/63 (12,7 %)
Суммарно	3/67 (4,5 %)	5/82 (6,1 %)	2/95 (2,1 %)	7/95 (7,4 %)	6/95 (6,3 %)	13/95 (13,7 %)

*См. примеч. к табл. 3.

Рис. 4. Примеры заживших травм лицевого скелета на булан-кобинских черепах.

1 – перелом носовых костей и левого скулового отростка лобной кости у молодого мужчины, Булан-Кобы-4, кург. 1, погр. 2; 2 – перелом правой верхнечелюстной и скуловой кости у женщины зрелого возраста, Булан-Кобы-4, кург. 2, погр. 3.

ствующей смерти. Суммирование вероятных случаев повторного травматизма приводит к заключению, что 27,0 % мужчин, имевших травмы головы, участвовали в столкновениях неоднократно.

Существенных межгрупповых различий в распространении прижизненных травм черепа у носителей булан-кобинской культуры не наблюдается. Однако в позднесаяньбийско-жужанский период по сравнению с хунно-раннесаяньбийским уровень нелетального насилия у мужчин несколько снижается ($p = 0,075$). По меркам мирового масштаба частота заживших травм черепа в мужской и женской булан-кобинских выборках средняя, у мужчин в хунно-раннесаяньбийский период высокая (см. рис. 3).

Обсуждение результатов

Во всех исследованных выборках частота прижизненных травм черепа у мужчин выше, чем у женщин, что является универсальной тенденцией для разных регионов и эпох [Knüsel, Smith, 2014]. В целом для алтайских скотоводов характерен средний уровень нелетального травматизма, хотя по этому показателю в скифский период выявляются существенные локально-территориальные различия, а в гунно-сарматский – хронологические (рис. 5). Более высокая частота прижизненных травм черепа в южной половине пазырыкского ареала объясняется, по-видимому, дисбалансом между плотностью населения (количеством

скота) и ограниченными природными ресурсами в высокогорных районах Юго-Восточного и Южного Алтая, что могло приводить к конфликтам из-за пастбищ. Кроме того, здесь наблюдается высокая частота смертельных травм черепа у мужчин (см. табл. 1). Аналогичная ситуация отмечалась также на южной окраине пазырыкского ареала в западной части современной Монголии [Jordana et al., 2009].

В гунно-сарматское время пик нелетального травматизма приходится на ранний период булан-кобинской культуры, а летального – на поздний. В Центральном Алтае высокая частота заживших травм черепа у мужчин в хунно-раннесяньбийский период может быть связана с притоком пришлого населения, который регистрируется по археологическим данным [Тишкин, 2007, с. 177–179; Серегин, Матренин, 2016, с. 144–147, 158–163; и др.]. Усиление же в регионе военной активности в позднесяньбийско-жужанское время скорее было вызвано изменением политической обстановки в Центральной Азии – развалом империи сяньби и обострением междоусобной борьбы за власть [Тур, Матренин, Соенов, 2018].

По локализации травм в скелетных выборках нередко прослеживается нацеленность ударов либо на лицо, либо на свод черепа [Walker, 1989, 1997; Lessa, Mendonça de Souza, 2006; Baustian et al., 2012; Cohen et al., 2014; Monge, Selinsky, 2016, p. 151; и др.], что согласуется с этнографическими и клиническими данными об этнокультурной специфике межличностного насилия [Walker, 1989, 1997; Brickley, Smith, 2006]. У алтайских скотоводов главной мишенью при нанесении ударов было лицо противника, только у «булан-кобинских» мужчин свод черепа поражался не реже, чем лицевая часть.

Локализация заживших травм в передней или задней половине черепа, с правой или левой стороны может служить потенциальным индикатором взаимного расположения участников конфликта. На мужских черепках носителей пазырыкской и булан-кобинской культур большинство прижизненных повреждений локализуется на лицевых и лобной костях, что предполагает столкновения по типу «лицом к лицу». Незначительное доминирование левосторонней локализации травм в результате ударов, нанесенных преимущественно правой рукой, прослеживается только в скифское время. Размеры и форма вдавленных переломов свода черепа различные, однако обширные и глубокие среди них встречаются редко. Меньшие размеры дефектов на лобной кости по сравнению с теменными объясняются большей прочностью первой [DeGroot, 1975].

В мужских выборках алтайских скотоводов отмечается «травматический рецидивизм». Этот термин, заимствованный из клинической практики, в биоархеологии используется для обозначения любого по-

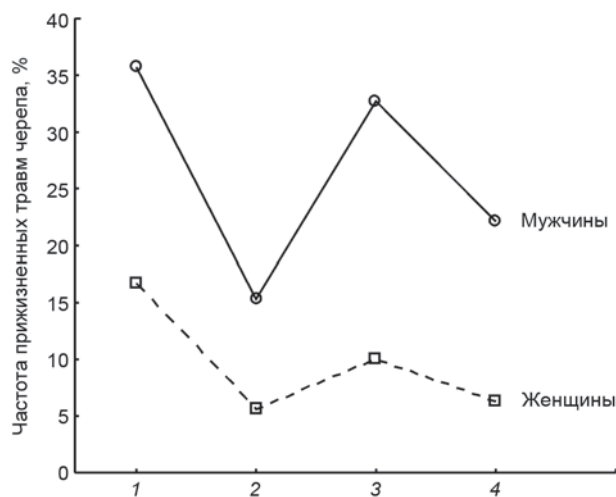

Рис. 5. Территориальная и хронологическая вариабельность прижизненных травм черепа в мужской и женской части алтайских скотоводов.

1–4 – см. рис. 3.

вторного травмирования [Harrod et al., 2017]. Хотя в скелетных выборках не всегда удастся определить последовательность возникновения двух и более заживших травм, которые могут быть как разновременными, так и синхронными, связанными с одним эпизодом насилия, наличие на черепе травм прижизненных и сопутствующих смерти является надежным индикатором «травматического рецидивизма». С учетом отмеченных вероятных случаев повторного травматизма можно заключить, что уровень «травматического рецидивизма» в гунно-сарматское время по сравнению со скифским был выше (27,0 против 9,8 %). Повторные травмы головы могут свидетельствовать либо о систематическом характере межличностных конфликтов, либо о зависимом положении индивидов. Однако последнее не находит поддержки в археологическом контексте пазырыкской и булан-кобинской культур. Кроме того, «травматический рецидивизм» может быть обусловлен специализацией в занятиях мужской части населения.

Преобладание прижизненных травм черепа по сравнению с присмертными в мужских выборках алтайских скотоводов может объясняться тем, что использование силы в решении межличностных конфликтов было преимущественно направлено не на убийство, а на ранение противника. Одним из источников нелетального травматизма у мужчин в традиционных обществах является т.н. контролируемое насилие – ритуализованные поединки или коллективные сражения, которые имели универсальный характер и встречались у разных народов [Chagnon, 1988, p. 986; Walker, 1989, p. 319–320; Abbink, 1998, p. 280–281; Горбунов, 1999, с. 4–218; Herdt, 2006, p. 33–36; Lessa, Mendonça de Souza, 2006, p. 136; и др.].

Такая борьба служила для повышения индивидуального престижа, решения внутри- и межгрупповых конфликтов. Иногда она носила церемониальный характер. Борьба проводилась публично и по определенным правилам, ограничивающим риск смертельного исхода. Для ударов часто использовалось тупое оружие (орудия). Серьезные травмы были нередки, однако убийство противника наказывалось.

Кроме того, в обществах со скотоводческим хозяйством был широко распространен коллективный угон скота. Захват чужого стада обычно предпринимался теми, кто потерял свое в результате неблагоприятных природных условий, а также в качестве наказания за совершенное преступление или компенсации за нанесенный ущерб. В случае насильственных действий при таких операциях летальное оружие старались не применять из-за опасений кровной мести [Першиц, 1994, с. 168–169, 191–192].

В женских выборках пазырыкской и булан-кобинской культур травмы локализируются преимущественно на лице. Женщины со следами побоев были похоронены в полном соответствии с нормами погребального обряда, что свидетельствует об их полноправном статусе. В современном индустриальном обществе травмы лица у женщин репродуктивного возраста являются индикатором домашнего насилия [Greene et al., 1999; Novak, 2006; Allen, Novak, Bench, 2007]. Удар по лицу кулаком очень болезненный и часто приводит к обильному кровотечению, что может иметь не только стратегическое, но и символическое значение [Walker, 1997, p. 160]. Согласно клиническим данным, у большинства женщин, пострадавших от рукоприкладства мужа, травмируются только мягкие ткани, переломы лицевых костей наблюдаются лишь в 7–9 % случаев [Fonseka, 1974, p. 400; Novak, 2006, p. 242]. Однако этнографические исследования показывают, что частота и локализация травм черепа у жертв домашнего насилия могут существенно варьировать в разных культурах. Так, у скотоводов туркана Кении 50 % женщин, подвергавшихся домашнему насилию, имели травмы головы обычно в виде мелких вдавленных переломов от ударов «подручными» средствами – камнем, предметами бытовой утвари или пастушеским посохом [Harrod, Liénard, Martin, 2012].

Семейное насилие имеет глубокие исторические корни. В патрилинейных и патрилокальных обществах физическое наказание женщины мужем или его родственниками являлось социально санкционированным и рассматривалось как средство контроля за ее поведением [Dobash R.E., Dobash R., 1979, p. 31–47]. Уровень семейного насилия зависит от многих факторов, в т.ч. от общего уровня насилия в обществе. Последнее, по-видимому, можно отнести и к обществу алтайских скотоводов скифского и гунно-сарматского времени (рис. 5).

Выводы

Прижизненные травмы лицевого скелета и свода черепа во многих случаях характеризуют уровень межличностного насилия, направленного преимущественно не на убийство, а на ранение противника. По меркам мирового масштаба для алтайских скотоводов в целом характерна средняя частота заживших травм черепа, однако в скифский период по этому показателю существовали значительные локально-территориальные различия, а в гунно-сарматский – хронологические. В южной половине пазырыкского ареала и в хунно-раннесаянбийский период булан-кобинской культуры уровень прижизненного травматизма черепа был высоким. Во всех исследованных выборках мужчины чаще становились жертвами нелетального насилия, чем женщины. В гунно-сарматское время по сравнению со скифским у мужчин участились случаи «травматического рецидивизма». Главной мишенью при нанесении ударов в межличностных конфликтах было лицо противника, только в столкновениях «булан-кобинских» мужчин удары по голове были менее избирательными. Зажившие травмы лица у женщин являлись, по-видимому, результатом семейного насилия.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00254).

Список литературы

- Горбунов Б.В.** Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских: историко-этнографическое исследование. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 379 с.
- Першиц А.И.** Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. – М.: ИЭА РАН, 1994. – Т. 2, ч. 3. – С. 129–247.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.** Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 272 с.
- Тишкин А.А.** Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 356 с.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И.** Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 132–139.
- Abbink J.** Ritual and Political Forms of Violent Practice among the Suri of Southern Ethiopia // Cahiers d'Études africaines. – 1998. – Vol. 38, N 150–152. – P. 271–295.
- Allen T., Novak S.A., Bench L.L.** Patterns of Injuries: Accident or Abuse // Violence Against Women. – 2007. – Vol. 13, N 8. – P. 802–816.

Baustian K.M., Harrod R.P., Osterholtz A.J., Martin D.L. Battered and abused: Analysis of trauma at Grasshopper Pueblo (AD 1275–1400) // *Intern. J. of Paleopathol.* – 2012. – Vol. 2, iss. 2/3. – P. 102–111.

Brickley M., Smith M. Culturally Determined Patterns of Violence: Biological Anthropological Investigations at a Historic Urban Cemetery // *Am. Anthropologist.* – 2006. – Vol. 108, N 1. – P. 63–177.

Chagnon N.A. Life histories, blood revenge, and warfare in a tribal population // *Science.* – 1988. – Vol. 239. – P. 985–992.

Cohen H., Sarie I., Medlej B., Bocquentin F., Toledano T., Hershkovitz I., Slon V. Trauma to the Skull: A Historical Perspective from the Southern Levant (4300 BCE – 1917 CE) // *Intern. J. of Osteoarchaeol.* – 2014. – Vol. 24, N 6. – P. 722–736.

DeGroot M.P. Skull Fractures // *Injuries of the Brain and Skull.* – N. Y.: American Elsevier, 1975. – Pt. I. – P. 387–402.

Dobash R.E., Dobash R. Violence against Wives: A Case against the Patriarchy. – N. Y.: Free Press, 1979. – 339 p.

Ember C.R., Ember M. War, Socialization, and Interpersonal Violence: A Cross-Cultural Study // *J. of Conflict Resolution.* – 1994. – Vol. 38, N 4. – P. 620–646.

Fonseka S. A Study of Wife-beating in the Camberwell Area // *British J. of Clinical Practice.* – 1974. – Vol. 28, iss. 12. – P. 400–402.

Greene D., Maas C.S., Carvalho G., Raven R. Epidemiology of Facial Injury in Female Blunt Assault Trauma Cases // *Archives of Facial Plastic Surgery.* – 1999. – Vol. 1, N 4. – P. 288–291.

Harrod R.P., Liénard P., Martin D.L. Deciphering Violence in Past Societies: Ethnography and the Interpretation of Archaeological Populations // *The Bioarchaeology of Violence.* – Gainesville: Univ. Press of Florida, 2012. – Ch. 3. – P. 63–80.

Harrod R.P., Willett A.Y., Kincaid M.A., Woods A.R. Injury and Re-injury among the Ancestral Pueblo and Fremont // *Broken Bones, Broken Bodies: Bioarchaeological and Forensic Approaches for Accumulative Trauma and Violence* / eds. C.E. Tegtmeier, D.L. Martin. – Lanham: Lexington Books, 2017. – Ch. 4. – P. 61–79.

Herd G. The Sambia: Ritual, Sexuality, and Change in Papua New Guinea. – Belmont: Wadsworth, 2006. – 178 p.

Hussain K., Wijetunge D., Grubnic S., Jackson I. A comprehensive analysis of craniofacial trauma // *J. of Trauma.* – 1994. – Vol. 36, iss. 1. – P. 34–47.

Jordana X., Galtés I., Turbat T., Batsukh D., García C., Isidro A., Giscard P.-H., Malgosa A. The warriors of the

steppes: osteological evidence of warfare and violence from Pazyryk tumuli in the Mongolian Altai // *J. Archaeol. Sci.* – 2009. – Vol. 36, iss. 7. – P. 1319–1327.

Knüsel C., Smith M.J. The Osteology of Conflict: What does it all mean? // *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict.* – L.; N. Y.: Taylor & Francis Group, 2014. – P. 656–694.

Lessa A., Mendonça de Souza S.M.F. Broken Noses for the Gods: Ritual Battles in the Atacama Desert during the Tiwanaku Period // *Memórias do Instituto Oswaldo Cruz.* – 2006. – Vol. 101, suppl. II. – P. 133–138.

Martin D.L., Harrod R.P. Bioarchaeological Contributions to the Study of Violence // *Am. J. Phys. Anthropol.* – 2015. – Vol. 156. – P. 116–145.

Maxeiner H., Ehrlich E. Site, Number and Depth of Wound on the Scalp in Falls and Blows – a contribution to the validity of the so-called hat brim rule // *Archiv für Kriminologie.* – 2000. – Vol. 205, N 3/4. – P. 82–91.

Monge J., Selinsky P. Patterns of violence against women in the Iron Age Town of Hasanlu, Solduz Valley, Iran // *Women in Antiquity: Real Women across the Ancient World.* – L.; N. Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2016. – Ch. 10. – P. 138–155.

Novak S.A. Beneath the Façade: A Skeletal Model of Domestic Violence // *Social Archaeology of Funerary Remains* / eds. R. Gowland, C. Knüsel. – Oxford: Alden Press, 2006. – Ch. 16. – P. 238–252.

Shepherd J.P., Shapland M., Pearce N.X., Scully C. Pattern, severity and aetiology of injuries in victims of assault // *J. of the Royal Society of Medicine.* – 1990. – Vol. 83, iss. 2. – P. 75–78.

Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains / eds. J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker. – Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. – 218 p. – (Arkansas Archeological Survey Research Ser.; N 44).

Walker P. Cranial Injuries as Evidence of Violence in Prehistoric Southern California // *Am. J. Phys. Anthropol.* – 1989. – Vol. 80. – P. 313–323.

Walker P.L. Wife Beating, Boxing, and Broken Noses: Skeletal Evidence for the Cultural Patterning of Violence // *Troubled Times: Violence and Warfare in the Past.* – Amsterdam: Gordon and Breach, 1997. – Ch. 6. – P. 145–175.

*Материал поступил в редколлегию 06.12.17 г.,
в окончательном варианте – 14.03.18 г.*

АНРТ – Академия наук Республики Татарстан
 АРГО – Архив Русского географического общества
 БГИКЗ – Бахчисарайский историко-культурный заповедник
 ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского
 ВСМЗ – Владимиро-Суздальский музей-заповедник
 ВУА – Военно-ученый архив
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИКМЗ УР – Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики
 ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
 КемГУ – Кемеровский государственный университет
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
 МАЭ РАН (АН СССР) – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (АН СССР)
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НАН РА – Национальная академия наук Республики Армении
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
 РА – Российская археология
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
 СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 СЭ – Советская этнография
 УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 CEIPHAR – Centro Europeu de Investigação da Pré-História do Alto Ribatejo

- Баллард К.** – профессор Университета Французской Полинезии, Французская Полинезия. Université de la Polynésie française, Punaauia, BP 6570, 98702 Faa'a, Tahiti, Polynésie française; доцент Австралийского национального университета, Австралия. Australian National University, Sir Roland Wilson Building, 120 McCoy Circuit, Canberra, ACT 2601, Australia. E-mail: chris.ballard@anu.edu.au; <https://orcid.org/0000-0002-8455-6908>
- Борисов А.В.** – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, Пушкино, Московская обл., 142290, Россия. E-mail: a.v.borisovv@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5031-7477>
- Бурнаков А.А.** – научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия. E-mail: artas_burnakov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6874-0804>
- Бурнаков В.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: venariy@ngs.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>
- Васильков Я.В.** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: yavass011@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5508-5900>
- Воробьева Н.Г.** – начальник отдела камеральной обработки данных ООО «Финко», ул. 10 лет Октября, 24-62, Ижевск, 426011, Россия. E-mail: ngvorob@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4609-8969>
- Вукосавлевич Н.** – доцент Загребского университета, Хорватия. University of Zagreb, Ivana Lučića 3, Zagreb, 10000, Croatia. E-mail: nvukosav@ffzg.hr; <https://orcid.org/0000-0002-9369-2813>
- Говор Е.В.** – доктор наук, научный сотрудник Австралийского национального университета, Австралия. Australian National University, Sir Roland Wilson Building, 120 McCoy Circuit, Canberra, ACT 2601, Australia. E-mail: elena.govor@anu.edu.au; <https://orcid.org/0000-0003-0271-3824>
- Гусев А.В.** – старший научный сотрудник Научного центра изучения Арктики, ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия. E-mail: gusev_av2004@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1812-4741>
- Журбин И.В.** – доктор исторических наук, кандидат технических наук, заведующий лабораторией Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия. E-mail: zhurbini@udm.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7715-0459>
- Зеленцова О.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7458-7874>
- Зинчук С.В.** – студент Пушкинского государственного естественно-научного института, пр. Науки, 3, Пушкино, Московская обл., 142290, Россия. E-mail: semenbigbang@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4594-7447>
- Зоткина Л.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; старший преподаватель Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lidiazotkina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>
- Иванова М.Г.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия. E-mail: margrig45@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2222-3849>
- Исерлис М.** – постдокторант Германского археологического института, Германия. German Archaeological Institute, Berlin. Im Dol 2-6, Haus II, 14195 Berlin, Germany. E-mail: mark.iserlis@dainst.de; <https://orcid.org/0000-0003-0746-8215>
- Караванич И.** – доктор наук, профессор Загребского университета, Хорватия. University of Zagreb, Ivana Lučića 3, Zagreb, 10000, Croatia; профессор Вайомингского университета, США. University of Wyoming, 12th and Lewis Streets, Laramie, WY 82071, USA. E-mail: ikaravan@ffzg.hr; <https://orcid.org/0000-0003-1452-8394>
- Князева Л.Ф.** – главный специалист Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия. E-mail: lary@udm.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1328-7808>
- Кореневский С.Н.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: Skorenevskiy@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4550-1143>

- Кузвас Н.** – научный сотрудник Национального музея Филиппин, Филиппины. National Museum of the Philippines, Padre Burgos Avenue, Rizal Park, Manila, 1000, Philippines. E-mail: cuevas@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0002-4638-1860>
- Мальцева О.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olymals@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3694-7434>
- Милич В.Н.** – кандидат технических наук, заведующий отделом Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия. E-mail: mili@ftiudm.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6038-6668>
- Модин Р.Н.** – младший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: modin.roman@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6357-2511>
- Назмутдинова А.И.** – кандидат технических наук, научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия. E-mail: aigulik0@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8618-5285>
- Патрушева А.Е.** – студентка Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: annaraft@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7117-5033>
- Пачкалов А.В.** – кандидат исторических наук, доцент, директор Музея финансов Финансового университета при Правительстве РФ, Ленинградский пр., 49, Москва, 125468, Россия. E-mail: zolornum@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6316-3224>
- Петров Р.П.** – ведущий математик Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Т. Барамзиной, 34, Ижевск, 426067, Россия. E-mail: lssm@ftiudm.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3310-2452>
- Плеханов А.В.** – старший научный сотрудник Научного центра изучения Арктики, ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия. E-mail: andrei_plehanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7334-6684>
- Подосенова Ю.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Ленина, 13А, Пермь, 614990, Россия. E-mail: podosenka@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7230-1572>
- Рассадников А.Ю.** – младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ул. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия. E-mail: ralu87@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3772-303X>
- Рогожинский А.Е.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан. Қазақстан Республикасы білім және ғылым министрлігі Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты Достық данғылы, 44, Алматы, 500010, Қазақстан. E-mail: alexeygo@hotmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6756-7691>
- Табарев А.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olmec@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6249-8057>
- Татауров С.Ф.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета – Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия. E-mail: tatsf2008@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6824-7294>
- Тур С.С.** – кандидат исторических наук, заведующая кабинетом антропологии Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: tursvetlana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0616-6525>
- Туторский А.В.** – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия. E-mail: tutorski@hist.msu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4651-4667>
- Черемисин Д.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: topsya@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1184-4044>
- Чёрная М.П.** – доктор исторических наук, директор Института археологии, этнографии и физической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета, заведующая кафедрой Национального исследовательского Томского государственного университета, заведующая лабораторией Национального исследовательского Томского государственного университета – Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия. E-mail: mariakreml@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2885-0229>